

Александр Широкоград

АДМИРАЛЫ И КОРСАРЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

Annotation

Царствование Екатерины Великой справедливо считается звездным часом флота российского. Дерзновенный план императрицы «запалить османов с четырех концов» был реализован графом Орловым. Турецкий флот взлетел на воздух в Чесменском сражении. Но выигранное сражение – лишь предпосылка к успеху. Установить же контроль над Восточным Средиземноморьем Орлову помогли десятки греческих пиратских судов, поднявших Андреевский флаг. Почти пять лет в Эгейском море существовало пиратское государство, или русская губерния – называйте как хотите. Жители десятков греческих островов присягнули Екатерине II. В островной губернии была своя столица, армия, флот, Адмиралтейство и даже русско-греческие гимназии.

Русским адмиралам и матросам, греческим корсарам и казакам-запорожцам, вернувшим империи Русское море, посвящена эта книга.

- [Александр Широкоград](#)
 -
 - [Раздел I. Русско-турецкая война 1768–1774 гг.](#)
 - [Глава 1. Начало...](#)
 - [Глава 2. Корона для Стася](#)
 - [Глава 3. Султан Мустафа объявляет джихад](#)
 - [Глава 4. Русская дипломатия в 1764–1769 гг.](#)
 - [Глава 5. «Подпалить османов с четырех концов»](#)
 - [Глава 6. Россия поднимает паруса](#)
 - [Глава 7. Десант в Спарту](#)
 - [Глава 8. Чесменское сражение](#)
 - [Глава 9. Роковая ошибка графа Орлова](#)
 - [Глава 10. Как деревня Ауза стала столицей русской губернии](#)
 - [Глава 11. Флибустьеры белого моря](#)
 - [Глава 12. Кампания 1771 г.](#)
 - [Глава 13. Кампания 1772 г.](#)
 - [Глава 14. Кампания 1773 г.](#)
 - [Глава 15. Кампания 1774 г.](#)
 - [Глава 16. Действия Азовской флотилии](#)
 - [Раздел II. Между войнами](#)
 - [Глава 1. Новая Россия на берегах Черного моря](#)

- [Глава 2. Политика «Вооруженного нейтралитета»](#)
- [Глава 3. Греческий проект](#)
- [Раздел III. Русско-шведская война 1788–1790 гг.](#)
 - [Глава 1. Корабельные и гребные флоты к началу войны](#)
 - [Глава 2. Гогландское сражение](#)
 - [Глава 3. Действия копенгагенской эскадры](#)
 - [Глава 4. Эландское сражение](#)
 - [Глава 5. Первое Роченсальмское сражение](#)
 - [Глава 6. Ревельское и Фридрихсгамское сражения](#)
 - [Глава 7. Красносельское и Выборгское сражения](#)
 - [Глава 8. Второе Роченсальмское сражение](#)
 - [Глава 9. Верельский мирный договор](#)
- [Раздел IV. Русско-турецкая война 1787–1791 гг.](#)
 - [Глава 1. Боевые действия в Лимане](#)
 - [Глава 2. «Бог бьет, а не турки»](#)
 - [Глава 3. Приключения корсаров и запорожцев](#)
 - [Глава 4. Первые баталии Севастопольской эскадры](#)
 - [Глава 5. Кампания 1789 г. На Черном море](#)
 - [Глава 6. Сражение у Тендры](#)
 - [Глава 7. Боевые действия на Дунае](#)
 - [Глава 8. Кампания 1791 г.](#)
 - [Глава 9. «Крейсеры» идут на абордаж](#)
 - [Глава 10. Корсарские эскадры в Средиземном море](#)
 - [Глава 11. Трагедия и триумф Корсара](#)
 - [Глава 12. Смерть Екатерины и конец «Греческого проекта»](#)
 - [Глава 13. Грешный Григорий и святой Федор](#)
- [Заключение](#)
- [Приложение 1. Корабли и суда Балтийского флота, действовавшие в Архипелаге в 1769–1775 гг.](#)
 - [Корабли](#)
 - [Фрегаты](#)
 - [Бомбардирские корабли](#)
 - [Пинки](#)
 - [Пакетботы](#)
 - [Эскспедиционное судно](#)
- [Приложение 2. Корабли и суда Черноморского флота, участвовавшие в войнах 1768–1774 гг. И 1787–1791 гг.](#)
 - [Корабли](#)
- [Список использованной литературы](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
 - [210](#)
 - [211](#)
 - [212](#)
 - [213](#)
 - [214](#)
 - [215](#)
 - [216](#)
-

Александр Широкоград

Адмиралы и корсары Екатерины Великой

© Широкоград А.Б., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

**Раздел I. Русско-турецкая война 1768–
1774 гг.**

Глава 1. Начало...

6 июля 1762 г., полдень. К Зимнему дворцу прискакал гонец на взмыленной лошади. Нарушая все правила этикета, во внутренние покои императрицы ворвался рослый красавец вахмистр конной гвардии Григорий Потемкин. Тяжело дыша и запинаясь, он произнес: «Из Ропши от Орлова, Вашему Величеству...» Екатерина молча разорвала пакет и прочла: «Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором [Барятинским]. Не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил. Прогревали тебя и погубили души навек».

Наконец-то Екатерина избавилась от ненавистного мужа, который и в заточении был самым опасным ее конкурентом.

На следующий день, 7 июля, был опубликован манифест. В нем сообщалось, что «бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в престоковую колику». Далее в манифесте говорилось, что больному было отправлено все необходимое для лечения и выздоровления, «но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался».

Теперь дело оставалось за русской «Железной маской» – безымянным узником Шлиссельбургской крепости. И вот 5 июля 1764 г. подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Минович поднимает по тревоге 45 солдат своего полка и ведет их на штурм рavelина, где томился Иван Антонович (1740–1764, годы правления 1740–1741). Тюремщики «Железной маски» капитаны Власьев и Чекин закололи шпагами арестанта. Минович, увидев труп бывшего императора, добровольно сложил оружие.

Такова официальная версия «шлиссельбургской нелепы», как называла этот инцидент Екатерина. Подпоручик, причем не гвардеец, в одиночку попытался устроить государственный переворот. Правда, Минович на

допросе назвал еще одного соучастника – поручика Великолуцкого пехотного полка Аполлона Ушакова. Но сей Аполлон, как назло, утонул 25 мая 1764 г. при переправе через реку. И бравый подпоручик решил свергнуть Екатерину один.

Следствие по делу Мировича вел чрезвычайный суд, составленный из членов Сената и Синода, к которым были присоединены ряд высших сановников империи. Некоторые члены суда требовали пытать Мировича, особенно на этом настаивало духовенство. Но доверенное лицо императрицы генерал-прокурор князь А. А. Вяземский категорически запретил это делать.

С точки зрения здравого смысла могло быть два варианта: или Мирович страдал психическим заболеванием, или он лишь исполнитель воли влиятельных заговорщиков. Но Екатерина поспешила спрятать концы в воду. Столь важный суд не стал допытываться о сообщниках, а самому подпоручику 15 сентября 1764 г. отрубили голову на Обжорном рынке в Петербурге. Обратим внимание: на следствие и суд ушло всего 7 недель, что весьма странно для тогдашнего отечественного суда, да еще при столь важном государственном преступлении. Власьев и Чекин, получившие по 7 тысяч рублей вознаграждения, были отставлены от службы с сохранением жалованья и дали подписку под страхом смерти молчать «об известном событии» и не показываться в столицах.

Теперь остался один конкурент – сын. Но ему было всего 10 лет, то есть 6 лет оставалось в запасе.

Сразу же после переворота императрица начала награждать своих сторонников. Так, Григорий Орлов был произведен в камергеры, его брат Алексей стал генерал-майором, а младший брат Федор – капитаном Семеновского полка. Каждый из братьев получил по 800 душ крепостных. Лакей Теплов получил 20 тыс. рублей; князь Федор Барятинский – 24 тыс. рублей и чин камер-юнкера; гетман Кирилл Разумовский, Никита Иванович Панин и князь Михаил Никитич Волконский получили пожизненные пенсии по 5 тыс. рублей в год. Среди награжденных были еще десятки офицеров, чиновников и даже купцов.

Екатерина поспешила вернуть двоих опальных прежнего царствования – бывшего канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина и бывшего генерал-прокурора князя Якова Петровича Шаховского.

Награждение участников переворота и возвращение прежних опальных сановников – дело житейское для русского двора: так, к примеру, поступила в 1741 г. и Елизавета Петровна. Но в отличие от нее при Екатерине за переворотом не последовало репрессий. Не только на эшафот,

даже в Сибирь никто не отправился.

После смерти Петра III были немедленно освобождены из-под ареста несколько близких ему людей: граф Гудович, Мельгунов и др. Мало того, любимец Петра III Михаил Илларионович Воронцов был оставлен Екатериной в должности канцлера.

Фельдмаршал Миних, давший несколько дельных советов Петру III, как бороться с деятельностью Екатерины, был назначен ею генерал-директором над портами Балтийский и Нарва, над Ладожским каналом и над Волховскими порогами. Миних был не только опытным полководцем, но и талантливейшим инженером и организатором, и с честью выполнил все возложенные на него функции.

Награждая друзей и милуя врагов, Екатерина первой из русских властителей устроила хитрую и сложную систему управления, которую в самом конце XX века назовут системой сдержек и противовесов.

Но все это были меры временные, а чтобы обосноваться на престоле всерьез и надолго, Екатерине нужна была национальная идея.

Глава 2. Корона для Стася

Екатерина прекрасно осознавала шаткость своего положения на троне. Фраза «к власти можно прийти на штыках, но сидеть на штыках нельзя» будет произнесена Первым консулом лишь спустя 37 лет, но Екатерина думала именно так. Не будучи легитимным монархом, на престоле можно удержаться, лишь захватив страну какой-либо идеей, ведя войны и внутренние реформы. Споры нет, Екатерина провела реформ в России больше, чем любой из царей, за исключением Петра Великого. Но реформы – дело длительное, а в России они часто буксуют или вообще дают эффект, противоположный задуманному. Так что Екатерине срочно была нужна «победоносная война», но, увы, страна к войне готова не была.

Однако Екатерине не пришлось долго ломать голову над этой проблемой. События в Речи Посполитой бросили вызов ей и всей Российской империи. Был бы на ее месте даже Петр III, и ему все равно пришлось бы воевать, поскольку затрагивались жизненные интересы страны.

К великому сожалению, среди нашей интеллигенции, увы, плохо разбирающейся в отечественной истории, бытует мнение, что де Екатерина вела агрессивную политику по отношению к Польше, что привело к трем ее разделам и окончательной гибели Речи Посполитой.

Польские и западноевропейские историки уже два с половиной века с удовольствием ищут виноватых в разделе Речи Посполитой. В числе «злодеев» оказались Богдан Хмельницкий, монархи Пруссии, Австрии, России и другие, вплоть до... Молотова и Риббентропа. Когда так много виноватых, поневоле задумаешься и о жертве.

На самом деле деградация Польского государства началась еще в XV веке, а в XVII веке Речь Посполитую можно считать государством с очень большой натяжкой. Сильный пан мог отнять у более слабого соседа землю, хлопков, любимую женщину и при этом он плевать хотел на королевскую власть. Говоря современным языком, паны жили не по законам, а «по понятиям».

Крупные магнаты прекрасно знали французский язык и литературу, их жены и дочери одевались по последней парижской моде, но это не мешало «его светлости» по своей прихоти устроить виновному или невинному человеку квалифицированную казнь, от которой содрогнулись бы и отцы-инквизиторы, и Малюта Скуратов. Замечу, что в России в царствование

Елизаветы Петровны не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора.

В Речи Посполитой королевская власть была выборной, а не передавалась по наследству, как в других монархиях. Формально короля выбирал польский сейм, но постепенно на выбор его все больше и больше стали влиять соседние державы. Вот, к примеру, в 1696 г. умер польский король Ян III Собеский, и в следующем 1697 г. польский сейм избрал королем 27-летнего саксонского курфюрста Фридриха Августа I (Альбертинская линия династии Веттинов). Его соперниками были французский принц Людовик Конти (двоюродный брат французского короля Людовика XIV) и Яков Собеский (сын умершего короля Яна Собеского). Однако поддержка России, Австрии и папы римского помогла Фридриху Августу I стать польским королем Августом II. При этом новый король остался и саксонским курфюрстом.

В начале Северной войны шведский король Карл XII овладел всей Курляндией и северной Польшей. 14 мая 1702 г. Карл XII вошел в Варшаву, а король Август II бежал в Краков. Вскоре Карл посадил на польский престол познаньского воеводу Станислава Лещинского. Шведы заставили Августа II в 1706 г. отречься от польского престола. За это Карл XII позволил ему остаться саксонским курфюрстом, что для Августа было куда важнее.

Полтавское сражение резко изменило ситуацию, и Август вновь объявил себя королем Польши. Два года в Польше опять было два короля, но в 1711 г. Станислав Лещинский отказался от короны и бежал во Францию, где в 1725 г. стал зятем Людовика XV.

В январе 1733 г. король Август II приехал на сейм в Варшаву, где и скончался 1 (11) февраля. С помощью Франции Станислав Лещинский вновь попытался овладеть польской короной, но в Польшу были введены русские войска, и 25 декабря 1734 г. в Кракове состоялась коронация Августа III, сына Августа II. Станислав Лещинский уехал из Кенигсберга во Францию и больше не возвращался в Польшу.

Значение королевской власти при Августе II и Августе III еще больше упало. И отцу, и сыну куда милей была тихая Саксония, чем буйные паны. Оттуда и «правили» Речью Посполитой оба короля.

Роль сеймов в управлении страной тоже была невелика. Во-первых, не было сильной исполнительной власти, способной реализовывать решения сеймов. Во-вторых, принцип единогласия при принятии решений – *liberum veto* – приводил к блокированию большинства предложений и прекращению деятельности сеймов. Так, с 1652 по 1764 г. из 55 сеймов

было сорвано 48, причем одна треть из них – голосом всего одного депутата. Финансовое положение королевства хорошо характеризует факт прекращения в 1688 г. чеканки польской монеты.

Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов.

Панский гнет и религиозные преследования приводили к восстаниям на Украине.

В начале XVII века резко ослабла военная мощь Польши по сравнению с Россией и германскими государствами. Существенно возросла эффективность ружейного и артиллерийского огня, коренным образом изменив тактику боя. Решающую роль в сражении стала играть пехота, оснащенная ружьями со штыками, и полевая артиллерия. Польская конница, несмотря на отличную индивидуальную подготовку каждого кавалериста, его храбрость и лихость, оказалась не способной противодействовать регулярным войскам Пруссии и России.

Политическая и военная слабость Речи Посполитой привела к тому, что ее территория в XVIII веке стала буквально «проходным двором» для армий соседних государств. Я уж не говорю, что в течение двадцати лет Северной войны на территории Польши действовали армии России и Швеции. В ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. русские, турецкие и татарские войска воевали в южных районах Речи Посполитой, а в ходе Семилетней войны с 1757 по 1761 г. русские и прусские войска действовали в северной Польше. В промежутках же между войнами крымские татары регулярно проходили по территории южной Польши и зачастую оттуда переходили на русскую территорию.

Надо ли говорить, что не только в XVIII веке, но и в XXI веке ни одно государство не захочет терпеть такого соседа и будет пытаться как-то изменить ситуацию.

Помимо вышесказанного у России накопилось и много мелких претензий к Речи Посполитой. Так, к примеру, в 1753 г. по результатам рекогносцировки местности, проведенной инженер-полковником де Боскетом, выяснилось, что вопреки Вечному миру 1686 г. 988 квадратных верст российских земель незаконно оставались в польском владении, в том числе территории, приписанные к Стародубскому, Черниговскому и Киевскому украинским полкам. Вследствие непрерывных междоусобных споров русско-польская граница была укреплена только от «Смоленской губернии до Киева», на всем же остальном протяжении она оставалась практически открытой. Пользуясь этим, поляки самовольно населили

десять городов Правобережной Украины, признанных по договору 1686 г. спорными и поэтому не подлежащими заселению.

Кстати, польский сейм до 1764 г. отказывался ратифицировать Вечный мир 1686 г. Речь Посполитая была последней из европейских стран, не признававшей за Россией императорского титула.

Серьезной проблемой, омрачавшей отношения между обоими государствами, было бегство сотен тысяч русских людей из России в пределы Речи Посполитой. Так, только в районах западнее Смоленска находилось около 120 тысяч (считались только мужчины) беглых русских крестьян. В Польшу бежали и тысячи дезертиров из русской армии.

Некоторые читатели могут попытаться поймать автора на противоречии: только что он писал о панском гнете, а сейчас – о массовом бегстве крестьян в Речь Посполитую. На самом деле тут нет никакого противоречия. Во-первых, я никогда не говорил, что русские помещики – ангелы (вспомним ту же Салтычиху). А во-вторых, польские магнаты дифференцированно относились к своим старым хлопам и к беглым москалям. Был ли смысл богатому пану отправлять пахать беглых русских драгун? Куда выгоднее зачислить их в свою частную армию. Были и случаи, когда паны выдавали своих дочерей за беглых москалей и делали им «липовые» дворянские грамоты. В приграничных с Россией землях поселились тысячи разбойников, совершавшие рейды через кордон, а потом делившиеся награбленным с панями. «Из тех беглых людей воры, которым поляки у себя пристани дают, собираясь партиями, приходят из-за границы в Россию и делают разбой, грабительства и смертные убийства, а потом обратно за границу уходят и с разграбленными пожитками дорываются тамо»^[1].

Оценивая в целом политику русских правителей на Западе, можно выделить две основные тенденции. Начиная с Ивана III, и до Бориса Годунова господствовала тенденция объединения под властью Москвы всех русских земель, входивших в состав Киевского государства. Смута 1603–1618 гг. прервала этот процесс. Царь Михаил решил вернуть лишь земли, отнятые поляками во время Смуты, и то потерпел позорное поражение под Смоленском. Царь Алексей Михайлович очень долго заставлял себя просить вмешаться в малороссийские дела.

А вот Петр I забыл о русских землях в Речи Посполитой. В ходе Северной войны Польша находилась в таком плачевном состоянии, что для возвращения Правобережной Украины не потребовалось бы ни одного русского солдата, дело бы за несколько недель сделали казаки Левобережной Украины.

Петра обуяла мечта «ногою твердой встать»... в Германии. Ради этого он покровительствовал немецким баронам в Эстляндии^[2]. Ради этого он организовал серию династических браков с правителями германских государств. Замечу, что все последующие цари, кроме Александра III, женились на немках.

Анну Иоанновну и Елизавету Петровну тоже германские дела занимали куда больше, чем дела Малой и Белой Руси. Не зря же Елизавета зимой 1758 г. приказала привести в русское подданство население Восточной Пруссии.

И лишь Екатерина II (1729–1796, годы правления 1762–1796) поняла бесперспективность русского вмешательства в германские дела и обратила свои взоры к Польше. Екатерина отказалась за своего сына Павла от наследственных прав в Голштинии. Мудрая царица, будучи этнической немкой, постепенно стала очищать государственный аппарат от засилья немцев, заменяя их русскими, в крайнем случае, англичанами, французами и представителями иных наций. Ни один из многочисленных германских родственников Екатерины не получил ответственной должности в России. Среди нескольких десятков любовников Екатерины нет ни одного немца. Когда говорят о возбуждении национальной розни, то следует различать вражду ко всем представителям конкретной нации без разбора и вражду к национальной мафии, захватившей наиболее важные посты в государстве и ущемляющей интересы коренного населения. Анна Иоанновна была на сто процентов русской, но она поддерживала немецкую мафию, зато за спиной немки Екатерины в Петербурге не было немецкой мафии, равно как и у корсиканца Наполеона не было в Париже корсиканской мафии^[3], а у грузина Джугашвили не было грузинской мафии.

Удел великих людей – правильно оценивать национальный вопрос. Джугашвили понял, что такое Грузия и что такое Россия, и в 33 года сменил грузинский псевдоним Коба на русский – Сталин. Наполине Буона Парте в 22 года понял разницу между Корсикой и Францией и стал Наполеоном Бонапартом. Ангальт-Цербстская принцесса Фике в 15 лет осознала разницу между ее княжеством и Россией.

Но вернемся к ситуации в Польше. В конце 1750-х гг. король Август III стал хворать, и польские магнаты загодя начали думать о его преемнике. Естественно, что сам король мечтал передать свой трон сыну – курфюрсту Саксонскому, так сказать, сохранить традицию. Во главе саксонской партии были премьер-министр Бриль и его зять великий маршал коронный граф Мнишек, а также могущественный клан магнатов Потоцких.

Против них выступал клан князей Чарторьских^[4]. Этот многочисленный клан в Польше стали называть Фамилией еще в 20–30-х гг. XVIII века. Чарторьские, по польской версии, происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской – от другого сына Ольгерда черниговского князя Константина. Прозвище свое они получили от имени Чарторьск на реке Стырь на Волыни. Первые пять поколений Чарторьских были православными, но князь Юрий Иванович, по одним данным, в 1622 г., а по другим – в 1638 г., перешел в католичество.

Чарторьские предлагали осуществить ряд реформ в Польше, причем главной из них должен был стать переход всей полноты власти к Фамилии. Они утверждали, что новым королем должен быть только Пяст. Утверждение это было сплошной демагогией. Законные потомки королевской династии Пястов вымерли несколько столетий назад, а те же члены Фамилии никакого отношения к Пястам не имели. Однако в Петербурге делали вид, что не разбираются в польской генеалогии, и называли Пястом любого лояльного к России магната. Между прочим, и матушка Екатерина II по женской линии происходила от Пястов. Ее дальний предок германский князь Бернхард III был женат на Юдите, дочери краковского князя Мешко III Старого, умершего в 1202 г.

К Чарторьским примкнул и Станислав Понятовский (1676–1762) – воевода Мазовецкий и каштелян Краковский.

Стась Понятовский, как и подавляющее большинство польских магнатов, не имел ни моральных принципов, ни политических убеждений, а действовал исключительно по соображениям собственной выгоды. Ради корысти он в начале века примкнул к королю Лещинскому и даже участвовал в Полтавском сражении, естественно, на стороне шведов. Затем Понятовский бежал вместе со шведским королем в Турцию, где они оба подстрекали султана к войне с Россией. Убедившись, что дело Лещинского проиграно, Понятовский поехал мириться с королем Августом II.

Последующей удачной карьере хорошо способствовала женитьба Станислава Понятовского на дочери Казимира Чарторьского – литовского подканцлера и каштеляна Виленского. Сразу после смерти короля Августа II Стась попытался было пролезть в короли. По сему поводу русский посол в Варшаве Левенвольде отписал в Петербург: «...избрание королем Станислава Понятовского опаснее для России, чем избрание Лещинского».

Вскоре Понятовский сообразил, что королем ему не бывать, но удержаться от активной политической игры не смог, да и в придачу «поставил не на ту лошадь». В итоге Понятовский оказался в осажденном

русскими Данциге вместе со своим давним приятелем Лещинским.

После утверждения Августа III на престоле Станислав Понятовский примкнул к «русской партии», возглавляемой Фамилией. В 1732 г. у Станислава Понятовского родился сын, также названный Станиславом. Станислав Младший, будучи наполовину Понятовским, а наполовину Чарторыским, быстро делал карьеру и еще подростком получил чин «литовского стольника».

Большую часть времени Станислав Младший проводил не в Польше, а в столице Саксонии Дрездене при дворе короля Августа III. Там юный плейбой приглянулся сэру Генбюри Вильямсу – английскому послу при саксонском дворе. В 1755 г. Вильямса назначают английским послом в Петербурге, и он берет с собой двадцатитрехлетнего Станислава.

Вот как польский историк Казимир Валишевский характеризует новую звезду, появившуюся на петербургском небосклоне: «У него было приятное лицо... он был *gentilhomme* в полном смысле этого слова, как его понимали в то время: образование его было разностороннее, привычки утонченные, воспитание космополитическое, с тонким налетом философии... Он олицетворял собой ту умственную культуру и светский лоск, к которым она [Екатерина II. – А.Ш.] одно время пристрастилась, благодаря чтению Вольтера и мадам де Севинье. Он путешествовал и принадлежал в Париже к высокому обществу, блеском и очарованием своим импонировавшему всей Европе, как и королевский престиж, на который еще никто не посягал в то время. Он как бы принес с собой непосредственную струю этой атмосферы и обладал как качествами, так и недостатками ее. Он умел вести искристый разговор о самых отвлеченных материях и искусно подойти к самым щекотливым темам. Он мастерски писал записочки и умел ловко вернуть мадригал в банальный разговор. Он обладал искусством вовремя умилиться. Он был чувствителен. Он выставлял напоказ романтическое направление мыслей, при случае придавая ему героическую и смелую окраску и скрывая под цветами сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизм, даже неисчерпаемый запас цинизма»^[5].

Зная характер Елизаветы Петровны, Генбюри Вильямс не пропускал ни одного бала и ни одного маскарада. Однако все его попытки получить какое-либо влияние на императрицу были бесплодны. Как писал тот же Валишевский: «Его искательство перед Елизаветой было ей, по-видимому, очень приятно, но политически оказалось совершенно бесплодным. Когда он пытался стать на твердую почву переговоров, государыня уклонилась. Он тщетно искал императрицу, но находил лишь очаровательную танцовщицу минуэта, а иногда и вакханку. Через несколько месяцев он

пришел к убеждению, то с Елизаветой нельзя говорить серьезно, и стал оглядываться кругом. Разочаровавшись в настоящем, он подумал о будущем. Будущее – это молодой двор.

Но опять-таки он наткнулся на фигуру будущего императора и, обладая ясным взглядом людей своей расы, с первого же раза решил, что он и тут лишь потеряет время. Его взоры остановились наконец на Екатерине... Вильямс подметил знаменательные шаги в сторону великой княгини, подземные ходы, приводившие к ней. Он быстро решился. Осведомленный придворными слухами о любовных приключениях, в которых фигурировали красавец Салтыков и красавец Чернышев, сам довольно предприимчивый, Вильямс попытался было пойти по этим романическим следам.

Екатерина приняла его очень любезно, говорил с ним обо всем, даже о серьезных предметах, которые Елизавета отказывалась обсуждать, но она смотрела в другую сторону»^[6]. И тут-то Вильямс вспомнил о Понятовском.

Супруга наследника престола Екатерина была почти на три года старше Понятовского и уже родила сына Павла (согласно наиболее распространенной версии, от Сергея Салтыкова). И она первая проявила инициативу в отношениях со Стасем. Причем великой княгине удалось, как говорится, и рыбку съесть, и на... колени к Понятовскому сесть. А вот «рыбку» поставлял сэр Генбюри Вильямс. Общая стоимость всех «рыбок» неизвестна. Сохранились лишь две расписки, подписанные великой княгиней на общую сумму в 50 тысяч рублей, помеченные 21 июля и 11 ноября 1756 г. И заем 21 июля был, очевидно, не первый, так как, испрашивая его, Екатерина писала банкиру Вильямса: «Мне тяжело опять обращаться к вам».

Позже Понятовский напишет о предмете своей любви: «...она недавно лишь оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, рот, как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорей высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятные тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее ни своим содержанием, ни требуемым ими физическим трудом».

Надо полагать, что в антрактах между «шаловливыми играми» Стась и Като не переходили к игре в «крестики-нолики» или «морской бой».

Таблица цифр – это цифровые коды, и цесаревна, как видим, совмещала функции Штирлица и Кэт, то есть сама собирала информацию и сама шифровала.

Сложные политические интриги заставили Вильямса в октябре 1757 г. покинуть Петербург, но Понятовский остался, и в Петербурге, и в постели цесаревны. Вскоре любовник потерял всякое чувство меры. В июле 1758 г. Понятовский стал посещать по ночам Екатерину в Ораниенбаумском дворце, несмотря на то, что в соседних покоях находился ее муж. Речь, разумеется, идет не о дворце Петра III, который тогда еще строился, а о старом Большом дворце, построенном еще А. Д. Меншиковым. Великий князь Петр Федорович в то время был всецело поглощен страстью к Елизавете Воронцовой и был безразличен к делам Екатерины. Однако он был слишком озабочен собственной безопасностью и приказал расставить вокруг дворца конный караул.

Рано утром Понятовский при выходе из дворца был схвачен конным пикетом и доставлен к наследнику престола. Понятовский был переодет и отказался назвать себя. Петр Федорович подумал, что на него готовилось покушение, и решил допросить с пристрастием незнакомца. В конце концов Станиславу пришлось во всем признаться. Если верить позднейшим «Запискам» Понятовского, Петр расхохотался и сказал: «Не безумец ли ты, что ты до сих пор не доверился мне!» Он, смеясь, объяснил, что и не думает ревновать; меры предусмотрительности, принимаемые вокруг ораниенбаумского дворца, были лишь в видах обеспечения безопасности его особы. Тут Понятовский вспомнил, что он дипломат, и стал рассыпаться в комплиментах по адресу военных диспозиций его высочества, искусство которых он испытал на своей же шкуре. Хорошее настроение великого князя усилилось. «А теперь, – сказал он, – если мы друзья, здесь не хватает еще кого-то». «С этими словами, – рассказывает Понятовский в своих “Записках”, – он идет в комнату своей жены, вытаскивает ее из постели, не дает ей времени одеть чулки и ботинки, позволяет только накинуть капот (*robe de Batavia*), без юбки, в этом виде приводит ее к нам и говорит ей, указывая на меня: “Вот он; надеюсь, что теперь мною довольны”».

Веселая компания пропьянствовала до 4 часов утра. «Пирушка возобновилась на следующий день, и в течение нескольких недель это изумительное супружество вчетвером было бесконечно счастливо»^[7].

Понятовский писал в своих «Записках»: «Я часто бывал в Ораниенбауме, я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице, ведшей в комнату великой княгини; там были великий князь и его

любовница; мы ужинали вместе, затем великий князь уводил свою любовницу и говорил нам: “Теперь, дети мои, я вам больше не нужен”. – Я оставался, сколько хотел».

Однако вскоре разговоры об этих забавах поползли по столице. Елизавета сама была «шалуньей» и смотрела сквозь пальцы на проказы Екатерины, но это было слишком. Французский посол в Петербурге маркиз де Лопиталь начал открыто издеваться над Понятовским. Естественно, дело кончилось высылкой Стася из России.

После отъезда фаворита Екатерина вступила с ним в любовную переписку, хотя постель ее не пустовала.

Получив известие о перевороте в Петербурге, Понятовский засобирался к любимой. Но уже 2 июля 1762 г. Екатерина II пишет ему: «Убедительно прошу вас не спешить приездом сюда, потому что ваше пребывание при настоящих обстоятельствах было бы опасно для вас и очень вредно для меня».

Ровно через месяц Екатерина отправляет второе письмо: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем, по кончине настоящего [короля] и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтоб [королем] был князь Адам^[8]. Все умы еще в брожении. Я вас прошу воздержаться от поездки сюда, из страха усилить его».

Наконец 27 апреля 1763 г. откровенность императрицы доходит до предела, и она пишет Понятовскому: «Итак, раз нужно говорить вполне откровенно и раз вы решили не понимать того, что я повторяю вам уже шесть месяцев, это то, что если вы явитесь сюда, вы рискуете, что убьют обоих нас».

Власть Екатерины действительно очень непрочна. Она боится и ревности Орловых, а еще больше – негативной реакции русского дворянства, не желающего видеть поляка, да и вообще иностранца, ни временщиком типа Бирона, ни тем более русским царем.

Тем временем Фамилия в Польше перешла в наступление, даже не дождавшись смерти короля Августа III. Была развернута широкая кампания против злоупотреблений «саксонских» министров и чиновников. Придворная партия в ответ пригрозила Чарторыским арестом. Узнав об этом, Екатерина 1 апреля 1763 г. послала приказание своему послу при польском дворе Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвезти в Кёнигштейн кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления,

которые наносит им король Польский».

В то же время Екатерина требовала от Кейзерлинга, чтобы он сдерживал рьяность партии Чарторьских. Так, 4 июля она писала: «Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацию; но я не вижу, к чему приведет конфедерация при жизни короля Польского? Говорю вам сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тех пор, пока я не приведу в порядок финансов, чего в одну минуту сделать нельзя; моя армия не может выступить в поход в этом году; и потому я вам рекомендую сдерживать наших друзей, а главное, чтобы они не вооружались, не спростясь со мною; я не хочу быть увлечена далее того, сколько требует польза моих дел».

Французское правительство во времена Людовика XV смотрело на Польшу чуть ли не как на свою провинцию и считало своим долгом постоянно вмешиваться в ее дела. Однако сейчас французские дипломаты оказались в замешательстве и не знали, что им делать. Дело дошло до того, что «секретный» посланник Людовика XV Энненом несколько раз тайно встречался в Варшаве со Станиславом Понятовским. Энненом предложил Станиславу сделку: в случае, если на конвокационном^[9] сейме получит перевес кандидат от Чарторьских, то «французская партия» поддержит его, если же перевес получит французский кандидат, то Чарторьские обязывались сделать то же самое.

1 февраля 1763 г. в Петербург поступили сведения об ухудшении здоровья Августа III. Через два дня по указанию царицы был созван совет с участием канцлера М. И. Воронцова, вице-канцлера А. М. Голицына, Н. И. Панина, А. П. Бестужева-Рюмина и М. Н. Волконского. Престарелый граф Бестужев-Рюмин попытался агитировать за сына Августа III Карла, но большинство членов совета, а главное, сама Екатерина, были за избрание в короли Пяста. Совет постановил сосредоточить тридцать тысяч солдат на границе с Речью Посполитой, а еще пятьдесят тысяч держать наготове.

5 октября 1763 г. наконец-то умер король Август III. «Не смейтесь мне, что я со стула вскочила, как получила известие о смерти короля Польского; король Прусский из-за стола вскочил, как услышал», – писала Екатерина Панину.

Гетман Браницкий привел в боевую готовность коронное (польское) войско, к которому присоединились саксонские отряды. В ответ Чарторьские обратились прямо к императрице с просьбой прислать им на помощь две тысячи человек конницы и два полка пехоты.

К тому времени в Польше имелись лишь небольшие отряды русских (полторы-две тысячи человек), охранявшие магазины (склады), оставшиеся

после Семилетней войны. Эти силы было решено собрать и двинуть к резиденции коронного гетмана в Белостоке. Русский посол в Польше князь Н. В. Репнин писал графу Н. И. Панину: «Правда, что этого войска мало, но для Польши довольно; я уверен, что пять или шесть тысяч поляков не только не могут осилить отряд Хомутова, но и подумать о том не осмелятся».

В начале апреля 1763 г. в Польшу были введены новые части. Первая колонна под командованием князя М. Н. Волконского двигалась через Минск, а вторая, под командованием князя М. И. Дашкова (мужа знаменитой Екатерины Дашковой), шла через Гродно.

В конце апреля 1763 г. в Варшаву на конвокационный сейм начали съезжаться сенаторы, депутаты и паны. Так, князь Карл Радзивилл^[10], воевода виленский, привел с собой трехтысячную частную армию. Привели частную армию и Чарторьские, недалеко от нее расположились и русские войска (в Уязове и на Солце).

Сейм открылся 26 апреля (7 мая) 1763 г. Варшава в этот день представляла собой город, занятый двумя враждебными войсками, готовыми к бою. Партия Чарторьских явилась на сейм, но их противников не было: они с раннего утра совещались у гетмана и наконец подписали протест против нарушения народного права появлением русских войск. Хотели сорвать сейм – не удалось, требовали составить немедленно тут же в Варшаве конфедерацию, но Браницкий струсил. Он заявил, что не чувствует себя в безопасности в Варшаве, и выступил из города, чтобы составить конфедерацию в более удобном месте, но время тратилось без толку, а между тем следом за гетманом шел русский отряд Дашкова, перешедший из Литвы в Польшу. В 30 верстах от Варшавы произошла стычка между отрядом Дашкова и гетманским арьергардом.

31 марта (11 апреля) 1764 г. в Петербурге были подписаны русско-прусский оборонительный трактат и секретная конвенция относительно Польши. В соответствии с третьим артикулом трактата Пруссия обязывалась выплачивать России ежегодные субсидии в 400 тысяч рублей в случае ее войны с Турцией или Крымом. Екатерина и Фридрих договорились избрать королем Станислава Понятовского, что и было зафиксировано в конвенции. Стороны договорились сохранять «вплоть до применения оружия» действующие «конституцию и фундаментальные законы» Польши, совместно выступили за возвращение диссидентам «привилегий, вольностей и преимуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских».

Замыслом Екатерины и Фридриха способствовала и смерть 6 декабря

1763 г. сына короля Августа III Карла Августа. Младшему же сыну покойного короля Фридриху Августу исполнилось только 13 лет, и избрание королем его было маловероятно. Главным противником Станислава Понятовского мог стать только гетман Браницкий.

В июне 1764 г. закончился конвокационный сейм. На нем была создана польская генеральная конфедерация, которая соединилась с литовской. Маршалком коронной конфедерации избрали князя Чарторыского, воеводу русского. Сейм постановил при королевских выборах не допускать иностранных кандидатов, выбран мог быть только польский шляхтич по отцу и матери, исповедующий римско-католическую веру.

Чарторыские достигали своей цели русскими деньгами и русскими войсками, а в благодарность за это сейм признал императорский титул русской государыни. В акт конфедерации была внесена публичная благодарность русской императрице, и с выражением этой благодарности в Петербург должен был отправиться писарь коронный граф Ржевуский. А между тем русские войска должны были окончательно очистить Польшу от врагов Фамилии.

С 5 (16) по 15 (26) августа 1764 г. тихо прошел избирательный (элекционный) сейм. Граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

В сентябре Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторыский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Примасу Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Чтобы иметь повод для постоянного вмешательства в польские дела, Екатерина II и Фридрих II решили взять под защиту польских диссидентов. Через 200 лет этот прием используют США и страны Западной Европы для вмешательства во внутренние дела СССР. Но если в СССР шла речь о политических диссидентах, то в Польше имелись лишь религиозные диссиденты – православные и протестанты. Причем православными были белорусы и украинцы, и протестантами – в основном немцы.

В Польше гонения на православных и протестантов продолжались уже много веков. И в чем-то знаменательно, что в 1653 г. посол царя Алексея

Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям вперед в вере неволи не было, и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Васильевич Репнин предъявил те же требования, получил отказ, и следствием этого стал первый раздел Польши.

Для начала Репнин решил действовать в диссидентском вопросе чисто польским методом – создать диссидентскую конфедерацию. Но вскоре выяснилось, что православной шляхты в Речи Посполитой «кот наплакал» (увы, русские князья и дворяне Белой и Малой Руси в большинстве своем приняли католицизм еще в XVII веке). В результате православную конфедерацию, созданную 20 марта 1767 г. в Слуцке, возглавил кальвинист генерал-майор Я. Грабовский. В тот же день в Торне была создана протестантская конфедерация под руководством маршала Генриха фон Гольца.

23 сентября 1767 г. в Варшаве начался внеочередной сейм, который должен был хотя бы частично уравнивать в правах католиков и диссидентов. Репнину удалось склонить короля Станислава к позитивному решению вопроса. Русские войска, не покидавшие Польшу со времени избрания Станислава, были стянуты к Варшаве.

Тем не менее предложение Репнина о диссидентах натолкнулось в сейме на жесткую оппозицию. Наиболее рьяно выступали краковский епископ К. Солтык и шведский епископ Ю. Залусский, а также краковский воевода В. Ржевусский. Репнин решил вопрос весьма радикально: в ночь на 3 октября все трое упрямецев были арестованы русским полковником Игельстреном и отправлены в... Калугу. В имения других оппозиционеров были направлены русские отряды. В итоге 21 февраля 1768 г. сейм утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнивание в гражданских правах представителей всех конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т. д.

Недовольные паны собрались в начале 1768 г. в городке Баре в 60 верстах к западу от Винницы и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма о диссидентах. Во главе конфедерации стали подкормий Разанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Польские паны попытались пополнить ряды своих войск за счет

казаков Правобережной Украины. Однако в подавляющем большинстве казаки попросту разбежались. Борьба казаков против поляков не прекращалась со времен Богдана Хмельницкого, то разгораясь, то затихая. Повстанцев на Правобережной Украине называли гайдамаками (от турецкого слова «разбойник»). Восстания гайдамаков всегда приобретали наибольший размах во времена войн и смут в Речи Посполитой.

Весной 1768 г. барские конфедераты посадили на кол нескольких казаков в местечке Смилянщина. Среди казненных оказался и племянник матрининского игумена Мелхиседека – эконома переяславского архиерея. Разгневанный игумен решил отомстить, но вместо сабли взялся за перо и очень ловко подделал указ Екатерины II. Полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и т. д. В указе содержался призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов.

Этот указ Мелхиседек показал нескольким запорожским казакам, прибывшим на богомолье в Переяслав^[11]. Старший среди запорожцев Максим Железняк отвечал игумену, что с несколькими десятками запорожцев он не может начать этого дела. Тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и казаки будут за вас».

На следующее утро восемьдесят запорожцев во главе с Железняком форсировали Днепр и пошли гулять по Правобережью. Как писал С. М. Соловьев, они «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака – с надписью: “Лях, жид, собака – вера однак”»^[12].

Повсеместно украинские крестьяне, не дожидаясь гайдамаков, резали поляков и евреев, вооружались и шли к Умани. Железняк объявил себя воеводой киевским, а Гонга – брацлавским.

Независимо от гайдамаков войну с конфедератами вели и русские регулярные войска. Формально они выполняли просьбу польского сената, который 27 марта 1768 г. просил Екатерину II «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

Подполковник Ливен с одним батальоном пехоты занял Люблин, конфедераты бежали без боя. Полковник Бурман взял Гнезно. Главным начальником войск, действовавших против Барской конфедерации, был назначен генерал-майор М. Н. Кречетников. Вскоре он взял Бердичев,

генерал-майор Подгоричани разбил сильный отряд конфедератов, шедший на помощь Бердичеву, генерал-майор граф Петр Апраксин взял Бар штурмом, генерал-майор князь Прозоровский побил конфедератов у Брод.

Честно говоря, ратные подвиги не мешали нашим отцам-командирам грабить. Посол Репнин отправил в Петербург полковника Кара, чтобы тот рассказал «о мерзком поведении» Кречетникова. В письме Репнина говорилось: «Корыстолюбие и нажиток его так явны, что несколько обозов с награбленным в Россию, сказывают, отправил и еще готовыми имеет к отправлению. Все поляки и русские даже в его передней незатворенным ртом его вором называют».

Вот этому генералу Кречетникову императрица и поручила подавить бунт гайдамаков, поскольку конфедераты в панике бежали от казаков. Вечером 6 июня 1768 г. Кречетников пригласил к себе на ужин ни о чем не подозревавших Железняка, Гонту и других атаманов и тут же арестовал их. Русские солдаты напали на оставшихся гайдамаков и перехватили большинство из них.

Железняка как русского подданного «варвары московиты» отправили в Сибирь, а Гонту и 800 гайдамаков, родившихся на Правобережье, передали полякам. Просвещенные паны подвергли Гонту квалифицированной казни, которая длилась несколько дней. Там было и снятие кожи, и четвертование, и т. д., что представляет большой интерес для психиатров, занимающихся проблемами садизма, нежели для историков.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки – в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Все это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Инцидент в Балте послужил поводом для Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. С началом войны для защиты от вторжения турок со стороны Молдавии русское командование решило занять две южные польские

крепости – Замостье и Каменец-Подольский. Замостье находилось в частном владении у графа А. Замойского, который был женат на сестре короля. Поэтому Репнин частным образом обратился к брату короля оберкамергеру Понятовскому, не может ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тот не препятствовал русским войскам в занятии Замостья. Но король, вместо того чтобы ответить частным же образом, собрал министров и объявил им, что русские хотят занять Замостье. В результате Репнину была послана нота, что министерство его величества и республики постановило просить не занимать Замостья.

Репнин эту ноту не принял, заявив, что он не требовал ничего относительно этой крепости, а великому канцлеру коронному Млодзеевскому заметил, что русские войска призваны польским правительством для успокоения страны, так на каком же основании тогда они не получают тех же выгод, что и польские войска? Когда же Репнин попенял королю, зачем тот не сделал различия между поступком «конфедентной откровенности» и «министеральным», то Станислав-Август сказал прямо: «Не сделай я так, ведь вы бы заняли Замостье». Репнин ответил также прямо, что занятие Замостья необходимо для безопасности Варшавы в случае татарского набега и что таким поступком король не удержит его от занятия крепости: «Я ее займу, хотя бы и с огнем».

Многие знатные пань, не вошедшие в Барскую конфедерацию и формально лояльные королю и России, заняли выжидательную позицию по отношению к Русско-турецкой войне. Нравится кому или не нравится, но назовем кошку кошкой: польские вельможные пань уже 300 лет в отношениях с Россией надеются не на свои возможности, на «чужого дядю». В 1768 г. они надеялись на Людовика XV, султана и крымского хана, позже – на Людовика XVI, в 1812 г. – на Наполеона I, в 1863 г. – на Пальместрона и Наполеона III, в 1920 г. – на тетушку Антанту, в 1939 г. – на Англию и Францию, и, наконец, в 2005 г. – на НАТО.

В декабре 1768 г. в королевском Совете враждебные России голоса взяли верх: коронный маршал князь Любомирский и граф Замойский от своего имени и от имени Чарторыских предложили, что коронное войско, назначенное под командованием Браницкого действовать против конфедератов, необходимо немедленно распустить по квартирам. В противном случае русские используют его против турок, из чего султан может заключить, что Польша заодно с Россией против Турции.

Любомирский с товарищами решительно выступили против последнего сенатского Совета, на котором решено было просить у России

помощи против конфедератов. Браницкий был против роспуска коронного войска, говорил, что это вызовет недовольство в народе и возбудит подозрения у Екатерины II. Но Замойский продолжал настаивать на роспуске войска и требовал, чтобы отныне «не давать России явных отказов, но постоянно находить невозможности в исполнении ее требований, льстить, но ничего не делать. Королю нисколько не вмешиваться в настоящие волнения, нейти против нации, не вооружаться и против турок, но выжидать, какой оборот примут дела».

Король во время этих споров молчал и лишь в конце Совета согласился с мнением Браницкого.

Королевский Совет решил не распускать коронное войско. Позволено было требовать русской помощи и согласовывать свои действия с русскими войсками только в операциях против бунтующих крестьян и казаков, «но вместе с русскими нигде не быть, не показывать, что польское правительство заодно с русскими».

В июне 1769 г. в Стамбуле представители польских конфедератов и великий визир Мухаммед Эмин-паша заключили союзный договор о войне с Россией. Согласно ему Речь Посполитая после победы должна была передать Османской империи не только Подолию, отошедшую от турок в 1699 г., но и Киевское воеводство (!).

Глава 3. Султан Мустафа объявляет джихад

Екатерина всеми силами пыталась оттянуть войну с Османской империей, чтобы стабилизировать ситуацию с Польшей и закончить реорганизацию своей армии и флота. Императрица запретила своим дипломатам поднимать вопрос о русском судоходстве, торговом, разумеется, на Черном море. Дело в том, что по условиям Белградского мира 1739 г. Россия не имела права содержать ни военный, ни торговый флот на Черном и Азовском морях. Правда, Белградский мир предусматривал торговлю России в Турции на общих основаниях с купцами других стран и с выплатой обычных пошлин. Но доставка товаров морем допускалась только на турецких судах: «Что же касается до российской коммерции по Черному морю, и сия отправлена быть имеет на судах, турецким подданным подлежащих».

В то же время с начала 30-х гг. XVIII века происходила интенсивная колонизация южных земель, в том числе по берегам рек Орель и Северный Донец. К 1745 г. здесь поселили примерно 45 тысяч душ мужского пола, в том числе 10 тысяч запорожцев. В 1750-х гг. здесь начинают селить выходцев с Балканского полуострова, уже в 1751 г. появляется Новая Сербия, а в 1753 г. – Славяно-Сербия. А с 1764 г. Екатерина II начинает селить в этих местах немцев-колонистов.

Очень скоро встал вопрос не только о защите поселенцев от татарских нападений, но и о сбыте через Черное море продукции хозяйств. К южному морю проще было везти свою продукцию и помещикам Украины. В ответах на анкету «Вольного экономического общества» они писали, что нужен морской порт, «куда оной (хлеб) с прибылью отпускать, потому что в близости сих стран никакого порта нет».

Русские дворяне и купцы неоднократно предпринимали попытки перевозить свои товары на турецких судах. Однако фрахт турецких судов был дорог, сами суда ненадежны, да и турецкие власти в Стамбуле чинили различные препоны перевозкам русских товаров через Проливы. Таким образом, турецкие власти фактически ввели торговую блокаду России.

Характерен демарш турок против строительства крепости Св. Димитрия. Тут проблема была буквально «высосана из пальца». В 1730 г. на реке Дон вблизи впадения в него реки Васильевки была построена крепость, названная в честь Анны Иоанновны крепостью Св. Анны. Однако место было выбрано неудачно, слишком далеко

(примерно в 700 м) от Дона. Местность вокруг нее весной затоплялась, что сказывалось на здоровье гарнизона. Поэтому в конце 50-х г. XVIII века было принято решение крепость Св. Анны упразднить, а взамен рядом, у впадения реки Темерник в Дон, возвести новую крепость Св. Дмитрия Ростовского. И в 1761 г., то есть при Петре III, она была заложена. Кстати, сейчас на ее месте находится центр современного города Ростова-на-Дону.

И вот с началом польских событий турки потребовали разрушить крепость Св. Дмитрия Ростовского. В ответ Екатерина II отправляет своему послу Алексею Михайловичу Обрескову в Стамбул 70 тысяч рублей на подкуп турецких сановников^[13]. В конце концов Екатерина пошла на уступки и отдала приказ прекратить строительство крепости.

Но в польском вопросе Екатерина уступить не могла. Турки буквально осыпались золотым дождем. Дело дошло до того, что Обресков без санкции Петербурга пообещал великому визирю, что русские войска будут выведены из Речи Посполитой сразу «по окончании диссидентского дела», то есть покончив с Барской конфедерацией.

Посол в Варшаве Н. В. Репнин пришел в ужас от такого демарша. В письме к Панину он назвал заявление Обрескова «робкой уступчивостью»: выдавать подобные авансы можно, «только проигравши несколько сражений».

Тем не менее заявление Обрескова возымело свое действие. Рейс-эффенди^[14], получивший солидную взятку, заявил, что Порта помогать конфедератам не собирается и, будучи оставлены, те разбегутся, а российским войскам делать будет нечего.

А между тем великий визирь и султан буквально засыпались письмами от польских магнатов – киевского воеводы Потоцкого, епископа Солтыка, епископа Красинского и др. В письмах говорилось о притеснениях Польского королевства от русских войск. Католические епископы, не стесняясь, писали, что «после Бога Польша не имеет другой надежды получить помощь, как от Порты, на нее прямые сыны отечества возлагают все свое упование и надеются найти безопасное убежище в близости границ турецких. Покорнейше умоляют они Порту приказать крымскому хану и другим пограничным начальникам подать притесненным руку помощи»^[15].

Турция стала усиленно готовиться к войне. Так, султан Мустафа III (годы правления 1757–1774) приказал хотинскому паше увеличить гарнизон крепости до 10 тысяч человек.

Поводом для разрыва с Россией для турок стал инцидент в Балте. Ко времени налета гайдамаков местным правителем был некий Якуба, в свое время бывший осведомителем русского правительства. Но теперь его перекупил известный французский разведчик барон Тодт, который выполнял обязанности французского консула при дворе Гиреев. Именно Тодт составил депешу, которую Якуба отправил в Бахчисарай и Стамбул.

Но русская разведка не дремала и оперативно добыла письма и шифр Тодта к французскому министру иностранных дел Шуазелю. 11 августа 1768 г. граф Панин отправил из Петербурга в Константинополь Обрескову письмо: «Мы нашли способ не только получить копии с нескольких писем французского в Крыму эмиссара Тота к статскому секретарю дюку Шоазелю, но и разобрать еще шифры взаимной их корреспонденции; я прилагаю здесь одну с самой последней депеши, по содержанию которой уверитесь ваше превосходительство, что она есть подлинная».

Но было уже поздно. 14 сентября 1768 г. султан сменил рейсэффенди. 25 сентября Обресков был позван на аудиенцию к новому визирю. Приемная визиря была наполнена множеством людей разных чинов, и когда Обресков начал приветственную речь, визирь оборвал его словами: «Вот до чего ты довел дело!», и начал читать бумагу, дрожа от злости. В бумаге говорилось: «Польша долженствовала быть вольною державою, но она угнетена войском, жители ее сильно изнуряются и бесчеловечно умерщвляются. На Днестре потоплены барки, принадлежащие подданным Порты. Балта и Дубоссары разграблены, и в них множество турок побито. Киевский губернатор вместо удовлетворения гордо отвечал хану, что все сделано гайдамаками, тогда как подлинно известно, что все сделано русскими подданными. Ты уверил, что войска из Польши будут выведены, но они и теперь там. Ты заявил, что их в Польше не более 7000 и без артиллерии, а теперь их там больше 20 000 и с пушками. Поэтому ты, изменник, отвечай в двух словах: обязываешься ли, что все войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?»

Обресков ответил, что по окончании всех дел русские войска совершенно очистят Польшу, в чем он обязывается, и прусский посланник поручится. Визирь велел ему выйти в другую комнату. Через 2 часа к Обрескову вошел переводчик Порты и объявил: «Ты должен обязаться также, что русский двор отречется от гарантии всего постановленного на последнем сейме и от защиты диссидентов, оставит Польшу при совершенной ее вольности».

Обресков ответил, что об этом никогда и речи не было, и потому он не может знать мнение своего двора, но если Порте угодно, то пусть

предъявит свои требования в письменном виде, он отошлет их к своему двору и немедленно сообщит Порте ответ. Переводчик пошел к визирю и возвратился с объявлением, чтобы Обресков дал сейчас же требуемое обязательство, иначе будет война. Обресков ответил, что дать такое обязательство не в его власти. В ответ по приказу визиря посол и 11 человек его свиты были арестованы, под улюлюканье толпы проведены через весь Стамбул и заключены в Семибашенный замок (тюрьму Еди Куллэ). Это был турецкий способ объявления войны.

Протесты английского и прусского послов об освобождении Обрескова турки оставили без последствий. Однако вскоре Обресков через английского посла наладил зашифрованную переписку с Петербургом.

О реакции Екатерины на действия турок лучше всего говорит ее письмо в Москву графу П. С. Салтыкову: «Возвратясь первого числа ноября из Царского Села, где я имела оспу, во время которой запрещено было производить дела, нашла я здесь полученное известие о заарестовании моего резидента Обрескова в Цареграде, каковой поступок не иначе мог принят быть как объявление войны... На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала; не первый раз России побеждать врагов; опасных побеждала и не в таких обстоятельствах, как ныне находится».

В письме к послу в Англии графу И. Г. Чернышеву императрица выразилась еще более решительно: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились от большой тяжести, давящей воображение, когда развязались с мирным договором; надобно было тысячи задабриваний, сделок и пустых глупостей, чтобы не давать туркам кричать. Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у России, вы знаете, средства не маленькие».

Первым мероприятием Екатерины было формирование Государственного совета. 4 ноября 1768 г. состоялось первое заседание Совета в составе графа Кирилла Григорьевича Разумовского, генерал-аншефа князя Александра Михайловича Голицына, графа Никиты Ивановича Панина, графа Захара Григорьевича Чернышева, графа Петра Ивановича Панина, вице-канцлера князя Михаила Никитовича Волконского, графа Григория Григорьевича Орлова, князя Александра Алексеевича Вяземского.

Императрица начала заседание словами: «По причине поведения турок, о чем граф Н. И. Панин изъяснит, я принуждена иметь войну с Портой, но иначе вас собрала для требования от вас рассуждения к

формированию плана: 1) какой образ войны вести; 2) где быть сборному месту; 3) какие взять предосторожности в рассуждении прочих границ империи».

Когда императрица кончила, граф Панин стал читать изложение событий, приведших к войне: выходило, что Россия не упустила ни одного случая уничтожить все недоразумения мирным путем, что Порта – зачинщица войны. После Панина граф Чернышев прочел изложение войны России с Турцией при императрице Анне, в заключение он объявил, в каком состоянии находится теперь войско и в каких местах расположено.

На вопрос, какую вести войну, собрание единогласно объявило, что надо вести войну наступательную. Говорили, что надо бы предупредить неприятеля. Тут Орлов сделал неожиданное предложение: «Когда начинать войну, то надлежит иметь цель, на какой конец она приведена быть может, а ежели инако, то не лучше ли изыскать другой способ к избежанию». Панин был, видимо, смущен этим предложением своего противника, тем более что Орлов, как хорошо знали, заявлял мнения императрицы, а если и свои, то с ее согласия. Панин отвечал не на вопрос. «Желательно, – сказал он, – чтобы война могла кончиться скоро; к этому способ, собравши все силы, наступать на неприятеля и тем привести его в порабощение». Орлов заметил на это, что вдруг решительного дела сделать нельзя. «Надобно стараться, – отвечал Панин, – войско неприятельское изнурять и тем принудить, дабы оно такое же произвело действие в столице к миру, как оно требовало войны».

Положили разделить армию на три части: на корпус наступательный до 80 тысяч человек; оборонительный, или украинский, до 40 тысяч и обсервационный от 12 до 15 тысяч. В конце заседания Орлов предложил послать в виде вояжа в Средиземное море несколько судов и оттуда сделать диверсию неприятелю, но чтоб это было сделано с согласия английского двора. Это предложение было оставлено до будущего совещания.

На следующий день, 6 ноября, рассматривался вопрос о возможности вторжения турецких войск в Польшу на соединение с конфедератами, что было крайне важно в политическом и военном отношении. Для предотвращения этого было решено брать Хотин. В это заседание Екатерина уже сама предложила на обсуждение вопрос Орлова о цели войны в такой форме: «К какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезнее положить?» Отвечали, что при заключении мира необходимо выговорить свободу мореплавания на Черном море и для этого еще во время войны стараться об учреждении порта и крепости, а со стороны Польши установить такие границы,

которые бы никогда не нарушали спокойствие. На этом же заседании назначены были старшие генералы: для наступательного войска – князь Александр Михайлович Голицын, для оборонительного – граф Румянцев.

Начавшаяся война с Турцией вынудила Сенат объявить в 1768 г. еще один набор из расчета один человек на 300 душ со всех податных элементов и одновременно набор однодворцев для укомплектования ландмилицких полков. По последним двум наборам армия и флот получили 31 159 человек. Всего в 1768 г. было взято 50 747 человек, из них 3003 человека с однодворцев.

В 1769 г. Военная коллегия оказалась вынужденной увеличить заявку на комплектование войск в пехоту и кавалерию до 31 860 человек, в артиллерию – 5586 человек и на флот – 1136 человек. Указом 9 сентября 1769 г. норма призыва определялась в размере один человек на 150 душ, что давало общую численность рекрутов в 46 583 человека. Из этого числа в армию направлялось 45 084 человека (из них однодворцев 2001 человек) и на флот – 1499 человек. В годы войны число призываемых продолжало увеличиваться. Так, если в 1770 г. набор проводился из расчета один человек на 150 душ, что давало 49 583 человека, из них с однодворцев 3003 человека, то в 1771 г. был объявлен набор из расчета один человек на 100 душ и с однодворцев один человек со 121 души.

Объявляя войну России, султан и его окружение надеялись на ее быстрое окончание. Турецкое командование решило сосредоточить на границе с Польшей главную армию в 400 тысяч человек, к которой ожидалось присоединение армии польских конфедератов. Главный удар предполагалось нанести из района Хотина на Варшаву, а затем действовать двумя группами на Киев и Смоленск. Главной армии должны были содействовать 80-тысячная армия из Крыма, получившая задачу сковать русские войска, расположенные на Украине, и, наконец, отвлекающий удар предусматривалось нанести силами 50-тысячной армии через Северный Кавказ на Астрахань. В этих целях турецкое командование наметило высадить в районе Азова десант, который должен был действовать совместно с закубанскими татарами и горцами.

Турецкий план войны был достаточно обоснован. Турки могли поставить под ружье более солдат, чем любое государство Европы. Формально в случае войны каждый правоверный, способный носить оружие, должен был встать под знамена султана. Турецкий воин был храбр, вынослив, неприхотлив в походе. Большую часть турецкого войска составляло конное ополчение. Пехота в основном состояла из янычар. Турецкая пехота была хорошо подготовлена для возведения укреплений. За

короткий промежуток времени турки укрепляли лагерь, пехотные позиции, артиллерийские огневые позиции, отрывали окопы. Укрепившись, они неохотно покидали свою позицию, ограничиваясь контратаками.

Турецкая армия имела многочисленную артиллерию. Недостатком ее была большая разнотипность и разнокалиберность. Значительная часть полевых пушек не имела колесных лафетов, а была установлена на станках, стрелявших с грунта. Такие орудия перевозились на повозках или на вьюках. Причем артиллерия вьючилась не только на лошадей, но и на верблюдов.

Турция имела большой военный и транспортный флот и могла легко высадить десант в любой точке побережья Черного и Азовского морей. Турецкие армия и флот опирались на систему мощных крепостей на Днестре и Днепро-Бугском лимане. В Крыму турки имели крепости Керчь и Кафу (с 1783 г. Феодосия).

Несмотря на объявление войны, боевых действий в 1768 г. не было.

Кампанию 1769 г. начал крымский хан Крым-Гирей (годы правления 1768–1769). 15 января 70 тысяч всадников перешли русскую границу и двинулись по Елизаветградской провинции. Далее хан собирался идти в Польшу, где его ожидали конфедераты. Несколько польских ксензов служили проводниками татар. Орда, подошедшая к Елизаветграду (с 1924 г. – Кировоград), была встречена огнем крепостных орудий. Крым-Гирей не решился штурмовать крепость, а распустил орду на мелкие отряды. Татарские отряды рассеялись по русской и польской территории. Опустошив значительную часть территории и захватив много пленных (только под Елизаветградом увели свыше 1000 человек^[16]), татары отошли за Днестр. Сам же хан отправился к султану, взяв с собой несколько десятков наиболее красивых пленниц.

Татарский отряд, действовавший независимо от основных сил Крым-Гирея, направился на восток и опустошил окрестности Бахмута, захватив свыше 800 человек^[17].

Первая армия под началом князя А. М. Голицына 15 апреля 1769 г. форсировала Днестр и двинулась к турецкой крепости Хотин.

Так началась Первая русско-турецкая война царствования Екатерины Великой. Объем и тематика книги не позволяют рассказать о действиях сухопутных войск на Днестре, Дунае и в Крыму^[18]. Мы же перейдем к небывалому в истории событию – к походу русских эскадр в Средиземное море.

Глава 4. Русская дипломатия в 1764–1769 гг.

После ареста Обрескова французский дипломат Эннен, действовавший в Польше, писал: «Доверие Дивана не изменилось, и Вержени, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру, в войну, для которой подали повод польские дела, – выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел»^[19].

Кроме польской проблемы и давнего желания насолить России французское правительство руководствовалось и чисто материальными интересами. Ведь французские купцы играли ведущую роль в торговле с Портой. Так, только в 1783 г., по французским же данным, общий объем торговли всей Европы с Турцией составил 110 млн ливров, из которых 60 млн приходилось на Францию.

Французские купцы и дипломаты со времен Людовика XIV мечтали овладеть Египтом, находившимся в вассальной зависимости от Константинополя. По мнению Шуазеля и его окружения, Русско-турецкая война как раз и давала возможность Франции захватить Египет мирным путем. Война должна была истощить силы Турции и России, и турки в благодарность за помощь могли бы если не совсем передать Египет Людовику XV, то по крайней мере дать там большие привилегии французскому капиталу.

Приобрести Египет или сделать его финансово зависимым с 1763 г. стало и вопросом престижа Людовика XV. «В глазах версальского кабинета Египет был новым полем битвы против Англии; в случае занятия его нашими моряками или при организации прохождения через него наших караванов, Египет должен был компенсировать потерю Канады или, по крайней мере, открыть прямой путь в сорок восемь дней из Марселя в Бомбей», – писал Пэнго, биограф Шуазеля – Гуфье.

Франция имела большой и сильный флот. Она не только могла не пропустить русской эскадры на Средиземное море, но и направить свои корабли на Балтику и Черное море, что привело бы к непредсказуемым для России последствиям.

Однако в Петербурге помнили пословицу: «Враг моего врага – мой друг». Столь же хорошо помнила ее и Англия, которая уже много столетий была непримиримым врагом Франции. Только в XVIII веке между этими странами прошли три тяжелые войны: 1702–1714 гг., 1744–1748 гг. и 1756–

1763 г. Тем не менее эти войны не только не разрешили кардинальные противоречия между противниками, но и усугубили их. Назревала новая война, и она началась уже после окончания Русско-турецкой войны в 1778 г. и продолжалась до 1783 г. Затем после десятилетнего перерыва началась уже тотальная война, длившаяся с 1793 г. по 1815 г. с небольшими перерывами.

Англичане любили воевать чужими руками, и с большим удовольствием стравливали Россию с Людовиком XV. Кроме того, на внешнюю политику Лондона сильно влияла зависимость Англии от русской торговли. В 60 – 80-х гг. XVIII века в русские порты ежегодно прибывало от 600 до 700 английских торговых судов.

В итоге в ходе Первой турецкой войны 1768–1774 гг. Англия была достаточно надежным союзником России. Английские послы в Париже и Мадриде официально заявили, что «отказ в разрешении русским войти в Средиземное море будет рассматриваться как враждебный акт, направленный против Англии».

Во время прохождения русских эскадр в 1769–1774 гг. мимо берегов Франции и Испании поблизости сосредотачивались значительные силы британского флота. Англия предоставила свои порты для базирования и ремонта русских кораблей. Причем не только в метрополии, но и в порту Мак-Маон на острове Менорка, отошедшем к Англии по Парижскому миру, заключенному 10 февраля 1763 г.

Весьма важным для России была и поставка многих сотен корабельных орудий калибра 6, 8, 12, 18, 24 и 30 фунтов с завода Каррон в Шотландии. Дело в том, что Россия в царствование Екатерины Великой по выплавке чугуна была на первом месте в мире, обогнав даже Англию, но большинство орудий для флота отливали у нас на частных заводах – Баташева, Демидова и др. Орудия частных заводов давали очень большой процент брака. Некачественное изготовление орудий приводило к ухудшению их баллистических данных, а то и к разрыву пушек при стрельбе. Так, например, в ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. потери личного состава на наших кораблях от разрыва собственных пушек часто превосходили потери от шведской артиллерии.

Орудия же шотландского изготовления (их называли карронскими) отличались высоким качеством. Кстати, многие из них оставались на вооружении к 1850 г. По образцу карронских пушек начали делать пушки и у нас, они получили название «образца 1786 г.».

В 1774 г. на заводе в Карроне английский инженер Гаскойн изобрел короткое легкое орудие, обладающее большой эффективностью на малых

дистанциях боя (до полкилометра). По имени завода это орудие назвали карронадой. Россия немедленно начала закупку в Шотландии карронад калибром от 24 до 96 фунтов. Мало того, адмирал Самуил Карлович Грейг, шотландец по происхождению, через родственников пригласил в Россию самого Гаскойна. Инженер прибыл в Россию почти со всеми машинами и другим оборудованием завода Каррон. Британские законы запрещали это, но ради союзника правительство посмотрело на проделку Гаскойна сквозь пальцы. Гаскойн немедленно был назначен директором оружейного завода в Петрозаводске, где он начал производство пушек обр. 1786 г. и карронад. Позже он же начал изготовление тех же орудий и на Луганском заводе.

Но вернемся к внешнеполитической ситуации 1768 г. Дания со времен Северной войны оставалась естественным союзником России против Швеции и, соответственно, была рада помочь по мере сил и возможностей русской эскадре пройти через Балтийские проливы.

В Средиземном море благожелательно к России относилось руководство Мальтийского ордена, смертельно ненавидевшее турок. Екатерина II послала туда послом маркиза Кавалькабо. Речь шла даже о совместном участии русского и мальтийского флотов в войне с турками. Однако позже из-за бестактного поведения маркиза на Мальте орден так и не вступил в войну с османами, но русский флот мог свободно базироваться на острове.

Русская эскадра могла не менее свободно базироваться на «вольный порт» Ливорно, формально принадлежавший герцогству Тосканскому.

Венецианская республика желала союза с Россией, но крайне боялась турок.

Любопытна инструкция, данная Екатериной II русским адмиралам, как вести себя со средиземноморскими пиратами: «Что же касается до африканских в Средиземном море корсаров, выходящих из Туниса, Алжира и других мест, то хотя и считаются они в турецком подданстве, однако же, тем не меньше оставляйте их на пути в покое, и если только они сами вам пакостей делать не станут, и если опять не случится вам застать их в нападении на какое-либо христианское судно, ибо тут, не разбирая нации, которой бы оно ни было, имеете вы их бить и христиан от плена освобождать, дозволяя и в прочем всем христианским судам протекцию нашу, поколику они ею от вас на проходе пользоваться могут»^[20].

Глава 5. «Подпалить османов с четырех концов»

Вступив на престол, Екатерина ни на секунду не сомневалась, что рано или поздно ей придется воевать с турками. Как мы уже знаем, она всеми силами пыталась оттянуть войну, но с первых дней своего царствования стала готовиться к войне с османами.

В исторической литературе давно идет спор о том, кто был автором плана нанесения удара по Турции со стороны Средиземного моря. Большинство авторов склонны приписывать эту идею Григорию Орлову. Я же считаю, что автором этого проекта была сама Екатерина, хотя и допускаю, что на это ее натолкнули англичане.

До Екатерины русские как военные, так и торговые суда не заплывали в Средиземное море. И вот в 1763 г. тульский купец Владимиров ни с того ни с сего организует акционерную компанию с капиталом в 90 тыс. рублей (!) для торговли со странами Средиземноморья. А новая царица, едва-едва сидящая на троне, вступает в число акционеров компании и дает ей 10 тыс. рублей. Мало того, 23 октября 1763 г. в Петербурге специально для похода на Средиземное море закладывается фрегат^[21] «Надежда Благополучия». Уже 4 июня 1764 г. фрегат был спущен на воду, а в августе вышел из Кронштадта под торговым (купеческим) флагом^[22] с грузом железа, полотна, канатов и т. д. Тем не менее экипаж состоял из военных чинов, фрегат нес полное артиллерийское вооружение – 34 пушки.

В декабре 1764 г. «Надежда Благополучия» прибыла в Ливорно. Товары были выгружены, а взамен принят груз сандалового дерева, свинца и макарон. 12 сентября 1765 г. фрегат благополучно вернулся в Кронштадт.

Больше «компаньоны» судов в средиземку не отправляли. Официальные источники умалчивают, какие убытки понесла компания в ходе этого похода. Понятно, что это была чисто разведывательная акция, а торговая компания служила крышей. Да и стоял фрегат в Ливорно около полугода, что просто разорительно для обыкновенного купца. По приходе «Надежды Благополучия» в Кронштадт выяснилось, что подводная часть наружной обшивки фрегата из досок дюймовой толщины была источена червями, и ее целиком пришлось сменить. Следовало учесть это на будущее, что и не преминули сделать, когда началась подготовка Архипелагской экспедиции («Архипелажной», как ее тогда называли).

Разведка на Средиземном море велась неспроста. Еще в 1736 г. русский посол в Константинополе Вешняков утверждал, что восстание

балканских христиан и русская помощь им оружием – самый верный путь для победы над Турцией.

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков – Мануила Саро и артиллерийского офицера Папазули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Папазули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки – народ смелый и храбрый».

С началом войны Екатерина смогла уже открыто обратиться к балканским христианам с призывами к восстанию. 19 января 1769 г. был обнародован «Манифест к славянским народам Балканского полуострова». Там говорилось: «Порта Оттоманская по обыкновенной злобе ко Православной Церкви нашей, видя старания, употребляемые за веру и закон наш, который мы тщилися в Польше привести в утвержденные трактатами древние его преимущества, кои по временам насильно у него похищены были, дыша мщением, презрев все права народные и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вероломству, разруша заключенный с нашею империею вечный мир, начала несправедливейшую, ибо безо всякой законной причины, противу нас войну, и тем убедила и нас ныне употребить дарованное нам от Бога оружие...

Мы по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в Турецком порабощении единоверным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждый особенно, полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость, ополчась где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинять».

Несколько аналогичных посланий было направлено и к грекам.

Что же происходило на самом деле на Балканах и в Греции, и

достаточно было посланий Екатерины, чтобы запылал этот угол Оттоманской империи? Начну с полудетективной истории, случившейся в Черногории. Там объявился... русский император Петр III! Некий Степан Малый заявил, что он-де русский царь, «избежавший чудесным образом смерти по низложению своему с престола». 11 октября 1767 г. со Степаном встретился и беседовал полковник венецианской службы Марк Анатолий Бубич. Судя по его письменному отчету, беседа эта произвела на него огромное впечатление. Бубич писал: «Особа, о которой идет речь, отличается большим и возвышенным умом. Кто бы он ни был, его физиономия весьма схожа с физиономией русского императора Петра III».

А Степан Малый тем временем продолжал заявлять о себе черногорцам: последовательно, но весьма двусмысленно, с использованием разного рода иносказаний и притч.

Венецианские власти забеспокоились. Агитационная деятельность Степана могла не только осложнить их отношения с Оттоманской империей, но и вызвать подъем враждебных настроений в подвластной им «венецианской Албании». И Сенат издал приказ об аресте эмиссаров «Петра III» и тех, кто его укрывает. Но самого Степана трогать боялись, поскольку слухи о нем как о русском императоре уже широко распространились, и решительные меры, предпринятые против него, могли бы возбудить сопротивление.

В октябре 1767 г. в горном селе Ценличи проводилась сходка черногорских старшин, на которой Степан Малый был признан русским царем Петром III. В конце месяца в Цетинье собралась скупщина, в которой участвовало около 7 тысяч человек. На ней Степан был признан не только русским царем, но и «государем» Черногории, и 2 ноября Малому была вручена грамота об этом.

«Государь» обосновался в городке Маине. Из разных мест Черногории и других районов Балкан туда к Степану стекались не только славяне, но и албанцы, и греки, ненавидевшие турок. Прибыл туда и местный митрополит – престарелый Савва. Старцу, и так не пользовавшемуся большим авторитетом у населения, пришлось публично признать Степана Малого государем Черногории и Петром III. Однако Савва оказался не прост, и 12 октября 1767 г. направил письмо русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову. Тот срочно направил письмо Саввы в Петербург с запросом, что делать, а сам 2 апреля 1768 г. послал Савве предварительный ответ, где выразил митрополиту «удивление о шалостях, чинимых в местах его ведомства», Степана Малого называл «плутом или врагом», а Савву обвинял в «лехкомыслии».

Савва организовал сходку руководителей черногорских общин, где начал изобличать самозванца. Однако Степан не стал оправдываться, а перешел в контратаку. Он публично обвинил митрополита в служении интересам Венеции, в спекуляциях землей и в расхищении ценностей, поступавших в дар из России. Это был сильный удар. Не дав Савве опомниться, Степан сделал следующий шаг – он предложил тут же отобрать у Саввы имущество и разделить его между участниками сходки.

Новым и весьма авторитетным сторонником Степана в эти месяцы становится сербский патриарх Василий Бркич, изгнанный из своей резиденции в городе Печ после ликвидации турками самостоятельной сербской церкви. В марте 1768 г. Василий призвал все православное население почитать Степана как русского царя. По-видимому, для подкрепления этой версии Степан предпринял эффектный шаг – по случаю дня Петра и Павла, отмечаемых православной церковью 29 июля, он организовал торжественную церемонию в честь Петра Великого, а также цесаревича Павла Петровича как своего сына.

Летом 1768 г. Екатерина отправила в Черногорию советника русского посольства в Вене Г. А. Мерка с «увещательной грамотой» к тамошним жителям, чтобы не верили самозванцу. Мерк прислал донесение, датированное 9 августа, что ехать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никак не мог, ибо черногорцы необыкновенно привязаны к Малому. Екатерина написала на этом донесении: «Если б капитан гвардии был послан с грамотою к черногорцам, то бы письмо несумненно отдано было; но сей претонский политик возвратился с ней, не сделав, кроме преострые размышления».

Осенью 1768 г. турецкие отряды вторглись в Черногорию, а с севера напали венецианцы. Борьбу с турками возглавил Степан Малый, а с венецианцами – его сподвижник Танович.

В сражении 5 сентября у села Острог турки окружили отряд Малого и наголову разбили его. Сам Степан бежал и укрылся в одном из горных монастырей. Однако в конце сентября начались затяжные дожди, дороги размыло, на турок чуть ли не ежедневно нападали летучие отряды черногорцев. В результате турецкие войска были выведены из Черногории. Возможно, на это решение турецкого командования повлияло и начало войны с Россией.

12 августа 1769 г. на адриатическом берегу Черногории высадился генерал-майор Юрий Владимирович Долгоруков в сопровождении 26 человек конвоя. Ехал он инкогнито, под именем купца Барышникова. Долгоруков поднялся в горы, где был встречен духовенством у монастыря

Брчели. Через несколько дней в Цетинье собралась скупщина. В присутствии двух тысяч черногорцев, старейшин и церковных властей Долгоруков обвинил Степана Малого в самозванстве, огласил манифест от 19 января 1769 г. и потребовал от присутствовавших принести присягу на верность Екатерине II, что и было сделано. Долгорукова поддержал сербский патриарх Василий, объявивший Степана Малого «возмутителем покоя и злодеем нации».

Все это происходило в отсутствие Степана Малого. Долгоруков первый раз увидел Малого, когда находился в монастыре Брчели. Тот приехал к нему верхом с конвоем из нескольких черногорцев. Генерал писал: «Разговоры его, поступки и обращения заставили заключить о нем, что он в лице вздорного комедианта представлял ветреного или совсем сумасбродного бродягу. Росту он среднего, лицом бел и гладок, волосы светло-черные, кудрявые, зачесаны назад, лет тридцати пяти, одет в шелковое белой тафты платье, длинное по примеру греческого, на голове скуфья красного сукна, с левого плеча лежит тонкая позолоченная цепь, а на ней под правую руку висит икона в шитом футляре величиною с русский рубль... Разговоры имел темные и ветреные, из которых, кроме пустоши, ничего заключить невозможно, хотя черногорцы и почитают его за пророческое красноречие со страхом и покорностию».

Долгоруков приказал арестовать Малого, но вскоре понял, что без Степана порядка в Черногории не будет, и был вынужден отпустить его. Мало того, Долгоруков распорядился доставить Малому боеприпасы, взял с него клятву в верности России и надел на него мундир русского офицера.

Помимо внутричерногорских проблем Долгоруков занимался вербовкой матросов для вооружения корсарских кораблей, которые должны были снаряжаться в Ливорно. Долгоруков платил им по 15 солидов в день, не считая пропитания. В Черногорию бежало много дезертиров из венецианских войск, но Долгоруков брал на службу только славян и греков, а этническим итальянцам отказывал.

Долгоруков хвалился скорым прибытием русской эскадры, но советовал подданным Порты жить спокойно и платить дань, дожидаясь удобного момента для восстания.

24 октября 1769 г. Долгоруков покинул Черногорию, официально передав всю власть Степану Малому. Как утверждали очевидцы, на прощание генерал и «император» заключили друг друга в объятия.

Теперь Степан Малый стал полновластным правителем Черногории. Однако осенью 1770 г. при прокладке горной дороги Степан получил тяжелое ранение из-за преждевременного взрыва пороха, заложенного под

скалой. Он потерял зрение, но продолжал руководить страной из монастыря в Брчели, куда его отправили на лечение.

Деятельность Степана Малого вызвала ненависть турок, но воевать с Черногорией у них не хватало сил. Тогда скадарский паша подослал к Степану наемного убийцу – грека Станко Киасомунья. Осенью 1773 г. Станко зарезал ножом Степана Малого.

Любопытно, что до сих пор историкам так и не удалось достоверно установить личность Степана Малого – императора Петра III.

Довольно сложная ситуация сложилась к 1768 г. в Албании. К этому времени административная власть там фактически перешла в руки албанской знати и, подобно их имениям, переходила по наследству, вне зависимости от воли турок. Единой власти в Албании не было, ее делили несколько знатных родов.

Самым сильным рычагом турок были налоги. Их взимали исключительно с христиан, а мусульмане не платили их вовсе. Причем в большей части Албании финансовый налог взимался с целой деревни, то есть чем больше людей принимали ислам, тем большую сумму приходилось платить оставшимся христианам. Поэтому к XVIII веку около половины албанцев стали мусульманами, а оставшиеся христиане поровну делились на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, а православные христиане составляли большинство в Южной Албании.

Переход албанцев-христиан в мусульманство часто носил формальный характер. Поскольку фискальной и юридической единицей для турецких властей был дом, то первоначально лишь глава дома принимал мусульманство. Многие из новообращенных мусульман втайне оставались христианами, наряду с новым мусульманским именем сохраняли прежнее христианское. Вопреки проповедям фанатичного мусульманского духовенства мусульмане албанцы вместе с христианами праздновали Пасху и другие христианские праздники. Были не редкостью смешанные браки.

Именно разделением албанского населения на мусульман и христиан можно объяснить тот факт, что одна часть албанцев храбро дралась на стороне турок, а другая, наоборот, сражалась с ними на суше и на море. Так, еще в октябре 1759 г. правители южной горной православной области Химары обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой принять на русскую службу один или два химарских полка, служивших тогда Венеции и королю Обеих Сицилий, «дабы в случае с Оттоманской Портою разрыва возможную диверсию в соседственных с нами

оттоманских областях, по примеру равных нам как в вере, так и правлении черногорцев, производить и делать могли». По расчетам химариотов, в подобной «диверсии» могли бы участвовать до 20 тысяч их солдат.

В феврале 1760 г. депутаты Химары архимандрит Анфимий Васиико и капитан венецианской службы Пано Бицилли тайно явились к русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову и заявили о своем желании ехать в Петербург, чтобы лично представить императорскому двору обращение генерального совета Химары к Елизавете Петровне. Посол с трудом отговорил их от этого намерения.

Одновременно с православными горцами Южной Албании албанцы-католики с севера тоже дали знать русскому правительству, что в случае начала русско-турецкой войны они «неприятелю знатную диверсию в состоянии учинить». Это предложение содержалось в петиции, поданной императору Петру III прибывшим в Петербург членом видной католической семьи Шкорды Яковом Суммой. Он предлагал сформировать из албанцев гусарский полк для службы в России, и еще отправить в Россию для обучения некоторое число албанских юношей из знатных семей. Под петицией стояла подпись: «От всего албанского общества депутат» Сумма. Но, как и в случае с химариотами, русское правительство не посчитало целесообразным принять это предложение в мирное время, чтобы не скомпрометировать себя перед Портой. И эта осторожность в отношениях с балканскими народами доминировала в русской политике вплоть до вступления на престол Екатерины II.

В 1767–1768 гг. Екатерина II проявила большой интерес к Корсике и попыталась использовать корсиканцев в своих интересах. С XIV века остров принадлежал Генуэзской республике, но его гордый и воинственный народ не желал терпеть ничьей власти и периодически восставал против генуэзцев.

С 1729 г. на Корсике шла непрерывная война. Первоначально корсиканцев возглавлял Джачино Паоли, а с 1755 г. – его сын Пасквале (Паскаль). В 1764 г. Пасквале Паоли удалось окончательно изгнать генуэзцев с острова. Тогда правительство республики уступило Корсику Франции. В 1768 г. на остров высадились тридцатитысячная французская армия под командованием генерала Во. В сражении под Понте-Нуово корсиканцы были разбиты, но продолжали партизанскую войну.

Екатерина поручила русскому послу в Венеции маркизу Маруцци войти в сношения с Паоли, чтобы использовать его в борьбе с турками и для создания проблем для Франции. «Я нынче всякое утро молюся: спаси, Господи, корсиканца из рук нечестивых французов», – писала Екатерина к

Ивану Григорьевичу Чернышеву.

В разговоре с агентом посланника Маруцци Паоли сказал: «С двенадцатью кораблями и с моим сухопутным войском я берусь прогнать французов с Корсики». Но в 1769 г. Паоли пришлось бежать с острова и искать убежища в Англии, и Екатерина потеряла к нему интерес.

Наибольшие же надежды на помощь в войне с Турцией Екатерина и братья Орловы возлагали на Грецию, томившуюся под турецким игмом еще с XV века. Налоги, взимаемые турками, и поборы местных феодалов заставили население Греции трудиться буквально от зари до зари. При этом значительная часть продуктов сельского хозяйства шла на экспорт. Так, Македония и Фессалия экспортировали во второй половине XVIII века 40 % производимого зерна и более 50 % табака и хлопка. Не менее широко экспортировали из материковой Греции и с островов Архипелага вино и фрукты.

С начала XVIII века интенсивно развивалось греческое судоходство, центром которого стали три небольшие острова – Идра, Спеце и Псара. Еще в середине XVII века эти острова были почти не населены. Немногочисленные жители Идры и Спецы существовали за счет рыболовства и торговли.

Греческие купцы, совершая деловые поездки в города Западной и Центральной Европы, подолгу жили там, обзаводились домами, зачастую оставаясь навсегда. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и в других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII века стал город Нежин. Здешней греческой общине, состоявшей в основном из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии.

В отличие от Албании, в Греции исламизация не приняла массового характера. Подавляющее большинство населения осталось православным. При этом во многих областях, особенно на малых островах, главными администраторами (правителями) были православные епископы.

Ненависть к туркам и бедность стали основными причинами развития повстанческого движения в Греции. Тут я не буду следовать традициям гоголевских дам, которые говорили про вонючий стакан, что он-де «дурно себя ведет», а буду называть кошку кошкой. Я лично не могу провести грань между греческими повстанцами и грабителями. И пусть греки не обижаются, такое было в свое время во всех странах Европы. Это у нас придурковатые дамы сокрушаются, что «перевелись рыцари среди наших мужчин». Настоящий западноевропейский рыцарь считал своим законным правом грабить всех проезжих купцов или по крайней мере заниматься

ржкетом. Ну а задирать юбки всем встречным женщинам – так это уж «сам бог велел». Так что, милые дамы, утештесь: рыцарство в Российской Федерации с 1991 г. возрождается самыми быстрыми темпами.

Греки, бежавшие в горы, образовывали отряды клефтов. Естественно, что большинство клефтов по происхождению были крестьянами. В переводе с греческого «клефт» – «вор», и нетрудно догадаться, что такое прозвище повстанцев исходило от турок и их клеветов. Командиры отрядов клефтов назывались капитанами. Основными базами отрядов клефтов служили Пинд, Олимп и горы Пелопоннеса.

Следует заметить, что турки за более чем 300 лет владычества над Грецией так и не смогли взять под свой контроль ряд горных районов – Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит). В социально-экономическом отношении это были наиболее отсталые области Греции. Там сохранялись еще сильнейшие пережитки патриархально-родовых отношений. Управляли этими областями капитаны.

Турецкие власти безуспешно боролись с клефтами. В конце концов они были вынуждены легализовать отдельные отряды клефтов, поручив им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у турок, стали называться арматолами (от итальянского *armato* – вооруженный). Но грань между арматолами и просто клефтами оставалась весьма условной. Некоторые отряды арматолов, не поладив с турецкими властями, снова становились клефтами.

Но греческие повстанцы-разбойники действовали не только на суше. Если на материковой части Греции турецким властям худобедно удавалось контролировать большую часть территории, то на островах дело обстояло совсем иначе. Подавляющее большинство населения островов составляли православные. Лишь на нескольких островах, как, например, на Хиосе, жили мусульмане, да и там они не доминировали. На нескольких крупных островах турки построили крепости и содержали гарнизоны, но на большинстве островов османов не было.

Жители многих греческих островов еще в XVI веке начали промышлять пиратством. Как писал в 1785 г. Матвей Коковцев^[23] (к его книге мы еще вернемся): «Жители острова Индрос [Идра. – А.Ш.] по бесплодию своего острова склонны к разбоям».

В 1692 г., то есть за 76 лет до описываемых событий, английский офицер Робертс потерпел кораблекрушение у мыса Иос и был взят в плен греческими пиратами. Несколько лет он служил канониром на пиратских кораблях, а затем, вернувшись в Англию, написал воспоминания. Они вошли в «Собрание необычных путешествий, изданное капитаном

Уильямом Хакке», четыре тома которого вышли в Лондоне в 1699 г.

Робертс писал, что греческие пираты зимовали обычно от середины декабря до первых дней марта на островах Эгейского моря, охотнее всего на Паросе, Антипаросе, Мелосе и Иосе. Затем они перебирались на обрывистый и изобилующий удобными и укромными бухтами остров Фурни, расположенный между Самосом и Икарией. На холме выставлялся часовой, он подавал сигнал маленьким флажком при появлении в море какого-нибудь паруса. Тогда пиратские суда выскакивали из узкого выхода из бухты на востоке острова Фурни и устремлялись к Самосу на перехват купца.

Точно так же пираты действовали всю весну и первую половину лета у островов Некария, Гайдарокиси и Липса, с учетом их географических особенностей. В июле они, как правило, перебирались к Кипру, Родосу и Египту – поближе к Сирии, и там занимались ремонтом своих судов и сбытом награбленного.

Осень пираты снова проводили в засадах, а зимой разбредались по своим селениям к женам и детишкам с тем, чтобы весной начать все сначала. Любопытный штришок – все православные церкви острова Иос были построены на благочестивые пожертвования пиратов.

Лишь наиболее отчаянные парни выходили на промысел зимой в штормовое море. Но добыча в это время года была невелика, и пираты в основном грабили побережье. В «Описи государственных документов» Венеции сохранилось письмо губернатора Занте (так итальянцы называли греческий Закинф), датированное 1603 г. В письме губернатор жаловался на пиратов, серьезно подорвавших венецианскую торговлю тем, что «они выходят в море даже в середине зимы и в самую бурную погоду благодаря маневренности своих кораблей и мастерству своих моряков».

Греческие пираты создали на островах Эгейского моря десятки больших и малых баз. Пираты, писал Робертс, «заполонили своими гребными лодками все уголки Киклад и Мореи и превращали в свою законную добычу любой корабль, не способный к защите, или входили ночью в селения и жилища на ближайшем побережье, забирая все, что они могли найти. Суда этого типа, называемые здесь траттами, кишели в каждой бухте; они длинные и узкие наподобие каноэ; 10, 20 или даже 30 человек, каждый вооруженный мушкетом и пистолетом, гребли с большой быстротой, а когда ветер был благоприятным, использовали также маленькие мачты с латинскими парусами».

Восточный мыс острова Сапындза высотой 217 метров с отходящей от него на полкилометра к северу отмелью глубиной на менее 10 метров

долгое время назывался французами Наблюдательной Вышкой Пиратов. Здесь они завлекали к себе в засаду турецкие и европейские корабли, шедшие в Левант, но нередко завершавшие свой путь у Сапыендзы.

Союзниками греческих пиратов были мальтийские рыцари, которые с XV века вели почти непрерывную войну с османами на суше и на море. В XVI веке турки несколько раз высаживались на Мальте, но им ни разу так и не удалось взять главную твердыню рыцарей – крепость Ла-Валетту. Последний раз турки высадились на острове в 1615 г. и вновь потерпели неудачу. Постепенно борьба с турками переросла в откровенное пиратство, причем рыцари открыто грабили не только мусульманские, но и христианские суда. Начиная со второй половины XVII века Мальта превратилась в один из крупнейших невольничьих рынков Средиземноморья. Риторический вопрос – как верхушка ордена смогла обеспечить себе сказочное богатство, располагая островом, длина которого всего 25 км? На какие шиши, пардон, строился мощный флот, возводились роскошные здания? Спору нет, мальтийские рыцари обладали поместьями за рубежом, шли пожертвования, но, увы, основной статьёй дохода рыцарей оставалось пиратство и работоторговля.

Мальтийские рыцари не видели в греческих пиратах конкурентов, а наоборот, давали приют их кораблям и командам. Мальта настолько прославилась пиратством, что французские моряки называли остров Иос (Кикладские острова), бывший пристанищем греческих пиратов, «Маленькой Мальтой».

Как видим, во владениях Османской империи на берегах Адриатического, Ионического и Эгейского морей скопилось немало взрывчатого материала. Удастся ли Екатерине поджечь его?

Глава 6. Россия поднимает паруса

Екатерина II и ее окружение прекрасно понимали, что без поддержки русских регулярных сил любое восстание в Греции и на Балканах не только заведомо обречено на поражение, но и даже не способно будет оттянуть на себя значительное число османских войск. Поэтому Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда. Мы помним, что даже «Надежда Благополучия» не пошла далее Ливорно.

В состав эскадры вошли семь кораблей («Европа», «Святослав», «Св. Евстафий Плакида», «Три Иерарха», «Св. Иануарий», «Северный Орел» и «Три Святителя», из которых «Святослав» был 80-пушечный^[24], а остальные – 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардирский корабль «Гром», четыре 22-пушечных пинка^[25] – «Соломбала», «Лапоминк», «Сатурн» и «Венера» (в ряде документов они именовались транспортами), а также два пакетбота^[26] – «Летучий» и «Почталион».

Эскадра получила название «обшивная», поскольку корпуса всех ее судов были обшиты снаружи дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не источил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия». Естественно, что обшивка уменьшала скорость хода и увеличивала осадку судов.

Артиллерию эскадры составляли 640 пушек. Помимо личного состава (3011 человек) на судах находились взятые сверх нормы десантные войска – 8 рот Кексгольмского пехотного полка и 2 роты артиллеристов, мастерские для ремонта кораблей и артиллерии, в общей сложности 5582 человека.

По совету адмирала Семена Ивановича Мордвинова (1701–1777) и общему мнению Адмиралтейств-коллегии Екатерина предложила командование эскадрой Григорию Андреевичу Спиридову (1713–1790), тогда еще вице-адмиралу. Он непосредственно руководил подготовкой и комплектованием кораблей и несравненно лучше других военачальников знал достоинства и недостатки эскадры. К изумлению и недовольству императрицы, Спиридов отказался от лестного назначения, ссылаясь на возраст и на болезни. Екатерина быстро смекнула, что дело тут не в болезнях, а в амбициях адмирала. Видимо, тот не очень хотел попасть под начало 34-летнего Алексея Орлова. Екатерина традиционно схитрила –

присвоила Спиридову звание полного адмирала и назвала его первым флагманом флота. В рескрипте, подписанном Екатериной и врученном Спиридову, говорилось: «...Провезти сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды». Ни слова о подчинении эскадры Орлову не было в этом многозначащем документе. Спиридов поверил и согласился.

17 июля 1769 г. Екатерина посетила корабли, стоявшие на Кронштадтском рейде, вручила адмиралу орден, приказала выдать всем назначенным в экспедицию четырехмесячное жалованье «не в зачет» и потребовала немедленного выхода эскадры в плавание.

Делать было нечего, вечером следующего дня эскадра поставила паруса, вышла из Кронштадта и... стала у Красной Горки, откуда ее можно было увидеть из Кронштадта, но нельзя было увидеть из Петергофа в самую сильную подзорную трубу. И лишь 26 июля эскадра Спиридова по-настоящему ушла в плавание.

Первый блин всегда шел комом. 9 августа на самом мощном 80-пушечном корабле «Святослав» открылась сильная течь, и он вынужден был вернуться в Ревель и стать на ремонт. (Позже его включили в состав 2-й Архипелагской эскадры). «Св. Евстафий Плакида» в свежую погоду потерял фок-мачту.

30 августа эскадра достигла Копенгагена. На этом коротком отрезке пути на эскадре заболело свыше 300 человек, из которых 54 умерли и были погребены в море.

Русский посланник в Копенгагене генерал Философов писал в Петербург: «По несчастью, наши мореплаватели в таком невежестве и в таком слабом порядке, что контр-адмирал весьма большие трудности в негодованиях, роптаниях и в беспрестанных ссылках от офицеров на регламент находит, а больше всего с огорчением видит, что желание большей части офицеров к возврату, а не к продолжению экспедиции клонится и что беспрестанно делаемые ему в том представления о неточности судов и тому подобном единственно из сего предмета происходят».

Вместо умерших и для устранения некомплекта команды в Копенгагене на борт кораблей было принято до 800 датских моряков.

13 августа в гавань Копенгагена вошел новый 66-пушечный корабль ^[27] «Ростислав», построенный на Соломбальской верфи в Архангельске и

шедший к новому месту службы на Балтику. Своей властью Спиридов приказал его командиру капитану 1-го ранга Л. Ф. Лупандину следовать вместе с эскадрой в Архипелаг вместо Кронштадта.

10 сентября эскадра Спиридова покинула Копенгаген. А в ночь на 16 сентября налетел на Скагекский риф в проливе Каттегат пинк «Лапоминк». Командир его капитан-лейтенант Е. С. Извеков пушечными выстрелами предупредил эскадру о катастрофе. Команда была спасена, но штормовая погода не позволила снять пинк с рифа.

Непогода, застигшая эскадру в Северном море, новые повреждения судов (особенно пинка «Венера» и бомбардирского корабля «Гром»), до 700 человек больных вынудили Спиридова укрыться 25 сентября на рейде рыбацкой гавани Гримсби у входа в английский порт Гуль. И тут не обошлось без аварии: корабль «Три Святителя» сильным ветром был снесен с места якорной стоянки на мель. В результате удара вышло из строя рулевое управление, и корабль был поставлен вместе с «Громом» и «Венерой» к гульским причалам на ремонт.

Спиридов не хотел рисковать кораблями и идти поздней осенью через Бискайский залив. Надо сказать, что его опасения были небезосновательны. Вспомним, какие тяжелые повреждения получил замой 1929/1930 г. линкор «Севастополь» при прохождении Бискайского залива. Но императрица все время подгоняла: «Вперед! Вперед!»

Приехавший из Лондона в Гуль русский посол граф Иван Григорьевич Чернышев осмотрел эскадру, о чем и донес императрице: «Не так худо нашел я все сделанные адмиралом распорядки, как слышал, но опять и не так, чтоб оные лучше быть не могли. Ну да уже что же делать, быть так! Более всего неприятно мне было его видеть самого несколько в унылости, отчего и подчиненные были также невеселы, что я ободрением его и хвалою всего того, что уже сделал, ибо поправить было невозможно, разговором с матросами и солдатами, объездом на все корабли, сколько можно, поправить старался. Унылость его произошла от встретившихся препон в плавании, которые то ускорить не позволяли, чему главная причина – великое множество больных, ибо число оных простирается до 700 человек, с слабыми же и более 800, однако умирает благостию Божиею мало, ибо со времени отправления на всей эскадре, состоящей более 5000, умерло с 40 человек. Все по большей части больны поносами и флюсфиберами, чему и удивляться не должно, ибо 1) половина экипажа состоит из рекрут, которые жительство близ Москвы имели, в числе коих, конечно, половина таких, которые несколько месяцев, как только соху

покинули и не токмо к морю и к качке судна, но и к пище нимало привычки не сделали; 2) изнурены были при вооружении флота великими работами и употреблением малой предосторожности в мешании вышедших больных из госпиталя с здоровыми рекрутами, отчего последние все почти по очереди перехворали; 3) от излишнего экипажа великая теснота на кораблях. От стояния на якоре и от употребления зелени и свежего мяса оправляться уже начинают».

Екатерина послала Спиридову письмо, вежливое по форме, но похожее на резкий выговор по содержанию: «С крайнейшим прискорбием вижу я медленность, с которою вы идете с эскадрой, вам вверенною, и что вы в разных местах мешкаете Бог весть для чего, хотя весь успех вам вверенного дела и зависит от проворства исполнения. Слышу я, хотя вы о том ко мне и не пишете, что и больных у вас много: рассудите сами, не от мешкания ли вашего сие происходит? Когда вы в пути съедите всю провизию да половина людей помрет, тогда вся экспедиция ваша оборотится в стыд и бесславие ваше и мое, хотя я ни иждивения, ни труда, ни всего того, что я придумать могла, не желая для снабжения вас всем, что только споспешествовать могло к желаемому успеху. Прошу вас для самого Бога, соберите силы душевные и не допустите до посрамления пред всем светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит... Бога для не останавливайтесь и не вздумайте зимовать, кроме вам определенного места».

Скрепя сердце, Спиридов 10 октября вывел эскадру из Гуллы. Точнее, не эскадру, а ее меньшую часть – корабли «Св. Евстафий» и «Северный Орел», фрегат «Надежда Благополучия» и бомбардирский корабль «Гром». Большая же часть эскадры не смогла покинуть порт.

Но это небольшое соединение распалось в шторм в Бискайском заливе. На корабле «Северный Орел» 23 октября открылась сильная течь, и он вернулся в Портсмут. Там он был отремонтирован и дождался 2-й Архипелагской экспедиции. Бомбардирский корабль «Гром» также вернулся в Портсмут – менять мачты. В итоге к Гибралтару 6 ноября 1769 г. пришел один «Св. Евстафий».

Сборным пунктом судов «обшивной» эскадры в Средиземном море заранее был назначен рейд порта Маон на Менорке (Балеарские острова). 18 ноября Спиридов на «Св. Евстафии» прибыл в порт Маон. А 23 ноября в порт Маон на английской бригантине прибыл младший из братьев Орловых – Федор.

Федор Орлов нашел флагмана, «печалию объятото», – несколькими часами ранее скончался его сын генерал-адъютант Андрей Григорьевич

Спиридов, шедший вместе с отцом на «Евстафий».

Прибытие Федора Орлова нанесло Спиридову второй тяжелый удар. Орлов вручил флагману инструкцию, где граф Алексей Орлов назначался главнокомандующим всеми русскими вооруженными силами (десантными войсками и флотом) на Средиземном море. Там же была приписка императрицы: «Графу Орлову, по долгой его тамо бытности и знанию, довольно известны быть должны тамошние обстоятельства и народы».

Думаю, пришло время объяснить, как братья Орловы оказались на Средиземном море. Еще летом 1768 г. Алексей и Федор Орловы, первый под именем Островского по названию принадлежавшего ему села Остров, а второй – Богородского, отправились под предлогом поправки здоровья Алексея в путешествие по Европе, а затем к Средиземному морю. 15 августа 1768 г. братья прибыли в Карлсбад, где вели себя более чем разгульно, хотя, может быть, опохмелившись вином, посещали и Карлсбадскую водолечебницу.

Всю переписку с Россией братья вели шифром, с помощью так называемой «цифровой азбуки». В книге Т. А. Соболевой «Тайнопись в истории России» рассказано о принципе построения такого шифра. Словарь включал в себя не только буквы, но и слоги, наиболее часто употребляемые слова (всего до 500), географические названия, имена, месяцы, называвшиеся шифрообозначениями, превращаемыми при шифровании в последовательности цифр. Для запутывания прочтения сообщения теми, кому информация не предназначалась, использовались различные хитрости вроде «пустышек» – ничего не значащих цифровых обозначений, расставляемых в различных местах текста, которые получателю следовало пропускать. В подробнейших описаниях (правилах), прилагаемых к «цифровым азбукам», о «пустышках» говорилось: «Пустые числа писать где сколько хочется, только чтобы на каждой строке было сих чисел не меньше трех или четырех». Была и другая хитрость – использование при шифровании двух языков, одним из которых был русский, а вторым – французский или немецкий. При этом в словарь «цифровой азбуки» включались слова и на том и на другом языке.

24 октября 1768 г. братья были уже в Вене, где и узнали о начале войны с Турцией. «Хворые» немедленно отправились не в Петербург, а в Венецию, на берега Адриатики. Там они организовали шпионскую контору, рассылая агентов в Черногорию, Албанию, Грецию и т. д.

Но вернемся к эскадре Спиридова. К середине декабря 1769 г. в порту Маон собралось семь русских судов – корабли «Св. Евстафий», «Три Иерарха», «Три Святителя», «Св. Иануарий»; фрегат «Надежда

Благополучия»; пинки «Сатурн» и «Соломбала».

Корабль «Ростислав» 11 января 1770 г. у острова Менорис во время шторма потерял грот- и бизань-мачты и был отнесен к берегам Сардинии, там поставили «фальшивое» парусное вооружение, и под ним «Ростислав» кое-как 26 февраля пришел в Грецию.

Несмотря на все трудности, и Алексей Орлов, и сама Екатерина были настроены бодро и оптимистично. «Надеемся крепко, что дурноты все уже миновались и все теперь пойдет», – писал Орлов. И в ответах Екатерины выражалась та же уверенность, что «все пойдет». «Что же делать, – писала она, – впредь умнее будут. Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход. Все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглехонько обточен».

23 января 1770 г. Спиридов вывел пять судов из порта Маон (там остался лишь пинк «Сатурн», чтобы дожидаться выздоровления больных моряков, свезенных на берег). Наконец 17 февраля в 5 часов пополудни русские корабли прибыли в порт Вистулу у берегов Мореи – месту, назначенному инструкцией императрицы.

Возникает резонный вопрос: почему турки не попытались уничтожить в Средиземном море шедшие порознь русские корабли? Причина более чем смешна – ни Мустафа III, ни великий визирь, ни другие высокопоставленные лица не верили, что неверные смогут морем пройти из Петербурга к Дарданеллам. Погодите смеяться над бедным султаном – ведь и императрица Елизавета Петровна, сколько не билась, никак не могла взять в толк, почему в Англию нельзя проехать в коляске.

Глава 7. Десант в Спарту

Алексей Орлов решил высадить первый десант в греческом порту Витулло^[28] на полуострове Майна. Жители этого полуострова (майноты) существовали главным образом грабежом и разбоем и никогда не признавали над собой власти турок.

18 февраля 1770 г. в Витулло с Мальты прибыла эскадра Спиридова, в составе которой были корабли «Св. Евстафий», «Св. Иануарий», «Три Святителя»; пинк «Соломбала» и пакетбот «Летучий». В Витулло уже стояло купеческое судно под венецианским флагом, капитан которого был из славян. Граф Орлов нанял его в русскую службу и отправил в Витулло в ожидании прибытия флота. На судне было 20 пушек, и оно салютовало адмиральскому флагу по приходе его. Адмирал произвел капитана этого судна по А. И. Поликути в лейтенанты, а судно, названное фрегат «Святой Николай», на другой день подняло русский флаг.

28 апреля к эскадре присоединился и отремонтированный в Генуе 66-пушечный корабль «Ростислав».

В трюмах каждого русского корабля находилось по одной разобранной малой галере (в некоторых документах они назывались полугалерами)^[29]. 19 февраля части галер были свезены с кораблей на берег, а уже 23 февраля все три галеры были собраны, оконпачены и спущены в воду. Галера корабля «Св. Евстафий» названа «Касаткой», и командиром ее назначен Кумман. Галера корабля «Св. Иануарий» названа «Ласточкой», и командиром ее назначен шкипер этого корабля Лукавич. Галера корабля «Три Святителя» названа «Жаворонком», а командиром назначен Николетти. На каждую галеру дано по 60 человек команды.

25 февраля прибыла греческая полакра^[30] под названием «Генрик-Каррон» под командой Александра Алексиано. Она была нанята в нашу службу и в тот же день подняла русский флаг. На ней установили 12 пушек.

Во время пребывания флота в порту Витулло несколько больших партий греков под командой русских офицеров были отправлены в разные части Мореи, чтобы овладеть городами и главнейшими укреплениями.

Первая партия, названная Восточным легионом, состояла под начальством пехотного капитана Баркова. Барков имел под своей командой поручика Псаро – природного грека, одного сержанта и двенадцать русских солдат с небольшим числом майнотов. Он получил от графа Федора Орлова приказание идти в Пассаво и там собрать майнотов и других греков,

которыми нужно было пополнить этот легион. Через три дня, по прибытии его в Пассаво, то есть 21 февраля, к нему присоединились семь майнотских и греческих капитанов, партии которых усилили отряд Баркова до 1200 человек. 26 февраля капитан Барков пошел прямо на город Миситру (древнюю Спарту).

27 февраля Барков подошел к Миситре, рядом с которой находился укрепленный лагерь с тремя тысячами турецких солдат. Подходя к лагерю турок, капитан Барков разделил свой легион на две части. Поручик Псаро с одной из этих частей, состоящей из шести русских солдат и 500 майнотов, получил приказание сделать форсированный переход и, скрываясь высотами, обойти правый фланг неприятеля и атаковать его с тыла, в то время как капитан Барков с остальной частью легиона будет медленно продвигаться вперед к фронту турецкого лагеря. Поручик Псаро совершил этот обход так быстро и удачно, что успел уже атаковать правый фланг неприятеля и его тыл, тогда как капитан Барков только еще готовился начать свое нападение с фронта. Это привело турок в такое замешательство, что они начали отступать на всех пунктах и наконец бросились в предместья Миситры. Сильно преследуемые, они заперлись в крепости, которая осталась, таким образом, в блокаде. В этом деле турки потеряли около 100 человек убитыми. Со стороны же русских было до 30 убитых и 11 раненых майнотов.

После девятидневной блокады вода, проведенная в крепость простым водопроводом, была отрезана, и турки принуждены были сдаться. Они охотно согласились сложить оружие, отдать все имущество, обязались не служить более в эту войну против русских и только просили свободного пропуска из Мореи. 8 марта 3500 вооруженных турок (видимо, не только солдат, но и вооруженных жителей) вышли из ворот Миситры и сложили оружие.

Далее, чтобы избежать обвинений в тенденциозности, процитирую журнал капитана-командора С. К. Грейга^[31]: «Но только что обезоружение их было закончено, как майноты, не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами, и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей. Капитан Барков с 12 русскими солдатами с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защитить турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи человек. Наконец Баркову с большим трудом и опасностью удалось привести остальных турок в предместье и расположить в греческих домах; он строго приказал им завалить двери и окна и для охранения их расставил на часы

всю свою малочисленную дружину. Остервенение майнотов было до того велико, что они начали стрелять из ружей по русским часовым. Капитану Баркову осталось тогда только одно средство, чтоб отвлечь их ярость, – предать им опустелый город на разграбление. Этим ему удалось спасти несчастных турок, которые иначе, наверно, были бы лишены жизни. Между тем как майноты грабили город, несчастные старались скрыться; но, к сожалению, и эта мера оказалась недействительною: отряды майнотов, предпочитавших мщение и кровь богатой добыче, бросились за бегущими турками и множество истребили их по дороге. Настоящее число убитых здесь турок неизвестно; но вообще из них спаслись весьма немногие. Число турок, со включением жен и детей, доходило до восьми тысяч.

Некоторого оправдания такого бесчеловечия со стороны греков можно искать в жестоком с ними обращении их утеснителей. Как бы то ни было, но это происшествие, гибельное для турок, было столь же неблагоприятно к пользе русских и имело следствием все те неудачи, которые они впоследствии испытали в Морее. Если бы капитуляция была соблюдена со всею точностью, то очень вероятно, что ни одно из остальных укреплений, занятых турками, не было бы сильно защищено, так как турки начинали уже оставлять Морю и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Корон все еще держался; но нет сомнения, гарнизон его сопротивлялся русским не столько от желания удержать за собой эту крепость, как от страха пройти без оружия через край, наполненный сильными партиями неумолимых греков. Во всяком случае, с этого времени начались неудачи русских при Морее, несмотря на то, что сила их возросла впоследствии от прибытия остальной части флота».

Капитан Барков до 26 марта оставался в Миситре. Он старался усилить укрепления города, насколько это было возможно, так как майноты, находившееся под его начальством, имели такое же отвращение к работе, как и расположение к грабежу.

Считая город достаточно укрепленным, чтобы противостоять внезапному набегу неприятеля, он оставил в нем гарнизон из 500 греков и 26 марта с остальными силами легиона двинулся к неукрепленному городу Леонтари, где нашел одних только греков. Здесь, к большой радости Баркова, его ждал отряд русских солдат, посланный к нему в подкрепление графом Федором Орловым. Отряд состоял из одного поручика, сержанта и двадцати рядовых с двумя легкими орудиями, при одном сержанте, капрале и двадцати матросах. Греки со всех сторон стекались под русские знамена, так что за несколько дней легион капитана Баркова возрос до восьми тысяч человек.

Барков со своим войском двинулся к городу Трополица, где было около шести тысяч вооруженных турок. По прибытии к городу он немедленно потребовал, чтоб губернатор Селим-паша сдался. Греки, ослепленные прежними удачами и увеличением своих сил, не рассчитывали встретить сопротивление и думали, что паша тотчас согласится на предложенные условия. Но паша не давал ответа.

Турки, узнав о страшной участи, постигшей гарнизон Миситры, когда он сложил оружие, решили умереть с оружием в руках и скорее защищаться до последнего, чем видеть истязание своих жен и детей. Город не был в состоянии выдержать блокады, и поэтому гарнизон, конный и пеший, вышел из городских ворот. При появлении турок греки решили, что они выходят с намерением сложить оружие, и в нетерпении точили ятаганы для возобновления резни. Из донесения капитана Баркова видно, что он был того же мнения и потому больше старался предотвратить повторение ужасной резни в Миситре, чем готовился отразить нападение неприятеля. Но действия турок скоро вывели его из этого заблуждения. Турки начали обход по равнине, чтобы избежать встречи с небольшим отрядом русских, находившимся впереди с двумя легкими орудиями, из которых Барков приказал стрелять при наступлении неприятеля. Со всей яростью отчаяния турки бросились во фланг грекам. Греки, испуганные таким неожиданным нападением, побросали оружие и пустились бежать, не пытаясь даже сопротивляться. Разъяренные турки резали их без пощады, и все, кто могли поднять ятаган или кинжал, бросились из городских ворот, чтобы принять участие в бою.

Капитан Барков, поручик Псаро и горсть русских солдат стояли посреди равнины, оставленные греками. Вскоре их со всех сторон окружили турки. Турки, хотя и одушевленные победой, были, однако, удержаны твердостью и искусными действиями этого небольшого отряда и не осмеливались к нему приблизиться. Окружив русских, они открыли по ним со всех сторон из-за кустарника и больших камней сильный ружейный огонь. Русские держались на месте, пока не потеряли одного сержанта и десять рядовых убитыми и несколько раненых. Заметив, что, куда бы они ни двинулись, турки немедленно отступали, они решились пробиться к тесному дефиле между гор, на той самой дороге, по которой они пришли. Русские вынуждены были бросить два полевых орудия. Из всего отряда только капитан Барков (получивший две тяжелые раны), поручик Псаро, один сержант и двое рядовых достигли тесного дефила, к которому отступали и за которым турки уже их не преследовали. Поручик Псаро был послан в Миситру, чтобы удержать этот город, а капитана Баркова на

лошади привезли в Каламату, а оттуда – на флот. Баркову удалось даже спасти знамя, он приказал снять знамя с древка и опоясался им.

Так кончилась эта экспедиция Восточного легиона. Миситра была все же удержана майнотами до полного ухода русских из Мореи. Тогда майноты оставили этот город и возвратились в свои горы, увезя с собой все богатства этого района Греции, совершенно ими разграбленного.

Князь Ю. В. Долгоруков овладел всей Аркадией, но из-за поражений Баркова был отозван обратно на побережье и послан к крепости Наварин.

Порт Витулло имел опасную и неудобную гавань, открытую западным и юго-западным ветрам. Поэтому адмирал Спиридов решил захватить крепость и порт Корон. Берегом к Корону был отправлен большой отряд майнотов. 27 февраля русская эскадра покинула Витулло и 28-го бросила якорь в четырех милях к северу от Корона.

1 марта десантный отряд и часть матросов были высажены на берег, и началась осада крепости. В ночь с 1 на 2 марта русские построили осадную батарею. В 2 часа дня три корабля подошли очень близко к восточной стороне крепости, легли в дрейф и открыли сильный огонь. Береговая батарея между тем обстреливала северную часть города. Гарнизон отвечал весьма исправным огнем как кораблям, так и осадной батарее. Это продолжалось до захода солнца, но без особого вреда той или другой стороне. Весь следующий день 3 марта флот держался под парусами по восточную сторону крепости, но вне досягаемости пушечного выстрела.

С 6 под 9 марта бушевал шторм. Полакра «Генрик-Каррон» была выброшена на берег и разбита. В конце концов русским так и не удалось овладеть крепостью Корон.

Князь Долгоруков, подойдя по суше к Наварину, убедился, что город хорошо укреплен, и известил адмирала Спиридова, что крепость без артиллерии и правильной осады взять невозможно. Поэтому адмирал 24 марта отправил к Наварину корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя» и фрегат «Св. Николай» с бригадиром артиллерии Ганнибалом^[32] для руководства осадой.

При входе в залив корабли были обстреляны из крепости Наварин. Открыв ответный огонь, русская эскадра прошла мимо крепости в глубь залива и стала на якорь вне радиуса действия турецких орудий. На берег был высажен десант и выгружены осадные орудия. Бригадир Ганнибал устроил на возвышении к востоку от города одну батарею из восьми 24-фунтовых пушек и двух 1-пудовых единорогов, а другую – из двух 24-фунтовых пушек – к западу от входа в залив, на высоте, которая командовала городом. Батареи открыли огонь, и восьмипушечная в

короткое время пробила просторную брешь в восточном валу цитадели, а двухпушечная нанесла значительный вред городу.

Губернатор Наварина не стал дожидаться штурма и сдал крепость. 10 апреля 1770 г. русские войска во главе с бригадиром Ганнибалом и капитаном Борисовым вступили в крепость. Трофеями русских стали 42 пушки, 3 мортиры и 800 пудов (13 тонн) пороха. Но главной добычей была одна из самых удобных морских баз на Пелопоннесе. Ее гавань могла вместить любой флот. Глубины позволяли принимать суда с наибольшей осадкой, а узкий вход был защищен укреплениями с обеих сторон.

Екатерина в Петербурге четко представляла себе ситуацию на Средиземном море и давала в большинстве случаев свои верные стратегические директивы. Она писала Орлову: «Моя мысль есть, чтоб вы старались получить порт на острове или на твердой земле и, поколику возможно, удержать оный. Сказав вам сие, признаюсь, что имею два вида: один тот, чтоб вас, пока ваша куча незнатно умножится, с малым числом не подвергнуть опасности, второй, что хотя б и ничего иного не сделали, то бы тем самым мы много для переду предупели, если б доставили России в руки порт в тамошнем море, который стараться будем при мире удержать. Под видом же коммерции он всегда будет иметь сообщение с нужными народами во время мира, и тем, конечно, сила наша не умалится в тамошнем краю. Если же дела ваши так обратятся, что вы в состоянии будете замыслить и более сего, то тогда и сей порт вам всегда служить может, не быв ни в каком случае вреден. На сие же едва не удобнее ли остров, нежели твердая земля, и то еще остров не самый большой; но, однако, порт на твердой земле будет же иметь и свои особые выгоды».

Екатерина II как могла торопила моряков в отправке подкреплений на Средиземное море. 9 октября 1769 г. из Кронштадта вышла 2-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона. Первоначально в ее состав входили 66-пушечные корабли «Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь», 32-пушечные фрегаты «Надежда» и «Африка», а также три транспорта.

Подобно 1-й эскадре 2-я эскадра также не смогла добраться до места без потерь. Так, совсем новый корабль «Тверь» (спущен в 1765 г.) 13 октября во время шторма на Балтике получил повреждения грот-мачты и, отделившись от эскадры, отправился обратно. На следующий день у него сломались и упали в море фок-мачта и грот-мачта, и треснула бизань. «Тверь» едва дошел до Ревеля. Корабль отремонтировали, но вскоре выяснилось, что он не в состоянии плавать даже в прибрежных водах Балтики, и в 1776 г. корабль был разобран в Кронштадте. Этот пример

хорошо иллюстрирует качество кораблей, которые строились в начале царствования Екатерины. Как уже говорилось, все же корабли постройки до 1761 г. вообще по ветхости не могли идти в Средиземное море.

22 декабря 1769 г. эскадра Эльфинстона прибыла в Портсмут. Там флагманский корабль «Не тронь меня» был немедленно поставлен в док на ремонт.

В Англии эскадра Эльфинстона пополнилась кораблем «Святослав», который из-за повреждений покинул 1-ю эскадру и 27 декабря 1769 г. прибыл в Портсмут. В ходе ремонта на «Святославе» для улучшения мореходности был снят верхний дек, и он из 80-пушечного стал 72-пушечным. Пополнил ряды эскадры Эльфинстона и еще один неудачник из 1-й эскадры – «Северный Орел».

2 апреля 1770 г. эскадра Эльфинстона в составе кораблей «Не тронь меня», «Саратов», «Святослав», «Северный Орел», обоих фрегатов и транспортов вышла в море. Однако уже через 8 дней плавания на «Северном Орле» опять открылась сильная течь, и 16 апреля он вернулся в Портсмут. Стало ясно, что больше в море на «Северном Орле» выходить нельзя, и корабль был продан с торгов в Портсмуте, а вместо него посол Чернышев купил в Лондоне 40-пушечный английский фрегат и назвал его тем же именем. 29 августа 1770 г. экипаж старого «Северного Орла» перешел на фрегат «Северный Орел» и стал дожидаться подхода 3-й Архипелагской эскадры.

В начале мая 1770 г. Эльфинстон подошел к берегам Мореи и, не дождавшись указаний ни от Алексея Орлова, ни от Спиридова, высадил десантные войска в Колокифской бухте в порту Рупино и приказал им продвигаться к Миситре. Сам же Эльфинстон, услышав о близости турецкого флота, отправился отыскивать его и действительно 16 мая увидел турецкие корабли у острова Спеце. Не обращая внимания на то, что турецкий флот, состоявший из 10 кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов, был втрое сильнее его эскадры, честолюбивый Эльфинстон, не дождавшись соединения со Спиридовым, бросился на турок. Турецкий адмирал, полагавший, что перед ним только авангард русского флота, за которым следуют главные силы, поспешил укрыться под стенами крепости Наполи-ди-Романия. Эскадра Эльфинстона преследовала турецкие корабли и даже вошла в зону огня турецких береговых батарей. После трехчасовой перестрелки на больших дистанциях Эльфинстон отошел. Наши корабли получили незначительные повреждения, 10 человек было убито и ранено.

Продержавшись пять дней у входа в Навплийский залив и получив сведения, что эскадра Спиридова находится в Колокифской бухте,

Эльфинстон пошел навстречу адмиралу и соединился 22 мая с ним у острова Цериго.

После ухода эскадры Эльфинстона турецкий флот поспешил выйти из Навплийского залива, и наши соединенные эскадры настигли его уже у острова Бельпуло, где Эльфинстон со своих кораблей с предельной дистанции (2–3 версты) открыл по неприятелю огонь, который был малоэффективен из-за большого рассеивания ядер и слабого их действия. Преследуемые в продолжение двух дней турки наконец скрылись из виду между островами Зейя и Фермо, а наш флот зашел в залив Рафти, чтобы пополнить запасы пресной воды.

Между тем отряд Эльфинстона успел овладеть у Негропонта 4-пушечной неприятельской батареей. Действия Эльфинстона были чистой воды авантюрой. Используя несколько часов полного штиля, когда парусные корабли Эльфинстона были неподвижны, турки могли, применив для буксировки своих кораблей многочисленные гребные суда, окружить русских и полностью уничтожить. Только нерешительность турецкого командующего Хасан-бея спасла Эльфинстона.

Екатерина постоянно хитрила в кадровых вопросах. В результате и Спиридов, и Эльфинстон считали себя независимыми как друг от друга, так и от Алексея Орлова, и обосновывали это данными им рескриптами императрицы.

У Орлова же тоже был рескрипт, но куда более весомый. В нем Екатерина приказывала всем, в том числе Спиридову и Эльфинстону, подчиняться приказам Орлова так, как если бы они исходили от самой императрицы. В подтверждение этого Орлов приказал поднять на корабле «Три Иерарха» кайзер-флаг.

Алексей Орлов был энергичен, хитер и жесток, но ему пристало быть скорее не военным, а администратором, поскольку он никогда не командовал ни дивизией на суше, ни ботом на море.

Орлов приказал прекратить осаду Корона. Но вместо того, чтобы сосредоточить все силы у Наварина, к которому стягивались турецкие войска, Орлов решил брать крепость Модон. Однако в сражении под стенами Модона греческое ополчение при первом же натиске турок обратилось в паническое бегство. Немногочисленные русские десантники отступали организованно, но были вынуждены бросить всю артиллерию. Затем турки осадили Наварин. Орлов приказал взорвать укрепления Наварина, а войскам эвакуироваться на корабли.

11 июня все корабли русских сосредоточились у острова Милос. Командование флотом принял на себя Орлов, подняв кайзер-флаг на

корабле «Три Иерарха».

В донесение Екатерине Орлов причиной всех неудач выставил поведение греков. Екатерина поверила или по крайней мере сделала вид. Она утешала Орлова: «Хотя мы и видим теперь, что Морейская экспедиция не соответствовала своими следствиями мужественному от вас предпринятому ее отверстию по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства, кои особливо под Модоном толико пакости причинили».

Глава 8. Чесменское сражение

В начале июня 1770 г. турки собрали в Архипелаге довольно мощный флот: шестнадцать кораблей (один – 100-пушечный, один – 96-пушечный, четыре – 84-пушечных, два 74-пушечных, восемь – 60-пушечных), две 50-пушечные каравеллы, шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек^[33], галер, полугалер и других судов. На борту их находилось 15 тысяч человек и 1430 орудий.

Турецким флотом командовал Ибрагим Хосамеддин, назначенный на пост капитана-паши (капудан-паша, как произносили турки) за 2 месяца до этого, 26 апреля 1770 г. Ибрагим плохо разбирался в морском деле и был порядочным трусом. Фактическое руководство часто переходило в руки его заместителя – алжирца Гасана (Хасана) по прозвищу Джесайрлы, способного и храброго моряка.

Русская эскадра формально была значительно слабее, в ней насчитывалось девять кораблей, три фрегата, одно бомбардирское судно, три пинка, один пакетбот (второй пакетбот – «Летучий» – разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, 6500 человек и 608 орудий. Термин «зафрахтованные суда» употребляется в большинстве наших официальных военно-морских изданий. Но на самом деле это были корабли греческих пиратов, присоединившиеся к русской эскадре. Часть их была куплена в казну, но владелец, как правило, оставался капитаном, а экипаж состоял из «добровольцев»-греков. Подробнее о них мы поговорим позже.

Вечером 23 июня русская эскадра вошла в Хиосский пролив, где стоял на якорях турецкий флот. Увидев силы неприятеля, растерявшийся Орлов поехал на «Св. Евстафий» к Спиридову с традиционным русским вопросом: «Что делать?» Адмирал предложил решительно атаковать противника тремя колоннами.

В первую колонну (авангардию под командованием Спиридова) вошли флагманский корабль «Св. Евстафий» (командир – капитан 1-го ранга Круз), корабль «Европа» (командир – капитан 1-го ранга Клокачев) и корабль «Три Святителя» (командир – капитан 1-го ранга Зметевский). Около первой колонны должны были держаться фрегат «Св. Николай», бомбардирский корабль «Гром» и пакетбот «Почталион».

Во вторую колонну (кордебаталию под флагом главнокомандующего) вошли корабли «Три Иерарха» (командир – капитан-бригадир Грейг, он же

фактический командующий кордебаталией), «Св. Иануарий» (командир – капитан 1-го ранга Борисов) и «Ростислав» (командир – капитан 1-го ранга Лупандин).

В третью колонну (арьергардию под командованием Эльфинстона) вошли корабли «Не тронь меня» (командир – капитан 1-го ранга Бешенцов), «Святослав» (командир – капитан 1-го ранга Роксбург) и «Саратов» (командир – капитан 2-го ранга Поливанов). С третьей колонной должны были держаться, «действуя по обстоятельствам», фрегаты «Надежда Благополучия» и «Африка».

К рассвету 25 июня суда объединенной эскадры заняли места, отведенные им в колоннах.

В начале восьмого часа на мачтовых фалах корабля «Три Иерарха» взвился сигнал: «Гнать на неприятеля!»

За передовым кораблем «Европа» (капитан Клокачев) шел Спиридов на корабле «Св. Евстафий». «Европа», подойдя к ближайшим кораблям неприятельской линии на дистанцию около кабельтова, привела к ветру на левый галс и открыла огонь. Но вскоре, по настоянию лоцмана, объявившего, что курс ведет на камни, Клокачев должен был повернуть на правый галс и выйти из линии. Тогда на «Св. Евстафии» сосредоточились выстрелы трех турецких кораблей, из которых самый большой и ближайший был корабль главнокомандующего «Реал-Мустафа».

Адмирал Спиридов был так рассержен, что не удержался и закричал командиру «Европы» Клокачеву: «Поздравляю вас матросом», то есть на глазах у всей эскадры обвинил его в трусости и грозил разжаловать. Фактически же капитан Клокачев далеко не был трусом и во время дальнейшего развития боя блестяще доказал это.

Место «Европы» было занято кораблями «Св. Евстафий» и «Три Святителя». Последний скоро получил настолько серьезные повреждения парусов, что не мог держаться в строю и навалился на линию противника. Сразу же его место было занято кораблем «Иануарий», вслед за ним шел корабль «Три Иерарха».

В 12 ч. 30 мин. бой был в полном разгаре. Корабль «Три Святителя» под огнем противника благодаря самоотверженной работе личного состава исправил свои повреждения и снова вышел в линию четвертым кораблем. За ним вошел в строй «Ростислав», а затем «Европа». Находившиеся же в арьергарде три корабля Эльфинстона успел подойти только к концу сражения.

Ветер совсем стих. В центре сражения оказался «Св. Евстафий», подошедший к турецкому флагманскому кораблю на ружейный выстрел и

все более и более сближавшийся с неприятелем. Спиридов с обнаженной шпагой ходил по юту. Поставленным тут же музыкантам приказано было «играть до последнего». Сражающиеся корабли медленно сближались. На «Св. Евстафии» перебитый такелаж и рангоут, поврежденные паруса и множество убитых и раненых не представляли возможности отойти от противника, с которым перестреливались уже из ружей и пистолетов. Наконец корабли свалились в абордаже, и начался отчаянный рукопашный бой, во время которого загорелся турецкий корабль, и его грот-мачта, охваченная огнем, упала поперек «Св. Евстафия». Искры посыпались в открытую кюйт-камеру, и «Св. Евстафий», а вслед за ним и флагманский турецкий корабль взлетели на воздух.

Еще до взрыва адмирал Спиридов и граф Федор Орлов на шлюпке перебрались на корабль «Три Святителя». Это решение адмирала было, безусловно, правильным – командующий эскадрой не мог оставаться на аварийном корабле.

Из всего экипажа «Св. Евстафия» спаслось кроме Круза не более шестидесяти человек, погибло же около шестисот сорока.

Количество погибших турецких моряков осталось неизвестным. Противнику было не до спасения экипажа «Реал-Мустафы». Двойной взрыв и гибель флагманского корабля настолько деморализовали команды неприятельских судов, что флот перестал повиноваться Гассан-паше. В подчинении у турецкого флагмана оказался лишь 100-пушечный корабль «Капудан-паша» и две каравеллы, которые еще продолжали артиллерийскую дуэль с кораблями русского авангарда и кордебаталии, обстреливая преимущественно «Три Святителя» и «Три Иерарха». Остальные суда турецкого флота в беспорядке покинули боевую линию и, кто как мог, торопились уйти в Чесменскую бухту.

Стойкости у Гассан-паши хватило ненадолго. В половине второго последние корабли противника вышли из боя и укрылись в Чесменской бухте. (В античные времена Чесма именовалась Эфесом).

За исключением «Св. Евстафия» потери наши были весьма незначительны. Больше других пострадал корабль «Три Святителя»: из-за перебитых брасов его снесло в середину турецкого флота, где в дыму кроме неприятельского огня он попал под выстрелы нашего флагманского корабля «Три Иерарха». Корабль «Три Святителя» получил несколько пробоин в корпусе, рангоут и такелаж его были перебиты ядрами, и потеря людей убитыми и ранеными достигала 30 человек, тогда как на остальных судах она не превышала 12.

На следующий день (25 июня) корабли «Святослав» и «Три Иерарха»,

а также пакетбот «Почталион» вели перестрелку с турками у входа в бухту. Стрельба велась с больших дистанций и не причинила особого вреда ни одной из сторон.

Тем временем Алексей Орлов собрал военный совет, на котором было решено использовать против турок брандеры. В брандеры решили обратить четыре греческих корсарских судна. Снаряжение этих судов зажигательными веществами было поручено бригадиру Ганнибалу.

Командирами брандеров решено было назначить «охотников» (добровольцев) из артиллерийских офицеров. Среди таковых были отобраны капитан-лейтенант Дугдэль, лейтенанты Ильин и Мекензи, мичман Гагарин.

В тот же день, 25 июня, Орлов издал приказ, где было сказано: «Всем видимо расположение турецкого флота, который после вчерашнего сражения пришел здесь в Анатолии к своему городу Эфесу (по голландской карте Чесме), стоя у онога в бухте от нас на юго-восток в тесном и непорядочном стоянии, что некоторые корабли носами к нам на северо-запад, а 4 корабля к нам боками и на северо-восток прочие в тесноте к берегу как бы в куче. Всех же впереди мы считаем кораблей 14, фрегатов 2, пинков 6. Наше же дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь свободные руки, и для того по общему совету положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться, а около полуночи и приступить к точному исполнению, а именно: приготовленные 4 брандерные судна... да корабли “Европа”, “Ростислав”, “Не тронь меня”, “Саратов”, фрегаты “Надежда” и “Африка”... около полуночи подойти к турецкому флоту и в таком расстоянии, чтобы выстрелы могли быть действительны не только с нижнего дека, но и с верхнего...»

Турецкий флот представлял собой идеальный объект для атаки брандерами. Дело в том, что ширина Чесменской бухты у входа около 750 м, а длина ее не превышает 800 м. Турецкий флот стоял скученно в глубине бухты, и если вспомнить, что длина корабля была около 50–58 м, то можно себе представить, как плотно стояли турецкие корабли по ширине бухты.

Воспользовавшись полнолунием, русские корабли начали атаку в полночь с 15 на 16 июня. Первые полчаса вела огонь одна «Европа», но к часу ночи огонь открыли все русские корабли.

Где-то в половине второго ночи выстрелом из мортиры был подожжен первый турецкий корабль. С. К. Грейг писал: «В это время каркас,

брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и по такелажу; грот-стенга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем».

В этот момент с «Ростислава» было запущено две ракеты – сигнал брандерам начинать атаку. Первым двинулся брандер капитан-лейтенанта Дугдэля. Но он не успел пройти и половину расстояния, разделявшего русские корабли и противника, как был перехвачен двумя турецкими галерами. Дугдэль приказал экипажу прыгать в лодку, шедшую на буксире за брандером, а сам поджег его. Брандер был мгновенно объят пламенем. Но турецкие галеры быстро отошли от него.

Вторым предпринял атаку брандер под командованием лейтенанта Мекензи. Ему удалось достичь первой линии неприятельских судов, но его из-за неудачного маневра прижало к борту уже горевшего турецкого корабля, на который попали пылавшие обломки рангоута соседнего судна. И все же команда брандера успела покинуть его и благополучно возвратиться к месту якорной стоянки судов объединенной эскадры.

Где-то в 1 ч. 35 мин. – 1 ч. 50 мин. ночи в атаку вышел третий брандер под командованием лейтенанта Ильина. Неудача, постигшая Дугдэли и Макензи, так подействовала на Грейга, что он не удержался и крикнул Ильину, когда тот вел свой брандер мимо «Ростислава»: «Не под каким видом не зажигайте, пока не сцепитесь с неприятелем!» Лейтенант Ильин блистательно выполнил эту задачу: он подошел к головному турецкому кораблю борт о борт, схватился с ним, зажег брандер и, отъехав на шлюпке, еще остановился посмотреть, каково будет действие.

Справедливости ради следует сказать, что к началу атаки третьего брандера уже горела половина турецкого флота. Огонь с такелажа, рангоута и парусов корабля, подожженного «Громом», попал на соседние два корабля, а те, в свою очередь, распространили пожар далее.

Четвертый брандер мичмана Гагарина сцепился с уже горевшим турецким кораблем. Вскоре корабль, зажженный Ильиным, взорвался, разметав пылающие обломки на палубы стоявших рядом кораблей.

К трем часам ночи пожар на турецких кораблях сделался всеобщим. Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех кораблях, которые еще не загорелись. Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать, ужас, ошолобление и замешательство, овладевшие неприятелем: целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось». Огонь с

наших судов в это время по приказанию Грейга был прекращен.

В 4 часа Грейг, видя, что два наветренных турецких корабля, фланкировавшие линию турецких кораблей с севера, целы, отрядил присланные с эскадры гребные суда под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Булгакова для вывода их из бухты. Уже оба корабля были на буксирах шлюпок, но на один из них попали обломки взорвавшегося корабля, бывшего рядом. Этот корабль сам загорелся, был брошен и затем взорвался. Другой же корабль (60-пушечный «Родос») был выведен из бухты и доставлен победителям. Кроме того, гребные суда успели вывести пять больших турецких галер.

К утру у турок сторело четырнадцать кораблей, шесть фрегатов и до пятидесяти малых судов.

Потери русских были весьма малы: на корабле «Европа» было 3 убитых и 6 раненых, в корпусе 14 пробоин, из них 7 подводных; на корабле «Не тронь меня» 3 раненых; на корабле «Ростислав» не было ни убитых, ни раненых, но перебито несколько рангоутов, парусов, снастей, да одно 18-дюймовое каменное ядро пробило обшивку и застряло в ней. На других судах потерь и повреждений вообще не было.

Утром 27 июня Алексей Орлов отдал приказ собирать раненых турок для «перевязывания ран и подаяния возможной помощи». Большую часть пленных Орлов позже велел отпустить, лишь 86 знатных алжирцев были отправлены им на Мальту. В письме к Великому магистру Пинто Орлов предложил обменять их на мальтийцев, захваченных ранее алжирскими пиратами. Пинто был столь обрадован, что предложил русскому послу маркизу Кавалькабо отремонтировать на Мальте русский корабль «Ростислав». Позже, уже летом 1772 г., на Мальте был отремонтирован сильно поврежденный корабль «Саратов».

Возвращение же турецким властям пленных турецких моряков объясняется вовсе не «исключительно гуманным отношением к пленным» Алексея Орлова, как это хочет доказать Л. П. Полушкин в книге «Братья Орловы»^[34]. Во-первых, пленных турок попросту было негде содержать, а учинить избиение пленных, как это сделал через 28 лет генерал Бонапарт у Яффы, граф не решился. Во-вторых, узнав о гибели своего флота, мусульмане города Смирна^[35], расположенного в 70 верстах от Чесмы, устроили резню христиан. Русских там, естественно, не было, поэтому резали коренное население – греков, ведь до прихода турок Смирна была греческим городом, а также европейских купцов. Надо ли говорить, что убийство англичан и французов могло осложнить отношения этих держав с

Россией. Орлов получил письмо от европейских консулов в Смирне, где говорилось, что народ и войско в Смирне, приведенные в бешенство и отчаяние вестью о чесменском деле, бросились на греков и перебили их множество; два европейца были также убиты. Возмущение это навело ужас на всех европейцев; большая часть франков искала убежища на кораблях, остальные заперлись в своих домах, торговля прекратилась. «Эта грозная крайность, – писали далее консулы, – побудила нас уполномочить и послать к вашему сиятельству депутатов с изъяснением такого опаснейшего нашего состояния и с просьбою не обращать победоносное оружие ее императорского величества на этот торговый город, на который должно смотреть не как на неприятельское место, а скорее как на колонию, основанную разными нейтральными государствами; разрушать их торговлю и приносить их подданных в жертву великая российская императрица, конечно, не пожелает. Городовое управление ожидает освобождения и тех пленных, которые ваше сиятельство еще удержали у себя».

Граф ответил немедленно: «Как скоро я услышал о возмущении, приключившемся в Смирне, отложил намерение идти на оный город для сей одной причины, чтоб приближение нашего флота не распространило более еще распутства и беспорядков. Для сего я тотчас освободил янычар-агу со многими другими турками и поручил ему объявить правительству города вашего, чтоб как возможно скорее прекратить тамо своевольное убийство и особливо, чтобы в безопасность привести ваши особы. Я также весьма рад был бы согласиться на все то, что вы от меня требуете, если б не препятствовали тому разные причины: могу ли я безо всякого с другой стороны договорного со мною согласия ответствовать за то, на что неизвестные обстоятельства впредь меня побудят? Что же вы хотите меня уверить против принятых всеми понятий, что город Смирну должно почитать больше селением, основанным разными европейскими народами, нежели местом неприятельским, сие мне кажется непонятно. Сему вашему правилу последуя, должно бы мне и самый Царьград почитать таковым же, а по нем и все прочие приморские города, под владением турецким находящиеся, в которых есть несколько жительство народов европейских. Что касается торговли, будьте совершенно уверены: доколе флаг ее императорского величества будет в сих морях владычествовать, вы должны совершенно надеяться на защищение ее, чему вы уже ясно видели доказательства, лишь бы только в торговле сей ничего противного не было законам войны».

Екатерина была в восторге от чесменской победы. Она писала графу

П. А. Румянцеву: «Ничего знаменитее, кажется, в той стороне быть не может. Дивен Бог в чудесах своих!» Граф Алексей Орлов получил орден Св. Георгия 1-й степени и титул Чесменского; адмирал Г. А. Спиридов – орден Св. Андрея Первозванного; капитан-бригадир С. К. Грейг – орден Св. Георгия 2-й степени и чин контр-адмирала.

Екатерина написала о победе Вольтеру, в письме говорилось: «Что касается до взятия Константинополя, то я не считаю его столь близким, однако, в этом мире, говорят, не нужно отчаиваться ни в чем. Я начинаю верить, что это зависит более от Мустафы, чем от всякого другого... если он будет по-прежнему упорствовать, то непременно доведет свою империю до больших бед. Он забыл свою роль, он зачинщик».

Как обычно бывает: поражение становится сиротой, а победа имеет множество отцов. Лавры победы при Чесме наши историки не могут поделить до сих пор. Екатерина попыталась всему свету доказать, что главный герой Чесмы – брат ее фаворита и, скорее всего, тоже фаворит Алексей Орлов. Адмирал Эльфинстон приписывал все заслуги себе, поскольку Орлов действительно ничего не смыслил в морском деле. Аналогично высказывался и адмирал Самуил Карлович Грейг.

Наконец, князь Юрий Владимирович Долгоруков наводнил Россию мемуарами, где доказывал, что именно он убедил Орлова «искать турецкого флота и его атаковать». «Мы с Грейгом решительно сказали», что нужно атаковать. Это «мы с Грейгом» – любимая формула князя Долгорукова. И еще: «Тут опять Грейг со мной посоветовался, как турецкий флот истребить» и т. п. Долгоруков писал: «Накануне атаки Грейг ко мне подошел и просил, чтобы я взял команду над кораблем “Ростиславом”». Дело дошло до того, что в «Военной энциклопедии»^[36] сказано, что Долгоруков «настоял, чтоб флот наш искал турецкий и атаковал его... Перед Чесменским боем Долгоруков принял командование кораблем “Ростислав” и, командуя им, содействовал уничтожению турецкого флота».

На самом деле Ю. В. Долгоруков никогда и рыбацкой лодкой не командовал, да и не мог этого делать. В 1749 г. девятнадцатилетний недоросль стал унтер-офицером (обычно у нас и в Европе дворяне шли служить с 12–15 лет). К моменту убийства Петра III он был капитаном. Далее Екатерина чуть ли не ежегодно производила его в чин, в 1762 г. Долгоруков стал полковником, а через 3 года – генерал-майором. О его черноморских похождениях мы уже знаем. Командовал же «Ростиславом» в 1769–1771 гг. В. Ф. Лупандин, который получил за Чесму Георгиевский крест.

Что же касается «флотоводца» Ю. В. Долгорукова, то он после Чесмы

счел за лучшее отправиться в армию Румянцева на Дунай, где в следующем году получил чин генерал-поручика, а в 1774 г. стал генерал-аншефом.

В советское время, особенно после 1945 г., все лавры победителя достались адмиралу Спиридову. Екатерининские фавориты и иностранцы тогда не котировались. И вот уже в послеперестроечное время В. Д. Доценко в книге «Мифы и легенды Российского флота»^[37] утверждает, что главным героем Чесмы был С. К. Грейг.

По мнению же автора, подлинным командующим русского флота был адмирал Спиридов. Другой вопрос, что он являлся исполнителем стратегических задач, поставленных Екатериной II и Алексеем Орловым.

В заключение стоит сказать несколько слов о судьбе трофейного корабля «Родос». Вместе с русской эскадрой он ушел из Чесменской бухты к острову Лемнос. Вместо того чтобы использовать ценный боевой корабль в Архипелаге, Орлов решил устроить комедию и отослать «Родос» в Петербург на потеху петербургской знати, да и показать трофей Европе.

Дурацкая затея кончилась печально 22 октября 1770 г. «Родос» вышел из Аузы в порт Маон на Менорке. Но уже 31 октября в шторм у мыса Матапан на корабле открылась сильная течь. Его командир А. И. Круз решил пойти к берегу. 5 ноября корабль сел на камни в бухте Мезата. На берегу собралась толпа «вооруженных туземцев», которые пытались захватить «Родос». Круз отправил шлюпки к острову Цериго за помощью. Но она пришла лишь через 16 дней, а за это время на корабле «от изнурения» умерло 2 офицера и 19 матросов. На гребных судах экипажи переправили на остров Цериго, а «Родос» был сожжен, дабы не достался неприятелю.

Круз Адмиралтейств-коллегией был признан невиновным, но отказался более служить в Архипелаге и по прибытии в Россию получил отпуск на год с сохранением содержания.

Глава 9. Роковая ошибка графа Орлова

Еще 28 июня 1770 г., исправив повреждения, полученные в сражении, русские корабли покинули Чесменскую бухту. 1 июля отряд под командованием контр-адмирала Эльфинстона в составе кораблей «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегатов «Надежда» и «Африка», пинка «Святой Павел» и трех транспортов пошел к Дарданеллам для установления блокады.

7 июля отряд адмирала Спиридова в составе кораблей «Европа», «Три Святителя», «Св. Иануарий» и фрегата «Святой Николай» двинулись в крейсерство по Архипелагу.

Отряд контр-адмирала Елманова в составе фрегата «Надежда Благополучия», пинков «Венера», «Сатурн» и «Соломбала» стоял с июня по октябрь 1770 г. в порту Маоне. Там же был организован госпиталь для наших больных и раненых моряков.

Сам Алексей Орлов с кораблями «Три Иерарха» и «Ростислав», бомбардирским кораблем «Гром», фрегатами «Победа», «Слава» и «Парос», а также пакетботом «Почталион» 12 июля пошел к острову Лемнос. 14 июля отряд Орлова по пути осмотрел берега острова Самотраки и двинулся далее к Лемносу. На следующий день отряд Орлова подошел к острову Лемносу, где уже стоял корабль «Три Святителя» из отряда адмирала Спиридова. Орлов хотел захватить остров Лемнос и в бухте Пелари устроить главную базу «Архипелажной» эскадры. Для этого в первую очередь следовало овладеть крепостью Пелари. У Орлова сил и так было более чем достаточно, но он тянул 5 дней, находясь вблизи Пелари и дожидаясь подхода судов из отряда Спиридова. Наконец 19 июля подошли суда отряда Спиридова, за исключением корабля «Св. Иануарий», пришедшего к Лемносу 23 июля.

20 июля русские высадили десант на Лемнос и осадили крепость Пелари.

Между тем контр-адмирал Эльфинстон с эскадрой, преследуя турецкие суда, 14 июля вошел в пролив, стал на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. В Константинополе эта демонстрация произвела удручающее впечатление. Зато Орлов пришел в ярость и вместо

приказа о штурме Дарданелл написал Екатерине донос на Эльфинстона.

В результате Эльфинстону пришлось ограничиться блокадой Дарданелл: кораблем «Не тронь меня» – между Имбро и Румелией; кораблем «Саратов» и фрегатом «Африка» – между Тенедосом и Анатолией; кораблем «Святослав» и фрегатом «Надежда» – между Имбро и Тенедосом.

Блокада пролива была достаточно эффективна. 19 августа фрегат «Африка» отконвоировал к Лемносу целую флотилию захваченных торговых судов. 29 августа «Африка» вернулся к Дарданеллам.

Между тем на Лемносе осада крепости Пелари шла весьма удачно, и турки начали переговоры о капитуляции. 21 августа к острову пришел фрегат «Святой Павел», купленный накануне в Ливорно. Фрегат понравился командующему, и 27 августа Орлов перенес свой кайзер-флаг с корабля «Три Иерарха» на «Святой Павел».

Графу Орлову пришла в голову дурацкая мысль вызвать к себе «на ковер» Эльфинстона, как будто нельзя было письменно снестись с адмиралом, занятым блокадой Дарданелл. А тот был тоже непрост, и 5 сентября отправился к командующему не на легком судне, которых у него хватало (ехать-то было всего 50 миль по спокойному теплому морю), а на самом сильном корабле «Святослав».

Утром 6 сентября «Святослав» сел на камни у юго-восточной оконечности Лемноса. На корабле открылась сильная течь. Эльфинстон приказал срубить все мачты и выбросить часть тяжестей за борт, но это не помогло снять «Святослав» с камней. На следующий день на помощь флагману подошли суда его эскадры: корабль «Не тронь меня», фрегат «Надежда» и пинк «Святой Павел». 9 сентября Эльфинстон перенес свой флаг на корабль «Не тронь меня», туда же начали свозить и команду «Святослава».

По приказу Орлова к «Святославу» стянулась чуть ли не треть русской Архипелагской эскадры. Так, 12 сентября к «Святославу» подошли шесть греческих корсарских судов. 12–13 сентября от Дарданелл ушли последние остатки эскадры Эльфинстона – фрегат «Африка» и корабль «Саратов».

Теперь блокада Дарданелл была полностью снята. Этим не преминули воспользоваться турки. Алжирский адмирал Хасан набрал из религиозных фанатиков Стамбула 4 тысячи головорезов, вооруженных лишь саблями и пистолетами. Их посадили в гребные суда и скрытно высадили на Лемносе. Воинство Хасана незаметно подошло к позициям русских, осаждавших Пелари, и устроило резню. 26 сентября остатки русских войск были эвакуированы на суда. А на следующий день по приказу Орлова был

сожжен стоявший на камнях «Святослав». Понятно, что в иной ситуации корабль можно было спасти. Алжирца же Хасана султан наградил чином капудан-паши.

Непосредственным виновником аварии «Святослава» был английский лоцман Гордон. Но Орлов со Спиридовым пожелали все свалить на Эльфинстона. Кроме того, Эльфинстона обвинили в том, что он-де ослабил блокаду Дарданелл, благодаря чему «турки успели перевезти на Лемнос значительные силы, заставившие Орлова прекратить осаду крепости и удалиться с Лемноса».

По приказу Орлова Эльфинстон был с первой же оказией отправлен в Россию, а корабли его эскадры включены в состав эскадры (отряда) Спиридова.

Ряд наших военно-морских теоретиков рассматривают попытку захвата Лемноса лишь как возможность получить базу для флота для «ближней блокады» Дарданелл. По моему же мнению, захват Лемноса был частью плана по прорыву русской эскадры в Дарданеллы. Те же теоретики считают, что при «ближней блокаде» Дарданелл, осуществленной кораблями, базировавшимися на Лемносе, можно было полностью парализовать снабжение Константинополя морским путем, заставить турок заключить мир и т. д. На мой же взгляд, создание военно-морской базы русского флота на острове Лемнос было бы опасно для русских. Остров довольно большой – 480 кв. км, наряду с греками там проживало и турецкое население, хотя преобладало греческое. До проливов было около 60 верст, но до ближайшего острова Имбро – всего 20. Турки могли в ночное время или при безветрии на гребных судах высадить большой десант на Лемнос, и русским пришлось бы плохо. Для ближней блокады Дарданелл нужен был сильный русский гарнизон не только на Лемносе, но и на ближайших островах – Имбро, Самотраки и других. А достаточных сухопутных сил, как уже говорилось, у Орлова не было.

Глава 10. Как деревня Ауза стала столицей русской губернии

Итак, попытка прорыва русского флота в Проливы провалилась. Надвигалась зима – холода и шторма. О захвате какого-либо порта на материковой Греции нечего было даже и думать. Оставалось захватить какой-нибудь остров.

Кто предложил выбрать остров Парос главной базой русского флота – неизвестно. Во всяком случае, стратегически он выбран удачно. Парос принадлежит к Кикладским островам (южная часть Эгейского моря) и находится в центре их. Таким образом, владея Паросом, можно легко контролировать Эгейское море и подступы к проливу Дарданеллы, до которого около 350 км. До ближайшей точки полуострова Малая Азия от Пароса 170 км, и туркам высадить десант с материка на остров невозможно, не обеспечив себе господства на море.

15 октября 1770 г. эскадра графа Алексея Орлова в составе кораблей «Три Иерарха», «Ростислав», «Родос», бомбардирского корабля «Гром», фрегатов «Слава», «Победа» и «Святой Павел» прибыла к острову Парос.

24 ноября к Парусу пришли фрегат «Надежда Благополучия» и пинк «Сатурн». К 4 декабря там собрались почти все суда Архипелагской эскадры.

В течение нескольких месяцев конца 1770 г. и начала 1771 г. 27 населенных островов Эгейского моря были заняты русскими или добровольно перешли на их сторону, причем население островов обращалось к командованию эскадры с просьбой принять их в подданство Екатерине II. Фактически в Эгейском море вокруг Пароса образовалась губерния Российской империи.

Несколько слов стоит сказать о самом Паросе. В различные периоды истории его называли Пактия, Миноксо и Ирия. Площадь острова составляет 196 кв. км, длина побережья – около 60 км, а максимальная длина острова – около 25 км. Для сравнения: площадь Мальты – 220 кв. км. На острове преобладают каменистые породы, известняки, много мрамора, за что греки называли Парос Белым островом.

Парос имеет две большие бухты, удобные для стоянки кораблей. На северном берегу расположена бухта Ауза (Наусса). Ширина входа в нее 800 сажень (1707 м), длина бухты 2700 сажень (5762 м). На юго-восточной стороне острова три небольших островка образуют с Паросом большой

рейд Порто Трио. Интересно, что вода, пригодная для питья, была обнаружена русскими именно у этих двух бухт. В прочих местах острова вода «нечиста и нездорова». В Аузе русские сделали водохранилище и провели водопровод.

На Кикладских островах и в том числе на Паросе постоянные поселения были уже в третьем тысячелетии до нашей эры. В истории есть даже термин «Кикладские идолы», то есть статуэтки XXIV–XV веков до н. э. В античные времена Парос был известен как родина Архилоха (VII в. до н. э.), основоположника ямбической поэзии.

В XIV–XVII веках Парос несколько раз переходил от византийцев к венецианцам и туркам. На юге острова до сих пор существуют остатки венецианской крепости Сунгон, разрушенной турками в XVII веке.

Подобно ряду других островов Архипелага, в XVII веке и в начале XVIII века Парос был пристанищем пиратов. Уже упомянутый Робертс писал, что только пираты знали секрет входа в бухту, прегражденную большим подводным рифом и старой затопленной насыпью. Между двумя соседними островами – Парос и Антипарос – пираты умудрились построить подводную стену с несколькими узкими проходами, также державшимися ими в строжайшей тайне.

К моменту захвата русскими на Паросе проживало 5 тысяч человек, в подавляющем большинстве православных греков. Они занимались хлебопашеством, виноградарством и овцеводством. Население острова влачило нищенское существование.

Турецких властей на острове не было, и греки радостно приветствовали наши корабли. Русские моряки использовали обе бухты острова – Аузу и Трио, где были оборудованы стоянки кораблей. Но столицей «губернии» стал город Ауза, построенный русскими на левом берегу одноименной бухты.

Первым делом бухта была укреплена, на ее левом берегу построили два редута с каменными брустверами на девять и восемь 30- и 24-фунтовых пушек. На островке у входа в бухту расположили 10-орудийную батарею. Соответственно, была укреплена и бухта Трио.

На левом берегу бухты Ауза возвели здание Адмиралтейства. Да, да! Российского Адмиралтейства! Балтийский флот имел Адмиралтейство в Петербурге, на Черном море Адмиралтейства вообще не было, как не было и флота, а вот на Средиземном море возникло Адмиралтейство для нашего Архипелагского флота. В Аузу из Петербурга были выписаны десятки корабельных мастеров, включая знаменитого А. С. Касатонова, который позже стал главным инспектором кораблестроения. 3 июля 1772 г. адмирал

Спиридов выдал Касатонову премию 50 червонцев с объявлением в приказе.

Корабли в Аузе не строили, да и в этом нужды не было, но ремонтировали корабли всех рангов. Зато строили в большом числе малые парусные и разнообразные гребные суда.

Адмиралтейство было видно в море издалека благодаря высокой сигнальной мачте. Рядом с Адмиралтейством выстроились многочисленные флотские магазины (склады), а подальше располагались пороховые склады. Ну, и как у нас в России, первыми строились особняки из мрамора для местного начальства – контрадмирала Борисова, бригадира Ганнибала и др.

Аузу заполнили различные административные здания, пекарни, прядильни, казармы матросов. Замечу, что сухопутные войска по каким-то объективным, а скорее субъективным соображениям дислоцировались вне города. Так, казармы Шлиссельбургского пехотного полка располагались на правом берегу бухты Ауза. Чуть дальше находились лагеря греков, славян и албанцев. В глубине острова располагался лагерь лейб-гвардии Преображенского полка.

Между тем на Средиземное море с Балтики прибыло пополнение. 15 июля 1770 г. из Ревеля вышла 3-я Архипелагская эскадра в составе новых 66-пушечных кораблей «Всеволод» и «Св. Георгий Победоносец», а также нового 54-пушечного корабля «Азия». Эскадра конвоировала зафрахтованные британские суда, которые везли в Архипелаг оружие и провиант. Кроме того, на борту этих судов было 523 гвардейца Преображенского полка и 2167 человек пехоты других полков. Командовал эскадрой контр-адмирал Иван Николаевич Арф, приглашенный Екатериной II в 1770 г. из королевского датского флота. Вместе с ним на кораблях эскадры было принято несколько десятков датских офицеров и матросов.

В Англии к эскадре присоединился 40-пушечный фрегат «Северный Орел», купленный в Лондоне, с командой с проданного одноименного корабля.

Эскадра Арфа шла по проторенному 1-й Архипелагской эскадрой маршруту: Англия – Менорка.

19 октября эскадра контр-адмирала Арфа в составе кораблей «Всеволод», «Азия» и «Победоносец», фрегата «Северный Орел» и шестнадцати транспортов прибыла в порт Маон. Корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» и три транспорта остались зимовать в порту Маоне. А остальные суда эскадры Арфа 25 декабря прибыли в российскую военно-морскую базу Ауза.

Плавать в Архипелаге контр-адмиралу Арфу пришлось совсем недолго. Он не поладил с Орловым, и 15 июля 1771 г. граф предложил Арфу отправиться в Петербург. Вместе с контр-адмиралом изъявило желание вернуться в отечество большинство офицеров и матросов датчан с его эскадры. Уведомляя об этом императрицу в своем донесении от 16 июля 1771 г., Орлов просил ее, как особой милости, чтобы в случае отправления новой эскадры из России составить ее из российских матросов, офицеров и командиров, «ибо от своих одноземцев не токмо с лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требует, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей довольно уже усмотрено между российскими людьми и иностранными великое различие, а притом и неразумение иностранного языка делает невинное несогласие и затруднение».

Контр-адмирал Арф прибыл в Петербург в январе 1772 г. А 31 марта того же года он был уволен Высочайшим указом со службы в Российском флоте, с пожалованием ему единовременной награды в 5 тыс. рублей.

Но вернемся к делам архипелажным. С января 1771 г. стали пользоваться еще одной базой на острове Миконо (в настоящее время Миконос), расположенном примерно в 35 км к северо-востоку от Пароса. 16 января туда прибыл фрегат «Надежда Благополучия», а 21 января – корабли «Азия» и «Победоносец». С этого времени остров Миконо стал вторым по значению пунктом базирования русского флота в Архипелаге после Пароса.

Губерния из 27 островов должна была обеспечивать флот численностью до 50 вымпелов и несколько пехотных полков. Поэтому острова были обложены податью (10-процентным налогом) на хлеб, вино, строевой лес и т. д. Определенная доля налога взималась деньгами. Кроме того, часть этих товаров покупалась русскими властями, но установить пропорцию между оплачиваемыми товарами и собираемыми налогами автору не удалось.

Например, на острове Парос не было леса, поэтому строевой лес доставляли с островов Имбо и Тассо. Замечу, что Имбо находится всего в 17 милях от Дарданелл, и там располагалась передовая база русского флота. В Екатерининской бухте стояли корабли и суда, блокировавшие Дарданеллы. На Имбо жило 3 тысячи греков под управлением епископа, они-то и поставляли лес русским. Остров Тассо имеет 30 миль в окружности. На нем жило 4 тысяч православных греков, ими также управлял епископ.

Замечу, что и на других островах епископы, как православные, так и

католики, охотно сотрудничали с русскими властями и исполняли как бы роль городничих в островной губернии. Так, например, на острове Наксия^[38] в 4 милях к востоку от Пароса, окружностью 60 миль, жило 6 тысяч греков, как православных, так и католиков, и у каждой общины был свой епископ. С Наксии русские власти получали хлеб, вино, дровяной лес и хлопчатобумажную ткань. Русские власти учредили на острове греческую гимназию, где учились не только наксийцы, но и жители других островов. Забегая вперед, скажу, что в 1775 г. при эвакуации «губернии» все учащиеся гимназии (с их согласия) были вывезены в Петербург. Многие из них позже заняли важные государственные посты в России и других странах.

Понятно, что «губерния» все же не могла обеспечить все нужды флота и сухопутных войск. Оружие, обмундирование и продовольствие везли морем из России и Англии, но это выходило крайне дорого. Все, что желали русские, охотно продавали мальтийцы и жители вольного города Ливорно, но и там цены «кусались». Поэтому основным источником снабжения губернии стало пиратство... пардон, извиняюсь, корсарство.

Глава 11. Флибустьеры белого моря

С приходом 1-й Архипелагской эскадры к берегам Мореи в море вышли десятки греческих пиратских судов, которые начали нападать на турецкие суда. Собственно, как уже говорилось, ничего нового в этом не было. Средиземное море и до 1769 г. кишело пиратами всех национальностей – варварийскими^[39], мальтийскими и т. д. Замечу, что случаи полного уничтожения экипажа и пассажиров судна были часты, но в подавляющем большинстве случаев знатных пленников отдавали за выкуп. Притом условия торга были честными – личность посредника неприкосновенна, а с пленными хорошее обращение. Тех же, за кого выкуп явно не светил, включали в состав команд пиратских кораблей, отпускали на волю или продавали в рабство. Вообще в XVIII веке в Восточном Средиземноморье, которое турки называли Белым морем, пиратов считали, в общем-то, достойными людьми, занимающимися полузаконным промыслом.

Кстати, о законности. Уже в XV–XVI веках монархи Западной Европы стали выдавать пиратам каперские свидетельства, которые позволяли им нападать на корабли неприятеля уже на законных основаниях. К середине XVIII века, согласно морским законам, капером считался корабль, который с разрешения правительства снаряжается для военных действий частным лицом и укомплектовывается вольнонаемной командой. Слово «капер» происходит от германского «сапер». У французов каперы назывались корсарам (corsaire), у англичан – приватирами (privateer). Любопытно, что в служебной переписке русские моряки и дипломаты во времена Екатерины Великой использовали все три термина – каперы, корсары и приватиры, подразумевая одно и то же. Я же, чтобы не путать читателя, буду называть их корсарам.

Суда же корсаров, кроме трех уже перечисленных терминов, назывались крейсерскими. Крейсера же в современном понимании этого слова в русском флоте появились 1 февраля 1892 г., когда по Высочайшему повелению состоявшие в составе флота казематные фрегаты, корветы и клипера были переклассифицированы в крейсера, а башенные фрегаты – в броненосцы береговой обороны.

Замечу, что с петровских времен и до 1892 г. в русском флоте классификация судов (фрегаты, корветы, бриги и т. д.) шла не по их размерам, водоизмещению или артиллерийскому вооружению, а по

парусному вооружению. Были и исключения. Так, к примеру, бомбардирские суда отличались от других судов исключительно вооружением. Они имели орудия крупного калибра: две 5-пудовые мортиры для навесной стрельбы и две 3-пудовые гаубицы для настильной стрельбы. (До начала XX века в России гаубицы и единороги имели максимальный угол возвышения около 20°, и лишь в редких случаях – до 25°, то есть навесная стрельба из них была исключена.)

Бомбардирский корабль мог нести различное парусное вооружение – фрегата, брига^[40] и др. Точно так же и крейсерские (корсарские) суда именовали по их назначению. Они могли нести самое различное артиллерийское и парусное вооружение.

По законам XVIII века государство не только выдавало каперам патент на ведение боевых действий, но и брало с них залог для выплаты компенсаций жертвам незаконных каперских действий. Екатерина II установила сумму залога в 20 тыс. рублей. Другой вопрос, что, видимо, его никто не платил, а матушка-государыня просто соблюдала приличия. Да и откуда у нищих греков такие деньги?!

Формально корсары должны были соблюдать все обычаи морской войны и все захваченные суда (призы) доставлять в порты государства, выдавшего патент, где морской суд рассматривал правомерность захвата. Надо ли говорить, что подобные процедуры в XVIII веке выполнялись крайне редко, и даже не из-за злой воли корсаров, а просто из-за технической невозможности их реализации.

По морским законам пиратством считается «морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину, в корыстных целях и против чужой собственности»^[41]. Военные суда всех национальностей были обязаны преследовать пиратские суда, а захваченных в плен пиратов судить вплоть до применения смертной казни.

Но законы законами, а не только корсары, но и военные суда в XVIII веке занимались форменным пиратством, действуя не по морским законам, а с точки зрения целесообразности, то бишь «по понятиям». Особенно этого и не скрывали. Так, в XVII веке британский адмирал Дрэк Нет официально заявил: «Нет мира вне европейских вод», то есть вне этих вод не действуют законы морской войны. Замечу, что «европейскими водами» Восточное Средиземноморье ни англичане, ни французы не считали.

Общее число пиратских или корсарских судов – пусть каждый именует их по желанию, – действовавших в 1770–1774 гг., было не менее 500. Все эти суда можно разделить на три категории.

В первую входили несколько судов, купленных Россией. Их владельцы, как правило, принимались на русскую службу, им присваивались офицерские чины, а вольнонаемная команда из греков, албанцев, славян и т. д. вроде бы тоже состояла на русской службе и получала жалованье. Эти суда поднимали Андреевский флаг и включались в списки судов Архипелагских эскадр. Современные историки о таких судах скромно говорят: «добровольно присоединившиеся к Архипелагской эскадре».

Во вторую категорию входили каперские (крейсерские) суда, которые считали себя российскими каперами и по мере необходимости поднимали Андреевский флаг. Периодически командование русской эскадры снабжало такие суда деньгами, оружием и продовольствием.

К третьей, самой многочисленной, категории относились суда, не подчинявшиеся русским властям и не имевшие с ними зачастую никаких дел. Но опять же при необходимости они поднимали русский Андреевский флаг. Тут справедливости ради надо заметить, что русские военные суда в Архипелаге очень часто нападали на турецкие и иные суда, вообще не поднимая флага.

Понятно, что русское командование старалось не афишировать действия греческих корсаров, и в служебных документах они упоминались крайне редко. Поэтому в истории остались названия лишь самых больших корсарских кораблей.

Рассмотрим судьбу нескольких «полурусских» фрегатов. Фрегат «Григорий» был куплен Россией в Архипелаге в конце 1770 г. Известны лишь его размеры: длина 33,9 м, ширина 8,7 м, осадка 5,1 м. Командиром первое время был неизвестный грек, а с 1771 г. по 1774 г. – русский, А. Б. Давыдов.

Фрегат «Парос» также был куплен в Архипелаге. Размерения его: длина 25,6 м, ширина 6,8 м, осадка 3,1 м. Вооружен 10 пушками. Командовал им в 1770 г. Н. С. Скуратов, а с 1771 г. Ф. Я. Мистров.

Фрегат «Победа» куплен в Архипелаге в 1770 г. 16-пушечный. Командиром первоначально был грек, а с 1772 г. П. Козлятев.

Фрегат «Федор» куплен в Архипелаге в 1770 г., командир А. П. Муромцев. 17 октября 1771 г. при переходе от острова Тассо к острову Имбо на фрегате открылась сильная течь. «Федор» попытался выброситься на мель у острова Св. Евстратия, но затонул. Всему экипажу удалось спастись.

Кроме того, в Архипелаге в 1772 г. у частных владельцев были куплены фрегаты «Запасной» и «Помощный» (с 1771 г. до августа 1774 г.

служил брандвахтой в порту Ауза). Национальный состав команд на обоих фрегатах неизвестен, но крайне маловероятно, что там были русские матросы, которых не хватало. Даже на 66-пушечных кораблях приходилось ставить матросами иностранцев.

На этом список «полурусских» судов кончается. Следующий фрегат, «Святой Николай», «в 1770 г. добровольно присоединился к 1-й Архипелагской эскадре»^[42]. На самом же деле владелец судна грек А. И. Поликути привел в феврале 1770 г. свое судно на рейд Витуло, где стояла русская эскадра. Орлов формально купил судно, и оно стало числиться 26-пушечным фрегатом. Поликути получил чин лейтенанта русского флота, а его команда стала матросами русского флота. 21 февраля 1770 г. на «Св. Николае» был поднят Андреевский флаг.

Фрегат «Святой Павел» был куплен Россией в 1770 г. в Ливорно. Его размерения: длина 28,7 м, ширина 7,6 м, осадка 2,2 м. Вооружение: 22 пушки. Командиром стал грек Панайоти^[43] Алексиано. На русскую службу он поступил еще в 1769 г. в Ливорно и участвовал в Чесменском сражении на корабле «Ростислав». В конце сражения Панайоти был отправлен на шлюпке к турецкой галере, захватил ее и вывел из строя горящих кораблей. За это его произвели в лейтенанты русского флота и назначили командиром фрегата «Св. Павел».

Панайоти Алексиано участвовал в осадах крепостей Цефало (1771) и Яффа (1772), крепостей на островах Карибода и Имбро (1774). В 1771 г. Панайоти сжег у острова Станчо стоявшее на мели турецкое судно. В следующем году в заливе Дамьетта у берегов Египта Панайоти потопил два турецких фрегата и много мелких судов. В 1772 г. он у острова Родос захватил турецкие трекатру, полаку и фелюгу^[44], а в том же году у Яффи еще две фелюги.

В 1776 г. Панайоти Алексиано стал командиром 66-пушечного корабля «Святой Александр Невский» на Балтике. В 1783 г. он был произведен в капитаны 1-го ранга и отправлен на Черное море. В 1787 г. участвовал в бою с турками в Днепровском лимане, командуя кораблем «Владимир». На этом корабле он и умер 8 июля 1787 г. уже в чине контр-адмирала.

О фрегате «Слава» и его командире корсаре графе Марке Войновиче при желании можно написать целый роман. Начнем с того, что в графы Российском империи его никто не производил. Просто появился в 1770 г. то ли серб, то ли черногорец Марк (Марко) Иванович Войнович и заявил, что он граф. Матушка Екатерина разбираться не стала – крайне нужно было пушечное мясо, и, присвоив чин мичмана, определила его на 66-пушечный

корабль «Святой Георгий Победоносец», отправлявшийся 30 июня 1770 г. из Ревеля в Архипелаг в составе эскадры контр-адмирала И. Н. Арфа.

В начале 1771 г. мичману Войновичу поручили командовать корсарской полакрой «Ауза». Замечу, что она и в списки судов российского флота не входила. А в том же 1771 г. Войнович стал командиром 16-пушечного фрегата «Слава», купленного Россией в Архипелаге в 1770 г.

С 1771 г. по 1774 г. Войнович на «Славе» почти непрерывно крейсировал в море, нападая на крепости и захватывая турецкие суда. К этим его подвигам мы еще вернемся. Марк Войнович был произведен в майоры русской службы и награжден орденом Георгия 4-й степени. В 1776 г. фрегат «Слава» был продан в Ливорно, а Марк Войнович отправился в Россию. На Балтике в 1777 г. бывший пират Марк стал командовать гребным фрегатом «Св. Марк». Интересно, отсутствовало ли чувство юмора у командования Балтийского флота, или, наоборот, не знало меры? В 1780 г. капитан 2-го ранга Марк Войнович направился на Каспий. Там отряд из трех фрегатов, бомбардирского корабля и трех ботов направляется к южным берегам Каспийского моря и остается на зимовку в Астрбадском заливе. 15 декабря 1781 г. Войнович был захвачен в плен персидским ханом Ага-Магометом, но через 2 недели выкуплен за большую сумму. В 1782 г. Войнович с отрядом судов возвращается в Астрахань. В следующем году его производят в капитаны 1-го ранга и отправляют на Черное море, где с 1785 г. он командует Севастопольской корабельной эскадрой.

В 1787 г. Екатерина произвела Войновича в контр-адмиралы. Но, увы, к этому времени лихой пират превратился в тучного и осторожного чиновника, каким мы его и видим в кинофильме «Адмирал Ушаков». Это он 3 июля 1788 г., впервые увидев турецкую эскадру, обращается с вопросом к бригадиру Федору Ушакову: «Батюшка, турки идут! Что делать?»

После боя Войнович получил Георгия 3-й степени, но Потемкин потребовал убрать «героя» к известной матери... Екатерина подумала-подумала и отправила Войновича в 1790 г. на Каспий – а вдруг его персы опять украдут?! Но и персам он оказался не нужен. В результате в 1791 г. императрица вовсе уволила его со службы.

После смерти Екатерины II Марк Иванович явился к Павлу и чем-то ему понравился. В 1796 г. император произвел его в вице-адмиралы, а через 3 года – в полные адмиралы. Заслуги же старого пирата в царствование незабвенного Павла Петровича история от нас утаила.

Еще одним адмиралом стал корсар Антон Павлович Алексиано^[45]. Он

поступил на русскую службу в 1770 г. В 1772 г. мичман А. Алексиано назначается командиром купленного в Архипелаге 22-пушечного фрегата «Констанция» (длина 27,3 м, ширина 7,1 м, осадка 3,7 м). На нем А. Алексиано и плавал до конца войны. В ходе Второй турецкой войны он командовал 40-пушечным фрегатом «Св. Иероним» на Черном море. В 1798 г. в ходе войны с Францией Алексиано командовал кораблем «Богоявление Господне» и участвовал в захвате островов Цериги, Занте и Корфу, а 29 октября того же года захватил 18-пушечную французскую шебеку. Скончался Антон Алексиано в Севастополе, находясь на службе в чине вице-адмирала.

Я не выбирал отдельных наиболее выдающихся корсаров, просто из четырех капитанов корсарских фрегатов, купленных в казну, три стали адмиралами русского флота. А зря такие чины у нас безродным иностранцам не давали.

Храбрые корсары, делавшие головокружительную карьеру в русском флоте, были не только греки. Вот, к примеру, некий «мальтийский кавалер» граф Мазини^[46] в начале 1770 г. на собственные деньги плавал в Архипелаге. «За выдающиеся заслуги» 4 декабря 1772 г. Екатерина II пожаловала графа в контр-адмиралы «сверх комплекта». После войны контр-адмиралу Мазини было предложено отправиться в Кронштадт, но он заявил, что там для него слишком холодно. Императрица дала отставку Мазини с выплатой адмиральского жалованья пожизненно.

Греческие корсары, действовавшие в Архипелаге, делились с русским командованием не только добычей, но и захваченными кораблями. По просьбе Орлова самые большие и быстроходные турецкие суда доставлялись в Аузу, где их переделывали во фрегаты.

Таким образом, в 1770–1772 гг. в строй русских эскадр были введены фрегаты «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Миконо», «Минерва» и «Санторин». Правда, часть из них оказалась негодной для боевых действий и числилась в составе эскадры только на бумаге. Те же «Мило», «Андро» и «Миконо», переоборудованные в Аузе во фрегаты в 1771 г., простояли там без дела более года, а затем в 1772 г. были разобраны на дрова. Зато другие активно действовали в Архипелаге, а потом еще лет 10 плавали на Черном море.

Весьма любопытный приз вручили корсары Алексею Орлову осенью 1770 г. Лихие пираты захватили у самого малоазиатского берега турецкое судно, на борту которого оказалась семнадцатилетняя красавица – дочь того самого алжирского адмирала Гассана, с которым русские сражались при Чесме. Она плыла из города Масира в Константинополь.

Орлов, узнав о подарке корсаров, категорически запретил любопытным офицерам знакомиться с ней и даже сам не заходил в ее каюту. (Хотя, может, и заходил...) Во всяком случае, он отпустил девушку в Стамбул, да еще подарил ей брильянтовый перстень. Гассан-бей не остался в долгу и послал графу великолепных арабских скакунов с богато украшенной упряжью.

Слухи о «галантности» Орлова дошли до императрицы, и та написала Алексею: «...услышала я, что у вас пропал перстень с Моим портретом в чесменскую баталию, тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желая вам носить оный на здоровье. Потерян перстень, вы выиграли баталию и истребили неприятельский флот; получая другой, вы берете укрепленные места».

Под «укрепленными местами» Екатерина явно подразумевала Дарданеллы, но Орлов давно решил, что сей орех ему не по зубам.

Глава 12. Кампания 1771 г.

Получив бриллиантовый перстень, Алексей Орлов вместо Дарданелл отправился в Петербург. 13 ноября 1770 г. Орлов отбыл из Аузы, оставив вместо себя командовать Спиридова, и на корабле «Три Иерарха» прибыл в Ливорно. Там он заказал художнику Филиппу Гакерту серию картин, посвященных Чесменскому сражению. Говорят, что художник заявил, что он никогда не видел взрывающихся судов. Тогда Орлов приказал в Ливорно кораблю «Три Святителя» расстрелять начиненный взрывчатым веществом русский корабль. Сам Орлов наблюдал за взрывом в обществе своей новой возлюбленной – итальянской поэтессы Кориллы Олимпикки.

Брат Алексея Федор тоже собрался в Петербург, но по неясным причинам застрял в Мессине на острове Сицилия.

В Петербурге Алексей Орлов объявился только в начале марта 1771 г., а 8 марта он появился на Совете вместе с императрицей. Заседание открыла сама Екатерина, рассказав о боевых действиях на Средиземном море. Ее речь была похожа на выступление адвоката в защиту Орлова. Провал захвата острова Лемнос она, естественно, списала на адмирала Эльфинстона.

«Генерал граф Орлов, – говорила императрица, – видеv, что большая часть кораблей без починки не могут выдержать зиму на море, почитая же за нужное, чтоб нас уведомить о всех бывших происшествиях и требовать дальнего повеления, а притом был болен сильною лихорадкою и имел многих больных на своем борте, пошел к Паросу, где и ныне еще находится адмирал Спиридов, из Пароса же в Ливорну, оттуда намерен был отправить генерал-поручика графа Федора Орлова, при котором вся канцелярия находится, сюда с рапортом и требованием повеления; но долговременный карантин и болезнь задержали в Мессине генерал-поручика графа Орлова, что видя, генерал граф Орлов, и опасаясь, чтобы по причине приближающейся весны не опоздать, взял намерение и сам поехал сюда, дабы за неимением при себе письменных дел сделать обо всем словесное объяснение».

Многое из этой бестолковой речи было непонятно^[47], но переспрашивать Екатерину никто не посмел.

За Екатериной выступил Орлов. Он повторил рассказ о кампании 1770 г., описывал нравы местных жителей Архипелага и как мало на них можно полагаться, описывал выгодное положение островов «губернии», с

которых можно получать все пропитание, и закончил тем, что надо бы проучить рагузинцев за то, что их суда были в турецком флоте во время Чесменского сражения.

14 марта в Совете в присутствии Орлова были зачитаны приготовленные для него рескрипты: один о действиях флота в будущую кампанию, а другой о заключении мира с Портой, если представится удобный случай.

В первом рескрипте говорилось: 1) Держаться, сколько возможно, перед Дарданеллами и запирать тамошний канал, чтоб не допускать подвоза съестных припасов в Константинополь «и тем самым умножать в тамошнем народе разврат, волнение и огорчение противу правительства за продолжение ненавистной ему войны». 2) Когда русский флот будет держать таким образом все острова Архипелага позади себя, то Константинополь будет считать их для себя потерянными, по крайней мере, на все время продолжения войны, и лишится собираемых с них податей и других поборов.

Вторым рескриптом Орлову предоставлялось право вступать с турками в переговоры о мире. Но тут Орлов потребовал, чтобы ему были предписаны необходимые условия мира. Зная, что в условиях, принятых Советом, заключалось требование уступки одного из архипелагских островов, Орлов выступил против этого требования, уверяя, что из-за него продолжится война с турками, и Россия втянется в распри с христианскими государствами. К тому же, не отступал Орлов, в Архипелаге нет острова, гавань которого не требовала бы укреплений и средств для его удержания. Укрепления эти будут стоить больших денег, которые не возместятся торговлей, поскольку торговля также выгодно может производиться Черным морем в Константинополь.

После долгих споров Н. И. Панин написал последние условия мира: независимость татар; независимость Молдавии и Валахии; или в случае их возвращения Порте последняя должна вознаградить Россию деньгами за военные убытки; свободное плавание по Черному морю; Кабарда по-прежнему остается независимой от обеих империй.

На заседании Совета 17 марта Орлов в присутствии императрицы повторил свои возражения против приобретения одного из островов Архипелага. Но Екатерина возразила, что приобрести остров она желает прежде всего для того, чтобы турки всегда имели перед глазами доказательство полученных Россией над ними преимуществ и потому были бы умереннее в своем поведении относительно ее. Остров необходим, продолжала императрица, и для установления там нашей торговли и для

пользы нашим мореплавателям. Однако, заключила императрица, она не хочет, чтобы эти ее желания были препятствием к заключению мира.

В конце концов Алексей Орлов отправился к эскадре. Ехал он медленно. По пути останавливался в Вене, и там в ходе застолья в присутствии Дмитрия Михайловича Голицына и иностранцев вдруг начал вспоминать события 1762 г. в Ропше. Французский историк Ж. Кастера в своем труде «Жизнь Екатерины II» так описывал этот эпизод: «Однажды вечером, когда он [Алексей Орлов. – А.Ш.] ужинал у русского посланника вместе с многочисленным обществом, он заговорил о революции, которая лишила трона Петра III. Никто не осмелился задать ему ни малейшего вопроса по поводу смерти несчастного царя. Алексей Орлов рассказал об этом по своему собственному побуждению; и видя, что все, кто это слышал, дрожали от ужаса, он подумал, что оправдывается в совершенном им преступлении, сказав, “что для человека столь гуманного, как он, было очень печально оказаться принужденным сделать то, что ему приказали”».

Французский посланник при венском дворе со слов своего соотечественника Беренжера записал то же самое, только другими словами: «Граф Алексей Орлов сам заговорил об ужасной истории... он должен был против своего убеждения сделать то, что от него потребовали. Этому генералу, физическая сила которого неимоверна, было поручено удавить своего государя, и кажется, что угрызания совести его преследуют».

Алексей Орлов был умным человеком, и он никогда просто так не позволил бы себе проболтаться о событиях девятилетней давности. Ясно было, что поездка Орлова в Петербург и «откровения» в Вене – его реакция на альковные дела императрицы. Ведь именно в это время его старший брат Григорий перестал быть любовником императрицы, хотя и сохранил свои должности и привилегии.

Естественно, императрице немедленно доложили о выходке Алексея, но она внешне никак не реагировала, и лишь в письме от 6 июня 1771 г. она заметила Алексею Орлову: «Из газет и писем братца вашего [Федора. – А.Ш.] и ваших, усмотрела я с удовольствием, что вы приехали в добром здравии из Вены в Ливорну».

Императрица тактично дала понять графу, что венский инцидент ей известен. На этом конфликт между Екатериной и Алесеем Орловым не то что был закончен – скорее он был притушен. Обе стороны боялись разрыва. Зато «междусобойчики» императрицы и ее фаворитов дорого обошлись нашему флоту.

Алексей Орлов был патологически ревнив к чужой славе, и он категорически запретил Спиридову в свое отсутствие затевать какие-либо

серьезные операции против турок. Конечно, Спиридов мог и послушаться. Причем в любом варианте ему за это ничего не грозило. Разгромить русский флот у турок не было сил, а потеря одного-двух кораблей и нескольких мелких судов в самом худшем случае грозила 62-летнему адмиралу только отставкой. Тем не менее старый и больной адмирал в отсутствие Орлова лишь имитировал какую-то активность. Дабы избежать обвинений в поношении адмирала из нашего официального иконостаса, приведу хронологию походов русских судов в отсутствие главнокомандующего.

Несмотря на осенне-зимне-весенний период, наши суда вели активные крейсерские действия в Архипелаге. Так, во второй половине декабря 1770 г. в крейсерстве у острова Патмос находились корабль «Саратов», фрегат «Африка» и пинк «Святой Павел». И лишь 8 апреля 1771 г. «Саратов» был сменен кораблем «Иануарий».

Позднюю осень и зиму 1770/1771 г. корабли «Три Иерарха», «Ростислав», фрегат «Парос» и бомбардирский корабль «Гром» провели в Ливорно, а корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» – в Маоне на Менорке. Остальные же русские суда были на стоянках островов Парос и Миконо.

Это, разумеется, не касается греческих полакр и шебек, которые непрерывно шарили по всему Средиземноморью, добывая гроши своим детишкам «на молочишко», а заодно и на харчи всей русской островной губернии.

За время отсутствия Орлова имели место лишь три выхода отрядов судов. 1 апреля 1771 г. эскадра под командованием контрадмирала Арфа вышла из бухты на остров Миконо и двинулась к острову Ипсаро (Псаро). 6—13 апреля эскадра крейсировала между островами Метелино (Лесбос) и Тенедос (современное название Бозджаада). 18 мая эскадра Арфа вернулась из крейсерства к острову Миконо.

19 апреля из Аузы пошел к Гибралтару конвой из 16 английских торговых судов под прикрытием фрегатов «Парос» и «Надежда». Этот мелкий вроде бы эпизод показывает, насколько Средиземное море было опасно из-за пиратов. Лишь после прохода английскими судами Гибралтара оба фрегата 29 мая отправились назад в Архипелаг.

Еще 10 мая 1771 г. корабль «Не тронь меня» покинул остров Миконо и пошел в крейсерство к острову Лесбос.

17 июня эскадра Спиридова в составе кораблей «Европа» и «Саратов»; фрегатов «Федор», «Слава» и «Григорий» вышла из порта Ауза и на следующий день соединилась с эскадрой Арфа, стоявшей у острова

Миконо. А 23 июня объединенная эскадра под командованием Спиридова двинулась к Лесбосу. Там к ней присоединился «Не тронь меня». 24 июня эскадра Спиридова подошла к острову Имбро, который находился на расстоянии около 20 км от Дарданелл. Однако крейсировала эскадра там недолго и уже 3 июля вернулась в Миконо.

Как видим, особого толку от этих трех операций не было, разве что английские транспорты прошли без потерь. Любопытно, что в книге «Адмирал Спиридов»^[48] о деятельности Спиридова за 9 месяцев отсутствия Орлова не сказано ни слова, при том что автор все время сетует, что де «бездарный фаворит» мешал развернуться талантливому адмиралу.

Как уже говорилось, единственный бомбардирский корабль Архипелагской эскадры «Гром» ремонтировался с ноября 1770 г. в Ливорно и прибыл в Аузу 7 июля 1771 г. Екатерина прекрасно понимала важность бомбардирских кораблей для действий против берега, и по ее приказу в начале 1771 г. в Англии были закуплены два судна, также обращенные в бомбардирские корабли – «Молния» и «Страшный». Они прибыли в Аузу 24 июля и 16 ноября 1771 г., соответственно.

9 июня 1771 г. граф Орлов вывел из Ливорно корабли «Три Иерарха», «Ростислав», бомбардирский корабль «Гром» и пинк «Венера» и направился к Паросу. 24 июня к эскадре присоединился фрегат «Надежда Благополучия», крейсировавший у острова Цериго. 29 июня эскадра Орлова подошла к острову Парос.

По прибытии Орлов созвал военный совет, где предложил для отвлечения турецких сил от Дуная и облегчения положения армии фельдмаршала Румянцева пройти со всем флотом вдоль морских берегов, потревожить и разорить жителей. Военный совет решил начать военные действия от острова Негропонта (Эвбея) вдоль всего румелийского^[49] берега до Дарданелл, а потом вдоль азиатского берега, проходя Тенедосским, Мителинским и Хиосским каналами. А чтобы потревожить неприятеля и в южной части Средиземного моря, решили отправить особую эскадру под начальством Федора Орлова к острову Родосу и вдоль короманского берега.

И вот «Мальбрук в поход собрался». 5 июля Орлов поднял кайзер-флаг на корабле «Три Иерарха» и дошел с эскадрой до острова Миконо, где встретил эскадру Спиридова. Объединенный флот постоял до 22 июля у Миконо и затем перешел в порт Трио на острове Парос. На этом весь героический поход графа Орлова и закончился.

Новый поход начался 1 августа 1771 г. В этот день с острова Парос

отправились сразу две эскадры: первая под командованием Федора Орлова и вторая под командованием Спиридова. В состав первой эскадры вошли корабль «Ростислав», фрегаты «Победа», «Святой Николай» и пакетбот «Почталион». В состав второй эскадры вошли корабли «Европа», «Не тронь меня», «Азия», «Победоносец», «Три Иерарха», «Всеволод», фрегаты «Надежда Благополучия», «Северный Орел», «Слава», «Федор», «Архипелаг», «Минерва», а также бомбардирские корабли «Гром» и «Молния».

6 августа эскадра Федора Орлова подошла к острову Родос. В течение трех дней там было захвачено несколько купеческих судов и 120 пленных. 6 августа с «Ростислава» в местечке Левиса был высажен десант в заливе Макри. Десантники захватили 7 шебек и турецкую береговую батарею. 9 августа эскадра Федора Орлова пошла к Паросу. 19 августа его корабли бросили якорь в порту Ауза.

16 августа эскадра Спиридова подошла к острову Негропонт (Эвбее). В тот же день на берег был высажен десант. Однако уже через два дня десантники были вынуждены возвратиться. Операция на острове полностью провалилась.

2 сентября эскадра Спиридова, к которой присоединились корабль «Саратов» и фрегат «Надежда», ушла от берегов Негропонта и 10 сентября встала на якорь у острова Тассо^[50], расположенного на самом севере Эгейского моря. От румелийского берега остров Тассо отделен десятикилометровым одноименным проливом.

13 сентября из крейсерства по Эгейскому морю к острову Тассо пришел фрегат «Минерва», взамен его в крейсерство к острову Зео был отправлен фрегат «Надежда». 21 сентября к эскадре Спиридова присоединился корабль «Три святителя».

27 сентября эскадра покинула остров Тассо и пошла к острову Имбро, то есть к Дарданеллам. У Тассо остались корабль «Не тронь меня» и пинк «Венера», команды которых вместе с местными жителями занимались вырубкой строевого леса.

30 августа из Аузы в Ливорно вышел корабль «Ростислав», он должен был отвезти на лечение заболевшего Федора Орлова. В тот же день эскадра Спиридова подошла к Имбро, причем корабли «Три Иерарха» (на котором находился граф Алексей Орлов), «Всеволод», «Три Святителя» и фрегат «Северный Орел» блокировали Дарданеллы. При этом 17 октября на фрегате «Федор» на переходе от острова Тассо к острову Имбро открылась сильная течь. Капитан был вынужден подойти к острову Святого Евстратия, где 18 октября встал на якорь. Вода в трюме поднялась до 2,8 м.

Команда была свезена на берег, а фрегат затонул.

Три недели русский флот стоял у Дарданелл. Зачем? Этого никто не знает – для блокады хватило бы и нескольких фрегатов.

И вот 22 октября флот отправился от Дарданелл к острову Метелино (Лесбосу), а для блокирования пролива были оставлены фрегаты «Минерва» и «Северный Орел».

31 октября флот бросил якорь у турецкой крепости Метелино, которую от побережья Малой Азии отделял двадцатикилометровый одноименный пролив.

В Метелино находилось Адмиралтейство, где, по донесениям греческих корсаров, строились два 74-пушечных турецких корабля и шебека. 1 ноября русская эскадра подошла к крепости Метелино, и бомбардирские корабли «Гром» и «Молния» начали ее обстрел из мортир.

2 ноября на Лесбос был высажен трехтысячный десант. В его составе были подразделения Шлиссельбургского полка и батальон Преображенского полка.

Десантники сожгли оба 74-пушечных корабля и шебеку, а также увели из гавани Метелино до 20 малых судов. Штурмовать же крепость ни Орлов, ни Спиридов не решились, и десант был эвакуирован на корабли. Потери русской пехоты составили 24 человека убитыми и 63 ранеными.

5 ноября при отходе от Метелино на мель сели фрегаты «Архипелаг» и «Санторин». С помощью гребных судов фрегата «Северный Орел» «Архипелагу» удалось сойти с мели, а «Санторин» был захвачен турецкой пехотой. В конце концов, «Северный Орел» разогнал картечью турок и спас часть команды «Санторина». Тем не менее командир «Санторина» И. Т. Овцын, мичман и 28 матросов попали в плен. Спасти фрегат возможности не было, и командир «Северного Орла» С. В. Жемчужников приказал его сжечь.

6 ноября флот прибыл в порт Ауза. Зимовать на Паросе графу А. Орлову было скучно, и он 22 ноября сел на корабль «Три Иерарха» и отправился в Ливорно, куда благополучно и прибыл 28 декабря 1771 г.

2 декабря корабль «Саратов» и греческий корсарский фрегат «Рафаил» пошли на ремонт на остров Мальту. Из-за противного ветра Новый год они встретили у берегов Сицилии.

Корабль «Св. Иануарий», фрегаты «Африка», «Святой Павел» и три полакры встретили новый 1772 год у острова Патмос. Кроме того, фрегаты «Минерва» и «Константин» находились в различных частях Архипелага. Остальные же суда флота стояли в порту Ауза.

Глава 13. Кампания 1772 г.

В январе 1772 г. на рейде порта Ауза находились: 7 кораблей («Европа», «Ростислав», «Св. Георгий Победоносец», «Всеволод», «Три Святителя», «Не тронь меня», «Азия»), 14 фрегатов^[51], 3 бомбардирских корабля («Гром», «Молния» и «Страшный»), 2 пинка («Венера» и «Сатурн») и 1 пакетбот «Почталион».

Следует отметить, что из-за слабости корпуса 66-пушечный корабль «Не тронь меня» не мог выходить в море, и 5 октября 1772 г. Орлов приказал переделать его в Аузе во фрегат, сняв верхний дек. Но и это не помогло, до конца войны «Не тронь меня» так и простоял в Аузе.

Боевые действия в 1772 г. начались с похода грека флигель-адъютанта Георгия Ризо с четырьмя полакрами и одной полугалерой по островам Сира, Зей и Негропонт. Судя по всему, Ризо собирал дань с населения оных островов.

В середине февраля 1772 г. от капитанов купеческих судов было получено известие, что турецкая эскадра в составе шести фрегатов и шести галер вышла из Дарданелл. На перехват ее 27 февраля из порта Ауза вышла эскадра Елманова в составе кораблей «Победоносец», «Ростислав», «Всеволод», «Азия»; фрегатов «Надежда Благополучия», «Парос», «Архипелаг», «Победа», «Тино»; бомбардирского корабля «Гром» и пакетбота «Почталион».

Однако турецких военных судов у Дарданелл не оказалось, и в конце февраля эскадра Елманова ушла от пролива к острову Лемнос. Там Елманов простоял до 2 апреля, а затем разделили эскадру на две части. Одна часть в составе кораблей «Ростислав» и «Всеволод»; фрегатов «Надежда Благополучия», «Архипелаг» и «Парос» пошла в крейсерство к островам Метелино и Тенедос, а вся остальная эскадра Елманова пошла к острову Патмос. Фрегат «Победа» направился к острову Миконо.

5 апреля эскадра Елманова пришла к Патмосу. Там от нее отделились фрегат «Святой Павел» и три шебеки, которые пошли к берегам Египта.

23 апреля шебека «Греция» отправилась от острова Миконо к отряду Ризо с приказом идти к берегам Египта. Через два дня «Греция» соединилась с отрядом у острова Санторин и вместе с ним пошла к острову Мило.

24 апреля отряд из трех греческих судов под Андреевским флагом – шебеки «Святой Николай», полакры и полугалеры – пошел к городу Сира,

где был замечен турецкий фрегат. 27 апреля турецкий фрегат был обстрелян греческими шебекой, полакрой и полугалерой и обратился в бегство.

4 июня отряд Ризо пошел к Бейруту. Через 2 дня к нему присоединились шебека «Святой Николай», полакра и полугалера. 7 июня объединенный отряд подошел к Бейруту.

С 8 по 11 июня суда бомбили город и высадили десант, который сжег все строения. 12 июня десант взят на борт.

15 июня на шебеку приехали католики и привезли 8 мешков шелка. Видимо, население города откупилось, и католикам было поручено умиротворить команду «Греции». Что получили остальные суда – неизвестно, во всяком случае, Ф. Веселаго писал, что Ризо и Псаро взяли с Бейрута «контрибуцию», равную годовой подати, платимой городом турецкому султану^[52]. Также было захвачено 10 торговых судов.

13 июля «Греция» пришла в порт Ауза, а остальные суда отряда прибыли 19 июля 1772 г.

Как видим, обычный пир... пардон, корсарский рейд.

Примерно в то же время отряд Марка Войновича у стен турецкой крепости Лагос захватил 3 и сжег 6 торговых судов.

8 июня из порта Ауза в Ливорно за графом А. Орловым отправился корабль «Ростислав». Орлов вернулся в Архипелаг лишь 14 августа 1772 г.

Между тем по приказу императрицы зимой 1771/1772 г. на Балтике начали собирать 4-ю Архипелагскую эскадру, командовать которой было поручено контр-адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову. В составе эскадры было всего три корабля: 74-пушечный «Чесма», 66-пушечные «Победа» и «Граф Орлов». Интересно, что «Чесма» был заложен в Петербурге 13 июня 1768 г. под названием «Св. Иоанн Креститель», а позже переименован в честь победы русского флота. Корабли «Граф Орлов» и «Победа» были построены в Архангельске и в июне – сентябре 1770 г. перешли на Балтику. Все три корабля осенью 1771 г. перевели в порт Ревель, поскольку он раньше освобождался ото льда, чем Кронштадт. И 8 мая 1772 г. эскадра тронулась в путь.

Эскадра Чичагова шла существенно быстрее 1-й эскадры Спиридова, и уже 5 июня вошла в Средиземное море. 16 июня корабли бросили якорь в порту Маон на Менорке. Там контр-адмирал получил приказ Орлова немедленно идти в Ливорно. Но Чичагов не смог или не захотел сразу выходить в море.

Как писал сам П. В. Чичагов: «...недостаток пресной воды, некоторые поправки, а особливо большое число больных (367 чел.) принудили

меня остаться на некоторое время в Маоне»^[53].

Прибыв 25 августа в Ливорно, контр-адмирал Чичагов сдал командование командиру «Графа Орлова» капитану 1-го ранга М. Т. Коняеву и отбыл в Петербург. Обратим внимание, это уже был третий подряд адмирал (после Эльфинстона и Арфа), который прибывал с эскадрой в Архипелаг и сам отправлялся назад в Петербург. Сам адмирал П. В. Чичагов цитирует в своих мемуарах рескрипт императрицы на имя Орлова от 26 мая 1772 г.: «Поручая вам, по недостатку здесь при адмиралтействе в флагманах, возвратить сюда без потеряния времени и кратчайшим путем контрадмирала Чичагова, ежели только по соединении его с флотом вы сами не будете иметь нужды в персоне его»^[54].

Орлов не терпел конкурентов и хотел иметь только ручных адмиралов, и матушка-государыня в рескрипте дала ему возможность самому решать, принимать ли нового адмирала или гнать взашей. А то, что на Балтийском флоте «недостаток во флагманах» – чистейшей воды вранье. По прибытии Чичагова в Петербург он получил указ Адмиралтейств-коллегии: «Всемилоостивейше повелеваем отправить контр-адмирала Чичагова в Донскую флотилию, которому и приказать явиться и быть в команде нашего вице-адмирала Сенявина. Екатерина. 4 ноября 1773 года»^[55].

26 августа эскадра Коняева вышла из Ливорно и двинулась в Архипелаг. Но уже через два дня в днище корабля «Победа» открылась сильная течь, и он был вынужден покинуть эскадру и идти в порт Ферайо на острове Эльбе на ремонт. 6 сентября корабль закончил ремонт и 29 сентября благополучно прибыл в базу русского флота – порт Трио на острова Парос.

Остальные два корабля 25 сентября подошли к острову Цериго и начали крейсировать между островами Цериго и Кандия в надежде захватить какое-либо судно.

Турецкий флот в первой половине 1772 г. почти не мешал русским. Остатки султанского флота и новопостроенные корабли базировались на Константинополь и боялись выходить в Эгейское море. Султан попытался было купить 15 кораблей вместе с вооружением у Франции, но получил отказ. Основных причин было две – объективная и субъективная. Первая заключалась в том, что Франция интенсивно готовилась к войне с Англией. А вторая анекдотична – шестидесятилетний дряхлый Людовик XV увлекся дитем панели, сделавшейся маркизой, – 26-летней Жанной Дюбарри. Красотке оказалась мало королевской опочивальни, и она полезла в политику, добившись отставки герцога Шуазеля, который уже более 10 лет

руководил внешней политикой Франции и которого называли «кучером Европы», то есть главным политиком мира. В конце 1770 г. Шуазель получил отставку и был сослан в свое поместье. Место его по просьбе Дюбарри получил герцог д'Эгильон – человек способный, но занятый не столько внешней политикой, сколько придворными интригами. Шуазель мог заставить короля вмешаться в Русско-турецкую войну, а д'Эгильон – нет. Новый министр мог заявить русскому послу Хотинскому: «Мы сделали глупость, что позволили пройти вашему флоту». Но дальше болтовни он идти не хотел.

Турецкие власти решили использовать против русских барбарейскую (тунисскую) эскадру, состоявшую из шести 30-пушечных фрегатов и 6 шебек, и дульциниотскую^[56] эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек, вооруженных от 30 до 16 пушек.

Обе эскадры были местными корсарскими формированиями, а не регулярными соединениями оттоманского флота. Никакой угрозы 74—66-пушечным русским кораблям их слабая артиллерия не представляла. Тем не менее Орлов начал запугивать императрицу этими корсарскими отрядами. Якобы все эти суда должны были нагрянуть «нечаянным нападением» на русский флот и сжечь его. «Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие», захватить нужные проходы и «отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисками», доносил Орлов Екатерине.

К середине октября 1772 г. и дульциниотская, и барбарейская эскадры ничего не предпринимали против русских, к тому же еще действовало перемирие, заключенное на Дунае 19 мая (в Архипелаге оно действовало с 20 июля). Так что турецкие планы уничтожения русского флота и захвата «губернии», скорее всего, фантазия графа Орлова.

16 сентября 1772 г. корсарская эскадра в составе фрегатов «Св. Николай» и «Слава», которыми командовали Иван и Марк Войновичи^[57], полакр «Мадон» и «Ауза», а также шебеки «Забияка» пошли к острову Цериго, где должны были соединиться с кораблями Коняева и напасть на суда дульциниотов. 12 октября суда Ивана Войновича обнаружили в Парисском проливе «девять 30-пушечных фрегатов и 16 шебек». На самом деле это были не фрегаты специальной постройки, а вооруженные парусные купеческие суда. 16 октября отряды Ивана Войновича и Коняева соединились.

19 октября фрегат «Слава», шебека «Забияка» и полакра «Ауза» пошли в разведку. Вскоре они встретили несколько фрегатов и шебек дульциниотов. Как сказано в рапорте Орлова Екатерине, фрегаты несли «нейтральные флаги». Фрегаты подошли к дульциниотским судам. Капитаны дульциниотских судов не заподозрили обмана и даже поднялись на борт «Св. Николая», где выпили с Иваном Войновичем, считая его «славянским капитаном». Войнович выведал все, что хотел, и суда мирно разошлись. Затем разведчики вернулись к остальным судам, стоявшим у острова Занте.

23 октября наша эскадра пошла к порту Патрас. 25 октября подул сильный встречный ветер, и эскадра три дня «лавировала» в Патрасском проливе, несколько раз вступая в безрезультатные перестрелки с дульциниотскими судами.

26 октября близ Лепантского залива русские корабли «Граф Орлов» и «Чесма» вместе с корсарской эскадрой Ивана Войновича вступил в бой с девятью фрегатами и шестнадцатью шебеками, стоявшими на якоре у Патраса. Как писал дружный авторский коллектив под руководством В. Н. Алексеева в составе 13 человек (где был один контр-адмирал, куча капитанов 1-го и 2-го ранга, один доктор и 4 кандидата наук): «Русский отряд вступил в неравный бой»^[58].

Еще ранее академик Е. В. Тарле писал: «Русская атака при таких условиях являлась делом не только рискованным, но прямо опасным»^[59].

На самом деле дульциниотские фрегаты представляли собой вооруженные торговые суда и не входили в состав регулярного флота, а тем более шебеки. Их могли бы легко расстрелять два русских корабля и без отряда И. Войновича.

Ни дульциниотские корсары, ни их коллеги из отряда Войновича не оставили отчетов или мемуаров, почему мне придется ограничиться цитированием шканечного журнала корабля «Граф Орлов».

10 часов.

«В начале 10 часа с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но мы, несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь всевышнего Бога, чем себя охотно побуждали дать баталию и мы с эскадрою усиливали притти к неприятелю в ближнее расстояние, дабы наши пушки удобнее их вредить могли».

11 часов.

«В исходе 11 часа и выстрелом от нас из пушки сигналом велено лечь на якорь и вступить в бой с неприятелем. Вся эскадра лавировалась и

поворачивали каждый особо как им было способно, стараясь только о том, чтоб притти на ближнее расстояние к неприятелю. Глубина по лоту 35–30 – 25 сажень, грунт – ил».

12 часов.

«В $1\frac{1}{2}$ 12 часа приблизившись мы к неприятельскому флоту от ближнего к нам неприятельского фрегата 2 кабельтова более не было, хотя “Чесме” и определено стать к крепости первой, но присмотря наш командующий, что на оной сделалось помешательство в управлении также и в парусах, и начала спускаться под ветер и надежды не предвидел от нея сделать успеха, но на место оной приказано от командующего заступить самим и на глубине 20 сажень ил грунт убрав паруса положили якорь... и начата от нас по неприятельскому флоту, лежащему к крепости и в крепость куда только было удобно действовать сильно жестокая пальба с левого борта с обоих деков ядрами книпелями и картечью брандскугелями, а с “Чесмы” и фрегата “Николая” также сильно, а фрегат “Слава” и шебека “Забияка”, находясь под ветром под парусами ближе к эскадре имели баталию с неприятелем куда их было можно с таким же успехом, что лучше ото всех желать не можно, а “Мадон” и “Ауза” будучи тогда вдали от нас под ветром не имели случая биться, в исходе часа увидели мы от нашей эскадры сильной пальбы с неприятельских судов люди бросались в воду и с великой торопливостью, иные съезжали на берег и по ним еще более от нас пальба происходила и сшибли в 6-х стоящего фрегата безань мачту и зажжен от наших брандскугелей... А в неприятельском флоте на многих уже шебеках и фрегатах на ближних к нам спущены флаги и вымпелы, в которых мы палили и оных оказалось, что те неприятельские суда от нашей эскадры побежденные сделались».

Бежавший турецкий флот пробовал укрыться под защитой береговых батарей.

Развязка боя, по существу уже решенного в пользу русских 26 октября, наступила 29 октября. Эскадра Коняева в этот день систематически громила артиллерией и поджигала брандскугелями сбившийся у берега, разбитый и совсем уже беспомощный турецкий флот.

К 4 часам дня все было кончено. У русских потерь почти не было.

Далее приведу детали из шканечного журнала корабля «Граф Орлов» (флагманского) за 29 октября:

1 час.

«В неприятельском флоте 8 фрегатов, из коих 1 горит, да 12 шебек. В $1\frac{1}{2}$ часа поворотили мы оверштаг на левый галс, и посланы от нас на

шлюпках вооруженных с карказами для зажжения неприятельских побежденных нами судов констапель Сукин под защищением шебеки “Забияка”, а после лейтенант Макензи и при нем небольшая егерская команда, и велено ему Макензи из неприятельских судов стараться привести к эскадре ежели можно, в 1 час поворотили мы овер-штаг на правый галс, тогда по нас с обеих крепостей и со стоящих при южной крепости флагманского турецкого фрегата, из шабек происходила пальба из пушек и от нас противу их столь сильно и скоро что напоследок принудили неприятельские суда бой оставить, потом мы пошли к NW для отдаления от крепостей потому что примечено имеющимся течением в Лепанекый залив нас сильно дрейфует.

2 часа.

В начале часа шебека “Забияка”, пришедши близко побежденных неприятельских судов и для очищения берега, чтоб шлюпкам безопаснее было зажигать суда, палила на берег и по судам из пушек, сие сделать от командующего нашего приказано было и зажжено видно от Патраса стоящие во 2-х шебек 1 шебек из 4-х и 5-х фрегатов 2, в $\frac{1}{2}$ 2-го часа отдали мы рифы и распустили брамсели, в 2 часа фрегат “Слава” подходил к неприятельским побежденным судам же и для очищения берега дабы шлюпкам можно безопасно исправить дело палил из пушек и видно было лейтенант Макензи приставал в 7-х к стоящему от Патраса фрегату и отданы были нашими людьми на оном марсели, потом съехав со оног Макензи и в 9-х к стоящему фрегату им зажжена в 8-х стоящей шебеке сам загорелся, а в 11-х стоящий фрегат, который еще прежде шел под парусами почитали мы брандером сам загорелся и свалившись в 10-х стоящую шебекой и оная от фрегата загорелась-же, тогда-ж с фрегата “Николай” посланный барказ видно было приставал в 7-х к стоящему фрегату, а отъехав от оног к 2-й стоящей шебеки которая от их загорелась, а в 1-х стоящий фрегат с шебеки “Забияки” видно посланным барказом зажжен»^[60].

За два дня, 28 и 29 октября, русские и корсары сожгли семь «фрегатов» и восемь шебек. Один «фрегат» успел втянуться в Лепантский залив, но был уже так поврежден, что на другой день затонул. Шесть шебек успели спастись бегством.

Потери кораблей отряда Коняева оказались невелики. На «Чесме» был убит лейтенант Козмин, ранены лейтенант Лопухин и 5 матросов. На корабле «Граф Орлов» потерь не было. По судам отряда Ивана Войновича сведения отсутствуют.

Русская эскадра с 29 октября по 4 ноября стояла у Патраса, а затем пошла к острову Цериго. Там 10 ноября от нее отделился отряд И. Войновича и пошел в крейсерство, а корабли Коняева 19 ноября присоединились к флоту, стоявшему на якоре у острова Миконо.

Как уже говорилось, с турками 19 мая 1772 г. было заключено перемирие, которое действовало в Архипелаге с 20 июля. Согласно его условиям, турецкие военные корабли формально должны были оставаться в своих базах. Кроме того, турки в Архипелаге, то есть по берегам Эгейского моря, включая порты Малой Азии, были обязаны «судов не делать, а уже сделанные не спускать, спущенные же на воду не вооружать».

Алексей Орлов потребовал от командиров русских судов и корсаров пресечь снабжение Константинополя продовольствием как на турецких, так и на французских судах. Он приказал разослать по средиземноморским портам Европы свой манифест, в котором предостерегал нейтральные нации от отвоза туркам провианта.

В подтверждение своих слов Орлов 18 октября 1772 г. отправил к Дарданеллам эскадру С. К. Грейга. В ее составе были корабли «Победа», «Три Святителя», «Всеволод»; фрегаты «Надежда», «Африка», «Победа», «Парос», «Григорий», «Констанция» и бомбардирский корабль «Молния».

Но Никита Панин напугал Екатерину угрозой появления французского флота в Средиземноморье, в результате чего 20 августа 1772 г. Орлов получил рескрипт императрицы, где содержалось требование пропускать в турецкие порты нейтральные суда с провиантом. Орлову ничего не оставалось иного, как выполнить приказ императрицы.

Блокада русским флотом Дарданелл привела к большому росту цен на рынках Стамбула. Но голода там, увы, не было из-за подвоза провианта на французских судах и сухим путем с Балкан и Малой Азии, а также по Черному морю.

29 ноября 1772 г. Алексей Орлов писал графу Панину, что задержал шесть французских судов, которые везли пшеницу в Константинополь. На борту их найдены турецкие письма и контракты, по которым шкиперы договорились с турками о перевозке султанского хлеба с румелийского берега в столицу. Но из-за навязанных ему императрицей ограничений французов пришлось отпустить в Константинополь, ограничившись устным предупреждением.

Сейчас известно, что Франция не была готова к войне, и Екатерина допустила большую ошибку, пробив брешь в русской блокаде. Да и Орлов мог быть поумнее, и не только не наказывать корсаров за захват французских судов, а наоборот, пообещать им смотреть на все сквозь

пальцы.

22 октября 1772 г. четыре корсарских фрегата под Андреевским флагом в сопровождении русского бомбардирского корабля «Молния» внезапно напали на крепость Чесму на побережье Малой Азии. Был высажен десант в 530 человек. Но взять крепость не удалось, и ограничившийся разграблением окрестностей десант был принят на суда отряда.

Рассказ о кампании 1772 г. я завершу приключением уже известного нам лейтенанта Панаиоти Алексиано. Ночью 9 сентября 1772 г. он на фрегате «Святой Павел» подошел к острову Станчио и высадил десант. Греки, воспользовавшись внезапностью, овладели небольшой турецкой крепостью Кеффано, где было взято 11 пушек. За это Екатерина II наградила Алексиано орденом Св. Георгия 4-й степени.

23 сентября 1772 г. Алексиано на «Св. Павле» захватил у острова Родос турецкий трекатр (небольшое торговое судно).

20 октября 1772 г. Орлов получил сведения, что перемирие с турками закончилось, но в Египте об этом не знали, так как с Константинополем не было связи по морю. И Алексиано на своем «Св. Павле» и с корсарской гребной фелукой, которой командовал грек Паламида, отправляется «за зипунами» к устью Нила. Замечу, что оба судна на походе шли без флагов, спасибо хоть «веселый роджер» не подняли. Как уже говорилось, фрегат «Св. Павел» – это торговое судно длиной 28,7 м и шириной 7,6 м. Орудийные порты были замаскированы. И фелука тоже ничем не отличалась от сотен таких же фелук, плававших в Восточном Средиземноморье. Таким образом, суда Алексиано, не вызвавшие никаких подозрений у египтян, спокойно вошли в гавань Дамиетты^[61]. И уже в порту корсары открыли огонь. Остальное читатель может представить себе сам, вспомнив эпизоды из англо-американских фильмов, где пираты врываются в порты Карибского моря.

Я же процитирую приглашенное и чуть романтическое изложение событий из донесения Орлова Екатерине II: «Как скоро начал он [Алексиано. – А.Ш.] подходить ближе и поднял на фрегате и фелуке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако и тем не мог защитить одного небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано, пользуясь сим смятением, решился атаковать неприятеля в порте; почему, невзирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в середину двух больших судов, где, бросив якорь, тотчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обеих

сторон жестокостью и отчаянием через 2 часа, а потом, увидя неприятель немалое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и вплавь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою несколько других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде и простоял там до другого утра в ожидании прибытия Селима-Бея и других судов из Александрийского порта. 22 числа перед полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамианскому порту судно и считая, что на оном помянутый бей находится, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фрегату, то Алексиано, подняв российский флаг, сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрашила, что он без всякого сопротивления опустил флаг, отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порту суда; в числе пленных был помянутый Селим-Бей с тремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне же найдено: магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряные перья, значащие отличное турецких офицеров достоинство и заслуги, за которые жалует султан сими знаками, булов 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия»^[62].

Обрадованный Орлов даже отказался от своей доли добычи, отдав ее Алексиано и его сподвижникам. Лишь знамена были отправлены в Италию, а оттуда – в Петербург.

После приключений в Дамиетте Алексиано вместе с полакой капитана Паламидо до конца октября корсарствовал у сирийских берегов.

Любопытно, что уже в советское время академик Е. В. Тарле поверил, а скорее сделал вид, что поверил басням Орлова. Он писал о Дамиетте: «Полная победа настоящего героя Алексиано и его матросов», «огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамиеттской победы Алексиано»^[63]. Позднее наши историки с завидным упорством переписывали перлы академика.

Забавная история, хорошо характеризующая нравы как корсаров, так и местных турецких гарнизонов, произошла у берегов острова Кипр. У восточной оконечности Кипра находится маленький безлюдный остров Клідес, где в свое время крестоносцы построили замок Кастро Россо

(Красный замок). Замок находился на высоких утесах, и его защищал приличный турецкий гарнизон численностью 130 человек.

В 1772 г. славонец (увы, его имя история утаила), командир шебеки «Забияка», решил захватить Кастро Россо. Естественно, одна шебека сделать этого не могла. Тогда командир пошел на хитрость: захватил греческих рыбаков с Кипра и подробно допросил их о замке. Спросил и о глубинах, могут ли близко подойти к крепости бомбардирские и 66-пушечные корабли, и т. д. А в заключение пообещал повесить рыбаков, если они хоть слово скажут о своем пребывании на шебеке. Мол, шебека послана на разведку, а через три дня здесь будет весь флот с самим Орловым.

Как и следовало ожидать, греки, вернувшись, раззвонили по всей округе, что, мол, идет русский флот. В ту же ночь турецкий гарнизон на малых судах бежал, и не на Кипр, отделенный узким проливом в несколько километров, а аж в малоазиатский порт Караманию в 130 км. Причем все пушки и припасы были оставлены турками в целости и сохранности.

Так команда «Забияки» без боя овладела Кастро Россо, и до конца войны остров Клидес был базой греческих корсаров.

Глава 14. Кампания 1773 г.

К началу 1773 г. основные силы русского флота находились в порту Ауза. В их числе были корабли «Иануарий», «Три Святителя», «Чесма»; фрегаты «Надежда Благополучия», «Констанция»; бомбардирские корабли «Гром» и «Молния» и брандвахтенный фрегат «Помощный». Там же ремонтировались корабль «Не тронь меня» и фрегаты «Делос» и «Архипелаг». Ряд корсарских судов выбыл из строя за ветхостью: фрегаты «Зея», «Андро» и «Миконо» были разломаны в 1772 г. в порту Ауза, а пинк «Святой Павел» сожжен в Ливорно.

На сей раз Алексей Орлов решил зимовать в Архипелаге. Он держал свой флаг на корабле «Ростислав», стоявшем у острова Миконо. Там же зимовали корабли «Победоносец», «Саратов»; фрегаты «Николай», «Слава», «Запасный»; бомбардирский корабль «Страшный» и пинк «Венера».

У острова Тассо стояла эскадра С. К. Грейга в составе кораблей «Победа», «Всеволод», «Азия», «Граф Орлов»; фрегатов «Надежда», «Африка», «Минерва» «Парос»; пинков «Соломбала» и «Сатурн» и двух полакр.

Еще одна эскадра стояла у острова Патмос. В нее входили фрегаты «Северный Орел», «Тино», «Наксия», «Победа» и пакетбот «Почталион». Фрегат «Святой Павел» и две полакры находились у берегов Египта.

В Ливорно находились корабли «Европа» и «Три Иерарха» и фрегат «Григорий», а на Мальте – фрегат «Рафаил».

Сам Орлов с некоторым преувеличением, но в основном верно обрисовал ситуацию в Архипелаге в письме к Екатерине от 5 марта 1773 г.: «Что же принадлежит до производимых ныне со стороны Оттоманской Порты вооружений, то она старается во всех местах строгими фирманами набирать сухопутные войска, для усиления армии, хотя по дошедшим ко мне известиям народная подлость [простой народ. – А.Ш.] и неохотно на то соглашается; во всех приморских, купеческих городах удерживаются насильно матросы и отправляются сухим путем в Константинополь, где ныне находится весь турецкий флот, корабли и мелкие суда для починки тамо, и вооружения нужным снарядом и экипажем. По общему слуху считается ныне 9 кораблей всех, старых и вновь построенных, как в разных портах Черного моря, так и в Константинополе с множеством тартан^[64], шебек, галер и других мелких судов, с коими капитан-паша намерен выйти

из канала в Архипелаг, чего однако и ожидать ненадежно, за недостатком нужного числа матросов. Равномерно же и остатки дульциниотских судов с поспешностью вооружаются при своих берегах, не показываясь в открытом море.

Для удержания неприятельских покушений эскадра от флота Вашего Императорского Величества, состоящая из 5 кораблей и нескольких фрегатов, под командой контр-адмирала Грейга, разъезжает при устье Дарданельского канала, корабли же “Чесма” и “Ростислав” находятся в Наксийском канале...»^[65]

Однако в целом в 1773 г. русский флот вел себя довольно пассивно. Орлов было приказал Спиридову не пропускать любые нейтральные суда в Дарданеллы, но Совет из Петербурга его одернул, написав Орлову, что это может удержать турок не только от заключения перемирия, так нужного для России, но и повернуть против малочисленного русского войска все силы, и втянуть Россию в новую войну с «ненавидящими нам» французами.

Опять же, Орлов не догадался дать полную свободу рук греческим корсарам, а начал обличать их перед Екатериной и всем «мировым сообществом».

Русский же флот, поддерживая блокаду в зимнее время, понес тяжелую утрату. 7 февраля 1773 г. корабль «Азия» вышел с острова Миконо к острову Имбро и пропал со всем экипажем. Погибли капитан 1-го ранга Н. В. Толбухин и еще 438 человек. У острова Миконо нашли лишь бизань-мачту и несколько обломков корабля.

Орлов попытался добиться хоть какого-то успеха и приказал захватить остров Станчо, который в античные времена, как и сейчас, назывался Кос. Станчо принадлежит к группе островов Южные Спорады и отделен от полуострова Малая Азия проливом шириной всего около 5 км. Длина острова 40 км, наибольшая ширина 10 км. На Станчо в то время проживало 60 тысяч жителей.

Для операции против острова Станчо была направлена 2-я дивизия кораблей «Св. Георгий Победоносец», «Три Святителя», «Саратов» и «Три Иерарха»; фрегаты «Северный Орел», «Соломбала»^[66], «Тино», «Победа»; бомбардирские суда «Гром», «Страшный», «Молния»; полака «Патмос» и 7 трекатр. На корабли был посажен десант. Командовал эскадрой контр-адмирал А. В. Елманов^[67].

29 июля эскадра Елманова подошла к азиатскому берегу к местечку Ангелло и высадила десант албанцев^[68]. Им навстречу вышли 100 турок (регулярных войск, а скорее всего, местных жителей). Албанцы

убили 40 человек, а остальные разбежались. Десантники сожгли 7 магазинов с хлебом и мельницу и вечером того же дня благополучно вернулись на суда.

Затем эскадра отправилась к острову Станчо (Косу). Подойдя к острову, Елманов разделил эскадру на две части. Отряд под командованием капитана 2-го ранга С. П. Хметевского, командира корабля «Три Святителя», в составе кораблей «Три Иерарха», «Три Святителя», фрегатов «Северный Орел» и «Победа» был отправлен для блокады острова Станчо. А с остальными судами Елманов двинулся к турецкому городу и крепости Будрум^[69], расположенному на одноименном полуострове на азиатском берегу, напротив острова Станчо.

Будрум – это турецкое название греческого города Галикарнас, известного еще в V веке до н. э. Именно там царь Мавсол (Мавзол) построил себе первый в мире мавзолей. Мощную каменную крепость Св. Петра построили в 1492–1522 гг. рыцари иоанниты, но, увы, в начале 1523 г. ее захватил турецкий султан Сулейман II Великолепный.

30 июля отряд Елманова подошел к крепости. Вперед выдвинулись три бомбардирских корабля, которые открыли огонь из гаубиц и мортир. Через час на восточный берег залива у крепости высадились 4 албанских батальона (4 майора и 919 человек), а также отряд славонцев (101 человек) под командованием графа Ивелича, то есть всего 1020 человек.

На следующий день, 31 июля, ранним утром туда же были высажены русские пехотные и артиллерийские подразделения, всего 1452 человека и семь 3-фунтовых единорогов. Причем единороги были сравнительно легкие – всего 340 кг, и солдаты их перетаскивали по берегу вручную, без конной тяги. Командовал русским десантным отрядом инженер-майор Матвеев.

На берегу у места высадки был оставлен подпоручик Радилев с тремя единорогами и 80 солдатами. Остальные двинулись к крепости. Целями десанта были захват острова и уничтожение стоявшего в заливе турецкого фрегата. Возможно, это был и не военный фрегат, а торговое судно с парусным фрегатским вооружением. Во всяком случае, фрегат не стрелял ни по десанту, ни по кораблям.

Однако из-за сильного ружейного и артиллерийского огня турок обе задачи выполнить не удалось. По пути русские сожгли две турецкие полугалеры, одну фелуку и магазин с адмиралтейскими припасами. Албанцы же основательно пограбили несколько жилых кварталов Будрума. После этого десант благополучно был принят обратно на суда.

В полдень контр-адмирал Елманов решил атаковать 13-пушечную

батарею на западном берегу Будрумского залива, которая своим огнем мешала нашим гребным судам войти в залив «для сожжения упомянутого фрегата». Немедленно на западном берегу залива были высажены все 4 албанских батальона и славонцы. Но батарею взять не удалось, а на следующее утро появились большие «скопища» турок, и десантники начали отход. В ходе операции албанцы сожгли Зефирбееву деревню, усадьбу какого-то важного турка и 5 мельниц. Русские потеряли 21 человека убитыми и 25 ранеными.

Все три дня бомбардирские корабли работали по крепости бомбами, брандскугелями и карказами^[70]. В крепости и в городе были заметны значительные разрушения и многочисленные пожары. «Гром» даже добился двух попаданий 5-пудовыми мортирными бомбами в турецкий фрегат. На нем вспыхнул пожар, но вскоре команде удалось потушить его.

5 августа эскадра Елманова ушла от анатолийских берегов и в тот же день подошла к острову Станчо, где соединилась с отрядом Хметевского. На следующий день, 6 августа, бомбардирские суда «Гром» и «Страшный» подошли как можно ближе к турецкой цитадели главного города острова. Бомбардирский корабль «Молния» подойти к острову не смог из-за противного ветра и сильного течения.

В тот же день на берег были высажены иррегулярные части: 1020 албанцев и славонцев – участников высадки в Бурдруме, и еще 190 албанцев с судов Хметевского. Затем высадились русские солдаты под командованием инженер-майора Матвеева с семью 3-фунтовыми единорогами и две роты морской пехоты (как тогда говорили, «из морских солдатских батальонов»).

В первый день высадки десантники отбросили турок и заняли плацдарм у крепости. Но на следующий день большие силы турок контратаковали албанцев и русских. Согласно отчету Елманова, туркам удалось переправить на остров около 5 тысяч солдат. Кроме того, была мобилизована мусульманская часть населения. В ходе жестокого боя албанцы понесли тяжелые потери. Был убит майор Якумати, а майор Стата тяжело ранен и умер на следующий день. Командование над иррегулярными войсками принял майор Константин Георгиев, но и он почти сразу получил ранение. Албанцы, понеся тяжелые потери, бросились бежать.

Русская пехота оказалась в тяжелом положении. Майор Матвеев был ранен в левую ногу и передал командование майору Черемисову. Через несколько минут и Черемисов был ранен. Русские солдаты понесли его на руках, но туркам удалось отбить майора и взять в плен. Туркам достались и

шесть 3-фунтовых единорогов.

Когда отступающие десантники приблизились к берегу, корабли и фрегаты открыли по туркам огонь ядрами и дальней картечью. По русским данным огнем корабельной артиллерии было уничтожено до 100 человек кавалерии противника.

Неудаче десантников способствовала еще и страшная жара, от которой плохо становилось не только русским, но и албанцам и грекам.

Потери десанта составили 86 человек убитыми и 76 человек ранеными, из которых умерло 32 человека. Я цитирую отчет Елманова, из которого неясно, о каких потерях идет речь, – то ли только русских, то ли общих.

Причиной неудачи в Будруме и поражения в Станчо явилась преступная легкомысленность графа Орлова, которому Спиридов и Елманов просто не рисковали возражать. Вспомним, скольких адмиралов граф вытурил из Архипелагской эскадры. Прошлые неудачи на Лемносе и в других местах ничему не научили его. Орлов не учел того, что деревянным кораблям трудно бороться с противником, засевшим в каменных крепостях. Ядра 36-, 24- и 36-фунтовых пушек были малоэффективны при действии по толстым каменным стенам турецких крепостей, особенно при действии с большой дистанции.

Чтобы подавить огонь крепостной артиллерии, Орлову надо было иметь не три, а тридцать или по крайней мере пятнадцать бомбардирских кораблей. Десантные операции проводились, как правило, летом при тихой погоде и вблизи баз на Паросе, поэтому высоких мореходных качеств от бомбардирских кораблей не требовалось. И можно было переделать под бомбардирские корабли греческие корсарские суда или, по крайности, купить суда в Ливорно. Переделка была очень проста. Требовалось подкрепить палубы в местах установки мортир. 5- и 3-пудовые мортиры можно было прислать из России, где их имелось больше чем достаточно, а можно было и закупить в Англии, Ливорно, Венеции или Триесте.

Огонь 15–30 бомбардирских судов, то есть 40–90 пятипудовых мортир мог в течение светового дня подавить сопротивление любой турецкой крепости в Архипелаге.

Орлов не учитывал способность турок перебрасывать на острова подкрепления на малых гребных судах, а также участия в бою мусульманского населения, которое отчаянно дралось за свои дома и жизнь своих близких. Турки прекрасно знали, что будет с ними после прихода албанцев (греков).

В состав эскадры следовало привлекать побольше гребных корсарских

судов, чтобы обеспечить с моря полную блокаду атакуемой крепости.

В составе десанта должно было быть по крайней мере в два раза больше пехоты. Кроме того, на гребных судах следовало доставить хотя бы несколько десятков кавалерии, а также артиллерийских лошадей. Для русских моряков это дело вполне привычное. Еще со времен Петра Великого в составе Балтийского флота имелись десятки так называемых конских галер, которые предназначались для перевозки кавалерии.

На берег следовало высаживать не только 3-фунтовые, но и $1\frac{1}{2}$ -пудовые, и 1-пудовые единороги весом 1146 кг и 1851 кг, с конной тягой. При штурме турецких крепостей особенно был важен навесной огонь. Поэтому десант должен был быть снабжен десятками 8-фунтовых Кегорновых мортирок весом (со станком) менее 50 кг. Такие мортирки легко переносились по полю боя четырьмя номерами прислуги. Большую роль сыграли бы и $1\frac{1}{2}$ -пудовые мортиры, вес которых составлял около 300 кг.

Увы, наши военные уже 300 лет тупо недооценивают роль навесного огня. Их регулярно бьют, а они все мечтают сражаться в «большом поле», где «есть разгуляться где на воле» и где все решает настильный огонь. В Крымскую войну союзники взяли Севастополь исключительно из-за превосходства в мортирном огне.

В 1877 г. под Плевной русская артиллерия навесным огнем не сумела разрушить наспех возведенных турками земляных укреплений полевого типа. В результате – огромные потери в ходе трех неудачных штурмов Плевны и задержка наступления на полгода. Только в результате бездействия остальных турецких сил русская армия избежала полного разгрома.

В 1904 г. японские 11-дюймовые мортиры развалили русские укрепления и утопили весь флот в Порт-Артуре.

В 1939–1940 гг. самые мощные советские орудия – 203-мм гаубицы Б-4 не могли пробить финские доты в упор: на 100–400 м. Требовалось попасть в одну точку минимум два раза.

После первого штурма Грозного ваш покорный слуга написал статью «Очередное фиаско “полигонного” мышления», где утверждал, что огромных потерь в Грозном можно было избежать, применив 240-мм минометы «Тюльпан» и М-240^[71].

Но вернемся к войне в Архипелаге. В начале 1773 г. в Сирии друзский шейх Дагер и эмир Шехад подняли мятеж против турецких властей. На помощь им 25 июля 1773 г. пришла русско-корсарская эскадра под

командованием Ивана Войновича. В ее составе были фрегаты «Св. Николай» (капитан Иван Войнович) и «Слава» (капитан Марк Войнович), шебека «Забияка» и галеры «Рондинелос» и «Унионе». Корсары захватили Бейрут с весьма незначительными потерями: на «Св. Николае» было убито 8 и ранено 15 человек, на «Славе», соответственно, 4 и 6 человек, на «Забияке» – 4 и 7 человек, на галерах – 1 и 4 человека.

Город был передан друзьям, а корсары взяли себе все турецкие пушки и две полугалеры. Кроме денег и другого имущества, захваченного в Бейруте, Марк Войнович требовал с друзей 300 тыс. пиастров. Из этой суммы 30 тысяч ($\frac{1}{10}$ доли) было уплачено графу А. Орлову, а остальные поделены между капитанами и командами корсаров.

24 июня 1773 г. фрегат «Почталион» (командир капитан-лейтенант Семен Кравцов) с корсарскими полугалерой и фелукой погнался за двумя турецкими ландрами (небольшими торговыми судами). Одну из них длиной 16,2 м с тремя фальконетами он захватил, а другую, с двумя $\frac{1}{2}$ -фунтовыми пушками, потопил, предварительно сняв пушки.

5 июня 1773 г. на корабле «Чесма», стоявшем у берегов Пароса, состоялась очередная ссора между Алексеем Орловым и Григорием Спиридовым, после чего адмирал написал прошение об отставке. Официальным поводом стало состояние здоровья 63-летнего Спиридова: «Но при старости лет моих понесенные в службе труды и здешний арипелажский климат паки меня до того ж ныне довело, что я совсем в моем здоровье одряхлел и к болезненным от головы и глаз припадкам стал быть мало памятен, и от того, сам предвижу, во исполнении медлителен и по всему тому больше ко исполнению положенной на меня должности не так уже, как прежде, могу быть способен».

А через 5 месяцев Адмиралтейств-коллегия получила Высочайший указ, подписанный Екатериной. Единственной наградой, полученной Спиридовым при отставке, было назначение «вместо пенсии полного адмиральского жалованья».

В начале октября 1773 г. Елманов на кораблях «Св. Георгий Победоносец» и «Три Святителя» с полакой «Лютра» прибыл к острову Тассо и «приказал приматам [старейшинам. – А.Ш.] одного острова, чтобы заготовленных в прошлом 1772 году 85 дерев вывезти на берег, да вновь вырубить и также вывезти на берег 13 мачтов дерев, а также 100 сажень дров».

25 октября 1773 г. к румелийскому берегу пошли крейсировать полакра «Св. Иоанн Богослов», полугалеры «Лев» и «Олимпиада». Командовал

отрядом мичман Марацо, он же капитан полакры. Капитаном полугалеры «Лев» был Анагностий; кто командовал второй полугалерой, установить не удалось. Особых успехов отряд не достиг, были захвачены лишь два малых турецких судна – волик и фелука.

Других крупных операций русский флот в 1773 г. не проводил. В чем-то это связано с тем, что Алексей Орлов был больше занят дворцовыми интригами в Петербурге, нежели боевыми действиями в Архипелаге. В сентябре 1772 г. в постели императрицы оказался конной гвардии поручик А. С. Васильчиков. Весть об этом к концу года дошла до Орлова. Ему стало не столько обидно за брата, сколько страшно потерять огромные имения и титулы. Ведь большинство отставных фаворитов во времена Анны и Елизаветы отправлялись если не в застенки, то в Сибирь. Вспомним хотя бы Бирона и Лестока.

В конце 1772 г. Алексей Орлов, ссылаясь на нездоровье, просит у Екатерины разрешения приехать в Петербург. Екатерина отказывает. Мало того, она приказала курляндскому губернатору графу Броуну не пропускать Алексея, если тот окажется в Риге без ее позволения.

К лету 1773 г. А. Орлов несколько успокоился. Ни он, ни братья не лишились своих должностей и привилегий, а новый фаворит оказался глуп. Сама Екатерина называла его дураком, говорила, что он «скучен и душен». Васильчиков не лез ни во внутреннюю, ни во внешнюю политику и был крайне ничтожной личностью. По словам князя Щербатова, он «ни худа, ни добра не сделал».

Поняв, что Алексей Орлов не намерен конфликтовать, Екатерина в августе 1773 г. разрешила ему приехать в Петербург. 3 октября на заседании Совета императрица спросила, с какой целью посылается в Архипелаг 5-я эскадра под командованием контрадмирала С. К. Грейга в составе четырех кораблей и двух фрегатов. Ведь находящийся там флот стоит много, а вреда противнику не приносит. «Если он, – сказала Екатерина, – может быть употреблен для какого-нибудь предприятия, и надобны будут на него сухопутные войска, то я беру на свое попечение их доставить». Ей ответили, что эскадра отправляется по требованию графа А. Орлова для замены обветшалых кораблей, и если флот не находит способа вредить неприятелю, то все же облегчает положение сухопутной армии, отвлекая от нее противника. В ответ Екатерина предложила на следующее заседание Совета пригласить Алексея Орлова.

Через три дня, на заседании 7 октября, императрица спросил А. Орлова, в каком положении находятся дела в Архипелаге, и нельзя ли извлечь из флота большую пользу. Орлов ответил, что из находящихся там

кораблей пять совсем обветшали, что в нынешнюю кампанию он намеревался разорить Салоники и Смирну для пресечения подвоза туркам запасов через эти места, но болезнь вынудила его оставить флот. «Я не думаю, – говорил Орлов, – чтоб неприятельский флот мог появиться в Архипелаге. Турки с тех пор, как узнали малочисленность наших сухопутных сил там, уж не так их опасаются. Побеждаемы они были малым числом, потому что обыкновенно пугаются всего того, о чем не знают, но, пришедши потом в себя, принимают достаточные меры».

Тут в разговор вступил бывший фаворит Григорий Орлов: «Это свойственно туркам, как и всем невеждам. Потому-то и не надобно давать им время на размышление, а стараться пользоваться их замешательством. Также надобно поступать с ними и при мирных переговорах. Этим средством можно скорее получить желаемое».

Екатерина заметила, что, по ее мнению, полезнее было бы действовать на одном европейском берегу, как ближайшем к Константинополю. Но Чернышев и А. Орлов возразили, что с малыми силами нельзя утвердиться на этом берегу. Ведь турки могут очень быстро стянуть туда силы числом до 40 тысяч. Так что это предприятие может принести лишь одну пользу – на время встревожить турок и отвлечь туда их войска.

Граф Панин заметил, что отправка в Архипелаг новой эскадры причинит туркам новое беспокойство, и следует надеяться, что зимой турки возобновят мирные переговоры. Екатерина ответила на это: «Мое намерение состоит в том, чтобы, не полагаясь на заключение мира, приняты были сильные меры для достижения этого в будущей кампании. Долгая война приводит народ в уныние, и потому никто так мира не желает, как я. Надобны ли во флот сухопутные войска и сколько? Довольно ли 20 тысяч?» Алексей Орлов ответил, что с двадцатью тысячами он готов идти прямо на Константинополь. Екатерина спросила: «Нельзя ли овладеть Галлиполи. Я бы могла доставить на флот четыре или пять тысяч иностранного войска». З. Г. Чернышев предположил, что от иностранного войска возникнут большие неудобства, а Н. И. Панин заметил, что враждебные державы, узнав об этом, могут выставить препятствия.

«Кроме всех неудобств при употреблении иностранных войск, – сказал А. Орлов, – всякий успех будет им приписан. Для избежания мнения, что мы без англичан ничего сделать не можем, я всегда старался употреблять, сколько можно, своих офицеров». Императрица на это заметила, что при Петре Великом были примеры употребления иностранных войск, и надобно сравнивать неудобства с выгодами.

Екатерина вышла из Совета, ясно выразив свое неудовольствие на ход

войны. «Флот, – сказала она, – не делает ничего, а армия едва действует, а неприятель этим пользуется, и все это происходит собственно от нас».

После ухода императрицы Алексей Орлов предложил Совету как можно скорее отправить с Грейгом новую эскадру, разрешив ему бить встречных варварийцев. Совет согласился. Еще Орлов предложил не заключать с турками перемирия, что бы не дать им времени посоветоваться с французами.

О себе Орлов сказал, что видит волю императрицы, чтобы ему продолжать начальствовать над флотом, от чего как усердный сын отечества не уклоняется, но не может отвечать за себя в исправном исполнении возложенного на него дела, потому что подвержен болезненным припадкам.

Тем не менее императрица приказала Алексею Орлову уехать в Архипелаг.

21 октября 1773 г. из Кронштадта вышла 5-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Грейга. В ее составе были 74-пушечный корабль «Св. Великомученик Исидор», три 66-пушечных корабля – «Дмитрий Донской», «Мироносец», «Александр Невский», два 32-пушечных фрегата – «Павел» и «Наталия» и шесть транспортов. Эскадра шла по проторенному пути: Копенгаген – Портсмут – Гибралтар – Ливорно. Грейг, по одному ему ведомым причинам, придя в Ливорно 11 февраля 1774 г., простоял там полгода. В Аузу эскадра прибыла только 6 сентября 1774 г., уже после заключения мира с Турцией.

Как уже говорилось, для вооружения русских эскадр в Средиземном море Екатерина делала большие закупки орудий в Англии. Так, согласно указу от 10 февраля 1772 г., Адмиралтейству было приказано закупить на заводе Каррон в Шотландии чугунные пушки: 36-фунтовых – 123 и 30-фунтовых – 892. Английские купцы Томсон и Петерс обещали все эти пушки доставить в Петербург в течение 1772 г., но оговорили, что пушки будут калибра 32 фунта. Наше Адмиралтейство задумалось: вводить ли новый калибр? Ведь 32-фунтовых пушек у нас отродясь не было. Но померили калибр, и он оказался равным нашим 30-фунтовым пушкам, то есть 6,46 дюйма (164 мм), и согласились. У нас во флоте эти пушки называли 30-фунтовыми карронскими, а позже изготовленные в России по их образцу 30-фунтовые пушки – «длинными обр. 1786 г.».

Глава 15. Кампания 1774 г.

К 1 января 1774 г. в порту Ауза находились корабли «Европа», «Три Святителя», «Победоносец», «Чесма», «Ростислав», «Победа»; фрегаты «Не тронь меня», «Северный Орел», «Африка», «Григорий», «Делос», «Архипелаг», «Помощный», «Запасный»; бомбардирские корабли «Гром», «Молния» и «Страшный». Кроме того, фрегат «Улисс», переоборудованный из захваченного у турок торгового судна, и корабль «Иануарий» находились в капитальном ремонте.

У острова Патмос находились корабль «Три Иерарха», фрегаты «Тино», «Победа» и две полакры. В Ливорно стояли фрегат «Минерва», пинки «Венера» и «Сатурн».

В крейсерстве у Бейрута находились фрегаты «Николай», «Слава», «Надежда», «Святой Павел», «Наксия» и четыре полакры. У острова Леро крейсировал пакетбот «Почталион».

В первой половине 1774 г. русский флот крупных операций не производил, а корсары под Андреевским флагом баловались помаленьку. Документы на сей счет сохранились лишь обрывочные, и оценить ущерб, нанесенный корсарами, невозможно. По сему поводу есть лишь отдельные сообщения:

31 января 1774 г. шебека «Забияка» и галера «Унионе» отправились из Аузы к острову Цериго и захватили там какие-то мелкие суда.

27 февраля адмирал Спиридов, окончательно сдав дела вице-адмиралу Елманову, на корабле «Европа» в сопровождении фрегата «Григорий» и бомбардирского корабля «Страшный» отправился в Ливорно, куда и прибыл 17 марта.

12 марта на крейсерство к острову Имбро вышли фрегаты «Северный Орел», «Африка» и «Тино».

31 мая 1774 г. шебека «Забияка» имела бой с «корсарским судном» у берегов Кипра. После перестрелки противники разошлись в разные стороны. На «Забияке» убит один человек и ранено трое. Поскольку в документе не указана национальность «корсарского судна» (если бы это были турки, то уж написали бы обязательно), то это был конкурент-грек, оспаривавший у «Забияки» «зону влияния».

В ночь на 30 мая 1774 г. лейтенант Марк Войнович на фрегате «Слава» в сопровождении двух шебек и двух полугалер вошел в Хиосский пролив и высадил на азиатском берегу 130 греков-ипсариотов (уроженцев острова

Псаро) под командованием капитана Варнача. Ипсариоты убили свыше 50 турок и захватили 4 пушки. Две медные и одну чугунную пушки греки доставили на борт фрегата, а одну большую чугунную пушку заклепали и сбросили в море. Затем отряд Войновича отправился крейсировать в Митиллинский пролив.

Несколько слов стоит сказать и о капитане Варначе. На самом деле его имя было Варвакис. Он был уроженцем острова Псаро и еще до войны промышлял пиратством, за что греки называли его капитаном. В 1770 г. Варвакис вместе со своей 20-пушечной полакрой присоединился к эскадре Алексея Орлова. Екатерина присвоила ему звание поручика, но все по-прежнему звали Варвакиса капитаном. После окончания войны Варвакис продолжал пиратствовать в Эгейском море. Туркам каким-то образом удалось его схватить и заключить в Семибашенный замок. Капитана ждала казнь, но его выручил русский посол в Стамбуле. Судно же Варвакиса прошло Проливы и прибыло в Еникале вместе с греками, желавшими переселиться в Россию.

По прибытии в Россию Варвакис был принят императрицей, от которой он получил тысячу червонцев и право беспошлинной торговли на 10 лет.

Но все это будет позже. А пока 13 июня 1774 г. лейтенант Панаиоти Алексиано на фрегате «Св. Павел» вместе с двумя полугалерами – «Зижига» и «Лев» – отправился на крейсерство к Дарданеллам. 26 июня Алексиано высадил 160 корсаров на небольшой остров Карыбада (Мекасти), находящийся в заливе Декария у румелийского берега. Навстречу корсарам выбежала толпа турок с одной пушкой. Но греки их рассеяли и захватили пушку.

Затем корсары осадили небольшую каменную крепость с пятью башнями. После небольшой перестрелки ее гарнизон капитулировал с условием, что туркам разрешать без оружия на лодках переправиться на румелийский берег. Корсары выполнили свои обещания, и начальник крепости Сардар Мустафа ага Каксарли с пятьюдесятью турками отправился к европейскому берегу. Греки перегрузили на «Св. Павел» взятые в крепости 15 пушек калибра от 3 до 14 фунтов, 4200 ядер, 40 бочек с порохом и иные припасы. На берегу корсары сожгли 4 фелуки, а в крепости – все дома обывателей, и на том отбыли восвояси.

На фоне неудач русского флота на Станчо и в других местах это был как-никак успех, и адмирал Елманов всем 257 корсарам, составлявшим команды «Св. Павла» и полугалер, приказал выдать по одному червонцу.

В июне 1774 г. отряд Марка Войновича подошел к острову Эмброу, где

получил «контрибуцию» скотом, а сверх того – хлеба на 4000 пиастров. Затем Войнович взял на острове Самодраки (Самотраки) 50 быков и 200 баранов.

Одновременно отряд капитан-лейтенанта Псасора на островах Шкат-Скапель и Полидром собрал «контрибуцию» хлебом и дровяным летом для флота.

6 июля к острову Тассо за корабельным лесом прибыли корабль «Саратов», фрегат «Улисс», пинки «Венера» и «Сатурн», полака «Св. Екатерина» и ландра «Донец». Понятно, что столь внушительная эскадра нужна была не для борьбы с противником – благо, на острове не было турок, и выход турецкого флота из Дарданелл не ожидался. Просто заготовка леса шла «хозяйственным способом», и нужны были матросы для использования в качестве рабочей силы.

25 июля к русской эскадре Елманова, стоявшей у острова Тассо, подошла турецкая полугалера с белым флагом. На ней прибыл майор Белич (серб на русской службе) с письмом от фельдмаршала Румянцева, в котором говорилось, что 10 июля был заключен мир с турками. Кампания в Архипелаге закончилась.

Кючук-Кайнарджийский мир был следствием истощения сил обеих сторон. Хотя, разумеется, положение воюющих сторон было неравным. Передовые русские отряды были в 250 км от Константинополя. Ресурсы Оттоманской империи были истощены, а в России, как справедливо писала Екатерина, были области, где и не слышали о войне. Но и у России к лету 1774 г. были большие проблемы. Польские дела не были окончательно урегулированы, и никто не представлял, сколько сил и средств потребуют они от России. А главное, в России свирепствовала пугачевщина. Советские историки в восстании Пугачева акцентировали упор на классовой борьбе крестьянства и помещиков. Это, безусловно, правильно. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что, честно говоря, в России не было законной власти. Де-факто матушка Екатерина сделала для России не меньше, чем Петр Великий, и при этом обошлась без свирепого террора Петра. Но де-юре на престоле сидела немецкая принцесса, убившая своего мужа – законного русского императора Петра III. Это не могло не сказываться на поведении всех сословий русского общества – дворян, купцов, духовенства и крестьян. Недаром почти везде духовенство встречало Пугачева колокольным звоном. Дворянство, по понятным причинам, неохотно шло к Пугачеву, но зато с 1762 по 1774 г. было несколько дворянских заговоров с целью свержения Екатерины. Другой вопрос, что императрица подавляла их без казней (за исключением

Мировича). Она тихо отправляла заговорщиков кого на Камчатку, кого в фамильную деревню, а кому затыкала рот деньгами и поместьями. И так, у Екатерины было не меньше оснований мириться, чем у Абдул-Хамида.

Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула).

Крымское ханство становилось полностью политически независимым. В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

Однако турецкий султан оставался духовным главой крымских татар.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии». Султан признал императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей.

В секретный протокол был включен пункт о выплате Турцией России контрибуции в 4,5 миллиона рублей. Этот пункт носил скорее престижный характер, а контрибуция была символической. Только за один 1771 год Россия потратила на войну 25 миллионов рублей. Между прочим, в 1773 г. Обресков требовал у турок контрибуцию в 40 миллионов рублей.

Понятно, что наиболее важным моментом во взаимоотношениях с Турцией была свобода торгового мореплавания и возможность держать военные суда в Черном и Средиземном морях.

В 11-й статье трактата о мире было записано: «Для выгоды и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей и в проездах, или каналах,

онные моря соединяющих, находящимся».

Русские купцы Англии и Франции, «в наибольшей дружбе с нею пребывающие»: «привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и Константинопольские».

В договоре не было ни слова о праве России держать военный флот на Черном море. Но не было и запрета строить военные корабли. Вместе с тем текст договора давал определенные основания строить и держать их, хотя бы для конвоирования купеческих судов. Договор распространял на Россию права Франции и Англии, «и капитуляции [соглашения] сих двух наций и прочих, яко бы слово до влова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов Российских...»

Между тем эти «капитуляции» предусматривали легкое артиллерийское вооружение самих купеческих кораблей (4–6 пушек) и конвой военных судов среднего класса.

Этот пункт договора юридически давал право русским военным судам свободно плавать по всему Средиземному морю, и плавать куда угодно, хоть к Константинополю, так как суда Англии и Франции имели такое право. Однако русские военные суда не могли пройти южным, Дарданелльским проливом и пристать у Константинополя.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров», и т. п.

Автор же склонен считать этот договор наспех состряпанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну.

Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему негде было базироваться (мы уже говорили о невозможности базирования больших кораблей в Азове и Таганроге).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть – к довоенной ситуации.

Заключение Кючук-Кайнарджийского мира принесло не облегчение, а тревогу и беспокойство русскому флоту в Архипелаге – всем, от вице-адмирала Елманова до простых матросов.

Подписавший договор фельдмаршал Румянцев хотя и считался

великим полководцем, ни уха, ни рыла не смыслил в морских делах и согласился с турецким требованием, чтобы русский флот ушел из Архипелага в течение трех месяцев.

Начнем с того, что не менее 40 % русских судов нуждались в ремонте. Ведь турки не разрешили русскому флоту идти на родину самым коротким путем – через Проливы в черноморские порты. По условиям мирного договора все военные суда должны были идти обратно на Балтику вокруг Европы. А такое плавание не сравнить с крейсерством в Эгейском море в 200–300 км от главной базы. Большинство судов подлежало ремонту, а многие вообще не могли идти.

Но это полбеды. Главное – надо было эвакуировать целую «губернию» с администрацией, Адмиралтейством, госпиталями и другими казенными учреждениями, сухопутные войска и т. д. Жители более двадцати греческих островов приняли русское подданство, на стороне России воевали многие тысячи греков, албанцев, славонцев и других народов. Как быть с ними? Мы помним, что в первые два-три года войны Екатерина ставила перед дипломатами цель: добиться на мирных переговорах закрепления «губернии» за Россией. И это греки хорошо знали. А вот теперь их предали.

Русские власти попытались исправить ситуацию с союзниками различными полумерами. Во-первых, предоставили возможность желающим переселиться в Россию. Во-вторых, в статьях Кючук-Кайнарджийского мира содержалось обязательство султана не мстить союзникам русских из числа османских подданных.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право учреждения консульств в Османской империи. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконесе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Консульства были учреждены и на находившихся под венецианским господством островах – Корфу, Закинфе и Кефаллинии. Замечу, что больше Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в Екатерининскую эпоху.

Консульства должны были следить за выполнением турками своих обязательств и по мере возможности защищать греков. Об этом свидетельствует греческий писатель Адамантиос Корис, живший во Франции и вовсе не принадлежавший к числу поклонников Екатерины II. В 1803 г. он писал: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши

право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя будто они вступили в подданство или служили под начальством русских»^[72].

В Россию греки, славонцы и албанцы ехали тремя путями: морским вокруг Европы в Петербург, сухопутным через Австрию и морским через Константинополь.

17 октября 1774 г. из порта Ауза на Балтику отправилась 1-я дивизия Архипелагского флота в составе кораблей «Св. Великомученик Исидор», «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Мироносец» и фрегата «Св. Павел». Командовал эскадрой контрадмирал С. К. Грейг. «Св. Павел» более чем на год встал на ремонт в Ливорно, а остальные корабли пошли домой. К их плаванью мы вернемся позже.

12 декабря 1774 г. из Аузы ушла 2-я дивизия в составе кораблей «Ростислав», «Саратов», «Граф Орлов»; фрегатов «Помощный», «Запасной» и бомбардирского корабля «Страшный». Командовал дивизией контр-адмирал К. М. Базбаль. Он повел корабли мимо Ливорно – столь любимого места длительных стоянок, и 19 августа 1875 г. прибыл в Кронштадт.

13 марта 1775 г. из Аузы ушел одиночный фрегат «Надежда». Капитан М. Г. Кожухов благополучно привел его в Петербург 15 октября. Фрегаты же «Минерва» и «Григорий» ушли из Средиземного моря на Балтику в 1774 г., еще до окончания войны.

Ряд кораблей и судов можно было отремонтировать и послать в Россию, но на это требовалось время, лес и мастеровые, а последних в Аузе как раз и не хватало. А главное, хотя Елманов и растянул эвакуацию «губернии» на 10 месяцев вместо трех положенных, но все равно времени на ремонт всех судов не хватало. В результате корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя», «Не тронь меня», фрегаты «Надежда Благополучия», «Накция» и «Делос», бомбардирский корабль «Гром» и ряд других судов были сданы на лом в порту Ауза.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия впервые получила возможность проводить свои торговые суда через Проливы. Этим и решил воспользоваться вице-адмирал Елманов и отправить ряд корсарских судов под торговым флагом (нынешним триколором) через Проливы на Черное море. Этим решались сразу две проблемы: доставка на Черное море судов, которые можно было использовать в военных целях, и оперативная доставка на новое место жительства тысяч греков и албанцев.

С марта по май 1775 г. под торговым флагом России через Проливы

прошли фрегаты «Архипелаг», «Тино», «Победа», «Св. Николай» и «Слава», полаки «Патмос», «Св. Екатерина», № 53 и № 55. Более мелкие суда с греками приходили в Константинополь под видом каботажных судов, что-то там продавали, что-то покупали, а затем шли в Черное море.

Фрегат «Слава» привез греков в Крым, а затем вернулся в Аузу, но из-за повреждений сделать второй рейс не смог и был в 1776 г. продан на лом в Ливорно.

Фрегат «Победа», везший греков в Балаклаву, разбился 5 сентября 1775 г. у входа в Балаклавскую бухту, но вся команда и пассажиры были спасены.

Интересно, что турки очень внимательно следили за судами, проходившими Проливы. Как видим, они пропустили все военные (корсарские) суда, обращенные в 1769–1772 гг. из греческих торговых кораблей, но категорически отказались даже впустить в Дарданеллы «Северный Орел» – фрегат, специально построенный для военных целей, и ему пришлось тащиться вокруг Европы.

Екатерина II «во внимание к приверженности греков и албанцев к России и оказанных услуг», указом от 28 марта 1775 г. на имя графа Орлова-Чесменского – инициатора принятия греков и албанцев на службу – повелела изыскать меры для поселения новых переселенцев, отведя им земли возле перешедших к России крепостей Керчи и Еникале.

Эти переселенцы получили большие льготы, и им разрешено было из своей среды составить войско, названное Албанским. Причем войско это было обязано служить лишь во время войны. Но в том же году, 5 августа, по предложению Потемкина Екатерина отменила это правило, поскольку переселенцы, большей частью греки, пожелали нести службу и в мирное время.

И императрица утвердила проект об учреждении особого Греческого пехотного полка со штатным составом в 1762 человека. Полк состоял из 12 рот или экатонтархий, которым предполагалось дать исторические названия: Афинская, Спартанская, Фивская, Коринфская, Фессалийская, Македонская, Микенская, Сикионская, Ахайская, Ионическая, Эпирская и Кефалонийская.

Как уже говорилось, основанную русскими школу для греческих детей в начале 1775 г. перевезли в Петербург и поместили в организованную при Артиллерийском корпусе греческую гимназию (позже корпус). Всего прибыло 103 человека, из них 46 учеников и 57 родителей и учителей. 17 апреля 1775 г. был утвержден устав нового учебного заведения, названного «Корпусом чужестранных единоверцев».

В учебный план были включены предметы, преподаваемые в Сухопутном кадетском корпусе: языки русский, французский, немецкий, итальянский, греческий и турецкий; арифметика, алгебра, геометрия, история, география, рисование; танцам обучали в младших классах. По окончании «общего учения» учащиеся должны были поступить в высшие классы. Одаренных учащихся или имевших склонность к морской, артиллерийской или инженерной службе предполагалось отсылать в морской и артиллерийский корпус.

После ухода русских столица «губернии» порт Ауза, да и весь остров Парос быстро пришли в первоначальное состояние. И русские, и греки постепенно забыли о происходивших там событиях, и уже в 1922 г. русские моряки из Бизертской эскадры, оказавшись случайно на острове, не смогли обнаружить никаких следов пребывания там русских в 1770–1775 гг. Местный историк-краевед Фанориус Алимпрандис утверждает, что на месте братского кладбища русских, снесенного «довольно давно», ныне построен отель «Порто Парос». А у островка Аналипсис в бухте Наусса, где был русский госпиталь, лежит на грунте русский корабль.

С 1991 г. началось новое вторжение русских на остров Парос, точнее, «новых русских». Рекламы турфирм зазывают клиентов: «уютные бухты с золотым песком», «в многочисленных ресторанах можно отведать специальные блюда экзотико-франко-американской кухни (что это такое – трудно представить!). Любителям потанцевать также скучать не придется – здесь огромный выбор дискотек, работающих до утра». «Однако в Парос интересно приехать и с познавательной целью. Если Вам захочется погулять по городу, посетите Цитадель – развалины венецианской крепости, и осмотрите замечательный алтарь церкви Св. Константина, построенной на месте храма Деметры».

Разумеется, о событиях 1770–1775 гг. в рекламных проспектах для новых русских нет ни слова. Об этом все напрочь забыли.

А как же насчет нынешней моды на «возвращения утраченного»? Так это относится только к Бизертской эскадре, то есть к белогвардейцам, устроившим в 1921–1924 гг. комедию «Русский флот в изгнании» в тунисском порту Бизерта. Сейчас о них выпустили многочисленные издания, их рекламируют по телевидению. А кто вспоминает русских моряков, впервые в истории отправившихся в далекий поход и на 5 лет сделавших Восточное Средиземноморье русским морем? Увы, они не убивали своих соотечественников, не звали в Россию интервентов, не торговали военными и торговыми кораблями Черноморского флота, а главное, их нельзя использовать в грязной пропаганде «обличения

большевизма».

В заключение стоит сказать несколько слов о стоимости Архипелагской кампании. Согласно расчетам сотрудника гидрографического департамента Морского ведомства Александра Соколова: «Всего, в течение пяти лет, было послано из наших портов в Архипелаг: 20 кораблей, 5 фрегатов, 1 бомбардирское судно и 8 мелких; куплено; 11 фрегатов и 2 бомбардирских судна; взято в приз, не считая поляк, шебек, галер и т. п., 1 корабль, 10 фрегатов. Из этих судов разломано за ветхостью: 4 корабля (“Северный Орел” в 1770 г., “Иануарий”, “Три Святителя” и “Не тронь меня” в 1775 г.), 6 фрегатов (“Надежда Благополучия” 1773 г., “Зея”, “Мило” и “Андро” 1772 г., “Миконо” и “Делос” 1773 г.), одно бомбардирское судно (“Гром”) и два мелких (пинки “Св. Павел” 1772 г. и “Соломбала” 1773 г.); погибло: 4 корабля (“Евстафий” в 1770 г. разбился, “Родос” – пленный – в 1770 г. сожжен, “Азия” в 1773 г. без вести пропал)^[73], 2 фрегата (“Федор” и “Санторин”, 1771 г.) и 3 мелких судна (пинк “Лапоминк”, судно “Чичагов”, пакетбот “Летучий”). Затем возвратилось к своим портам: 13 кораблей, 16 фрегатов, 2 бомбардирских судна и 3 мелких. Всех команд, в эти 5 лет, было отправлено (по счету коллегии) 12 200 человек; не возвратилось 4516. О суммах, употребленных на содержание флота, сведения наши не полны: снаряжение первых трех эскадр (1769–1771) обошлось в 1 576 749 рубл.; содержание четырех эскадр в 1772—73 г. обходилось в 508 725 рубл., содержание 5 эскадр в 1775 г. стоило 565 142 рубля, следовательно, во все 6 лет издержано на снаряжение и содержание эскадр 3 149 341 рубл.; вновь, сверх штата, для настоящей войны собственно построенные суда стоили 1 285 598; всего 4 434 939 рубл. Но сюда не вошли суммы, ассигнованные непосредственно из Государственного Казначейства: Графу Орлову, при самом начале кампании, на чрезвычайные расходы 300 000 рубл., Адмиралу Спиридову 480 000, Эльфинстону и Арфу по 200 000; суммы, посылавшиеся графу Орлову впоследствии».

Однако в целом Архипелагская эскадра себя окупала уничтожением турецкого флота при Чесме, а главное – тем, что русская Архипелагская эскадра фактически разделила Оттоманскую империю на две половины. Ведь до войны почти все транспортные артерии, связывавшие Стамбул с Грецией, Албанией, Сирией, Египтом, Алжиром и т. д., проходили по Средиземному морю. А в 1770–1775 гг. эти части империи фактически существовали сами по себе, почти не оказывая экономической и военной помощи метрополии в ее войне с Россией.

Архипелагская эскадра наглядно показала, что воевать на чужой

территории гораздо выгодней, чем на своей. Архипелагская эскадра на 70–80 % кормила сама себя за счет захватов торговых судов судами русской эскадры, за счет отчислений греческих корсаров, податей с многочисленных островов «губернии», контрибуций с турецких приморских городов, в том числе в Сирии, Ливане и Египте.

Не надо забывать, снабжение Архипелагской эскадры происходило на 95 % не из русских портов, а из портов Англии, Менорки, Ливорно и т. д. И тут приходилось за все платить звонкой монетой – за провиант, порох, стоянки и ремонт судов, за покупку фрегатов и транспортов и т. д. Только в этих портах русские оставили гораздо больше денег, чем приведено в отчете Соколова.

Итак, Архипелагская эскадра внесла большой вклад в победу в войне. Но возникает резонный вопрос: а могла ли она одна поставить Оттоманскую империю на колени? На мой взгляд – да! У Орлова было как минимум три варианта действий. Самый решительный – форсировать Дарданеллы и бомбардировать Стамбул с моря. Промежуточный вариант: форсировать Дарданеллы, но не входить в Мраморное море, а построить укрепления по обеим сторонам пролива и полностью прекратить подвоз с моря в Стамбул товаров и продовольствия. Наконец, последнее можно было сделать и без атаки дарданелльских фортов, начав беспощадную войну против торговых судов в Эгейском море.

Но, увы, Алексей Орлов смертельно боялся неудачи – потери нескольких кораблей в проливе. Предвижу возражения: как можно упрекать Орлова в трусости? Но в 1762 г. в Петербурге и Ропше был совсем другой Алексей Орлов: проиграв, он терял всё, а выиграв – становился у руля империи. А в 1770–1774 гг. в Архипелаге был уже другой человек – «чесменский герой», получивший от Екатерины практически все, что она могла дать, оставаясь при этом императрицей. Успех в Дарданеллах мало что давал Орлову, а неудача могла привести к падению с вершины власти.

Ведя борьбу с судоходством у Проливов, Орлов не рисковал военным поражением, но в случае решительных действий против иностранных судов недоброжелатели России в Европе наверняка представили бы его в качестве дикаря и пирата, да и Екатерина в принципе могла откреститься от его деяний и подвергнуть опале. Граф понимал это и, сделав шаг вперед, немедленно делал два шага назад.

Так из-за амбиций одного человека был упущен реальный шанс полностью обеспечить безопасность России на юге. В итоге Кючук-Кайнарджийский мир стал лишь перемирием, поскольку его условия не удовлетворяли ни одну, ни другую сторону. В итоге военный период

истории России 1768–1774 гг. сменился предвоенным 1774–1787 гг.

Глава 16. Действия Азовской флотилии

Строительство судов на Днепре было приостановлено в конце царствования Анны Иоанновны. В начале 1769 г. работа вновь закипела на всех старых верфях – в Таврове, Новопавловске, на Икорце и Хопре. Руководство строительством кораблей было поручено контр-адмиралу Алексею Наумовичу Сенявину.

В апреле 1769 г. на Икорецкой верфи спустили на воду заложенные еще в 1738 г. 44-пушечные прамы № 1 – № 5, в мае 1770 г. получившие названия «Гектор», «Парис», «Лефеб», «Елена» и «Троил». Прамы были двухдечные, их фактическое вооружение состояло из двадцати 24-фунтовых и двадцати двух 8-фунтовых пушек. Пара прамов по огневой мощи была сопоставима с турецким кораблем. Но, как показала предшествующая война, прамы малоподвижны и не выгребали против сильного встречного или бокового ветра.

Поэтому Адмиралтейств-коллегия постановила строить парусно-гребные суда, получившие название «новоизобретенных кораблей». Было создано четыре проекта или типа, как тогда говорили, «новоизобретенных кораблей». По первому типу в сентябре 1769 г. в Новопавловске был заложен трехмачтовый корабль «Хотин». Длина его составила 39 м, ширина 8,23 м и осадка всего 2,7 м, то есть 9 футов, – предел, поставленный Адмиралтейством для всех «новоизобретенных кораблей». 1 марта 1770 г. «Хотин» был спущен на воду. Его вооружение составляли 16 – 12-фунтовых пушек, экипаж – 157 человек.

К сентябрю 1769 г. было заложено и семь двухмачтовых кораблей второго рода. Из них «Азов», «Таганрог», «Морея», «Корон» и «Журжа» – в Новопавловске, а «Новопавловск» и «Мадон» – на Икорецкой верфи. Длина кораблей составила 31,4 м, ширина 8,5 м, осадка 2,7 м. Вооружение кораблей состояло из двух 1-пудовых гаубиц и 14 – 12-фунтовых пушек. Экипаж – 128 человек.

В том же сентябре 1769 г. было заложено два одномачтовых «новоизобретенных корабля» третьего рода (один – в Новопавловске, другой – на Икорецкой верфи). Корабли имели одну мачту. Длина их – 18,3 м, ширина 5,2 м, осадка 2,7 м. Вооружение состояло из одной 2-пудовой мортиры, двух 1-пудовых гаубиц и восьми 12-фунтовых пушек. Эти «новоизобретенные корабли» были перечислены в бомбардирские суда. Один из них утонул 29 мая 1771 г. на Азовском море.

В 1769 г. на Икорецкой верфи было заложено два двухмачтовых корабля четвертого рода – «Бухарест» и «Яссы». Размерения их были близки к кораблям второго рода, но вооружение они имели принципиально иное: две 3-пудовые мортиры и двенадцать 6-фунтовых пушек. Спуск кораблей на воду состоялся 26 мая 1770 г. Фактически корабли четвертого рода были мелкосидящими бомбардирскими кораблями, предназначенными для обстрела береговых целей или стоящих на якоре судов. Попадание из мортиры по движущейся цели было крайне маловероятно.

«Новоизобретенные корабли» имели скверные мореходные качества и малую скорость. Боевых потерь среди них не было, но после войны «Таганрог» и «Яссы» утонули в Азовском море в 1782 г. и 1785 г. соответственно.

В 1770–1774 гг. на Новохоперской верфи было построено шесть фрегатов, получивших названия «Первый», «Второй», «Третий», «Четвертый», «Пятый» и «Шестой». 32-пушечные фрегаты «Первый» и «Второй» были спущены в апреле 1771 г.; 58-пушечные «Третий» и «Четвертый» – в апреле 1773 г.; 42-пушечные «Пятый» и «Шестой» – в апреле – мае 1774 г. Кроме того, на Новохоперской верфи были заложены фрегаты «Седьмой» и «Восьмой», но в связи с окончанием войны работы по ним затормозили, и их спустили в 1777–1778 гг.

Огневая мощь этих фрегатов была невелика. Читателя не должно вводить в заблуждение большое число их пушек. Так, на самых мощных 58-пушечных фрегатах «Третьем» и «Четвертом» состояло по тридцать 18-фунтовых единорогов и по двадцать шесть 3-фунтовых фальконетов, то есть крайне слабых орудий.

В 1770–1774 гг. на Дону было построено значительное число различных лодок, ботов, дубель-шлюпок и т. п. Только к весне 1771 г. было готово 60 лодок. (Некоторые авторы называют их канонерскими лодками, но в официальных списках Азовской флотилии канонерских лодок вообще в то время не было).

Любопытно, что командиром прамы № 5 в январе 1769 г. был назначен мичман Ф. Ф. Ушаков, будущий знаменитый адмирал. Все пять прамов в конце апреля были отправлены вниз по Дону, но дошли до устья только прамы № 2 и № 3. Остальные сели на мель и прибыли к месту назначения лишь в навигацию 1770 г. В боевых действиях прамы не участвовали.

Забегая вперед, скажу, что прамы в 1771–1774 гг. простояли у Азовской и Таганрогской крепостей, где при необходимости они могли быть использованы как плавбатареи.

Летом 1769 г. турки попытались занять Таганрог. Для этого из

Константинополя в Азовское море вышла большая турецкая флотилия. Но, потеряв из-за навигационной аварии галеру, турки не рискнули идти дальше Еникале. Срыв операции довершил бунт янычар на кораблях.

Русские корабли, построенные на Дону, проходили в Азовское море в паводок 1770 г., 1771 г. и других лет. Снаряжение, вооружение и доделка их производились в Таганрогской гавани. Процесс этот затянулся, так что к выходу в море корабли были готовы лишь к началу 1771 г.

17 мая 1771 г. Азовская флотилия в составе десяти «новоизобретенных кораблей», дубель-шлюпки и вооруженного палубного бота, под командованием контр-адмирала А. Н. Сенявина, поднявшего свой флаг на корабле «Хотин», впервые вышла в Азовское море. Мелкие и вспомогательные суда с грузом шли за ней вдоль берега. 29 мая во время шторма затонули три лодки с грузом, две шлюпки и бомбардирский корабль. Однако это не помешало флотилии выполнить поставленную перед ней боевую задачу. 13 июня Сенявин навел на 14 лодках 107-метровый мост через Генический пролив, по которому корпус князя Щербатова переправился в Крым, на Арабатскую стрелку.

В кампанию 1770 г. Военный совет в Петербурге принял решение овладеть Керченским проливом. Екатерина II писала Сенявину: «Главный предмет будущего года на Азовском море, кажется, быть должен для закрытия новозаведенных крепостей, чтоб сделать нападение на Керчь и Тамань и завладеть сими крепостями, дабы через то получить Зунд Черного моря в свои руки, и тогда нашим судам свободно будет крейсировать до самого Цареградского канала и до устья Дуная в 50 верстах от Перекопа».

Всего были переправлены один пехотный полк, две гренадерские роты, 100 егерей и 1500 казаков. Пройдя 100 верст, Щербаков в ночь на 17 июня штурмом взял турецкую крепость Арабат.

Почти одновременно, в ночь на 14 июня, корпус князя Долгорукова начал штурм Перекопа. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал.

После разгрома татарских войск на Перекопе хан Селим Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасу-базаре, но затем отошел к Кафе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Кафе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Кафу, и комендант отдал приказ сдать крепость. Турки под Кафой потеряли около 3500 человек.

Считается, что турок и татар там было 95 тысяч, но, по мнению автора, эта цифра явно преувеличена. Тем не менее численность неприятеля существенно превышала число русских.

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов (Евпатория). Вскоре русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Но вернемся к Азовской флотилии. Получив известие, что у крымских берегов появились корабли противника с десантом, командующий флотилией поспешил к Еникале. В Керченском проливе находилось около 40 турецких военных и транспортных судов (галер, шебек и других), намеревавшихся войти в Азовское море. Подойдя к Керчи с «новоизобретенными кораблями», Сенявин не допустил в Азовское море неприятельские суда, а корпус Щербатова занял крепости Керчь и Еникале, не получившие к тому времени подкрепления.

20 и 21 июня русская флотилия делала попытки вступить с турками в бой, но вражеская эскадра отступила. 23 июня 1771 г. А. Н. Сенявин доносил вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву: «Я думаю, что турки таких судов видеть в море не уповали. Удивление их тем больше быть может, что, по известности им азовской и таганрогской глубины, там великим судам быть нельзя. Да и в самом деле, они перешли 3,5-футовый бар; целую зиму на открытом море лежали на якорях, иногда имея под собой только по 2,5 фута глубины; то и по справедливости сказать турки могут, что флот сей пришел к ним не с моря, а с азовских высоких гор. Удивятся они и еще больше, как увидят в Черном море фрегаты и почувствуют их силы».

К весне 1773 г. в составе Донской флотилии было 9 «новоизобретенных кораблей», 2 бомбардирских корабля, 6 фрегатов, 16 ботов, галиотов^[74] и транспортов. Флотилия была разделена на три отряда. Два из них под командованием капитанов Сухотина и Кингсбергена крейсировали у берегов Крыма на турецких коммуникациях, а третий, контр-адмирала Сенявина, охранял Керченский пролив и конвоировал в Азовском море транспорты для Крымской армии.

29 мая у Суджук-кале (нынешний Новороссийск) Сухотин сжег шесть турецких транспортных судов, а 30 мая захватил еще два. 8 июня им же близ устья реки Кубань были сожжены два транспорта.

23 июня отряд Кингсбергена в составе двух «новоизобретенных

кораблей» «Таганрог» и «Корон» встретил у Балаклавы неприятельскую эскадру из двух кораблей и двух шебек (36– и 24-пушечной). Бой продолжался 6 часов. В конце концов турки ретировались. Наши потери: 4 убитых, 26 раненых. В донесении о сражении Кингсберген писал: «Итак, честь боя следует приписать храбрости войск. С такими молодцами я выгнал бы черта из ада». Кингсберген особо отметил действие 1-пудовых гаубиц, «которые бросали брандугели и бомбы и действием оных вызывали пожары на кораблях противника».

23 августа 1773 г. отряд Кингсбергена, состоявший из трех «новоизобретенных кораблей» – «Азов», «Журжа» и «Модон», а также фрегата «Второй», брандера и палубного бота, встретил у Суджук-кале турецкую эскадру из трех кораблей, четырех фрегатов, трех шебек и нескольких мелких судов. В результате ожесточенного боя неприятель, «не стерпя больше жестокого от наших огня и почувствовав знатное повреждение», ушел под защиту пушек крепости Суджук-кале.

В 1774 г. турки попытались еще раз прорваться в Азовское море. Турецкая эскадра в составе 5 кораблей, 9 фрегатов и 26 гребных судов (галер и шебек) встретила 9 июня в Керченском проливе эскадру контр-адмирала В. Я. Чичагова в составе «новоизобретенных кораблей» «Корон» и «Азов», а также фрегатов «Первый», «Второй» и «Четвертый». После небольшой перестрелки эскадры разошлись восвояси. На следующий день турецкая эскадра возобновила нападение. Русские корабли заняли самое узкое место пролива, и турки не могли реализовать свое численное преимущество. Турки учинили еще одну «ленивую баталию» без особых потерь для противника и удалились.

28 июня к Керчи опять прибыла турецкая эскадра. На сей раз из 31 вымпела: 6 кораблей, 7 фрегатов, бомбардирского судна на 17 гребных судов. В проливе их встретила эскадра Сенявина в составе «новоизобретенных кораблей» «Азов», «Журжа» и «Хотин», фрегатов «Первый», «Второй» и «Четвертый» и двух бомбардирских судов. И снова имела место «ленивая баталия» с последующим отходом турок.

На сей раз турки совсем оставили Донскую флотилию в покое. А через 12 дней был заключен Кайнарджийский мир. Однако флотилия и после заключения мира несла службу в условиях, приближенных к боевым. В ее задачу входила не только охрана Керченского пролива, но и патрулирование северного побережья Черного моря от Суджук-кале до Очакова. На флотилию было возложено снабжение русских сухопутных войск в Крыму.

Несколько слов стоит сказать и о действиях впервые созданной на Дунае русской речной флотилии. Осенью 1770 г. армия Румянцева подошла

к Дунаю. Для борьбы с сильной неприятельской речной флотилией, обеспечения переправы сухопутных войск и действия против прибрежных турецких крепостей было решено создать Дунайскую флотилию.

Весной 1771 г. на Дунае было начато строительство судов. Кроме того, во флотилию включили пять 24-метровых галиотов, захваченных у турок в крепости Тульча.

Летом 1771 г. в Дунайской флотилии было уже 5 галиотов, 7 галер и до 20 малых судов: кончебасов, полукончебасов и других.

В 1772 г. к ним присоединились четыре 12-пушечные шхуны, построенные по чертежам контр-адмирала Чарльза Ноульса, который в 1772 г. командовал флотилией.

Несмотря на слабое вооружение и плохую мореходность, суда флотилии с 1772 г. не только охраняли устье Дуная, но даже выходили в крейсерство в море для наблюдения за движением турецких судов и совершали переходы до берегов Крыма. Но такая деятельность не удовлетворяла графа Румянцева, который, не видя особенных военных успехов, обвинял моряков в «неподвижности» и требовал от начальников отрядов, чтобы они при удобных случаях переходили из оборонительного положения в наступательное и преследовали в море турецкие суда, для чего Дунайская флотилия не имела физической возможности.

На самом деле Дунайская флотилия служила красноречивому фельдмаршалу одним из козлов отпущения, для оправдания перед императрицей собственного «стояния» на Дунае.

Раздел II. Между войнами

Глава 1. Новая Россия на берегах Черного моря

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не стану напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в Африке и Азии, не буду вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажу лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси.

Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Потемкин пригласил на полуостров иностранцев – специалистов по садоводству, шелководству, лесному хозяйству, виноградарству. Увеличилась добыча соли. За 1784 г. ее было продано более двух миллионов пудов.

В Крыму Потемкин создал «свободную экономическую зону». По указу Екатерины II от 13 августа 1785 г. все крымские порты были освобождены от уплаты таможенных пошлин сроком на 5 лет, а таможенная стража была переведена на Перекоп.

Екатерина запретила обращать простых татар в крепостных крестьян. Русские не вытесняли татар с их земель, а просто селились рядом на пустовавших землях. Все рабы-христиане были освобождены, а земли, возделанные самими татарами, занимали ничтожную часть Крыма. На конец 1783 г. в Крыму имелось 1474 поселения. Население обоего пола составляло всего 60 тысяч человек.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право – грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Екатерина понимала, что присоединение Крыма к России может привести к войне с Турцией, и была готова к этому, но тем не менее постаралась сделать все, чтобы избежать конфликта. На несколько недель

Крым был отрезан от всего мира, и ни Турция, ни Европа не знали, что там происходит.

Затем Порты была поставлена перед свершившимся фактом. Султан и его окружение были поражены тем, что присоединение Крыма и Кубани прошло не только быстро, но и мирно. Да и все формальности были соблюдены – хан добровольно отрекся в пользу России, а население добровольно присягнуло Екатерине. Турецкая армия не была готова к войне. Сыграли свою роль и огромные взятки, розданные пашам послом в Турции Я. Н. Булгаковым. Результатом вышесказанного стал акт о Крыме, подписанный в Константинополе в конце декабря 1783 г., о котором Булгаков писал Екатерине: «Артикулы о татарах навеки уничтожены, и последние наши распри с Портою кончены». А в январе 1784 г. в Константинополе был обнародован сенед – султанский указ, – гласивший, что Османская империя принимает и признает вхождение Крыма в состав Российской империи.

Сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Екатерина приказала по возможности скрытно построить большой флот на Черном море. Естественно, возник вопрос о строительстве новых верфей. Как уже говорилось, малые глубины в устье Дона и Таганрогского залива сильно затрудняли строительство морских судов с большой осадкой.

Тем не менее на Новохоперской верфи продолжалось строительство фрегатов. Со 2 апреля 1777 г. по 15 апреля 1779 г. там были спущены фрегаты «Седьмой», «Восьмой», «Десятый» и «Девятый».

В 1777 г. в устье Дона в протоке Гнилая Тоня была основана Гнилотонская верфь. Там 18 января 1778 г. заложили 44-пушечный фрегат «Одиннадцатый» (с 1783 г. – «Храбрый»). За ним последовали 44-пушечные фрегаты «Двенадцатый», «Тринадцатый», «Четырнадцатый», «Пятнадцатый», «Шестнадцатый» и т. д.

В 1783 г. в Кутюрминском устье Дона у села Рогожские Хутора была основана Рогожская верфь. Там 23 декабря 1783 г. был заложен 46-пушечный фрегат «Петр Апостол», за которым последовали однотипные фрегаты «Иоанн Богослов», «Царь Константин», «Федор Стратилат» и другие.

Но даже большие 44—46-пушечные фрегаты не могли заменить корабли. Верфь же для строительства кораблей можно было устроить только в Днепро-Бугском лимане и на участке Днепра от его устья до порогов.

В январе 1777 г. Екатерина II приказала генерал-контролеру

С. Б. Шубину найти место в Днепро-Бугском лимане для строительства крупной верфи. Наиболее удобным местом для строительства верфи была Глубокая Пристань, однако строить там верфь было опасно. Не будем забывать, что в 50 км ниже находилась мощная турецкая крепость Очаков, а из-за особенностей местности укрепить Глубокую Пристань было нельзя. Поэтому верфь решили строить выше дельты Днепра. Там и началось строительство верфи.

Указом императрицы от 31 марта 1778 г. строительство флота на Черном море было отдано на попечение новороссийскому генерал-губернатору генерал-аншефу князю Потемкину. А 18 июня Высочайше повелено на месте верфи у небольшой крепости Александршанц основать порт и город Херсон.

26 мая 1779 г. на Херсонской верфи был заложен первый русский корабль на Черном море. Этот 60-пушечный корабль получил название «Святая Екатерина». Но, увы, «первый блин пошел комом», конструкция его оказалась неудачной, древесина гнилой и корабль пришлось зимой 1784/1785 г. разобрать на стапелях.

Более удачной оказалась серия 66-пушечных кораблей «Слава Екатерины», «Святой Павел», «Мария Магдалена», «Александр», «Владимир», «Иосиф II», заложенных в Херсоне с 16 сентября 1783 г. по конец 1788 г.

Официально днем рождения Черноморского флота считается рескрипт Екатерины II от 11 января 1783 г. В нем говорилось: «...Для командования заводимым флотом нашим на Черном и Азовском морях повелеваем тотчас отправить нашего вице-адмирала Клокачева, которому для принятия потребных наставлений явиться у нашего новороссийского и азовского генерал-губернатора князя Потемкина».

Поскольку специального документа о переименовании Азовской флотилии в Черноморский флот нет, то дата подписания этого рескрипта, где впервые употребляется термин «флот», и была много позже объявлена днем создания Черноморского флота.

Вскоре новорожденный флот понес и первую серьезную утрату. 24 сентября 1786 г. корабль «Александр» из-за навигационной ошибки налетел на камни у мыса Тарханкут (Крым). Команда была спасена, а корабль снять с камней не удалось, и он был разбит волнами. Командир «Александра» капитан 2-го ранга Д. А. Доможиров был приговорен военным судом к вечной ссылке на галеры, но позже был прощен императрицей.

Итак, на Черном море появился флот, и сразу встал вопрос о его базировании. Естественно, что ни Днепровский лиман, ни порты Азовского

моря для этого не подходили. Между тем на юге Крыма имелась огромная Ахтиарская бухта. Интересно, что ни татары, ни другие народы не строили крупных населенных пунктов в Ахтиарской бухте. Согласно одной из легенд, татары считали берега этой бухты проклятыми. К 1778 г. на берегах бухты имелось лишь маленькое селение Ахт-Яр^[75] из нескольких домишек, да и располагалось оно не у воды, а высоко на холмах. По названию этого селения будущая Севастопольская бухта получила название Ахтиарской.

Кто из русских первым оценил значение Ахтиарской бухты – доподлинно неизвестно. Большинство историков приписывают это А. В. Суворову. Во всяком случае, Александр Васильевич писал о ней: «Подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всем Черном море другой не найдется, где бы флот лучше сохранен и служащие на оном удобнее и спокойнее помещены были...»

В мае 1778 г. 10 турецких судов под командованием Гаджи-Мегмета бросили якоря в Ахтиарской бухте (на месте будущего Севастополя). 7 июня высадившиеся на берег турки атаковали русский дозор и убили казака. Туда немедленно поскакал Суворов. Суворов первым делом потребовал у турецкого адмирала найти и наказать убийцу. В ожидании ответа генерал-поручик поехал осматривать Ахтиарскую бухту. Его внимание привлек сравнительно узкий вход в бухту. Там он приказал построить земляные укрепления для «приличной артиллерии».

Как и следовало ожидать, Гаджи-Мегмет прислал письмо с уверениями в дружбе, но наказывать виновных не собирался. Суворов не стал вступать в полемику с турком. А в ночь на 15 июня по обеим сторонам бухты шесть пехотных батальонов приступили к постройке укреплений. Поутру разъяренный Гаджи-Мегмет разглядывал в трубу укрепления русских, закрывавшие ему выход в море. Немедленно к Суворову был отправлен посыльный с письмом, где запрашивалось, зачем русским понадобилось строить столь мощные укрепления. Ответ Суворова не замедлил себя ждать: «Дружески получа ваше письмо, удивляюсь нечаянному вопросу, не разрушили ли мы обосторонней дружбы... к нарушению взаимного мира никаких намерений у нас нет, а напротив, все наше старание к тому одному устремлено, чтобы отвратить всякие на то неприятные поползновения и чтоб запечатленное торжественными великих в свете государей обещаниями содружество сохранить свято. Итак, мой приятель, из сего ясно можете видеть мою искреннюю откровенность и что сомнение ваше выходит из действий вашей внутренности...».

Мало того, по всей бухте были расставлены многочисленные конные и пешие посты русских, которые под угрозой оружия не разрешали туркам

высаживаться на берег. Офицерам это Суворов объяснил карантином против чумы, свирепствовавшей в Турции. Оставшись без воды, Гаджи-Мегмет приказал уходить в Синоп. Больше турецкие корабли здесь не появятся до 1918 г.

В апреле 1783 г. капитан 2-го ранга И. М. Берсенев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли пять фрегатов и восемь малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Через три дня Клокачев направил донесение морскому министру: «При самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ея с моря положению, а вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани – положением, величиной и глубиной. Можно иметь в ней флот до ста линейных судов, по всему же тому сама природа устроила лиманы, что сами по себе отделены на разные гавани, то есть военную и купеческую... Ежели благоугодно будет иметь ея Императорскому Величеству в здешней гавани флот, то на подобном основании надобно будет завести здесь порт, как в Кронштадте».

Русские матросы в июне 1783 г. заложили на пологом мысе между Южной и Артиллерийской бухтами каменный дом для адмирала, пристань, кузницу и часовню. В последующем мыс будет назван именем Святого Николая.

Через несколько недель на берегах Ахтиарской бухты появятся и первые русские поселенцы.

Для строительства домов, складов и береговых батарей матросы и поселенцы использовали в основном местные материалы. Так, камень брали по соседству – на развалинах Херсонеса, глину и песок добывали по балкам и берегам бухты, мелколесье и кустарник шли на изготовление жердей и плетей. Вскоре из Центральной России прибыли обозы с лесом, железом и другими материалами, необходимыми для строительства. Работали весьма споро, и уже 2 июля 1783 г. контр-адмирал Мекензи докладывал морскому министру, что построено небольшое Адмиралтейство, продолжается строительство казарм, складов, а в бухте начат ремонт кораблей.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо... и обеспечение оных, назнача по удобствам новые крепости... Крепость

большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение...»

Севастополь быстро строился. В Артиллерийской бухте построили пристань и склады. Вокруг южной оконечности Южной бухты возник поселок купцов и ремесленников. В Крым и в Севастополь Потемкин привлекал все категории переселенцев – иностранцев, беглых крестьян, старообрядцев и т. д. Вспомним, что в те времена крестьяне не имели права покидать своих помещиков, а дворяне вовсе не жаждали ехать в Крым, даже когда Потемкин бесплатно раздавал там пустующие земли.

Матушка-императрица прекрасно знала и о беглых, и о раскольниках, но лишь в нескольких письмах к Потемкину, соглашаясь с его политикой, просила его не афишировать наличие таких переселенцев в Крыму.

Любопытна топонимика названий Севастопольской бухты. Так, в 1785 г. капитан 1-го ранга Ф. Ф. Ушаков выбрал для своего корабля «Святой Павел» стоянку у безымянного мыса на восточном берегу Южной бухты. С тех пор мыс стал именоваться Павловским.

Знаменитая Графская пристань обязана своим названием графу Марку Ивановичу Войновичу. Капитан 1-го ранга Войнович командовал эскадрой, базировавшейся на Севастополь, и каждый день в одно и то же время садился на причале в шлюпку и отправлялся на корабли. В честь приезда императрицы было решено назвать главную пристань города Екатерининской, но это название не прижилось, и пристань осталась Графской.

22 мая 1787 г., завершая свое знаменитое путешествие, Екатерина II прибывает в Севастополь. Специально для нее в Инкермане на возвышенности, откуда хорошо просматривается Севастопольская бухта, Потемкин приказал возвести дворец. Екатерина вместе со свитой, куда входили знаменитый европейские аристократы и несколько послов, прибыла в Инкерман ночью, и до обеда никто не видел Севастопольской бухты.

Во время торжественного обеда по знаку Потемкина упал большой занавес, и императрица и все присутствующие увидели эскадру в составе трех кораблей, двенадцати фрегатов, трех бомбардирских и двадцати малых судов. Громыкнул салют из сотен орудий. Восхищенная Екатерина провозгласила тост за здоровье Черноморского флота.

За два года до этого, 10 августа 1785 г., Потемкин направил императрице донесение, в основу которого лег документ, подготовленный инженером Корсаковым, – «Краткая идея об укреплении Севастопольского

пристанища». В документе определялись три главные задачи: первая – «чтобы устье Севастопольского пристанища защитить сильным огнем и в то же время закрыть от огня противника прилегающие к нему заливы; вторая – стенами сего укрепления оградить морские магазины, доки для строения и починки кораблей; третья – сие место должно быть столь сильно укреплено, что хоть неприятель и высадит на берег превосходящие силы, облечь крепость с земли и с моря, чтобы она была в состоянии его нападением противиться, доколе из других пределов России не прибудет помощь».

По проекту планировалось строительство каменной плотины на южном и северном мысах длиной до 150 сажений (320 м) и на конце каждой «замок о двух рядах пушек, чтобы нижними очищать морскую поверхность, а верхними вредить неприятелю на дальнем расстоянии...» После окончания работ расстояние между двумя мысами для прохода в бухту будет всего 300 сажений (640 м). На плотине предполагалась установка «светильника» (маяка).

Екатерина II проект утвердила, особо отметив роль Севастополя и необходимость превращения его в «крепость чрезвычайной силы».

В 1786 г. императрица одобрила добавление к проекту, предусматривающее укрепление береговой обороны не только главной Севастопольской бухты, но и большинства смежных с ней бухт. Проект включал в периметр крепости почти весь Херсонесский полуостров, фактически это должна была быть не крепость, а целый укрепрайон. Планировалось построить: «первую северную батарею» на 28 орудий на Константиновском мысу и «вторую северную батарею» на 10 орудий на втором мысу от Константиновского мыса, а также «первую южную батарею» на 24 орудия на мысу между Карантинной и Песочной бухтами и еще три батареи, вооруженные 28 орудиями, на побережье между Артиллерийской и Южной бухтами.

Все эти батареи должны быть сомкнутыми, неправильной формы, временными, с одеждами из плетней и туров. На северных батареях и «первой южной» проектировалась двухъярусная оборона. По предварительным подсчетам сумма проекта превышала 6 млн рублей.

Однако начавшаяся вскоре Русско-турецкая война не дала возможности приступить к полномасштабному строительству крепости. В результате Севастополь получил лишь несколько береговых укреплений и не был защищен с суши. Постройка же большой крепости могла сыграть решающую роль в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Союзники физически не смогли бы взять «большой» Севастополь, не имея

возможности базировать свои флоты в Камышовой и Балаклавской бухтах.

Глава 2. Политика «Вооруженного нейтралитета»

Как мы уже видели и еще увидим, Екатерина II в своих целях широко использовала корсаров и заведомых пиратов. Но, что удивительно, в историю, особенно в русскую, она вошла как защитница морской торговли и автор декларации о «вооруженном нейтралитете». Поэтому, говоря о каперах Екатерины Великой, придется рассказать и о ее декларации от 28 февраля 1780 г.

В 1776 г. 13 колоний в Северной Америке провозгласили свою независимость от британской короны. Началась Война за независимость. Этим воспользовались давние недруги Англии – Франция и Испания. 13 марта 1770 г. Людовик XV объявил войну Англии, 16 июля 1779 г. в войну вступила Испания, и наконец 20 декабря 1780 г. к коалиции примкнула Голландия.

Поначалу союзники поставили себе правильную стратегическую задачу: разгромить британский флот в Ла-Манше, а затем высадить большой десант в Англии. Замечу, что у этих трех морских держав кораблей имелось больше, чем у Англии, и шансы на успех были более чем реальные. Но Испанию мало волновали сражения в Ла-Манше, она предпочитала синицу в руках, то есть захват у англичан Гибралтара и Менорки. В итоге морская война приняла, скажем так, объемный характер, то есть затронула все европейские моря, а также Атлантику и Индийский океан. Как военные суда, так и каперы обеих сторон начали захватывать нейтральные суда, в том числе и русские.

В 1778 г. появившиеся в Северном океане американские каперы под разными предлогами стали захватывать коммерческие суда, шедшие в Белое море. Это заставило русское правительство для охранения торговли в следующем году отправить к Нордкапу эскадру из четырех кораблей под начальством контр-адмирал Хметевского. Затем у берегов Пиренейского полуострова испанские корсары взяли в качестве приза два русских торговых судна под предлогом, что они везли товары в Гибралтар, занятый англичанами. И вот тогда матушка-государыня и разразилась знаменитой «Декларацией о вооруженном нейтралитете».

Тут мне придется дать краткую справку о сути дела. Основой, определяющей вытекающие из понятия нейтралитета права нейтральной торговли, был старинный (XI–XIV веков) испанский сборник морских обычаев «Consolato del Mare», устанавливавший следующие правила: 1.

Нейтральный флаг не покрывает неприятельского груза, который, следовательно, может быть конфискован; 2. Нейтральная собственность на неприятельском корабле не конфискуется; 3. Нейтральный собственник может выкупить захваченное воюющей стороной судно.

А вот декларацией от 28 февраля 1780 г. Екатерина объявила воюющим державам: Англии, Франции и Испании, что для освобождения морской торговли от притеснений... «считает обязанностью объявить правила, которым будет следовать, и для поддержания которых и покровительства чести российского флага и безопасности торговли ее подданных, противу кого бы то ни было, она повелит выступить в море со значительной частью своих сил».

Правила эти состояли в следующем: 1. Нейтральные корабли могут свободно плавать из одного порта в другой и у берегов воюющих держав. 2. Имущество, принадлежащее подданным воюющих держав, свободно на нейтральных судах, за исключением заповедных товаров. 3. Заповедными товарами признаются только военных снаряды и оружие. 4. Блокированным портом почитать только тот порт, войти в который предстоит очевидная опасность по расположению судов атакующей державы, находящихся довольно близко к порту. 5. Правила эти будут служить руководством в судах и приговорах о призах.

Одновременно с объявлением правил как воюющим, так и нейтральным державам предлагалось вступить в союз с Россией для защиты общими силами свободы морской торговли.

На основании декларации от 28 февраля образовался союз, известный под названием «Вооруженного нейтралитета», к которому в скором времени последовательно примкнули нейтральные державы: Дания, Швеция, Голландия, Португалия, Пруссия, Австрия, Соединенные Американские Штаты и Королевство обеих Сицилий. Из воюющих: Франция и Испания отозвались готовностью уважать принятые союзом правила, и только одна Англия дала уклончивый ответ, что она всегда считала обязанностью оказывать всякое уважение русскому флоту.

Для поддержания правил «Вооруженного нейтралитета», по примеру эскадры Хметевского, в 1781 г. были посланы еще три эскадры, состоявшие вначале каждая из пяти кораблей, к которым впоследствии прибавлено было по два фрегата. Одна из этих эскадр под начальством контр-адмирала Круза пошла в Немецкое море, другая, под начальством контр-адмирала Палибина, – в Атлантический океан, а третья, под начальством контр-адмирала Борисова, – в Средиземное море. Таким образом, наши крейсерские отряды составили цепь, охватившую всю Европу от Нордкапа

до берегов Мореи. В инструкциях, данных флагманам, начальствующим отрядам, предписывалось охранять всеми силами конвоируемые ими торговые суда, и главной обязанностью устанавливалось, «чтобы флаг наш везде надлежащим образом уважаем был».

Крейсерства эти, в которых принимали участие и другие державы, хотя в значительно меньшей степени, чем Россия, продолжались до 1783 г., то есть до окончания войны между Англией, Францией и Испанией.

Любопытно, что когда за рубежом пошли слухи о том, что идея о вооруженном нейтралитете принадлежала Фридриху II или вельможам русской императрицы, Екатерина решительно опровергла эту версию: «Это неправда, вооруженный нейтралитет родился в голове Екатерины II и ни в чьей другой. Граф Безбородко может засвидетельствовать это, потому что эта идея как бы по наитию была высказана устами этой императрицы однажды утром. Граф Панин не хотел об этом слышать, потому что не он это придумал, и потребовалось много усилий, чтобы заставить его понять это».

Какую цель преследовала императрица, издавая декларацию и посылая эскадры в дальние моря? Увы, в данном случае она действовала по принципу: чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят. И это удалось в полной мере. Престиж Екатерины и, соответственно, Российской империи еще более утвердился во всем мире. Мало того, Екатерина еще раз подтвердила свой имидж гуманной, просвещенной государыни, стремящейся установить справедливые законы.

Русским же морякам дальние походы стали превосходной практической школой. В марте 1776 г. для Балтийского флота был принят новый штат, согласно которому для условий мирного времени предписывалось иметь три 74-пушечных и восемнадцать 66-пушечных кораблей. А для обеспечения «вооруженного нейтралитета» в 1780 г. было принято решение построить еще 8 больших 100-пушечных кораблей.хлопоты с «нейтралитетом» помогали маскировать лихорадочную подготовку Балтийского флота к новому походу в Архипелаг.

Ну а как насчет российской морской торговли? Да ее у нас кот наплакал, и прибыль в казну от оной не покрывала и десятой части расходов на посылку русских эскадр для ее защиты. Введение «вооруженного нейтралитета» сильно поссорило Россию с Англией, которая так помогла нам в Первую турецкую войну.

Русский посол в Англии с 1785 г. Семен Романович Воронцов писал к брату: «Ненависть к нам Англии происходит от вооруженного нейтралитета. Здесь... ласкаю себя надеждой, что Россия при

возникновении мира [между Англией и Францией. – А.Ш.] откажется от этой системы, которая к тому же должна считаться совершенно бесполезной, так как Россия не имеет возможности создать собственный торговый флот».

Многочисленные же беды от екатерининской декларации начались лишь спустя 70 лет, когда при Александре II, его сыне и внуке наши недалекие и бестолковые дипломаты всерьез восприняли большую ложь императрицы.

Кстати, в дальнейшем Екатерина Великая воспринимала слово «нейтралитет» как понятие весьма относительное. Так, в инструкции графу Панину от 5 июня 1797 г., говоря о посылке русского корпуса для войны с революционной Францией, Екатерина писала, что такая помощь «не дает права считать помощную державу воюющей, доколе та держава не усилит мер своих до такой степени, что уже общее составит дело». То есть я могу творить, что хочу, и нападать, на кого хочу, при этом только я могу решать, в каком случае Россия воюет, а где блюдет нейтралитет.

Глава 3. Греческий проект

Греческий проект Екатерины Великой уже 200 с лишним лет служит любимым коньком русофобов и антисоветчиков, которые, как мы в 1991 г. узнали, представляют одно и то же. Этот проект служит якобы доказательством агрессивности русских и их стремления к безудержной экспансии. Советские же историки предпочитали обходить проект стороной. Послеперестроечные авторы оценивают проект крайне осторожно и больше отрицательно, нежели положительно. Так, Г. Л. Арш пишет: «Так чем же можно объяснить полет фантазии императрицы? Версия насчет провокационного, макиавеллистического характера документа нам убедительной не представляется. Разгадку, скорее, следует искать в психологии. Ничто человеческое не было чуждо Екатерине, включая тщеславие, заблуждение, головокружение в водовороте успехов. Двадцать лет царствования – и ни одного провала. А она была падка на лесть...

Проект явно химерический: Османская империя, хоть и была больна, испускать дух не собиралась»^[76].

Попробуем разобраться, что было на самом деле. Первым о необходимости занятия Константинополя заговорил «Тишайший» царь Алексей Михайлович. О планах Петра I в отношении Проливов и Константинополя Екатерина II узнала, как говорится, из первоисточника – от сподвижника Петра фельдмаршала Бурхарда Миниха (1683–1767). В один из дней рождений наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: «Я желаю, чтобы когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я мог бы поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте восстановить христианскую греческую империю»^[77]. И это не была рутинная лесть придворного. Миних в 1736 г. брал Крым.

В июле 1771 г. в Петербург по приглашению императрицы прибыл известный греческий священник и ученый Евгений Булгари (Евгениос Вулгарис). Почти сразу Екатерина дала ему аудиенцию в Царском Селе

дворце. Обращаясь «ко благочестивой и христоролюбивой, Богом прославляемой, непобедимой, великой императрице всероссийской» и выражая сожаление, что она не является и греческой императрицей, он призывал ее оказать помощь в освобождении его родины: «Соверши ты мое благополучие приведением и рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя, державнейшая императрица, взирает, тебя молит, к тебе припадет».

В 1772 г. Булгари публикует книгу «Размышления о нынешнем критическом состоянии Османской державы». По мнению священника, в ходе шедшей тогда войны с Россией Османская империя оказалась на краю пропасти. В то же время греческий мыслитель не считал крах османского государства неизбежным. Более того, он предупреждал, что если османы усвоят технические достижения европейцев и их военную тактику, то они снова будут представлять грозную опасность для всей Европы. По мнению Булгари, военный разгром Османской империи силами России предотвратил бы эту опасность. Грек выражал сожаление в связи с тем, что некоторые христианские государства стремятся помешать решительной победе России в войне с Османской империей, оправдывая свои действия необходимостью сохранения европейского равновесия. Между тем, как доказывал Булгари, именно уничтожение Османской империи необходимо для поддержания равновесия в Европе. Он полагал, что это предоставило бы, возможно, другим христианским державам большие выгоды, чем России; и в конечном счете произведенный по взаимному согласию раздел турецких провинций в Европе, вместе с созданием небольшого независимого Княжества Греческой Нации, могли бы содействовать в будущем сохранению действительного европейского равновесия.

27 апреля 1779 г. у цесаревича Павла от второй жены родился второй сын. Бабушка поспешила окрестить его Константином, именем, ранее не встречавшимся в домах Калиты и Романовых. Уже имя, данное великому князю, заключало в себе намек на имевшуюся для него в виду карьеру.

Несколько забегаая вперед, я процитирую посвящение великому князю Константину Павловичу из книги Матвея Коковцева «Описание Архипелага», изданной открыто в Петербурге в 1786 г. «Константин основал престол в Цареграде и просветил Восточную [Римскую. – А.Ш.] империю. Константин потерял сей град и владычество. Константину предписано в книге судеб восстановить сие царство. Преподнося книгу, изъявляю предчувствие Греческих народов, ожидающих своей свободы от берегов Невы».

Сама же книга Коковцева представляет собой военно-топографический

справочник по островам Архипелага, рассчитанный на высших и средних офицеров армии и флота.

В манифесте, изданном по случаю рождения великого князя Константина Павловича, говорилось, что «от новорожденного можно ожидать увеличения славы и могущества России».

Кормилицей великого князя Константина была гречанка. Екатерина в ходе беседы с английским послом Гаррисом, отец которого был ученым знатоком древнего мира, о греках, многозначительно заметила, что им предстоит великая будущность. На празднестве, устроенном по случаю рождения Константина, читались греческие стихотворения. На медали, выбитой по поводу этого события, были изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море, под которым сияет звезда. А на храме Святой Софии, которую турки обратили в мечеть, четко был виден крест.

Рождение Константина можно считать и рождением так называемого «греческого проекта». Некоторые исследователи, в том числе В. И. Шеремет, полагают, что «первые наброски проекта» появились в 1780 г., а автором проекта считают графа А. А. Безбородко. На самом деле мы видим, что проект появился на год раньше, а его авторами были Екатерина и Потемкин. Граф же Безбородко, бывший казак (помните, у Пушкина: «В князя не прыгал из хохлов»), был талантливым дипломатом и превосходным организатором, но он всегда оставался лишь исполнителем, и такой фантастический проект был ему явно не по плечу.

10 (21) сентября 1782 г. Екатерина отправил австрийскому императору Иосифу II письмо, вошедшее в историю под названием «Греческий проект». Она начала его с жалобы: Порты чинит препятствия проходу русских судов через Босфор и Дарданеллы, подстрекает жителей Крыма к восстанию, нарушает права Дунайских княжеств. Затем следовали уверения в миролюбии и будто бы присущей царице умеренности: «...я не добиваюсь ничего, выходящего за рамки, установленные договорами». Но на всякий случай ей и Иосифу благоразумно заранее продумать о возможных военных операциях и подписать «секретную конвенцию о вероятных приобретениях, которых мы должны домогаться у нарушителя мира», то есть у Турции. Екатерина утверждала, что в европейских владениях Порты христиан в пять или шесть раз больше, чем турок.

На освобожденных от турок землях предполагалось создать два полностью независимых государства: Дакию и Греческую империю. В составе Дакии должны были быть нынешние Молдавия, Румыния и часть Болгарии. Греция, южная Болгария, Македония и острова Архипелага должны были составлять Греческую империю со столицей в

Константинополе. Для проектируемой империи был уже готов и император – Константин II. При этом наследник цесаревич Павел и его старший сын великий князь Александр должны заранее письменно отречься от всяких претензий на константинопольский престол.

Иосиф II долго колебался и наконец 13 ноября 1782 г. ответил. В принципе он был согласен с Греческим проектом, хотя и указывал на многочисленные препятствия на пути к его реализации. Иосиф II очень боялся вмешательства Пруссии и Франции. Особенно в его письме досталось Фридриху Вильгельму: «Нет предела ненависти и недоверия, поистине неистощимых, прусского короля... Если бы он мог обрушить на меня и тех, кто связан со мною узами интереса и дружбы, он, вне всякого сомнения, совершил бы и это».

Далее Иосиф переходит к делу: «Что касается создания нового королевства Дакия с государем греческой религии и утверждения Вашего внука Константина сувереном и императором греческой империи в Константинополе, то лишь ход войны может все решить; с моей стороны осуществление всех Ваших замыслов не встретит затруднений, если они будут сочетаться с тем, что я считаю достойным». То есть, проще говоря: «Что я с того иметь буду?» А император желал приобрести крепость Хотин с окрестностями, Малую Валахию до реки Алута (Олт), Видин, Орсову и Белград, а оттуда – прямая линия до Адриатического моря у Дринского залива. Поскольку в Далмации Иосиф мечтал захватить не только турецкие, но и венецианские владения, то предлагал Венецианской республике взамен остров Крит и ряд земель в материковой Греции.

В письме от 11 января 1783 г. Иосиф II подтвердил свое принципиальное согласие. Россия и Австрия заключили между собой военный союз. Особенностью этого союза было отсутствие формального договора. Его решили не подписывать как из-за протокольных сложностей – подпись императора Священной Римской империи не могла быть второй, и Екатерина II не хотела подписываться второй, – так и из-за соображений секретности. Чтобы обойти такое затруднение, Иосиф предложил вместо формальной редакции договорной грамоты в двух экземплярах обменяться двумя письмами, почти тождественного содержания, которые имели бы силу формально заключенного договора.

Зачем России нужен был Греческий проект? Мало ли у нас бабушек, безумно любящих внучат и желающих устроить им великую карьеру? Французский посол в Петербурге граф Сегюр писал: «Дворяне, нисколько не желая завоеваний каких-нибудь степей, знали только, что понесут новые тяжкие повинности, необходимые для умножения армии. Только некоторые

генералы и молодые офицеры желали войны, сулившей им славу и награды».

Увы, граф ошибался. Дворяне прекрасно помнили, как в их детстве крымские татары нападали на южные губернии России. А в Малороссии еще в конце XIX века у стариков было самое страшное ругательство: «Чтоб тебя крымская сабля посекала». А разбои татар, как уже говорилось, покрывала Османская империя. Без контроля над Проливами Россия была вынуждена содержать огромные сухопутные силы, Черноморский флот и многочисленные береговые крепости – Севастополь, Очаков и др. Причем Черноморский флот был заперт турками в Черном море даже в мирное время. Таким образом, контроль над Проливами был самой жизненно необходимой задачей Русского государства, особенно после третьего раздела Польши, когда границы империи совпали с историческими границами расселения русского народа, включая, разумеется, малороссов и белорусов.

Возможно ли было полное вытеснение турок с Европейского континента в конце XVIII века? При энергичных и согласованных действиях русских и австрийских войск и невмешательстве других стран Европы были реальные шансы выбросить турок из Европы. Другой вопрос, что дало бы России создание Греческой империи во главе с Константином II? Создание империи из конгломерата ничем не связанных между собой и зачастую враждебных племен было нереальной затеей. Да и если бы удалось создать такую империю, то Константин II не смог бы гарантировать постоянную ее лояльность России без наличия русских пушек на Босфоре.

Екатерина была достаточно умна и понимала, что развал Османской империи или по крайней мере оттеснение турок в глубь Малой Азии, то есть откуда они пришли, может вызвать целую лавину непредсказуемых последствий. К примеру, кто из штурмующих Бастилию думал о том, что через десять с небольшим лет Франция станет империей и владычицей Европы?

Видимо, Греческий проект был для русской императрицы не целью, а средством вовлечь своих подданных, а также Иосифа II в тотальную войну с османами. Помните фразу Наполеона, сказанную Евгению Богарне: «Надо ввязаться в бой, а после разберемся».

Никакой «греческой империи» не нужно было России, равно как ей не нужен был и Константинополь. В Константинополе с окрестностями в XVII – начале XVIII века проживало 1,5–2 миллиона паразитирующего населения, то есть людей, которые не сеяли, не пахали, не ткали, а жили на

95 % за счет эксплуатации населения огромной Османской империи. Ну, присоединили бы город к России. Кто бы стал кормить дармоедов – русский мужик?

Хорошо болтать о возвращении креста на Святую Софию. А дальше что? Зачем нужны России два миллиона иноверцев, которые в любой момент по призыву фанатичных мулл и дервишей могут устроить бунт и начать резать христиан? А что делать с константинопольским патриархом и пятьюстами тысячами православных греков? Подчинить патриарха петербургскому Синоду или, наоборот, Синод – патриарху? Русская и греческая церковная вера – православие, но у них есть существенные различия. На расстоянии у них братская любовь, а попробуйте-ка их слить?

Все это – лишь ничтожная часть проблем, которые возникли бы при присоединении Константинополя. Поэтому всякие призывы – «Константинополь рано или поздно, а должен быть наш» – следует рассматривать лишь как пропагандистские лозунги. Неграмотному крестьянину не объяснишь стратегических аспектов обороны Черного моря и тонкостей препонов, чинимых турками русской торговле, поэтому и нужны лозунги: «Спасем братьев славян», «Даешь крест на Святой Софии».

Надо ли доказывать, что на определенном этапе реализации Греческого проекта Екатерина начала бы действовать совсем по другому сценарию, а пока ей удалось заинтересовать Греческим проектом Австрию. Екатерина отказалась от ориентации на Пруссию, много лет навязываемую Никитой Паниным. В ходе «картофельной войны» между Австрией и Пруссией Екатерина отказалась оказать военную помощь Фридриху II, а выступила посредницей. В 1779 г. Пруссия и Австрия подписали Тешенский мирный договор, гарантом которого стала Россия.

2 января 1787 г. Екатерина покинула Петербург и отправилась в Новороссию. Ее сопровождала многочисленная свита, а также послы Австрии, Франции и Англии. Царский поезд состоял из 180 экипажей и кибиток. На каждой почтовой станции поезд ожидали 560 свежих лошадей. На лошадях императрица ехала до Киева. А там в апреле, когда сошел лед на Днепре, пересела на галеру «Днепр». Специально для ее путешествия у Смоленска в 1785–1786 гг. было построено семь галер. Иностранные послы разместились на «Сейме», на «Соже» плыли придворные, «Десна» служила рестораном, на других галерах были склады провианта, конвой и т. п. Кстати, в Херсоне все галеры были обращены в боевые суда. На той же «Десне» выкинули всю ресторанную рухлядь и установили один пудовый единорог и шестнадцать 3-фунтовых пушек.

В Каневе^[78] Екатерину ждал польский король Станислав Понятовский. Императрица холодно встретила своего старого любовника и не пригласила его в путешествие, на что тот так рассчитывал.

Ниже Канева на галерею к императрице подсел австрийский император Иосиф II. В Херсон Екатерина и Иосиф въехали через Триумфальную арку с надписью «Дорога в Византию».

В мае Екатерина и Иосиф побывали в Крыму. В Севастополе Потемкин приготовил им интересный спектакль. Французский посол Сегюр писал: «Между тем как их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище: между двумя рядами татарских всадников мы увидели залив верст на 12 вдаль и на 4 в ширину; посреди этого залива, в виду царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек...»

Позже путешествие Екатерины обросло многочисленными анекдотами. Появилось даже выражение – «потемкинские деревни». Бесспорно, как всегда было на Руси и в иных державах, при посещении главы государства не обходится без большой показухи, зачастую превосходящей изощренную фантазию сатириков. Но главное было в другом – Потемкин в Дикой степи построил города и верфи. Впервые в истории на Черном море были не казацкие чайки или «новоизобретенные корабли», а настоящие боевые суда, не уступавшие по мореходности и огневой мощи ни туркам, ни французам. Главное же было в том, что на берегах Черного моря и на кораблях были десятки тысяч людей, готовых постоять за государство Российское.

«Потемкинские деревни» были сделаны вовремя. 5 августа 1787 г. великий визирь Юсуф-Коджа вызвал к себе русского посла Булгакова и предъявил ему ультиматум: вернуть Турции Крым; аннулировать все прежние русско-турецкие договоры; отказаться от покровительства Грузии.

Посол не успел передать ультиматум в Петербург. 12 августа 1787 г. султан Абдул-Гамид I объявил войну России. И не просто войну, а общемусульманский джихад. Ведь турецкие султаны по-прежнему считали себя халифами – повелителями всех правоверных. Все мусульмане Северного Кавказа, Закавказья, Прикубанья и Крыма должны были поднять оружие против неверных. Призыв халифа к войне отправили даже в далекую Бухару.

Известие о войне дошло до Петербурга лишь 29 августа, когда на юге уже шли боевые действия. 7 сентября 1787 г. Екатерина издала манифест,

где говорилось: «Оттоманская Порта, утвердивши торжественными договорами перед лицом света вечный мир с Россией, опять вероломно нарушила всю святость оного... Мы полагаем в том Нашу твердую надежду на правосудие и помощь Господню, и на мужество полководцев и храбрость войск наших, что пойдут следами своих недавних побед, коих свет хранит память, а неприятель носит свежие раны».

**Раздел III. Русско-шведская война 1788–
1790 гг.**

Глава 1. Корабельные и гребные флоты к началу войны

В правление Густава III началось возрождение шведского флота, инициатором чего стал известный кораблестроитель Фредрик Хенрик Чапман. Сын английского морского офицера, переехавшего в Швецию, Чапман учился корабельному делу в Стокгольме и Лондоне, он изучил работу верфей во Франции и Нидерландах и, вернувшись на родину, с 1760 г. занялся модернизацией шведского флота. По чертежам Чапмана только с 1782 по 1785 г. на шведских верфях было спущено не менее десяти кораблей и десяти фрегатов. В результате к началу войны шведский флот имел около 26 боеспособных кораблей, 14 фрегатов и несколько десятков малых парусных судов.

Шведские корабли были двухдечными, вооружение состояло из 74–60 пушек. Штатное вооружение корабля: 26 – 24-фунтовых орудий в нижнем деке; 28 – 18-фунтовых орудий в нижнем деке; 10–20 – 8-фунтовых орудий на баке и шканцах.

Фрегаты делились на два ранга: 42—44-орудийные и 36-орудийные. У обоих типов фрегатов орудия находились на палубе и в закрытой батарее. Вооружение 42—44-пушечных фрегатов состояло из 26 – 24-фунтовых чугунных орудий на батарее; двух 12-фунтовых чугунных орудий на палубе; 16 длинных 24-фунтовых орудий на палубе. Вооружение 36-пушечных фрегатов состояло из 22 – 12-фунтовых и 12 – 4-фунтовых орудий. На бриге по штату состояло 16 длинных 18-фунтовых орудий, двух 3-фунтовых чугунных орудий и двух 3-фунтовых фальконетов.

Чапман произвел настоящую революцию в строительстве гребных судов. Следует заметить, что на Балтике роль гребных судов была несравненно больше, чем на Средиземном и Черном морях. Дело в том, что северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляет собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах – дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям – фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

Понятно, что до появления паровых двигателей плавание в шхерах

больших парусных судов (кораблей и фрегатов) было крайне затруднено, а в отдельных местах вообще невозможно. В результате этого в обеих Русско-шведских войнах – 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. – обе стороны имели по два флота: корабельный и гребной, действовавших в подавляющем большинстве случаев независимо друг от друга. Корабельные флоты сражались в открытом море, а гребные – в шхерах.

Крайне важную роль в боевых действиях играла и замерзаемость берегов Балтийского моря. Обычно порядок замерзания был следующий: в середине октября замерзали берега на севере Ботнического залива, в начале ноября – берега средней части Ботнического залива и Невская губа, в середине ноября – восточная половина шхер Финского залива, в конце ноября – середина северной части Ботнического залива, в начале декабря – Або-Аландские шхеры и западная половина шхер Финского залива; в середине и конце декабря – Моонзунд, средняя часть Ботнического залива, восточная часть Финского залива, в начале января – Стокгольмские шхеры, южная часть Рижского залива и западная часть южного берега Финского залива. В общем, замерзание шло с севера на юг и с востока на запад от берегов к морю. Вскрытие происходило в обратном порядке, начинаясь в первых числах марта и оканчиваясь в середине или даже в конце мая. У берегов Эзеля, Даго, Курляндии и в середине западной половины Финского залива лед становился только в самые суровые зимы и не более, как на 20–30 дней. Берега Швеции (в районе самого моря), германское побережье и проливы почти никогда не замерзали, но изредка заполнялись плавающим льдом.

Поражения шведов в двух предыдущих войнах не в последнюю очередь были обусловлены слабостью шведского гребного флота по сравнению с русским. Так, в 1721–1741 гг. число галер в составе гребного флота не превышало и тридцати.

В 50-х гг. XVIII века в Швеции началось интенсивное строительство гребных судов. Причем гребные суда были переданы... сухопутным войскам. Гребной флот стал называться «армейским флотом». В октябре 1756 г. первым командующим армейским флотом король назначил генерал-майора А. Эренсверда. В известной степени такая мера была оправдана. На Балтийском театре военных действий основной задачей гребного флота обеих сторон было обеспечение действий сухопутных войск. В 1766 г. армейский флот был передан в подчинение Адмиралтейству, но в 1770 г. вновь возвращен армии.

В войнах 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. в гребных флотилиях наиболее крупными судами были галеры и их разновидности – полугалеры и

скамповем. С петровских времен русские галеры (скампаеви, полугалеры) строились трех типов – французского, венецианского и турецкого «маниру». Большинство галер было «турецкого маниру». Турецкие галеры отличала большая скорость и маневренность, но зато худшая мореходность, так как они имели низкие борта. В свежую погоду на Балтике ходить галерам «турецкого маниру» не рекомендовалось. Только осенью 1714 г. в шторм затонуло 16 галер (скампаевей) «турецкого маниру».

Галеры «турецкого маниру» представляли собой килевые суда с длинным и узким корпусом, имевшим небольшое возвышение над уровнем воды. Спереди у них был слегка приподнятый кверху носовой выступ, напоминавший таран. Он назывался шпирон. К нему крепился передний конец реи (райны), державший парус тринкетовой (фок) мачты галеры. За шпироном в носовой части галер имелся помост, на котором помещались орудия самых больших калибров. Самое мощное орудие стояло в центре. Посередине галеры от носа к корме шел другой помост – так называемая куршея, служившая для быстрого передвижения людей вдоль галеры и перетаскивания грузов. Он покрывался двумя смолёными брезентами. От носа до кормовой надстройки слева и справа от куршейного помоста были скамьи для гребцов, именовавшиеся банками. На корме возвышалась надстройка-каюта, образованная деревянными брусами или дугами, над которыми натягивалась палатка – тендалет.

В 1710–1721 гг. в России строились 16-, 18- и 19-баночные галеры турецкой пропорции. Их длина составляла 30–33,5 м, а ширина 5,3–5,6 м. Осадка без груза 0,56–0,66 м, с грузом 1,22–1,52 м.

Основным двигателем галеры были весла. Их вес достигал 90 кг, а длина – 13 метров. За каждым веслом сидело от 3 до 5 гребцов, в зависимости от размеров галеры. Опытные гребцы делали до 25 взмахов в минуту, что позволяло развивать скорость до 6 узлов.

Относительно хорошо галеры ходили и под парусами. Обычно они несли две мачты с косыми парусами.

Из-за своих конструктивных особенностей галеры не могли иметь мощное артиллерийское вооружение. Лишь на носу галеры (на помосте) устанавливались одна-три пушки среднего или крупного калибра. Первые русские галеры имели на носу одну 18-фунтовую или 24-фунтовую пушку и по бокам от нее две 12-фунтовые пушки, а полугалеры – одну 12-фунтовую и две 6- или 8-фунтовые пушки. К концу войны на некоторых больших галерах на носу ставили одну 36-фунтовую и две 18-фунтовые пушки. В отдельных случаях на носовом помосте ставились малые мортиры калибра 3–6 фунтов.

На помосте в средней части корпуса на галерах ставили 2-фунтовые и 3-фунтовые пушки на вертлюжных установках. Двухфунтовые пушки на галерах часто именовались «басами». Пушки на центральном помосте предназначались не только для стрельбы по неприятелю, но и для подавления бунтов гребцов.

В открытом море галеры не могли вести бой с кораблями и фрегатами противника. Самый слабый корабль (50-пушечный) вдребезги мог разнести и дюжину самых больших галер.

Добычей галер могли стать лишь небольшие парусные суда, а при большом числе галер – прам или фрегат. Атакующие галеры при подходе к неприятельскому судну давали залп из носовых орудий. Затем с концов рей обеих мачт сбрасывались специальные «приступные якоря», которыми галера сцеплялась с вражеским судном, и команда галеры высаживалась на палубу врага. Однако, как мы увидим, за всю Северную войну галеры шли на абордаж в единичных случаях. Как правило, галеры использовались русскими и шведами в качестве десантных судов.

В ходе войн 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. галеры и другие гребные суда редко выходили в открытое море, а обычно передвигались среди Финских шхер, где они в большинстве случаев были недоступны для корабельного флота. Поэтому вечером галеры приставали к берегу, и большинство членов команды ночевало на берегу.

Историк С. Зальстрём посвятил специальное исследование «русским печам», сохранившимся во множестве вдоль Финского побережья начиная от Берёзовых островов близ Выборга и далее к западу, в том числе и на Аландских островах. Такие печи складывались из неотесанных природных валунов, имели вход-устье. Обычные их размеры: до 3 м в длину, до 2 м в ширину и около 1 м в высоту. Эти печи служили в первую очередь для выпечки хлеба. Сооружали их русские солдаты, передвигавшиеся вдоль берега на гребно-парусных судах, не только в годы Северной войны, но и в ходе последующих войн со Швецией.

В апреле 1714 г. в Санкт-Петербурге на Галерной верфи спустили на воду три первых в России конных галеры (скампавеи)^[79]. Каждая такая галера предназначалась для перевозки 25 лошадей. По вечерам или на дневных стоянках лошадей выпускали пастись на берегу.

Изучив опыт предыдущих войн в шхерах, Чапман решил резко увеличить огневую мощь гребных судов, расположив тяжелые орудия по бортам так, чтобы они не мешали действиям гребцов. Им были спроектированы несколько типов таких судов.

Первым из судов нового типа, получившего название «удема» (от

финской области Uudenmaan), стал спущенный на воду 9 августа 1760 г. «Гамле» («Старая»). Он представлял собой 27-метровое однопалубное судно с 16-ю парами весел и вооружением из десяти 12-фунтовых пушек, установленных в диаметральной плоскости на вращающихся станках, и двух 3-фунтовых пушек. Экипаж составлял 126 человек.

Почти одновременно было построено судно другого типа, также получившее название «Гамле». Длина его корпуса составляла 20 м, судно имело 16 пар весел, экипаж – 90 человек. Вооружение состояло из одной 6-фунтовой пушки на баке (носу) и десяти 3-фунтовых пушек по бортам. Этот тип судов получил название «пойема» (от финской области Pohjanmaa). Последующие пойемы строились с усиленным вооружением. Вместо одной 6-фунтовой пушки на баке и юте устанавливались две 12-фунтовые пушки на поворотных станках.

10 июля 1761 г. было спущено на воду судно типа «турума» (область в Финляндии – Turunmaa), названное «Норден». Оно имело большие, чем удема и пойема, размеры. Судно было двухпалубное, длиной 35 м. На нижнем деке стояли 22 – 12-фунтовые пушки, расположенные по бортам. На верхней палубе находилось десять 3-фунтовых пушек, там же сидели гребцы для 16 пар весел. На каждом весле было по три солдата. Экипаж составлял 170 человек.

Парусное вооружение судов новых типов первоначально состояло их косых латинских парусов, а затем его заменили на фрегатское. Удема имела три мачты, турума и пойема – по две мачты.

Новые суда были достаточно мореходны, хорошо ходили под парусами и обладали удовлетворительной маневренностью. Однако скорость на веслах была, естественно, ниже, чем у галер. Следует отметить, что турумы могли вести огонь из 12-фунтовых пушек лишь без хода, то есть когда гребцы «сушили» весла. Стрельба же из пушек, расположенных на одном уровне с гребцами, мешала гребле, а иногда и исключала ее вовсе.

Бортовые пушки не мешают гребле, только если их расположить на верхней палубе, а гребцов – на нижней, но это приводит к ухудшению устойчивости и т. п.

В конце 60-х гг. XVIII века началась постройка нового типа судов – «геммам» (тоже по названию области), в России их называли гемамы. Головной трехмачтовый гемам «Оден» имел длину 33 м. В его нижнем деке было установлено восемнадцать 12-фунтовых пушек. Гребцы размещались на нижнем и верхнем деках, что позволяло при стрельбе хоть как-то грести гребцам нижнего дека.

В 1789 г. Чапман построил три гемамы улучшенной конструкции,

названные «Styrbjörn», «Hjalmar» и «Starkodder». Длина их была доведена до 44 м. Вооружение состояло из 24 – 36-фунтовых и двух 12-фунтовых пушек. Гемамы несли три мачты и парусное фрегатное вооружение. Любопытно, что в русском флоте гемамы начали строить лишь в 1808 г. До 1823 г. было построено шесть гемамов.

К началу войны в армейском флоте состояли и классические галеры, построенные в середине XVIII века. Большая часть 20-баночных галер типа «Серафил» были вооружены двумя 24-фунтовыми пушками, установленными на носу под «рамботом» (мостиком командира). Команда 20-баночных галер по штату состояла из 293 человек.

Наряду с большими гребными судами для армейского флота строились малые суда, вооруженные пушками большого калибра.

В 1776 г. были построены три мортирных и два канонерских барказа. Морские барказы представляли собой одномачтовые гребные суда длиной 10 м, вооруженные одной мортирой. Канонерские барказы имели длину 14 м, 16 весел и парусное вооружение шхуны. Вооружение: одна 12-фунтовая пушка и 16 – 3-фунтовых фальконетов.

Чапман разработал проекты двух типов канонерских лодок. Канонерская лодка первого типа имела длину 19 м, ширину 4,1 м и осадку 0,75 м. Вооружение состояло из одной 18-фунтовой куршейной^[80] пушки и четырех 3-фунтовых пушек. Канлодка имела 10 пар весел. Экипаж 55 человек. Канонерская лодка второго типа имела длину 18 м, ширину 3,6 м, осадку 0,68 м. Ее вооружение состояло из одной 12-фунтовой пушки (на куршейном станке или на обычном станке, расположенном в корме) и четырех малокалиберных пушек. Лодка имела 12 пар весел, но, в отличие от лодки первого типа, на каждое весло полагалось не по два, а по одному гребцу, поэтому численность экипажа была меньше – 37 человек.

20 января 1776 г. Чапман подписал чертежи на постройку двенадцати канонерских лодок. Король Густав III утвердил их 23 января, и тут же началось строительство судов.

Летом 1776 г. в присутствии короля прошли успешные испытания канонерских лодок. Затем лодки прошли пробные плавания в финских шхерах, также закончившиеся благополучно. В последующем канонерские лодки строились большой серией. При этом 12-фунтовые пушки были заменены на 18-фунтовые.

Шведские канонерские лодки постройки 1789–1790 гг. имели длину 30,2 м, ширину 4,38 м и осадку 1,25 м. Они вооружались двумя 24-фунтовыми пушками и имели 15 пар весел. Экипаж составлял 63 человека.

В середине 80-х гг. XVIII века Чапман создал новый тип гребного

судна – канонерский йол. Длина его составляла 13,5 м, вооружение – одно 18– или 24-фунтовое орудие. Йолы были значительно дешевле канонерских лодок, да и строить их было проще и быстрее. К лету 1790 г. была построена большая серия йолов, имевших длину 12,5 м, глубину интрюма 0,75 м, оснащенных пятью парами весел, мачтой и вооруженных одной 24-фунтовой пушкой. Экипаж 24 человека. Этот вариант канонерского йола стал классическим и просуществовал без принципиальных изменений до середины XIX века.

К началу войны финская эскадра армейского флота делилась на дивизионы. В каждом дивизионе состояло: две турумы, одна удема, одна пойема, девять канонерских лодок, один мониторный баркас, четыре канонерских барказа, четыре шлюпки с 3-фунтовыми пушками, одно рекогносцировочное судно, одна авизо-яхта и одно водоналивное судно.

К 1788 г. армейский флот Швеции имел в своем составе семь турум: «Норденд», «Саллан Варре», «Лодброк», «Вьорн Ярнсида», «Рогвалд», «Сигурд» и «Ивар Берлос»; четыре галеры: «Гамле», «Фройя», «Диса» и «Бринхилда»; 28 галер; 30 канонерских лодок; 8 мониторных и 15 канонерских барказов. Кроме того, армейский флот усилили двумя парусными фрегатами, вооруженными двадцатью четырьмя 12-фунтовыми пушками. Ранее эти фрегаты находились в составе корабельного флота (точнее, морского флота).

На свеаборгской верфи строились еще шесть турум: «Биргер Ярл», «Эрик Сегерсолл», «Ивар Витсарк», «Тор», «Фрей» и «Ингве». Но достроить их до конца войны не успели.

В ходе боевых действий 1788–1790 гг. армейский флот пополнялся вновь построенными судами и переоборудованными старыми финскими скуттерами, и к 1790 г. шведский армейский флот, несмотря на потери, имел 295 боевых судов и 54 вспомогательных.

Русский Балтийский флот на бумаге выглядел весьма внушительно. В его составе было 46 кораблей. Кроме того, восемь кораблей находилось в постройке. Однако значительная часть кораблей была в плохом состоянии. Поэтому 10 кораблей в ходе войны ни разу не покидали Кронштадскую гавань. Они в лучшем случае годились для обороны острова Котлин.

Пять новых кораблей находилось в Архангельске, там же строилось еще пять кораблей. Три самых сильных 100-пушечных корабля были отправлены из Кронштадта в Копенгаген. В итоге в Финском заливе имелось всего 26 кораблей, часть из которых к тому же требовала ремонта.

Русские корабли для своего времени имели довольно мощное вооружение. Согласно положению, введенному 15 марта 1767 г., пушки по

кораблям распределялись следующим образом:

Таблица 1

Распределение пушек по кораблям

Тип судна и его ранг	Нижний дек	Средний дек	Верхний дек	Гальф- дек
Корабль 100-пушечный	36	18	8	6
80-пушечный	30	18	8	6
60-пушечный	30 или 24	—	12	6
Фрегат 32-пушечный	16	—	6	—
Прам 36-пушечный	36	—	18	—

Это положение просуществовало до 1801 г. Однако в него периодически вносились небольшие изменения. Так, на 100-пушечных кораблях на нижнем деке вместе с 36-фунтовыми пушками ставилось по несколько 1-пудовых единорогов. С 1787 г. из Англии начали поступать карронады и т. д.

Кроме кораблей в составе Балтийского флота по штату положено было иметь пять бомбардирских кораблей, десять фрегатов, четыре пакетбота, три прамы и три полупрамы. Фактически имелось четыре бомбардирских корабля – «Перун», «Гром», «Страшный» и «Победитель». Пятый бомбардирский корабль – «Молния» – разбился в 1787 г. у острова Вормса.

Парусных фрегатов было пятнадцать, не считая двух новых в Архангельске. Кроме того, фрегат «Рига» использовался как брандвахта в устье Западной Двины у Риги.

В строю было четыре прамы: 36-пушечные «Олифант» и «Сердоболь» и 38-пушечные «Гремящий» и «Лев». Размеры прамов: длина 36,6 м, ширина 10,7 м, глубина интрюма 2,9 м.

Полупрамов в строю было только два – «Барс» (26 пушек) и «Леопард» (28 пушек). Размеры полупрамов: длина 32,9 м, ширина 10,1 м, глубина интрюма 2,1 м.

Строительству гребного флота в царствование Екатерины II уделялось меньше внимания, чем в 1703–1743 гг. И это понятно – императрица не собиралась воевать на Балтике. Ее взоры были обращены к Турции. Корабли, фрегаты и даже бомбардирские корабли с успехом воевали как на Балтике, так и на Средиземном море. Соответственно, им и уделялось

основное внимание, в отличие от галер, которые могли быть эффективно использованы лишь в Финском и Ботническом заливах.

Тем не менее по числу гребных судов галерный флот был достаточно многочисленным. К 1788 г. по штату мирного времени он насчитывал 100 галер, 19 кайков, 15 дубель-шлюпок, 2 бригантины и 10 венецианских ботов.

Галеры были четырех типов: 25-, 22-, 20- и 16-баночные. Все типы галер имели две мачты с латинскими парусами. Исключением являлась галера «Храбрая», она имела три мачты.

25-баночных галер в составе флота было 18. Все они были построены в период с 1769 по 1776 г. Галеры этого типа имели длину 44,8 м, ширину 6,4 м и глубину интрюма 2,2 м. Гребцов было 300 человек (по шесть человек на весло). Собственно экипаж галеры – 35 человек морской и артиллерийской команд. Галеры имели на вооружении одну 24-фунтовую куршейную пушку, две 12-фунтовые и четыре 8-фунтовые пушки и двенадцать 3-фунтовых фальконетов.

22-баночные галеры имели длину 42,6 м, ширину 6,1 м, глубину интрюма 2 м. Галеры «Смелая» и «Храбрая», построенные в 1786 г., были несколько больших размеров. Ширина «Смелой» составляла 7,0 м, а глубина интрюма – 2,2 м. У «Храброй» ширина была 6,8 м, глубина интрюма – 2,2 м. Вооружение 22-баночных галер состояло из одной 24-фунтовой пушки, четырех 12-фунтовых пушек и двенадцати фальконетов. Гребцов на галере имелось 264 человек (по 6 человек на весло). Экипаж галеры состоял из 24 человек морской команды и 8 человек артиллерийской команды. К началу войны Балтийский флот имел 42 галеры этого типа. Две из них («Веселая» и «Петербург») были построены в 1755 г., а 38 – в период с 1772 по 1776 г. В числе 22-баночных галер было семь конных, перевозивших по 24 лошади.

20-баночных галер на Балтийском флоте имелось тридцать. Четыре были спущены на воду в 1754–1755 гг., остальные – в 1771–1776 гг. Галеры этого типа имели длину 40,6 м, ширину 5,8 м и глубину интрюма 1,9 м. Артиллерийское вооружение состояло из одной 18-фунтовой пушки, двух 8-фунтовых и двух 6-фунтовых пушек, а также десяти 3-фунтовых фальконетов. Гребцов было 240 человек. Собственно экипаж включал в себя 22 человека морской команды и 7 артиллеристов.

16-баночных конных галер имелось десять. Из них семь были построены в 1756–1762 гг., а три – в 1776 г. Они были вооружены двумя 12-фунтовыми пушками, двумя 8-фунтовыми пушками и восемью 3-фунтовыми фальконетами. Длина галер 38,4 м, ширина 5,5 м, глубина

интрюма 1,8 м. Экипаж 184 человека, из них 160 гребцов. Галера перевозила 16 лошадей.

К началу войны галерный флот был столь запущен, что готовыми к выходу оказались только 20 галер.

К галерному флоту можно отнести и гребные фрегаты «Евангелист Марк» и «Проворный», спущенные, соответственно, в 1773 и 1781 гг. Фрегаты числились в штатах корабельного флота, но базировались в Галерном порту. Они представляли собой парусно-гребные суда с 18 парами весел. Длина фрегатов 32,9 м, ширина 7,9 м и глубина интрюма 2,8 м. Первоначальное вооружение обоих фрегатов состояло из двадцати 8-фунтовых пушек и двух 6-фунтовых мортирок Кегорна. Пушки и весла были размещены на одном деке по схеме: пушка, два весла, пушка и т. д. Экипаж, включая гребцов (по два человека на весло), состоял из 134 человек. «Проворный» из-за ветхости корпуса был разобран в 1789 г., а «Евангелист Марк» в 1790 г. был перевооружен и получил две 24-фунтовые, шесть 12-фунтовых и двенадцать 6-фунтовых пушек.

В 1788 г. в Петербурге было заложено восемь шебек. В ходе войны 1768–1774 гг. русская Архипелагская эскадра захватила несколько турецких шебек и даже ввела в строй некоторые из них.

Шебека представляла собой парусно-гребное судно с тремя мачтами и косыми парусами: фок- и грот-мачты имели по одному латинскому парусу, а бизань-мачта – трисель и галфтопсель.

Первая шебека «Летучая» была спущена на воду 1 сентября 1788 г. Ее размеры составляли: длина 36,6 м, ширина 8,5 м, глубина интрюма 2,5 м. Шебека имела 20 пар весел. Экипаж, включая гребцов, насчитывал 200 человек. Вооружение состояло из четырех 18-фунтовых пушек на носу и корме, двадцати 12-фунтовых пушек на главной палубе и двадцати двух 3-фунтовых фальконетов на вертлюгах. 12-фунтовые пушки были на одной палубе с гребцами и чередовались: пушка – два весла – пушка, и т. д.

Остальные шебеки должны были иметь аналогичное вооружение, но испытания «Летучей» показали, что 24-фунтовые пушки слишком тяжелы для шебек, и остальные шебеки получили двадцать 12-фунтовых и восемь 6-фунтовых пушек, а также двадцать два 3-фунтовых фальконета.

Русские шебеки оказались весьма тихоходными. При попутном ветре их скорость не превышала пяти узлов, а на веслах нормальная скорость была один-два узла.

В 1789 г. было построено десять судов, относившихся к типу шебек, но имевших гораздо меньшие размеры: длину 23,2 м, ширину 5,8 м и глубину интрюма 2,4 м. Эти суда называли полушебеками. Полушебеки имели две

мачты и 16 пар весел. Вооружение состояло из шестнадцати 8- и 6-фунтовых пушек.

В июле 1789 г. все десять полушебек вошли в строй. Эксплуатация этих судов показала, что они перегружены артиллерийским вооружением. Поэтому зимой 1789/1790 гг. их перевооружили. На носу и корме были поставлены четыре 18-фунтовые пушки, а шесть 8-фунтовых пушек расположили по бортам в шахматном порядке.

В 1788 г. в России было построено «секретное судно» «Осторожное». Я класс судна взял в кавычки, но и на самом деле в служебной документации сии плавсредства числились как секретные суда. Аналогов за рубежом у них не было. По конструкции и назначению к ним ближе всего шведские удемы.

Конструкция «секретного судна» имела одну интересную особенность. В центральной части корпуса, между фок- и бизань-мачтами, имелась надстройка шириной 6,1 м и высотой около 2 м, что примерно соответствовало высоте фальшборта. Сверху надстройка закрывалась верхней палубой, на которой устанавливались фальконеты, а с бортов в надстройке имелось 16 артиллерийских портов для 12-фунтовых пушек, прикрытых восемью откидными щитами, которые опускались во время стрельбы. Еще десять 12-фунтовых пушек было установлено за фальшбортом в носу и корме. По краям щитов находились уключины для 22 пар весел. Когда судно шло под парусами или в штормовую погоду, щиты поднимали в вертикальное положения, образуя тем самым непрерывный фальшборт. Подобную конструкцию опускаемых щитов имели и шведские удемы, поэтому во многих русских документах «секретные суда» именовались удемами. Длина «Осторожного» составляла 36 м, ширина 8,5 м, глубина интрюма 2,7 м.

В 1789 г. было введено в строй еще два секретных судна – «Охранительное» и «Наступательное». Их вооружение составляли двадцать две 12-фунтовые пушки и двадцать два 3-фунтовых фальконета. В конце 1789 г. все три секретных судна были обращены в гребные фрегаты, а в 1792 г. переоборудованы в плавучие батареи.

К легким гребным судам русского флота относились кайки, дубель-шлюпки, канонерские лодки и северные суда. Кайки и дубель-шлюпки имели длину 21,3 м, ширину 4,6 м и глубину интрюма 1,8 м. Различались между собой они в основном конструкцией корпусов.

Вооружение кайки состояло из одной носовой 18-фунтовой пушки, одной кормовой 12-фунтовой пушки и шести бортовых фальконетов. Вооружение дубель-шлюпки состояло из одной носовой и одной кормовой

пушки 12– или 8-фунтового калибра и восьми фальконетов. Экипаж насчитывал 16 человек. В греблю на 10-баночную дубель-шлюпку назначалось 40 человек, а на 11-баночную – 44 человека. По своим характеристикам кайки и дубель-шлюпки были близки к шведским канонерским лодкам и йолам, но уступали им в артиллерийском вооружении и совершенстве конструкции. Это и послужило причиной прекращения строительства каек и дубель-шлюпок. К началу войны в строю имелось 16 каек и 13 дубель-шлюпок.

Гребные канонерские лодки в России строились трех типов: большие, средние и малые.

Большие канонерские лодки имели длину 20,7 м, ширину 4,6 м и глубину интрюма 1,7 м. Они вооружались одной носовой 18-фунтовой пушкой и одной кормовой 12-фунтовой пушкой на съемном станке. По бортам устанавливались четыре 3-фунтовых фальконета. Канлодки имели две мачты и 16 пар весел. Экипаж, включая гребцов, составлял 70 человек.

Средние канонерские лодки имели длину 19,2 м и вооружались одной 24-фунтовой пушкой. Лодки имели 10 пар весел, экипаж составлял 59 человек.

Малые канонерские лодки имели длину 14,7 м, ширину 4,3 м и глубину интрюма 1,4 м. Суда оборудовались одной мачтой с люгерным парусом и девятью парами весел. Вооружение состояло из одной 16-фунтовой пушки, экипаж – 44 человека.

Автор умышленно уделил особое внимание гребным судам Швеции и России. Дело в том, что такого разнообразия гребных судов не было ни в одной войне, которую вела наша страна. Особый интерес представляют попытки создать гребные суда с мощными пушками, расположенными по бортам. Увы, такая задача решения не имеет. Хочешь иметь быстроходное судно – делай галеру и ставь 3–5 орудий на носу. Хочешь иметь мощную бортовую артиллерию – делай тихоходную плавучую батарею или прам.

Несколько слов стоит сказать и о планах сторон. Шведский король планировал навязать русскому флоту бой в Финском заливе и разгромить его. Затем шведский корабельный флот должен был атаковать Кронштадт и сжечь его. Одновременно армейский флот должен был взять 20-тысячный десант в Гельсингфорсе и высадить его на русском побережье между Красной Горкой и Ораниенбаумом. Шведы считали, что все русские войска будут сосредоточены в Финляндии, и десант беспрепятственно смог бы прийти до Петербурга и овладеть им.

В отличие от предшествующих войн русское морское командование не имело планов нападения непосредственно на Швецию. Русский флот

должен был ждать нападения противника, а затем дать бой и разбить его. Предполагалось, что после разгрома шведского флота Густав III вынужден будет заключить мир. Екатерина надеялась, что война продлится несколько недель. 14 августа 1788 г. она писала Потемкину о перспективах заключения мира: «И есть ли сие скоро зделается, как почти нет сомнения, тогда станем флот наряжать в Средиземное море, может быть, еще сей осенью».

До сих пор историки спорят, почему Густав III начал войну, не дождавшись ухода в Средиземное море эскадры Грейга. Три корабля уже ушли в Копенгаген, а в Кронштадте готовились к выходу в море еще пятнадцать кораблей, шесть фрегатов и два бомбардирских корабля. Если бы все эти суда покинули Балтику, шведский флот обладал бы абсолютным превосходством в корабельном флоте, и планы Густава по высадке десанта в районе Красной Горки имели шанс на успех.

На решение Густава начать войну могло повлиять много факторов. Во-первых, Англия и Турция платили Густаву огромные деньги именно за то, чтобы он не допустил прихода эскадры Грейга в Средиземное море, что вполне реально могло привести к капитуляции уже и так побитой Турции.

Во-вторых, русская эскадра покинула бы Балтику лишь осенью. Таким образом, самый благоприятный момент для действий шведского флота, особенно армейского, был бы упущен, и десантную операцию пришлось бы отложить на год. А за год и Русско-турецкая война могла закончиться.

В-третьих, нельзя сбрасывать со счета и взбалмошный характер Густава III. Уничтожение русского корабельного флота стало бы кульминацией затеянного им спектакля.

Наконец, стоит упомянуть и о закулисных силах, оказывавших большое влияние на европейскую политику. Понятно, что речь идет о масонах. Бесспорный факт, что во главе масонов стоял родной брат шведского короля герцог Карл Зюдерманландский. Он же по совместительству командовал и корабельным флотом.

В 80-х гг. XVIII века наблюдается расцвет масонских лож в России. В 1780 г. в России насчитывается 14 лож «шведской системы»^[81]. Масонами стали десятки, если не сотни русских морских офицеров, причем они по масонскому уставу должны были беспрекословно подчиняться герцогу Зюдерманландскому, как в мирное время, так и во время войны. Сам адмирал Самуил Карлович Грейг был масоном ложи «Нептун», подчиненной герцогу Зюдерманландскому.

Увы, масоны всегда умели прятать концы в воду. Так было и в ходе войны 1788–1790 гг. Данная же монография базируется лишь на

достоверных фактах, поэтому автор не хочет в этом аспекте ставить точки над «і», а представляет читателю факт вмешательства масонства в политические и военные дела как «информацию для размышления».

Глава 2. Гогландское сражение

Несмотря на угрозу войны со Швецией, первый отряд Средиземноморской эскадры Грейга 5 июня 1788 г. вышел из Кронштадта и направился в Копенгаген. В его составе были три новых 100-пушечных корабля – «Иоанн Креститель» («Чесма»), «Три Иерарха» и «Саратов», 32-пушечный фрегат «Надежда», а также несколько транспортов. Командовал отрядом вице-адмирал Виллима Петрович Фондезин (фон Дезин). По пути отряд встретил шведский флот под командованием герцога Зюдерманландского^[82].

Герцог не рискнул напасть на русских по двум причинам. Во-первых, согласно шведской конституции, король не мог начинать войну первым, а мог лишь отражать агрессию, а во-вторых, нападение на русскую эскадру, идущую в Средиземное море, могло подтолкнуть Данию к вступлению в войну, а этого Густав III боялся больше, чем военной оппозиции.

Поэтому герцог Зюдерманландский ограничился требованием, чтобы русский отряд салютовал шведскому флоту. На это Фондезин ответил, что по договору между Россией и Швецией от 1743 г. «положено друг другу нигде не салютовать, но понеже Герцог Зюдерманландский брат королевский и двоюродный брат Императрице, то он его поздравит – и выстрелил из 13 пушек»^[83]. Шведы ответили восемью выстрелами. После чего Фондезин повел свои корабли к Копенгагену, а шведы – от Готланда на восток. 28 июня русский отряд прибыл в Копенгаген.

В связи с угрозой шведского короля 5 июня 1788 г. в разные районы Балтийского моря для разведки были посланы три фрегата. Из них 44-пушечный фрегат «Мстиславец» 13 июня встретил шведский флот, пересчитал число кораблей и 19 июня вернулся в Кронштадт.

35-пушечный фрегат «Ярославец» 27 июня встретился со шведским флотом у острова Суруп. Его командир А. Г. Бардаков не сумел уйти и сдался шведам. (22 июня 1790 г. в ходе Выборгского сражения фрегат был отбит у шведов). В тот же день шведы захватили в Финском заливе и 26-пушечный фрегат «Гектор» (командир И. М. Колокольцев).

После захвата фрегата «Ярославец» все приготовления к отходу эскадры Грейга на Средиземное море были прекращены. Теперь эскадра Грейга, а также пять кораблей и два фрегата из остающихся на Балтике начали срочно готовиться к бою со шведами. На судах был некомплект. Экипажи набирали буквально «с бору по сосенке» – туда брали и матросов

с ластовых судов^[84], и писарей, и вестовых из береговых учреждений, мастеровых из Кронштадта, необученных рекрутов. Взяли даже петербургских арестантов.

26 июня адмирал Грейг получил указ императрицы: «Следовать с Божьей помощью вперед, искать флот неприятельский и оный атаковать».

28 июня флот Грейга снялся с якоря и при самом тихом ветре двинулся на запад. В его составе было 17 кораблей: «Болеслав» (66 пушек), «Иоанн Богослов» (74 пушки), «Всеслав» (74 пушки), «Вышеслав» (66 пушек), «Мечеслав» (66 пушек), «Радислав» (66 пушек), «Св. Елена» (74 пушки), «Св. Петр» (74 пушки), «Мстислав» (74 пушки), «Ростислав» (100 пушек), «Изяслав» (66 пушек), «Владислав» (74 пушки), «Виктор» (66 пушек), «Ярослав» (74 пушки), «Кир-Иоанн» (74 пушки), «Память Евстафия» (66 пушек) и «Дерись» (66 пушек); 7 фрегатов: «Слава» (32 пушки), «Возьмислав» (32 пушки), «Подражислав» (32 пушки), «Надежда Благополучия» (32 пушки), «Премислав» (36 пушек), «Мстиславец» (44/40)^[85] и «Брячислав» (44/40); бомбардирские корабли «Победитель» (18 орудий) и Страшный (14 орудий), катера «Счастливей» (8 пушек), «Летучий» (8 пушек) и «Нева» (8 пушек), а также транспорт «Смелый» (10 пушек), на котором перевозили боеприпасы для эскадры.

Грейг разделил свой флот на три эскадры. Самая слабая эскадра контр-адмирала Мартына Петровича Фондезина^[86] «для лучшего над ней надзора» была назначена в авангард. Наиболее надежная эскадра контр-адмирала Т. Г. Козлянинова поставлена в арьергард. А самые сильные корабли под личным командованием Грейга составляли кордебаталию. Сам Грей держал флаг на 100-пушечном «Ростиславе».

Между тем герцог Зюдерманландский, захватив 27 июня два русских фрегата, вместо того, чтобы идти на Кронштадт, пошел в Гельсингфорс. Лишь 3 июля шведская эскадра покинула Гельсингфорс и двинулась на восток. В ее составе было 15 кораблей и 5 фрегатов. Корабли: «Ее Величество Шарлотта» (62 пушки), «Омхет» (62 пушки), «Принц Густав» (60 пушек), «Ретвизан» (62 пушки), «Эмгейтен» (70 пушек), «Дигд» (62 пушки), «Васа» (60 пушек), «Густав III» (70 пушек), «Фадернесланд» (62 пушки), «Ара» (62 пушки), «Форсигтигхет» (62 пушки), «Принц Карл» (62 пушки), «София Магдалена» (70 пушек), «Принц Фридерик Адольф» (62 пушки) и «Принц Густав Адольф» (62 пушки). Фрегаты 40-пушечные: «Грип», «Камилла», «Фрейя», «Минерва» и «Тетис», «Ярамас» («Jaramas») и «Фигар» («Figar»); 36-пушечный фрегат «Спренгпортеп», а также захваченные у русских фрегаты «Ярославец» и «Гектор». Кроме того, в

составе шведской эскадры были бригаи «Тролле» и «Снуппул» («Snuppul») с 24 и 8 пушками соответственно.

Флот Грейга из-за маловетрия двигался очень медленно. 5 июля он обогнул с юга остров Гогланд. А утром 6 июня на горизонте показались шведы. Флоты маневрировали западнее Гогланда между островом Стеншхер и мелью Калбоденгрунд.

Шведский флот, бывший под ветром от русских кораблей и лежавший левым галсом, держался, как на маневрах, в правильной линии, сохраняя между судами равные интервалы. Между тем спускавшийся на шведов русский флот сохранял довольно правильный строй только в авангарде и передовой части кордебаталии, за которой в беспорядке шли восемь судов, в большинстве принадлежавшие к отряду Фондезина. Сильно отставшие задние корабли, несмотря на сигналы адмирала, сопровождаемые пушечными выстрелами, не торопились приблизиться к неприятелю.

В третьем часу пополудни шведский флот повернул «все вдруг» на правый галс^[87] и стал выстраивать линию на северо-запад. В это время Грейг сделал сигнал авангарду «спуститься на неприятеля» и, дав авангарду выдвинуться вперед, повторил тот же сигнал всему флоту. Но по ошибке корабли «Болеслав», «Мечеслав» и «Владислав» стали спускаться по первому сигналу вместе с отрядом Фондезина, а «Иоанн Богослов» по тому же сигналу сделал поворот оверштаг^[88] и остался за линией. В 4 часа, когда шведы повернули «все вдруг» на левый галс, Грейг сделал сигнал «повернуть через фордевинд»^[89]. Но корабли «Дерись» и «Память Евстафия» повернули оверштаг и сильно отстали.

В это время шведский флот находился уже на расстоянии пушечного выстрела и шел в полном порядке, тогда как у нас три корабля сильно отстали, три вышли вперед, и строй флота был нарушен. На адмиральском корабле был поднят сигнал «арьергарду вступить на свое место». Кроме того, были даны сигналы стрельбой – «четвертая и пятая пушки», требовавшие скорейшего исполнения, но отставшие корабли не прибавляли парусов и не спешили занимать свои места.

В 5 часов дня головной корабль линии (контр-адмирал Козлянинов) сблизился с передовым шведским кораблем на расстояние картечного выстрела. Адмиральский корабль «Ростислав» был на таком же расстоянии от шведского адмиральского корабля, и оба корабля открыли огонь. Это послужило сигналом к началу общего боя, разыгравшегося между островом Стеншхер и Калбоденгрундской мелью.

Наиболее энергично атаковали неприятеля восемь кораблей русского

авангарда и кордебаталии. Грейг и Козлянинов своим примером воодушевляли другие суда. Но против всего шведского арьергарда вели бой всего три русских корабля – «Болеслав», «Мечеслав» и «Владислав». Остальные шесть кораблей держались в отдалении, стреляя как бы только для очистки совести.

Фредрик Ерта Ларссон, унтер-офицер со шведского корабля «Хедвиг Элдисабет Шарлотта», участвовавший в сражении, оставил его описание: «Глаза ничего не различали. Пушки ужасающе грохотали, раненые кричали, летящие ядра, в зависимости от своей величины, издавали разнообразные шипящие звуки. Это был такой концерт, что даже самые мужественные могли прийти в отчаяние. Особенно страшно становилось в те моменты, когда одновременно несколько человек падали замертво, пораженные одним ядром. Мозги их разбитых голов разбрызгивались по сторонам, падали вместе с кровью под ноги живых, а осколки черепов разлетались с такой силой, что врезались во внутреннюю обшивку и застревали там. Руки и ноги в мгновение ока открывались от тел, убитых складывали в кучи или попросту выбрасывали за борт. Подобные сцены обычны для морского сражения и могут быть еще ужаснее, если корабль загорается, взлетает на воздух или тонет»^[90].

Через полтора часа боя передовые корабли шведского флота пришли в замешательство. Первым вынужден был спуститься за линию строя флагманский корабль, сильно поврежденный «Ростиславом». За ним спустились еще три шведских корабля, и теперь корабли Фондезина имели уже по одному противнику. Но в конце линии «Владислав» слишком близко подошел к неприятелю и, попав под огонь пяти кораблей, оказался без всякой поддержки.

Около 9 часов вечера шведский флот сделал поворот через фордевинд. Русская эскадра привела на правый галс и продолжала атаковать. При этом «Ростислав», оказавшись напротив флагманского корабля вице-адмирала графа Вахтмейстера «Принц Густав», энергично его атаковал. Около 10 часов вечера «Принц Густав», получив сильные повреждения, вынужден был спустить флаг.

Затем наступило полное бездействие. Пороховой дым окутал оба флота и скрыл их друг от друга. Команды были до крайности утомлены, корабли повреждены, а отряд Фондезина сильно отстал. В 12-м часу ночи к «Ростиславу» подошла шлюпка с донесением, что «Владислав», снесенный в середину неприятельского флота и не поддержанный своими мателотами, был вынужден сдаться в плен. Справедливости ради следует заметить, что на «Владиславе» из 700 человек экипажа было убито 257 человек. В

корпусе имелось 34 пробоины. Три пушки разорвало при стрельбе. Грейг попытался тут же погнаться за неприятелем, но штиль и повреждения, нанесенные ближайшим к нему кораблям, лишили его возможности спасти «Владислав». Утром 7 июля шведский флот был уже далеко, а к полудню скрылся из виду в направлении Свеаборга.

Наши потери в этом бою составили 580 человек убитыми, 720 ранеными, и сдалось в плен на «Владиславе» 470 человек.

У шведов, по их данным, убито 130 (?) человек, ранено 334 (?) человека и сдалось в плен на «Принце Густаве» 539 человек. На «Принце Густаве» было взято 26 – 24-фунтовых, 26 – 18-фунтовых и 8 – 6-фунтовых пушек.

Любопытно, что серьезный урон шведам был нанесен уже после сражения... кораблем «Владислав». Среди пленных русских матросов оказались тифозные. Вскоре в главной шведской базе Карлскруне началась эпидемия, которая унесла жизни около десяти тысяч человек. Рост эпидемии был так велик, что живые не успевали делать гробы для мертвых, и по флоту был отдан приказ: «Хоронить скончавшихся в гамаках».

В тактическом отношении Гогландское сражение следует считать ничьей, ведь фактически дело кончилось разменом двух равноценных кораблей. Стратегически же сражение было победой русских, которая перечеркнула все планы шведов в кампанию 1788 г. Это отметила и Екатерина, написав, что «победа была полная».

Гогландское сражение было фактически первым полномасштабным сражением русского флота с интенсивным использованием артиллерии, то есть классическим сражением по регламенту ГОСТА. Ряд русских кораблей получил серьезные повреждения. Так, в корпусе «Мстислава» было 116 пробоин, «Св. Петра» – 76 пробоин и т. д. То, что ни один корабль не погиб, объясняется слабостью артиллерии шведов, да и русская артиллерия была не намного лучше. Так, максимальный калибр орудий шведских кораблей был 24 или 30 фунтов. Карронад не было, брандкугели и бомбы не использовались.

Любопытно, что по поводу применения брандскугелей возникла переписка адмирала Грейга с герцогом Зюдерманландским, из-за претензии последнего, что русские в Гогландском сражении стреляли брандскугелями, которые считались снарядами «бесчеловечными» и запрещенными международным правом. 27 июля адмирал Грейг писал герцогу на английском языке: «Ваше высочество! Полковник Христиерн уведомил меня, что Ваше Высочество сделали мне честь написать ко мне письмо (которое я еще не получил) о том, что некоторые из наших кораблей

употребляли в последнее сражение брандскугели. Я пользуюсь сим случаем, чтобы уверить Ваше Королевское Высочество, что я имею наистрожайшее повеление, чтобы никакая зажигательная материя не была употреблена ни на каком корабле, находящемся под моим начальством против шведского флота...»^[91]

В свою очередь адмирал заявил, что «верхний парус бизань-мачты на собственном моем корабле загорался три раза во время сражения и горящая материя, по счастью, была затушена. Зажженный брандскугель был также брошен на корабль контр-адмирала фон-Дезина, который прицепился к снастям железным крючком. Господин полковник Христиерн посылает его для показания Вашему Королевскому Высочеству. Адмирал фон-Дезин признается, что по утушении сего брандскугеля он приказал несколько брандскугелей же пустить во флот под командой Вашего Высочества находящийся, всего числом 15, которые я весьма рад, узнав, что не имели своего действия и я имею справедливые причины думать, что сии только 15 брандскугелей были с нашего флота брошены, потому что я не дозволил стрелять оными с моего собственного корабля, несмотря на то, что наши паруса загорались три раза.

Вашему Королевскому Высочеству известно, что флот, под моим начальством находящийся, был снабжен и вооружен против турок и как против оных нужна отчаянная служба, то можно извинить, что отчаянные орудия могли бы быть и употреблены, которые употреблять против какой-либо просвещенной нации никогда намерения не было»^[92].

В ответ герцог заявил, что на его кораблях не было зажигательных снарядов вообще, а «горючие снаряды, найденные на корабле вашем и на корабле контр-адмирала фон-Дезина, пущены вами же по ошибке, приключившейся по причине дыма»^[93].

31 июля Грейг ответил герцогу, что «на корабле “Принц Густав” мы нашли патроны, наполненные горючими веществами в веленевых гильзах, о чем граф Вахтмейстер может засвидетельствовать Вашему Королевскому Высочеству. Нет никакого сомнения в том, что паруса моего корабля были зажжены этого рода веществом, выброшенным одним из шведских судов»^[94].

За неумелое командование авангардом контр-адмирал Мартын Фондезин был отстранен от командования, а командиры кораблей «Иоанн Богослов», «Память Евстафия» и «Дерись» Валронт, Баранов и Коковцев были отданы под суд и приговорены к смертной казни. Екатерина писала Потемкину, что они заслужили виселицу, но сама помиловала их,

ограничившись разжалованием в матросы. Увы, никто из наших историков не попытался установить отношение сих капитанов к масонским ложам.

Кстати, сражение у Гогланда произошло 6 июля в день преподобного Сисоя. С тех пор на протяжении почти ста двадцати лет (до 1905 г.) в списках русского флота постоянно значился корабль под названием «Сисой Великий».

Несмотря на серьезные повреждения, адмирал Грейг не пошел с флотом в Кронштадт, а отправил туда четыре наиболее поврежденных корабля (среди них были «Всеслав», «Болеслав» и «Мечеслав») и фрегаты «Премислав» и «Слава». Кроме того, фрегат «Надежда Благополучия» повел на буксире в Кронштадт плененного «Принца Густава».

Остальные суда были отремонтированы своими силами и средствами у острова Сескар. А 26 июля флот Грейга внезапно появился у входа в Свеаборгские шхеры.

Шведский же флот спокойно расположился в Свеаборге. Корабли ремонтировались, офицеры гуляли на берегу. По случаю «Гогландской победы» Густав III велел устроить салют в Гельсингфорсе. Вход на Свеаборгский рейд охраняли три шведских корабля и фрегат.

Рано утром 26 июля стоял сильный туман, поэтому наблюдатели со шведских судов заметили русские корабли лишь в нескольких кабельтовых от себя. Обрубив якорные канаты, шведские корабли начали уходить под огнем русского авангарда, в котором были корабли «Память Евстафия» (66 пушек), «Ярослав» (74 пушки) и «Мстислав» (74 пушки). 62-пушечный шведский корабль «Принц Густав Адольф» сел на мель и сдался русским. Остальным шведским судам удалось скрыться в шхерах. Русские пытались снять трофей с мели, но быстро сделать это не смогли, а начинать капитальные спасательные работы было невозможно, поскольку шведский флот находился рядом, в двух-трех милях. Поэтому русские сожгли «Принца Густава Адольфа» на виду у шведского флота. А 530 пленных шведов были взяты на борт русских кораблей.

Войти на Свеаборгский рейд и устроить шведам «Синоп» или «Копенгаген» Грейг не решился, поскольку он был Грейгом, а не Нахимовым или Нельсоном. Да и навигационная обстановка у Свеаборга была посложнее, чем в Синопе, Абукире и Копенгагене. Поэтому Грейг ограничился тесной блокадой шведского флота, запертого в Свеаборге.

10 августа 1788 г. у острова Нарген сел на мель 32-пушечный фрегат «Возьмислав». Вскоре он был разбит штормом. Погиб один матрос.

Во время блокады Свеаборга тяжело заболел адмирал Грейг. В связи с этим его флагманский корабль «Ростислав» покинул флот и 21 сентября

прибыл в Ревель. Там 15 октября Самуил Карлович Грейг умер.

Командование флотом в отсутствие Грейга принял контрадмирал Т. Г. Козлянинов. Он быстро снял блокаду Свеаборга и отправил суда зимовать в Ревель и Кронштадт. Одной из причин снятия блокады стала эпидемия тифа на судах эскадры, заболело свыше двух тысяч человек.

Несколько слов скажем и о действиях гребного флота. К началу войны при русской Финляндской армии в Выборге дислоцировалось лишь восемь полугалер под командованием капитана 1-го ранга Слизова.

Большой отряд шведских галер с десантом двинулся к русской крепости Фридрихсгам. Слизов попытался с восемью галерами остановить противника, но ввиду неравенства сил отступил, не потеряв ни одного судна.

В связи с вступлением Дании в войну и угрозой вторжения ее войск в глубь Швеции, а также с мятежом в шведских войсках в Финляндии, парализовавшим любые наступательные действия против русских, король Густав III решил с частью войск вернуться в Швецию. Сделать это можно было только на галерах. Шведский корабельный флот, как уже говорилось, был заперт в Свеаборге.

Шведский армейский флот вместе с королем и войсками двинулся шхерным фарватером от Свеаборга к Або. Но после Гогландского сражения адмирал Грейг сформировал отряд в составе 66-пушечного корабля «Ростислав», двух фрегатов «Премислав» (44 пушки) и «Слава» (32/36 пушек), а также гребного фрегата «Евангелист Марк» (22 пушки). Командовал отрядом капитан 1-го ранга Я. И. Тревенен. Отряд занял позицию у Гангута 14 августа, а 23 августа к отряду присоединились 66-пушечные корабли «Память Евстафия» и «Пантелеймон».

В 1788 г. русские поменялись местами со шведами по сравнению с 1714 г. Теперь шведский армейский флот был вынужден стать на якорь у деревушки Тверминне, где в 1714 г. стояли галеры Петра Великого.

3 октября шведские гребные суда, шедшие с запада (из Або), воспользовавшись штилем, попытались прорваться мимо мыса Гангут. Эти суда везли продовольствие для шведской армии в Финляндии. Навстречу из Тверминне король выслал восемь галер. Из-за штиля русские парусные корабли не смогли перехватить шведов. Зато «Евангелист Марк» выпустил весла и атаковал шведов, которые после нескольких залпов фрегата кинулись врассыпную и укрылись в шхерах. Судам с провиантом так и не удалось прорваться на восток.

Через день, 5 октября, шведы вновь попытались провести транспорты мимо мыса Гангут, и опять из-за безветрия с ними дрался один «Евангелист

Марк». После интенсивной артиллерийской дуэли шведские галеры, канонерские лодки и часть транспортов отошли в шхеры, а 14 транспортных судов были захвачены баркасами с abordажными партиями с русских кораблей.

Но 13 октября Тревенен получил приказ контр-адмирала Козлянинова оставить позицию у Гангута и уйти в Ревель. Иначе, чем предательским, сей приказ не назовешь. Шведский армейский флот, воспользовавшись уходом русских, свободно прошел в Або, а грузовые суда проследовали в Свеаборг шхерным фарватером. В итоге Густав III прибыл в Швецию с верными ему полками. Как говорится, история не терпит сослагательного наклонения, но есть все основания полагать, что ригсдаг не принял бы угодных королю решений, если бы тот по-прежнему был блокирован русскими в Тверминне.

Мало того, по приказу Густава, оценившего наконец значение Гангутской позиции, там началось строительство мощной крепости. Крепость имела несколько фортов, расположенных как на полуострове, так и на ближайших островах. 4 мая 1789 г. крепость была закончена. Через несколько дней после этого у Гангута появился отряд кораблей, который вновь собирался блокировать этот район. Однако, увидев шведские форты, русские корабли уплыли восвояси.

Адмирал Козлянинов, сняв блокаду со Свеаборга, спас и корабельный шведский флот. 9 ноября шведский флот покинул Свеаборг и беспрепятственно дошел до своей главной военно-морской базы Карлскрона.

Глава 3. Действия копенгагенской эскадры

28 июня 1788 г. в Копенгаген прибыл отряд вице-адмирала В. П. Фондезина в составе 100-пушечных кораблей «Иоанн Креститель», «Три Иерарха» и «Саратов», а также 32-пушечного фрегата «Надежда».

5 июля 1788 г. из Архангельска вышел еще один отряд кораблей, первоначально предназначенный для Средиземноморской эскадры адмирала Грейга. В его составе было пять кораблей и два фрегата, построенных на Соломбальской верфи в Архангельске. Среди них были 74-пушечные корабли «Александр Невский», «Максим Исповедник» и «Сисой Великий»^[95], 66-пушечные корабли «Северный Орел» и «Прохор», 44/38-пушечные фрегаты «Архангел Гавриил» и «Помощный». Командовал отрядом контр-адмирал И. А. Павалишин.

4 августа корабль «Сисой Великий» налетел в тумане на песчаную банку у берегов Норвегии^[96]. Из-за полученных повреждений корабль отделился от эскадры и 17 августа пришел в порт Христианзонд (современное название Кристиансонн). Порт расположен на юге Норвегии, всего в 130 км от берегов Дании.

Остальные суда отряда Павалишина 29 августа пришли на рейд Копенгагена, где соединились с отрядом В. П. Фондезина. Кроме того, в Копенгаген пришли купленные в Англии катера (коттера). Один из них был переклассифицирован в тендер, а другой – в бриг и получил название «Меркурий». Таким образом, образовалась довольно мощная так называемая «копенгагенская» эскадра – семь кораблей, три фрегата и два катера.

В самом начале войны Виллем Фондезин получил приказ атаковать шведский порт Готенбург, где находилось три неприятельских фрегата. Фрегаты приказано уничтожить, а город сжечь. Затем следовало заняться шведским городом Марстранд. Но вместо этого, проведя в бездействии около месяца, Фондезин без всякой необходимости высадил 140 человек десанта у шведской деревни Ро, близ порта Ландскора. Деревня была сожжена, но поскольку она находилась в нескольких километрах от датского берега (через пролив Зунд), это вызвало раздражение датского населения. Напомню, что одной из важнейших политических целей Екатерины было вовлечение Дании в войну против Швеции.

19 июля эскадра Фондезина вышла из Копенгагена и направилась в пролив Каттегат для поиска трех злосчастных шведских фрегатов,

базирувавшихся в Готеборге. С собой Фондезин взял два пинка (транспорта) – «Соломбалу» и «Кильдюин», которые везли артиллерию и боеприпасы в Архангельск для строившихся там судов. Фондезин шведских фрегатов не обнаружил и вместо того, чтобы отконвоировать пинки в Северное море миль хотя бы на 100, бросил их 3 августа и двинулся обратно в Копенгаген. Через двое суток три шведских фрегата обнаружили наши пинки. «Соломбале» удалось уйти, зато «Кильдюин» стал добычей шведов. Уже сам по себе пинк водоизмещением 456 тонн с 26 пушками был ценным трофеем, но главное, в его трюмах лежало 100 пушек большого калибра для строившихся кораблей.

С 22 сентября по 20 октября объединенная русская эскадра выходила для блокады шведской базы Карлскроны. Но, узнав о смерти адмирала Грейга и об уходе Козляниновым флота, блокировавшего шведов в Свеаборге, В. Н. Фондезин испугался встречи со шведским флотом. Он не стал дожидаться трех кораблей, посланных ему в помощь Козляниновым, и трусливо ретировался в Копенгаген. Благодаря этому шведский корабельный флот благополучно добрался до Карлскроны.

17 октября 1788 г. три корабля (в том числе «Пантелеймон» и «Мечеслав») вышли из Ревеля и 12 ноября прибыли в Копенгаген, присоединившись к эскадре В. П. Фондезина.

Промедлив целый месяц с постановкой судов своего отряда на безопасную зимовку, Фондезин оставил их в Зунде, где суда целую зиму, подвергаясь большой опасности, носились вместе с плавающим льдом между берегами Дании и Швеции. Если ни одно судно не погибло, то это должно отнести только к заботливости и знанию дела командиров, а также к счастливой случайности. Шведские войска по льду попытались захватить русские корабли, но о замысле шведов русские узнали заблаговременно и сумели отразить нападение. Оценкой распоряжений Фондезина могут служить слова Екатерины II: «Фондезин проспит и потеряет корабли». В исходе декабря Фондезин был смнен, и весной 1789 г. в командование «копенгагенской эскадры» вступил Козлянинов, произведенный в вице-адмиралы.

Кампания 1789 г. началась блестящими успехами командира катера (брига) «Меркурий» Романа Васильевича Кроуна. Монография – не энциклопедический словарь, и автор умышленно не вдаётся в жизнеописание царей и адмиралов, но здесь хочется сделать исключение.

Кроун родился в 1754 г. в Шотландии. Подростком поступил матросом на торговое судно, затем нанялся в британский военный флот. Несмотря на многие заслуги, Кроун дослужился только до лейтенанта, а далее, с учетом

его происхождения, ему хода не было. Посему он 4 февраля 1788 г. вступает на русскую службу в чине лейтенанта. В России он получил имя и отчество Роман Васильевич. Уже 11 марта того же года Роман Васильевич Кроун был произведен в чин капитан-лейтенанта и был назначен на корабль «Иоанн Креститель». Через некоторое время после прихода «Иоанна Крестителя» в Копенгаген Кроун был назначен командиром брига «Меркурий».

Осенью 1788 г. бриг крейсировал у острова Борнхольм и в проливе Каттегат и захватил 29 шведских судов.

Зимой 1788/1789 г. в Копенгагене «Меркурий» был перевооружен и вместо 12-фунтовых пушек получил двадцать две 24-фунтовые карронады английского производства.

В начале апреля 1789 г. «Меркурий» вышел из Копенгагена в крейсерство. Уже в море по указанию Кроуна бригу придали вид купеческого судна – палуба была загрязнена, небрежно поставлены паруса, необтянутый такелаж, орудийные порта затянуты парусами.

29 апреля у острова Борнхольм «Меркурий» атаковал шведский бриг (тендер) «Снопул», вооруженный двенадцатью мелкокалиберными орудиями. «Снопул» вынужден был сдаться.

16 мая 1789 г. «Меркурий» вошел в отряд генерал-майора Лежнева, который был сформирован для конвоирования корабля № 9, зимовавшего в Норвегии. 20 мая отряд Лежнева встретил английский купеческий корабль, капитан которого сообщил русским, что в Христансфиорде стоит шведский фрегат. Лежнев не рискнул на кораблях зайти в незнакомые шхеры. Поэтому замаскированный под купца «Меркурий» один зашел в фиорд. Там стоял на якоре 44-пушечный шведский фрегат «Венус». Кроун приказал встать на якорь в видимости от фрегата.

Рано утром 21 мая «Меркурий» атаковал «Венус». Поскольку был штиль, бриг шел на веслах. Зато «Венус» был лишен возможности маневрировать, что позволило Кроуну подойти к нему с кормы, где находилось несколько 6-фунтовых пушек. Став бортом к корме фрегата, бриг открыл огонь из карронад почти в упор. 24-фунтовые ядра произвели большие разрушения на фрегате. «Венус» мог ответить лишь картечью из 6-фунтовых пушек на шканцах юта. Через 2,5 часа фрегат спустил флаг.

«Венус» был вооружен тридцатью 24-фунтовыми и шестнадцатью 6-фунтовыми пушками. При наличии ветра «Венус» мог с дистанции в полверсты вдребезги разнести из 24-фунтовых пушек бриг, не входя в зону действия карронад «Меркурия», эффективная дальность стрельбы которых не превышала четверти версты. А так на «Меркурии» было убито всего 4

человека и ранено 6.

Любопытна судьба команды «Венуса». 47 человек во главе с капитаном Магнусом Гансоном были позже отправлены в Петербург, а остальные – около 200 человек – были определены матросами на корабли копенгагенской эскадры.

За этот бой Екатерина II наградила Кроуна орденом Святого Георгия 4-й степени и произвела его в капитаны 2-го ранга. Любопытно, что во время кампании 1788 и 1789 гг. Кроун вопреки всем морским традициям держал на бриге свою жену. Во время боя с «Венусом» она оказывала первую помощь раненым. За это Марфа Ивановна Кроун была награждена императрицей орденом Святой Екатерины.

Капитан 2-го ранга Кроун был назначен командиром взятого фрегата «Венус». Повреждения фрегата исправили без захода в базу, и до 29 июня фрегат плавал вместе с отрядом Лежнева. Зимой 1789/1790 г. фрегат был капитально отремонтирован и перевооружен. В кампанию 1790 г. он имел двадцать шесть 24-фунтовых и шестнадцать 6-фунтовых пушек, восемь 24-фунтовых карронад и два 3-фунтовых фальконета.

Сам же Кроун в 1824 г. дослужился до полного адмирала, но лишь в 1830 г. принял русское подданство. До этого он числился подданным Англии. Умер Кроун 21 апреля 1841 г., прослужив в русском флоте 53 года.

В связи с боем «Меркурия» и «Венуса» стоит заметить, что любому герою услужливый дурак может причинить больше вреда, нежели сотня злопыхателей. Так, Вячеслав Чистяков в сборнике «Под Андреевским флагом» (Москва, 1994. С. 461) утверждает: «Дальнейший его [командира фрегата «Венус». – А.Ш.] план был столь же прост, сколь и дерзок, – проскочить под носом дремлющего на якорях Лежнева, подняться вдоль норвежского побережья и встретить русский “корабль № 9” существенно севернее, назначив ему свою точку рандеву. Трудно сказать, как бы развернулись дальнейшие события, если бы на сцену не явился капитан-лейтенант Кроун». Уважаемый автор, видимо, так и не понял, что корабль № 9 – это 74-пушечный «Сисой Великий», способный вдребезги разнести и пару «Венусов».

Отряд же Лежнева, разумеется, предназначался для защиты «Сисоя» не от «Венуса», а от возможного рейда сильной шведской эскадры из Карлскроны.

16 мая 1789 г. отряд Лежнева в составе 74-пушечного корабля «Максим Исповедник» и 66-пушечного корабля «Прохор» вышел из Копенгагена. Через несколько дней к ним присоединился бриг «Меркурий». Отряд забрал в Христианзонде «Сисоя Великого», некоторое

время покресировал в заливе Каттегат и 29 июня благополучно прибыл в Копенгаген.

К началу 1789 г. шведский корабельный флот, имевший до 30 кораблей, находился в Карлскроне, за исключением трех больших фрегатов, зимовавших в Готенбурге. А гребной флот, насчитывавший около 140 судов, делился на две почти равные части, из которых одна находилась в Стокгольме и портах Швеции, а другая – в Свеаборге. Еще у шведов было несколько судов гребного флота на озере Саймо, для которого и у нас в Вильманстранде строилось 10 канонерских лодок.

Положение нашей эскадры в Копенгагене по политическим отношениям было довольно затруднительное. Дания, находившаяся под давлением Англии и Пруссии, хоть и не заключала со Швецией мира, но вынуждена была оставаться в бездействии. С другой стороны, датское правительство, дорожа союзом с Россией, считало своим долгом охрану русской эскадры. Поэтому датский флот, почти равносильный эскадре Козлянинова, был поставлен вместе с ней в линию у северного входа на Копенгагенский рейд, южный вход которого защищался четырьмя старыми, негодными для плавания кораблями. Таким образом, датчане, охраняя свою столицу от нападения шведов, вместе с тем охраняли и русскую эскадру.

К июню огневая мощь эскадры заметно возросла за счет замены 12-фунтовых и 6-фунтовых пушек на закупленные в Англии 24- и 36-фунтовые карронады.

Глава 4. Эландское сражение

31 марта 1789 г. Екатерина II подписала рескрипт о назначении командующим Балтийским флотом адмирала В. Я. Чичагова (1726–1809) взамен умершего адмирала Грейга. В рескрипте говорилось: «Вверив вам предводительство сил наших в Балтийском море против неприятеля нашего короля шведского назначенных, мы тем оказали вам знак особенного нашего благоволения и надежды на ваше усердие к службе, рдение и искусство.

Флот наш, на действия в помянутом море определяемый, будет составлен: во-первых, из 10 кораблей, 4 фрегатов и 2 бомбардирских, ныне в Ревеле имеющих, и из такового же числа кораблей и фрегатов, от Кронштадта отправляемых, из эскадры, ныне в Копенгагене находящейся, и из 3 кораблей с несколькими фрегатами иди другого рода судами, назначаемых для охранения Финского залива во время отдаления вашего и в запас для подкрепления флота, чего ради сии три корабля в вашем личном распоряжении состоять будут. Гребной же флот, независимо от сего вооружаемый, будет под начальством предводителя сухопутной нашей армии»^[97].

4 мая 1789 г. на рейд Ревеля была выведена эскадра в составе десяти кораблей: «Ростислав» (100 пушек), «Святая Елена» (74 пушки), «Кир-Иоанн» (74-пушки), «Святой Петр» (74 пушки), «Мстислав» (74 пушки), «Ярослав» (74 пушки), «Родислав» (66 пушек), «Изяслав» (66 пушек), «Болеслав» (66 пушек), «Память Евстафия» (66 пушек); четырех фрегатов: «Слава», «Премислав», «Надежда Благополучия» и «Подражислав»; двух бомбардирских кораблей: «Победитель» и «Страшный»; пяти катеров: «Нептун», «Нева», «Счастливый», «Летучий», «Поспешный»; одного госпитального судна «Холмогоры» и одного транспортного судна «Хват». Всего сухопутных и морских чинов всех званий на этих судах насчитывалось 9333 человека.

К этому времени Кронштадтская эскадра еще была заперта льдом и стояла в Кронштадте, а галерный флот – в Петербурге. В составе Кронштадтской эскадры было десять кораблей: «Князь Владимир» (100 пушек), «Двенадцать Апостолов» (100 пушек), «Всеслав» (74 пушки), «Победослав» (74 пушки), «Принц Густав» (74 пушки), «Святослав» (66 пушек), «Дерись» (66 пушек), «Вышеслав» (66 пушек), «Виктор» (66 пушек); два фрегата: «Брячеслав» и «Мстиславец»; два брандера:

«Касатка» и «Лебедка» и одно госпитальное судно «Турухман». В составе эскадры было 7295 человек.

4 мая по приказу Чичагова из Ревеля к Гангуту был отправлен на разведку отряд в составе корабля «Родислав», фрегата «Премыслав», катера «Летучий» и пакетбота «Поспешный».

11 мая капитан Тревенен вошел в Гангутский залив, где увидел построенные вновь на островах и берегу четыре батареи^[98]. Когда русские суда подошли на дистанцию 1,3 км, шведы открыли огонь. Тревенен приказал не отвечать, а повернуть назад, и 19 мая прибыл в Ревель.

Тут стоит привести малозначительный в боевом отношении эпизод, но он хорошо показывает разницу в возможностях парусных и гребных судов. 22 мая русский фрегат заметил «идуших из Гельсингфорса к западу шхерами между Порккалаудских островов 12 неприятельских галер, да грузовых – 15 двух- и одномачтовых судов, преследовал оные, входя довольно далеко меж островов, беспрестанно измеряя при том неизвестную по нашим картам глубину, но, придя, где уже до десяти сажен она уменьшилась, не отважился далее гнаться, тем более, что суда те удалились под самый берег»^[99].

Как видим, 12 галер не могли противостоять одному фрегату, но зато они легко уходили от него в шхерах.

Лишь 21 мая 1789 г. Кронштадтская эскадра двинулась на соединение с Ревельской. Но уже в нескольких километрах от Кронштадта 100-пушечный корабль «Двенадцать Апостолов» столкнулся с английским торговым судном, а корабли «Иезекиил» и «Вышеслав» сели на мель. Чтобы снять с мели корабли, их пришлось основательно разгрузить. Лишь поздно вечером 26 мая Кронштадтская эскадра показалась в виду Ревеля.

В начале июня русский десант занял несколько островов у оконечности полуострова Порккалауд, так называемую Порккалаудскую позицию в 100 км восточнее Гангута. Замечу, что оконечности полуостровов Гангут и Порккалауд выходят за линию шхер, и в этих местах парусные корабли сравнительно легко могут перехватить гребные суда, выходящие из шхер. Таким образом, Гангут и Порккалауд представляли собой самые важные стратегические пункты на северном берегу Финского залива. После занятия Порккалауда транспортным судам шведов пришлось разгружаться в Барэзунде, не доходя до Порккалауда. 6 июня 1789 г. с запада появились 17 шведских гребных судов, но, увидев русские суда, шведы повернули обратно.

На одном из островов у Порккалаудской позиции капитан Шешуков

построил шестипушечную батарею. Там же русские суда захватили две шведские яхты – «Бруна-Юртен» и «Св. Генрих». Оба судна 19 июня были доставлены в Ревель. Чрезвычайно легкие на ходу и удобные яхты понравились адмиралу Чичагову, и он приказал вооружить их фальконетами, а затем отослать обратно к Шешукову для использования в качестве посыльных судов.

21 июня шведские гребные суда попытались атаковать Порккалаудскую позицию со стороны Свеаборга, воспользовавшись попутным ветром. Шведский отряд состоял из трех полугалер, четырех канонерских лодок и одной шебеки.

Заметив противника, капитан Шешуков приказал гребному фрегату «Св. Марк», бригантине «Нептун» и катеру «Летучий» атаковать шведов. Остальные парусные суда из-за своей большой осадки не смогли принять участия в бою. Шведские суда в боевом порядке вышли из залива, отстоявшего от мыса на 5 версты, и первыми открыли огонь. Капитан Шешуков перебрался с флагманского корабля на катер «Счастливый», откуда и руководил ходом боя. Тут у автора возникает каверзный вопрос: почему катер «Летучий» с осадкой в 3,2 м мог принять участие в бою, а катер «Счастливый» с осадкой 2,8 м был отнесен в донесении Шешукова к кораблям с большой осадкой и находился вне зоны артиллерийского огня? Понятно, что о двух кораблях, бывших у Шешукова, и речи нет.

Между тем с берега по русским судам открыли огонь шведские пушки, стрелявшие каменными ядрами. Фрегат «Св. Марк» под командованием лейтенанта П. П. Фондезина открыл ответный огонь по береговым пушкам, а бригантина и катер занялись неприятельскими судами.

После почти трехчасовой баталии шведские суда ушли в шхеры, а береговая батарея была приведена к молчанию. В районе батареи высадился русский десант. Трофеями десанта стали две чугунные 14-фунтовые пушки, больше двух пудов пороха и горн, в котором калилось 15 ядер. Всего, по донесению Шешукова, на батарее было 10 орудий, но 8 шведы якобы увезли. Сделать это трудно, так что, скорее всего, там и было две пушки.

Однако радость императрицы по поводу успеха у Порккалауда был омрачена донесением от 20 июня о том, что шведы перехватили четыре русских транспортных судна, шедших из Лифляндии к Фридрихсгаму.

23 июля отряд Шешукова у Порккалауда сменил отряд капитана 1-го ранга В. И. Глебова. Отряд в составе двух 66-пушечных кораблей – «Европа» (спущен в 1768 г.) и «Иануарий» (спущен в 1780 г.) – и трех малых судов оставался на позиции до 14 октября 1789 г.

2 июля флот Чичагова вышел в море. В его составе было двадцать кораблей («Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Князь Владимир», «Всеслав», «Мстислав», «Святая Елена», «Кир Иоанн», «Святой Петр», «Ярослав», «Иезекиль», «Принц Густав», «Победослав», «Ростислав», «Изяслав», «Память Евстафия», «Болеслав», «Святослав», «Дерись», «Виктор» и «Вышеслав»), шесть фрегатов («Прямислав», «Подражислав», «Брячислав», «Мстиславец», «Слава» и «Надежда благополучия»), два бомбардирских корабля, два катера, два госпитальных и два транспортных судна. 14 июля у острова Эланд русские обнаружили шведский флот, бывший под началом герцога Зюдерманландского и состоявший из 21 корабля и 8 фрегатов^[100].

Хотя у Чичагова было только 20 кораблей, но они по силе своей артиллерии, а также по количеству и качеству экипажей имели значительное преимущество перед неприятелем, на судах которого был неполный комплект экипажей, частью пострадавший от бушевавшей в Карлскроне эпидемии.

На следующий день, то есть 15 июля, герцог Зюдерманландский выстроил в линию тридцать кораблей и фрегатов и атаковал русских. Завязалась артиллерийская дуэль на предельной дистанции огня крупнокалиберных пушек. Оба флагмана явно не стремились сблизиться. В результате сия «ленивая баталия» (как называл такие сражения Ушаков) продолжалась свыше шести часов, но обе стороны не имели не только потопленных, но и даже серьезно поврежденных судов. Риторический вопрос – куда же шесть часов палили русские корабли? Да еще, как следует из донесения Чичагова графу Чернышеву, Бог лично помогал русскому адмиралу.

На десяти русских кораблях потерь не было вообще, на остальных же судах был убит 31 человек и ранено 185. Причем наши корабли больше всего пострадали от действия... собственных пушек. Чтобы не быть голословным, процитирую донесение адмирала Чичагова: «...убито нижних чинов на корабле “С. Петр” 5 человек, да ранено 22 человека, но в сем числе большая часть убитых и раненых *от разрыву своей одной пушки...*

...Находившийся в линии подле корабля “Мстислава” корабль “Дерись” принужден был *по случаю разрыва трех* своих пушек и учинившегося от того немалого убийства людей и возгорания внутри корабля, для утушения огня выйти из линии, но как от сего же разрыва взломаны были палубы так, что никак не мог оный левым боком продолжать свой с неприятелем бой, то и остался до конца сражения вне

линии»^[101].

Замечу, что разорвавшиеся на «Дерись» чугунные пушки были отлиты в Воронеже еще при царе Петре. Корабль «Дерись» после сражения едва держался на воде.

На следующий день после сражения, то есть 16 июля, шведский флот находился на расстоянии мили от русского. Адмирал Чичагов пытался выиграть ветер у шведов, но не сумел и решил не испытывать судьбу. То же повторилось и 17 июля. Оба флота маневрировали. А утром 18 июля шведского флота уже не было видно.

20 июля эскадра Чичагова подошла к острову Борнхольм.

19 июля эскадра Т. Г. Козлянинова окончательно покинула Копенгаген и двинулась в Балтийское море. 22 июля Копенгагенская эскадра встретилась с эскадрой В. Я. Чичагова. Объединенная эскадра несколько дней крейсировала в районе островов Борнхольм и Готланд и мыса Дагерот, но шведский флот не показывался, и русская эскадра 16 августа 1789 г. прибыла на Ревельский рейд.

Копенгагенская эскадра потеряла катер «Дельфин», 28 июля севший на мель у южной оконечности острова Борнхольм. Любопытно, что этот катер был куплен в 1788 г. (уже после начала войны) в Англии, командир его был англичанин Вильям Кровве.

В Петербурге императрица и ее окружение надеялись, что Ревельская эскадра Чичагова и Копенгагенская эскадра Козлянинова разобьют шведский флот. Возмущенная императрица написала в Военный совет: «Из вчера полученных реляций (5 авг. вечером) адмирала Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не он их, что он с ними имел перестрелку, что на оной потерял капитан бригадирского ранга и несколько сот прочих воинов, без всякой пользы Империи, что, наконец, он возвратился к здешним водам, будто ради прикрытия залива Финского»^[102]. Поведение Чичагова императрица характеризовала точно и лаконично – «недействие».

Несколько слов стоит сказать и о боевых действиях в районе Порккалаудской позиции. В шхерах у Борезунда и Свеаборга продолжали концентрироваться шведские гребные суда. 13 августа они перехватили русскую одномачтовую яхту, посланную капитаном 1-го ранга Глебовым в Ревель с донесением Чичагову. Шведские гребные суда взяли яхту на буксир и увели шхерами в Свеаборг.

Пользуясь безветрием, 15 августа в 14 часов шведские гребные суда вышли с запада из шхер и двинулись к русской батарее, сооруженной на острове. В этом шведском отряде было 5 галер и 13 канонерских лодок.

Одновременно с востока к острову двинули одна галера и 4 канонерские лодки. Соединившись, оба шведских отряда открыли огонь по русской батарее. Батарей поддержали огнем русские катера, шедшие на веслах. Как писал адмирал Чичагов: «Батарея все время отражала атаки с заметным уроном для шведов, и суда, действующие против кораблей, были принуждены обратиться в бегство, укрываясь в шхеры к Борезунду и к стороне Свеаборга. На нашей стороне не оказалось ни одного убитого и ни одного раненого»^[103].

Вот молодцы! За 4 часа «много шуму из ничего» понаделали, сколько пудов пороху потратили, и обе стороны победные реляции начальству отправили!

17 августа в Ревель из Нарвы пришло малое торговое судно, владелец которого донес адмиралу Чичагову, что 16 августа «к стороне Свеаборга и Поркалауда он видел плывшие около шхер разные, трех- и двухмачтовые суда, числом до 30-ти; флагов же за дальностью он не мог разглядеть»^[104].

18 августа Чичагов приказал капитану 1-го ранга Трениеву^[105] с тремя кораблями и тремя фрегатами немедленно отправляться из Ревеля к Поркалауду.

14 августа из Карлскроны вышел специальный отряд в составе трех кораблей и трех фрегатов для деблокирования Поркалауда.

26 августа шведский отряд подошел к Барезунду, где соединился с 60 гребными судами армейского флота и собрался было двинуться к Поркалауду. Но тут выяснилось, что на помощь к Глебову (три корабля и два фрегата) подошла эскадра Трениена, а на море в районе Ревеля шведские дозорные корабли обнаружили главные силы русского флота. Поэтому шведские парусные корабли отказались от похода к Поркалауду и, простояв десять дней в Барезунде, ушли обратно в Карлскрону.

Однако действия русских кораблей против шведских гребных судов в районе Поркалауда закончились печально. 8 сентября сел на камни 66-пушечный корабль «Северный Орел». Согласно реляции, русским удалось снять с него всю команду и пушки. К 13 сентября 1789 г. корабль был полностью разбит штормом. 15 октября отряд русских судов в составе кораблей «Александр Невский», «Родислав», фрегата «Гавриил» и одного катера дружно сел на четырехфутовую (1,2 м) мель восточнее острова Нарген примерно в 45 км от Поркалауда. С помощью подошедших к мели гребных судов удалось стащить с мели фрегат и катер. Однако «Родислава» стащить не удалось. Команда была снята, а корабль брошен на мели.

Кроме того, в 1789 г. у Порккалауда шведы захватили русский катер «Лось», за несколько месяцев до этого купленный в Англии.

В результате в октябре 1789 г. русские покинули Порккалаудскую позицию.

Глава 5. Первое Роченсальмское сражение

В кампанию 1789 г. Екатерина доверила командование гребным флотом принцу Карлу Нассау-Зигену (1743–1802). В июле 1788 года принц, командуя гребной эскадрой в Лимане у Очакова, нанес поражение турецкому флоту, но позже разругался с Потемкиным и был отозван Екатериной в Петербург.

Несмотря на старания принца, заметим, что он, кроме того, был и вице-адмиралом российского флота, гребной флот сумел выйти из Кронштадта лишь 8 июня 1789 г. В составе гребного флота было 75 судов (галер, каек, дубель-шлюпок, канонерских лодок и др.).

Войдя в шхеры и присоединив к своей эскадре тринадцать судов находившегося в Выборге отряда Слизова, Нассау-Зиген 3 июля подошел ко входу в Фридрихсгамский залив, недалеко от которого, у острова Котка, находилась значительная часть неприятельского гребного флота, бывшая под начальством способнейшего из всех шведских морских офицеров обер-адмирала Аугуста Эренсферда.

Для усиления гребного флота была сформирована так называемая «резервная эскадра» под командованием вице-адмирала А. И. Круза. В составе резервной эскадры было два корабля, два фрегата, два бомбардирских корабля и два мелких судна. Круз затянул подготовку эскадры к выходу, и она соединилась с гребным флотом лишь 4 августа.

К этому времени шведский армейский флот, состоявший из 62 боевых судов и 24 транспортов, находился на двух (Малом и Большом) Роченсальмских рейдах. К неприятельскому флоту, спрятавшемуся в шхерах, можно было подойти двумя путями: с севера очень узким проходом, называемым Роченсальми (шведская дефиля), или Свенск-Зунд, или Королевские ворота; а с юга проходом между островами шириной в 850 м.

И Круз, и Нассау горели желанием атаковать шведов, но наметить совместный план действий не смогли. Спор кончился взаимными оскорблениями, и по приказу Екатерины Круз был смещен, а на его место назначен генерал-майор Балле, исполнявший обязанности интенданта флота.

К вечеру 12 августа русские эскадры подошли к Роченсальми. По плану Нассау генерал-майор Балле с одиннадцатью большими и девятью малыми судами должен был войти в Роченсальми через южный проход и

оттянуть на себя основные силы шведов, чтобы облегчить прорыв остальных судов эскадры через Королевские ворота.

Шведский адмирал Эренсферд выставил против отряда Балле все свои большие суда. Малые же суда и транспорты были отведены на север в глубину шхер в Кюменьский залив. Для защиты Королевских ворот он поставил четыре бомбардирских судна, а в самом узком месте прохода приказал затопить несколько транспортных судов, что сделало его непроходимым даже для мелких гребных судов.

13 августа в 10 часов утра отряд Балле подошел к судам неприятеля, перекрывшим проход между островами Котка и Кутула-Мулим, и открыл огонь. Артиллерийская дуэль продолжалась около пяти часов. В ходе боя артиллерийским огнем были потоплены две шведские канонерские лодки. Затем шведские гребные суда решили пойти на абордаж. Балле приказал отступить, но шведам удалось захватить бомбардирский корабль «Перун» и пакетбот «Поспешный». На устах русских матросов и офицеров отряда Балле был только один вопрос – где принц Нассау?

Эскадра Нассау лишь к 15 часам подошла к Королевским воротам, но они в самом узком месте оказались перекрыты затопленными шведскими судами. Принц был этим очень удивлен, хотя о затоплении судов шведами ему докладывали неоднократно.

Наконец по другому мелкому проливу успело пробраться на рейд несколько русских канонерских лодок, а в седьмом часу вечера ценой невероятных усилий и больших потерь русским матросам удалось настолько разломать затопленные в Королевских воротах суда, что этим фарватером могли пройти галеры. И в самый критический момент для отряда Балле в тылу у шведов появились галеры принца. Боевые порядки русские и шведских судов смешались. Галеры Нассау взяли на абордаж захваченные шведами «Перун» и «Поспешный», а затем абордировали и несколько шведских судов.

Король Густав III наблюдал за сражением из усадьбы Кюммене, расположенной рядом с берегом. Адмирал Эренсферд бросил свою флагманскую туруму «Бирк-Эрксида» и на шлюпке добрался до берега. Когда адмирал предстал перед королем, его лицо было черно от пороховой копоти. «Я здесь, и я разбит», – коротко доложил Эренсферд. Густав приказал сжечь около тридцати шведских гребных судов, заблокированных русскими. Они горели всю ночь, освещая окрестности.

Трофеями русских стали: гребной фрегат «Автроил», вооруженный двадцатью четырьмя 12-фунтовыми пушками (длина 35,2 м, ширина 9,4 м, глубина интрюма 2,3 м), 48-пушечная турума «Биорн-Эрксида» (длина

36,6 м, ширина 9,1 м, глубина интрюма 2,7 м, 30 весел, 3 мачты), однотипная турума «Рогвальд», турума «Селли-Вере», удема «Один», 15-пушечная галера «Цедеркейц» (длина 38,7 м, ширина 5,9 м, глубина интрюма 1,8 м) и три канонерские лодки (по две пушки на каждой). В плен было взято 37 офицеров и 1100 нижних чинов. Точных данных об убитых и раненых нет, но их число явно исчислялось тысячами.

Потери русских убитыми и ранеными составили 15 офицеров и 368 нижних чинов. В ходе сражения взорвалась галера «Цивильск» (16 пушек, 22 банки), а галера «Днепр» (19 пушек, 25 банок) была сильно повреждена взрывом, вернулась в Кронштадт, но восстановлению не подлежала. Кроме того, погибла одна русская канонерская лодка.

После победы принц Нассау предложил главнокомандующему русскими сухопутными войсками графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину сильным десантом, высаженным в тылу у шведов, отрезать им наступление, а нашей армией, атаковав в это же время шведов с фронта, заставить их сложить оружие. Но шведский король, узнав о намерении Нассау, наиболее удобные места для высадки десанта защитил батареями, а сам спешно отступил к Ловизе, преследуемый русскими войсками.

Спустя неделю в восточном устье реки Куюмень у крепости Нейшлот наши канонерские лодки взяли пять шведских гребных судов. Еще четыре большие вооруженные шведские лодки, шедшие с десантом, были потоплены.

На этом закончились действия гребного флота в кампанию 1789 г.

Глава 6. Ревельское и Фридрихсгамское сражения

Зимой 1789/1790 г. русский флот, как и зимой 1788/1789 г., был разделен на две части, зимовавшие в Ревеле и Кронштадте. Зимой положение Густава III существенно улучшилось. Ему удалось помириться с Данией и обезопасить свой тыл. Англия и Пруссия выделили королю большие субсидии на продолжение войны.

В новой кампании Густав решил разбить порознь Ревельскую и Кронштадтскую эскадры, воспользовавшись тем, что главная шведская военно-морская база Карлскрона имела незамерзающий круглый год порт, а суровая зима дольше обычного сковывала льдом финский залив и подступы к Ревелю.

У Ревеля лед сошел между 19 и 25 апреля 1790 г. А уже 27 апреля наблюдатели на Сурупском маяке заметили на горизонте два корабля и катер без флагов. Одновременно капитан первого датского торгового судна, пришедшего в Ревель, заявил, что, проходя мимо Карлскроны 18 апреля, он видел по южную сторону острова Эланда шведский флот в количестве 24-х судов.

Адмирал Чичагов приказал отправить отряд судов под командованием капитана Тета^[106] в море на разведку подходов к Ревелю. Отряд состоял из лучших ходяков русского флота – корабля «Кир Иоанн», фрегатов «Прямислав» и «Надежда Благополучия» и катера «Нептун».

30 апреля капитан Тет увидел шведский флот и немедленно донес об этом в Ревель. Чичагов собрал на Военный совет всех адмиралов и капитанов кораблей. Большинство собравшихся предлагали поставить корабли в гавани как можно ближе к берегу под защитой береговых батарей. Однако Чичагов настоял на том, чтобы корабли поставить на шпринт^[107] вдали от батарей. Главный аргумент Чичагова – если неприятель зайдет сзади «нашей линии с намерением поставить ее меж двух огней, он подвергнется бы сам огню эскадры, батарей и фрегатов, которые будут находиться позади линии»^[108].

К 1 мая все русские корабли были поставлены в гавани Ревеля в линию, согласно указаниям Чичагова. В первой линии находилось девять кораблей и фрегат (100-пушечные корабли «Ростислав» и «Саратов»; 74-пушечные «Кир Иоанн», «Мстислав», «Св. Елена», «Ярослав»; 66-пушечные «Победоносец», «Болеслав», «Изяслав» и 50-пушечный фрегат «Венус»). Во второй линии – четыре фрегата: «Подражислав» (32 пушки), «Слава»

(32 пушки), «Надежда Благополучия» (32 пушки) и «Прямислав» (36 пушек). На флангах стояли бомбардирские корабли «Страшный» и «Победитель». Третью линию составляли семь катеров.

Шведский флот под командованием герцога Зюдерманландского состоял из 22 кораблей, четырех фрегатов и четырех мелких судов. При усиливающемся западном ветре и значительном волнении неприятель в линии баталии в 7 часов утра 2 мая вошел на рейд, и его передовой корабль, поравнявшись с четвертым от левого фланга нашей линии кораблем «Изяслав», привел к ветру на левый галс и дал залп. Но из-за сильного крена и неточного прицела большая часть шведских снарядов рикошетировала мимо наших кораблей, меткие выстрелы которых наносили большой вред неприятелю. За передовым шведским кораблем, быстро прошедшим вдоль нашей линии в сторону острова Вульф, следовали в таком же порядке и другие корабли.

Некоторые из них, пробовавшие подходить на близкую дистанцию и для уменьшения хода и крена убавлявшие паруса, были встречены прицельными залпами и с большими потерями людей и значительными повреждениями рангоута и такелажа вынуждены были выходить из-под выстрелов, не нанеся нашим судам серьезных повреждений. Особенно пострадал корабль шведского генерал-адмирала, на котором заевший в шкиве подветренный фока-брас (парус) не позволил привести корабль своевременно к ветру и заставил его дрейфовать на «Ростислава», который осыпал его с малой дистанции ядрами и картечью. Другой, 64-пушечный корабль «Принц Карл», шедший пятнадцатым в линии, потеряв грот- и фор-стенги, после десятиминутного сражения бросил якорь и вместо шведского флага поднял русский.

Замечу, что капитан Сальстед приказал поднять белый флаг, когда из 520 человек команды, 100 кирасиров и 12 пехотинцев на корабле было убито всего 65 человек и 11 человек ранено. Перечень повреждений «Принца Карла» мной не найден, но, судя по тому, что он уже 10 мая 1790 г. был введен в строй русского флота, повреждения эти были невелики.

Герцог Зюдерманландский наблюдал за сражением с борта фрегата «Улла Ферзен», находившегося за пределами зоны действительного огня русских. После двух часов артиллерийской дуэли герцог приказал прекратить бой. В связи с этим последние десять кораблей шведской линии, уже не открывая огня, удалились к северу.

Шведский корабль «Раксен-Стендер» получил повреждения и сел на риф севернее острова Вульф. Попытки шведов снять его оказались безуспешны, и они были вынуждены сжечь «Раксен-Стендер», чтобы он не

достался русским. Еще один шведский корабль перед началом сражения сел на Новую мель севернее острова Карген. Снять его с мели удалось, лишь выбросив за борт 40 пушек.

Ревельское сражение можно считать полной победой русских. При почти двукратном превосходстве шведы потеряли два корабля и вынуждены были отойти. Потери шведов составили 150 человек убитыми и ранеными, а также 250 человек пленными. Потери русских – 8 убитых и 27 раненых. Другой вопрос, что, несмотря на поражение, шведы не потеряли инициативы, а продолжали действовать наступательно.

После сражения шведы частично отремонтировали в море свои корабли, а затем отошли к востоку от острова Гогланд.

За Ревельское сражение адмирал Чичагов получил от императрицы орден Святого Андрея Первозванного и имения в Белоруссии, конфискованные у польских панов-конфедератов. Сражение показало полнейшую бездарность герцога Зюдерманландского. В бою в гавани против стоявших на якоре кораблей следовало использовать многочисленные брандеры, а также кораблям подходить в упор и расстреливать врага брандскугелями и калеными ядрами.

От действий Ревельской эскадры перейдем к ситуации в гребном флоте. Русский гребной флот был разделен на две части: передовой отряд под командованием бригадира Слизова^[109] зимовал в Фридрихсгамской гавани, а главные силы – в Выборге. В обоих портах лихорадочно строили канонерские лодки и другие суда, «но и здесь во всем встречался недостаток, не только в снаряжении, обмундировании, провианте, но и в людях, и в лесе»^[110].

Так, отряд Слизова имел наполовину укомплектованные экипажи. Да и те большей частью состояли из «выходцев», то есть простых крестьян, которым когда-либо приходилось плавать по рекам. Но самым губительным упущением был недостаток снарядов и несогласие Нассау на предложение Слизова об укреплении позиции береговыми батареями, возведение которых показалось принцу преждевременным.

Находясь в таком положении, Слизов, имевший 60 мелких и только 3 больших судна, неожиданно узнал 3 мая о приближении шведского гребного флота, состоявшего из 140 боевых судов и 14 транспортов.

Расположенный в линию у входа в Фридрихсгамскую бухту, наш отряд 4 мая около 4 часов утра был атакован неприятелем. Подпустив к себе шведов на картечный выстрел, Слизов открыл по ним сильнейший огонь из всех орудий. Отчаянный бой продолжался около трех часов, правое крыло

шведов начало уже отступать и левое заметно колебалось, как вдруг в нашем отряде сказался недостаток в снарядах. Слизов приказал немедленно отступать, продолжая отстреливаться холостыми зарядами.

Всего русские потеряли в сражении 26 судов. Самыми крупными из них были три полупрама. Два захваченные шведами полупрама – «Барс» и «Леопард» – имели сильное артиллерийское вооружение: по восемнадцать 24-фунтовых пушек, по девять 6-фунтовых пушек и по семь 3-фунтовых фальконетов. Шведам удалось взять в плен 150 русских, в том числе 8 офицеров. Наши потери убитыми составили 65 человек, ранеными 27 человек. В этом бою шведам удалось отбить введенную в строй русского гребного флота туруму «Селлаи-Вере», захваченную 13 августа 1789 г. в 1-м Роченсальмском сражении.

После сражения шведский король послал своего адъютанта парламентаром к коменданту Фридрихсгама полковнику фон Эку с предложением сдаться. Но в гавани Фридрихсгама приготовились к бою уцелевшие суда Слизова, а на берег вышел русский пехотный полк с артиллерией. Король не стал рисковать, и его гребной флот отошел на несколько километров от Фридрихсгама. Тем не менее шведам был открыт свободный шхерный путь до Выборга. Это обстоятельство существенно усложнило положение русской армии, она ежеминутно могла ожидать у себя в тылу высадки сильного неприятельского десанта.

Глава 7. Красносельское и Выборгское сражения

Несмотря на неудачу под Ревелем, 21 мая 1790 г. шведская корабельная эскадра двинулась к Кронштадту. В ее составе было 22 корабля, 8 больших фрегатов, 4 малых фрегата и несколько небольших судов. Шведский же армейский (гребной) флот, насчитывающий 350 судов, под командованием самого Густава III направился к Биоркезунду.

В Кронштадте, благодаря энергичной деятельности Круза, удалось собрать семнадцать кораблей, четыре фрегата и два катера, с которыми Круз 12 мая вышел в море. В течение пяти дней Круз лавировал, обучая свою эскадру.

Узнав, что по восточную сторону Гогланда собралось до сорока шведских судов, Круз просил прислать подкрепление – восемь оставшихся в Кронштадте гребных фрегатов. К 18 мая в состав русской эскадры входили: пять 100-пушечных кораблей («Иоанн Креститель» – флагманский корабль Круза, «Двенадцать Апостолов» – флагманский корабль контр-адмирала Сухотина, «Три Иерарха» – флагманский корабль контр-адмирала Повалишина, «Великий князь Владимир» и «Святой Николай»); один 84-пушечный корабль «Иезекиль»; восемь 74-пушечных кораблей («Иоанн Богослов», «Победослов», «Константин», «Святой Петр», «Всеслав», «Принц Густав», «Сисой Великий» и «Максим Исповедник»); два 66-пушечных корабля («Пантелеймон» и «Иануарий»); один 64-пушечный корабль «Не тронь меня»; четыре парусных фрегата («Брячислав», «Гавриил», «Святая Елена» и «Патрика») и два катера.

Число орудий на 17 русских кораблях достигало 1400, а на 30 шведских – свыше 2000. Кроме того, шведская эскадра уже давно плавала и побывала в сражении, а наши команды были собраны наспех и плавали только 10 дней. Все это давало шведам основание рассчитывать на успех в морском бою и десантной экспедиции. Тем не менее Круз писал Чернышеву: «Я думаю – не худо бы не останавливаться в Ревеле, если не найдем шведского флота по сю сторону, а следовать далее, и где застанем, там и атаковать его».

Из-за маловетрия и противного ветра эскадра Круза двигалась очень медленно. К вечеру 20 мая русские суда были в 14 милях от Толбухина маяка, где к ним присоединился капитан-бригадир Деннисон^[111] со своими восемью гребными фрегатами. 21 мая наши передовые суда увидели неприятеля, а к вечеру того же дня был виден и весь шведский

корабельный флот.

Весь следующий день флоты продержались в виду друг друга, готовые к бою, при легком западном ветре. Поставленная перед Крузом задача – не пропустить неприятельский флот к Кронштадту – заставила его держаться на позиции между мысами Долгим и Стирсуденом, где берега прикрывали от обхода фланги русской эскадры.

23 мая в 15 часов в Ревель прибыл курьер с рескриптом императрицы, подписанным еще 20 мая. Рескрипт предписывал адмиралу Чичагову срочно идти в восточную часть Финского залива для соединения с эскадрой Круза. Вечером в тот же день эскадра Чичагова покинула Ревель.

Между тем адмирал Круз и герцог Зюдерманландский выделили в отдельные отряды легкие суда для прикрытия кораблей, которые могли быть повреждены в предстоящем бою. Шведы назначили для этой цели шесть фрегатов, русские – четыре.

Оба флота разделились на три части. У русских кордебаталией командовал Круз, авангардом – Сухотин и арьергардом – Повалишин, а легкой эскадрой – Деннисон. У шведов кордебаталией командовал герцог Зюдерманландский, авангардом – контр-адмирал Модее и арьергардом – полковник Лейонанкерн.

Для боя оба флота расположились по общему правилу линейной тактики. Не воспользовавшись 22 мая преимуществом наветренного положения, шведы упустили случай атаковать русскую эскадру. К ночи наступило маловетрие, а на рассвете 23 мая установился легкий восточный ветер. По сигналу Круза «атаковать неприятеля на ружейный выстрел» русский флот стал спускаться на неприятеля со стороны фронта, но вскоре привел в бейдевинд и лег на курс, почти параллельный неприятелю.

Около 4 часов утра авангарды сблизились и открыли огонь. Но маневрирование было такое медленное, что прошел почти час, пока все корабли вступили в бой. Большие шведские фрегаты вошли в линию баталии, заняв места в интервалах между своими кораблями. Открыв сильный артиллерийский огонь по флагманскому кораблю Круза, шведы одновременно стремились сосредоточить превосходящие силы против нашего северного фланга. В пятом часу Сухотину, командовавшему северным флангом, ядром оторвало ногу, и он передал командование командиру своего корабля капитану Федорову, прося его не ослаблять атаки.

На поддержку правого фланга двигался со своими фрегатами Деннисон, открывший огонь в интервалах между нашими кораблями. По сигналу Федорова этот огонь был прекращен, как мешавший нашим судам,

а фрегаты Деннисона двинулись дальше на фланг. Во время сражения ветер менялся от северо-восточного до юго-восточного, так что корабли из строя кильватера перешли в строй пеленга^[112]. С 7 часов утра огонь стал ослабевать, шведы уклонялись к западу, русские их не преследовали, и когда к 8 часам вечера ветер стих, флоты оказались вне дальности действия пушек.

Отдельным эпизодом боя стал выход в 11-м часу утра из Биоркезунда шведского отряда из 20 шхерных судов, посланных королем в подкрепление корабельному флоту. Этот отряд пытался атаковать ближайшие русские корабли, но был отражен своевременными действиями фрегатов Деннисона, спешивших под веслами навстречу шхерным судам. После незначительной перестрелки шведские суда повернули в шхеры, не нанеся вреда своему противнику.

На 74-пушечном корабле «Иоанн Богослов» был поврежден такелаж, и его командир И. М. Одинцов попросил у Круза разрешение покинуть линию. Тот разрешил, но приказал немедленно по исправлению снастей вернуться в строй и занять свое место. Однако Одинцов, выйдя из строя, приказал уходить в Кронштадт. За самовольный уход с места боя 27 мая 1790 г. И. М. Одинцов был отдан под суд, а командиром «Иоанна» назначен Я. А. Жохов. О том, что «Иоанн Богослов» не получил особых повреждений, свидетельствует то, что уже 13 июня он вышел в боевой поход. К сожалению, императрица слишком либеральничала с подобными господами. Если бы пару таких Одинцовых публично вздули бы линьками, а потом вздернули бы на рею, результат шведской войны был бы совсем иным.

Но вернемся к сражению. После отхода шведского гребного отряда и бегства «Иоанна Богослова» ветер переменялся на западный и после полудня стал усиливаться. Оказавшись на ветре, шведы повернули на юг, легли параллельно нашему флоту и атаковали его на правом галсе, направляя главные усилия на адмиральский корабль «Иоанн Креститель» и кордебаталию. После перестрелки на большой дистанции, продолжавшейся около часа, в 3-м часу дня шведы стали приводить к ветру, и флоты настолько разошлись, что Круз сделал сигнал «прекратить бой».

Около 5 часов дня наша эскадра, подойдя к мысу Долгому, снова повернула на север и выстроилась в линию баталии на левом галсе. Шведский флот находился между островом Сескаром и Биоркэ. В 6-м часу вечера шведские корабли стали последовательно спускаться на наш авангард, но, не подходя на близкую дистанцию, поворачивали и ложились на встречный курс с нашей эскадрой, из-за чего огонь не приносил

противникам особого вреда, то есть продолжалась «ленивая баталия». Около 6 часов вечера пальба прекратилась.

Возникает резонный вопрос: а где была во время Красносельского сражения эскадра Чичагова? Он находился совсем рядом, но не пошел на помощь Крузу, а велел своей эскадре оставаться между островами Пенни и Сескар. Корабли выстроились в линию и бросили якоря.

Ночь эскадра Круза продержалась в линии несколько к западу от меридиана Стирсудена, исправляя повреждения и готовясь к новому бою. Шведский флот находился в пяти милях к югу и также готовился к бою. Таким образом, за ночь положение противников не изменилось. Раненый вице-адмирал Сухотин был отвезен в Кронштадт, но его флаг остался на корабле, чтобы не обнаруживать нашей потери.

С утра 24 мая было маловетрие, горизонт застлан дымкой. После полудня подул юго-западный ветер, переходивший в западный. Эскадра Круза выстроилась в линию баталии на правом галсе.

Получив от своих фрегатов донесение, что русская ревельская эскадра прошла остров Нарген, шведский король приказал возобновить бой, который он рассчитывал кончить до подхода адмирала Чичагова. И как только позволил ветер, шведы, идя тоже правым галсом, спустились на нашу эскадру, которая отступила к востоку, стремясь завлечь шведов в глубину мелководной Кронштадской бухты.

В 5-м часу дня шведы открыли огонь, и скоро между их авангардом и частью русского флота завязалась оживленная перестрелка. Получив много повреждений в рангоуте и парусах, русская эскадра не смогла сохранить линии баталии: ее арьергард сбился в кучу, а шведы оттянули свой арьергард далеко за хвост нашей колонны. Два шведских концевых корабля с четырьмя фрегатами, заметив разрыв русской линии, попытались отрезать наши арьергардные корабли. Но Круз своевременно послал Деннисона с его фрегатами на помощь арьергарду, и маневр шведов не удался.

Во время боя флоты приблизились к южному берегу, при повороте через фордевинд линия русской эскадры значительно расстроилась, и, взяв курс на север, суда оказались в другом порядке. После 8 часов вечера ветер стал стихать, дым заволакивал весь горизонт, и флоты опять разошлись. Русская эскадра, несколько раз поворачивавшая через фордевинд, приближалась к Кронштадту.

Около 8 ч. 30 мин. вечера шведы увидели свой фрегат «Яррамас» с поднятым сигналом, что за ним гонится ревельская эскадра. Но, как мы уже знаем, эскадра Чичагова мирно стояла на якоре, а командир фрегата

принял за русскую эскадру два катера, посланные Чичаговым для ведения ближней разведки.

Командование шведской эскадры испугалось оказаться между двух огней, и корабельный флот начал отступать к западу при тихом переменчивом ветре. Наши эскадры еще не видели друг друга, но Круз, продолжая принятую им в ожидании подхода Чичагова тактику, не упускал из виду неприятеля, сделав во 2-м часу ночи сигнал: «гнаться за неприятелем». Наша эскадра последовала за отступавшими шведами, прибавляя паруса. Туман и безветрие затрудняли преследование, и хотя Круз, получивший ночью известие о приближении Чичагова, действовал решительнее и на рассвете 25 мая поднял новый сигнал «преследовать неприятеля и атаковать его по способности», шведы ушли за остров Сескар. А утром 26 мая обе русские эскадры увидели друг друга. Шведский флот уже отходил за остров Торсары, исполняя приказание короля: «Войти в Выборгскую бухту для прикрытия шхерного флота».

В ходе сражения русская эскадра выпустила 36 тысяч ядер, шведы ответили примерно тем же числом выстрелов. Результат был ничтожный. Ни один шведский корабль даже не был сильно поврежден. О повреждениях русских судов можно судить по донесению Круза адмиралу Чичагову: «На 100-пушечном корабле “Двенадцать Апостолов” были повреждены мачты посередине, пробиты насквозь, в палубе много пробоин и убито служителей 5, от ран умерших 5 и раненых 22 человека.

На корабле “Трех Иерархов” повреждены снасти, сбито орудие, расколоты станки, 36 колес, убито 12, умерло от ран 3, раненых 14.

На корабле “Владимир” пробит такелаж, правая сторона судна – в 7 местах, взорвало 2 пушки, убито от разрыва пушек 5, ранено 29, неприятельскими ядрами убито 2, ранено 5.

На корабле “Св. Николай” сделаны пробоины в разных местах корпуса, такелаже, пушки дали трещины, повреждены, колеса и станки разбиты, убит 1, ранено 2.

На “Иоанне Крестителе” сделаны повреждения в такелаже и парусах, прострелен корабль, убито 5, ранено 16 человек.

На “Всеславе” корпус поврежден в нескольких местах, такелаж перебит, у 4 пушек расколосась дульная часть, убито 1, ранено 3.

На “Пантелеймоне” разорвало пушку, две получили трещины, третья сбита, убито при взрыве 2, ранено 10, неприятелем убито 7, ранено 9.

На “Не тронь меня” – разорвало пушку, проломило палубу, испортилось 2 пушки, сбита пушка, станки повреждены, пробило корпус корабля, течь сильная, убито 1, ранено 2.

На “Иоанне Богослове” сбиты стены, такелаж сломан, корпус пробит в 8 местах, убито 6, ранено 17.

На “Яннуарии” поврежден такелаж, в корпусе 27 ядер, убито 6, ранено 20.

На “Сысое Великом” пробоин 2, такелаж и паруса повреждены, разорвало пушку и палубу, разбило станок, ранено 41 человек.

На “Победославе” сбито орудие, убито 4, ранено 7.

На “Иезекииле” 6 пробоин в корпусе, станок разбило, такелаж разломан, убит 1, умерло от ран 3, ранено 5.

На “Америке” разорвало 2 пушки, испортило палубу, несколько пробоин, убито 10, ранено 26.

На “Св. Петре” поврежден корпус, разбило 2 станка, убито 12, ранено 13.

На “Константине” 6 пробоин, пробита палуба, 10 пушек треснули, разбило станок, убитых 2, ранено 16.

На “Принце Густаве” мачта пробита, пробоины, убито 1, ранено 2. На фрегатах убито 11, ранено 20»^[113].

Как видим, на русских кораблях урон от действий собственных пушек был сопоставим с неприятельским огнем. Общие русские потери около 400 человек, почти столько же выбыло из строя у шведов. Вице-адмирал Сухотин скончался от полученных ран.

Поскольку Красносельское сражение происходило на расстоянии около 50 верст от Петербурга, там был слышан гром канонады. В городе началась паника, усилившаяся после сообщения о бегстве в Кронштадт «Иоанна Богослова». В довершение всего в артиллерийской лаборатории на Выборгской стороне взорвались 500 мортирных бомб. Как писал Гарневский в своих воспоминаниях: «Гром, оными произведенный, публика, почитая за приход в столицу шведов, находилась в чрезвычайном смятении. Вреда было только, что сгорела лаборатория, бывшие там припасы погибли и бомбой один солдат убит, да пропали во многих домах оконные стекла, в том числе и в домах князя Потемкина (Таврич. дворец) разбило оных до двухсот»^[114].

С тактической точки зрения действия вице-адмирала Круза следует считать удачными: будучи слабее неприятеля, он выждал подхода Ревельской эскадры и в то же время не допустил неприятеля в Кронштадт и Петербург, воспользовавшись местностью для прикрытия своих флангов.

Шведская же сторона в этих сражениях допустила ряд крупных ошибок, объяснявшихся отчасти близостью короля Густава III,

приславшего во время боя на флагманский корабль своего адъютанта капитана Смита с бестолковыми распоряжениями. К примеру, непосредственное командование на шведском корабельном флоте было разделено между герцогом Зюдерманландским, перешедшим по настоянию Густава III на один из фрегатов («Улла-Ферзен»), и флигель-лейтенантом Клинтом, оставшимся на флагманском корабле. Тактической ошибкой шведов было также стремление атаковать слабейшего противника непременно всей линией, спускаясь на него корабль на корабль.

Стратегически красногорские сражения были несомненной победой русского флота: операция шведов против Кронштадта не удалась, а герцог Зюдерманландский должен был отступить в Выборгскую губу.

26 мая эскадра герцога Зюдерманландского вошла в узкость при входе в Выборгскую губу и встала на якорь в линию между мысом Крюсерорт и северной оконечностью острова Пейсари.

Многие шведские корабли имели сильные повреждения, боеприпасы были на исходе, команды утомлены и т. п., поэтому Чичагов имел все шансы добить герцога Зюдерманландского.

В оправдание того, что он сам не атаковал уходивших от Круза шведов, Чичагов ссылался на «случившийся туман», мешавший ему видеть неприятеля. Опровергая эту причину, Круз в донесении Екатерине II писал: «...принужден признаться, что уход неприятеля не только весьма чувствителен для меня, но и для всех моих храбрых подчиненных, так как, по дошедшим до меня известиям, шведы находились в чрезмерном унынии и опасались несказанного этого дву-огненного положения, от которого, надо думать, один только туман мог избавить неприятеля, без успеха со мной сражавшегося».

Увы, у Чичаговых была наследственная боязнь решительных действий. Они всегда что-то упустили и пропустили. Это служило темой многочисленных эпиграмм.

Вдруг слышен шум у входа,
Березинский герой
Кричит толпе народа:
«Раздвиньтесь предо мной!»
«Пропустимте его, – тут каждый повторяет. —
Держать его грешно бы нам.
Мы знаем, он других и сам
Охотно пропускает»^[115].

Правда, эпиграмма эта относится к Чичагову-младшему, то есть к Павлу Васильевичу, который тогда командовал кораблем «Ростислав», а позже упустил Наполеона на Березине. Однако эпиграмма равно может быть применена и к Чичагову-старшему, упустившему герцога Зюдерманландского.

Итак, русский флот блокировал шведов в Выборгской губе. К 8 июня у Выборга сосредоточился русский корабельный флот в составе 27 кораблей, 5 фрегатов, 8 гребных фрегатов, двух больших кораблей и 10 мелких судов. (Корабли: «Победослав», «Ярослав», «Иануарий», «Принц Карл», «Всеслав», «Св. Петр», «Принц Густав», «Не тронь меня», «Пантелеймон», «Ростислав», «Саратов», «Чесма», «Двенадцать Апостолов», «Три Иерарха», «Князь Владимир», «Св. Николай», «Иезекииль», «Царь Константин», «Максим Исповедник», «Кир Иоанн», «Мстислав», «Св. Елена», «Болеслав», «Победоносец», «Проход», «Изяслав», «Святослав». Фрегаты: «Венус», «Премислав», «Слава», «Надежда Благополучия», «Подражислав». Гребные фрегаты: «Святой Павел», «Екатерина», «Мария», «Павел», «Александр», «Константин», «Николай», «Елена»).

В составе шведского корабельного и гребного флота находились 22 корабля, 10 фрегатов и около 200 шхерных судов с 14-тысячным десантом.

Шведские матросы-дезертиры, перебежавшие в армию Салтыкова, стоявшую у Выборга, доносили, что «флот терпит недостатки в съестных припасах, что количество, даваемое на пять, теперь делится на восемь человек, что недостает также воды, которую было чрезвычайно трудно добывать, и что принуждены пить воду из моря»^[116].

Тем не менее Чичагов и другие русские адмиралы медлили. Июнь ознаменовался лишь небольшими стычками. Так, 24 мая у Выборга сел на камни русский транспорт «Хват», отправленный от эскадры в Кронштадт с больными и ранеными моряками.

13 июня к «Хвату» был послан баркас с 19 матросами. Однако он был перехвачен четырьмя шведскими малыми судами и взят в плен.

Для атаки шведского флота в Выборгской губе русское командование переоборудовало 4 одномачтовых транспортных судна в брандеры. Сделано это было более чем халтурно. 14 июня брандер «Касатка» (бывший транспорт) был сорван с якоря и унесен ветром к шведам. Его командир и команда сели в шлюпку и подожгли брандер. Русский брандер «горел как головешка, выбрасывая маленький красный огонек и много дыму»^[117].

Оказывается, наши «умельцы» наполнили брандер сырыми стружками. Такой брандер сильно дымил, но был абсолютно безопасен для вражеских судов. Шведы захватили «Касатку» и быстро погасили на ней пожар.

21 июня принц Нассау привел из Кронштадта к Выборгу свою флотилию. В ее составе было 3 корабля, 2 фрегата и 108 гребных судов. Вечером 21 июня в проливе Биорке-Зунд (Березовый Зунд) началось ожесточенное сражение между флотилией Нассау и шведскими судами. Впереди нашей флотилии шли плавучие батареи и полушебеки^[118], затем гребные фрегаты, шебеки, канонерские лодки, прамы и бомбардирские корабли. В 21 час шведы открыли огонь. От неприятельского огня, попавшего в кюйт-камеру, взлетела на воздух наша шебека «Слон». На ней погибли 5 человек. В свою очередь, русские потопили две шведские канонерские лодки, а еще две взяли в плен. Сражение закончилось в 3 ч. 30 мин. 22 июня уходом шведов из пролива.

Вечером 21 июня установился северо-восточный ветер. Он дул от берега, то есть благоприятствовал шведам, они ждали этого ветра четыре недели. Густав III приказал флоту готовиться к прорыву. Первым должен был идти корабль «Дристигхетен» под командованием подполковника Юхана аф Пуке. Король обратился к нему в своем обычном высокопарном стиле: «Вы ведете мой флот. Не жалеете свою жизнь и кровь! Я этого не забуду». Подполковник ответил на это: «Я-то, Ваше Величество, пойду, черт меня побери, но не знаю, как это получится у остальных».

Рано утром 22 июня на шведском флоте все пришло в движение. Корабли подняли паруса и стали осторожно продвигаться на север, чтобы затем выйти на фарватер мимо мыса Крюйсерорт. Параллельно им, но ближе к берегу, двинулась шхерная флотилия. Начало движения шведов было неудачно: их северофланговый корабль «Финляндия» минут через 10 после подъема якоря навалился на банку и плотно на ней засел.

С отдачей парусов на шведском флоте Чичагов поднял общий сигнал: «стать на шпринг и приготовиться к бою». Чичагов, видимо, ожидал атаки шведов на наши главные силы и приготовился принять бой на якоре.

Шведские корабли шли с закрепленными парусами и не отвечали на огонь русских. На палубах стояло по несколько офицеров и матросов, вся остальная команда была скрыта в помещениях ниже ватерлинии, где их не могли достать русские ядра. Вообще говоря, такое решение равносильно самоубийству. Брандеры, загруженные, разумеется, не сырой стружкой, а горючими веществами, могли как на учениях сцепиться со шведскими кораблями, благо, на них некому было вести картечный и ружейный огонь по брандерам. Некому было гасить пожары на кораблях, вызванные

брендскугелями. Наконец, русские корабли и гребные суда могли пойти на абордаж, опять же, драться на палубах шведских судов было не с кем. Но Чичагов ничего этого не сделал, не было организовано даже сосредоточенного артиллерийского огня.

В 7 ч. 30 мин. утра голова шведской колонны подошла к отряду Повалишина. Головной 74-пушечный корабль «Дристигхетен» (капитан Пуке) вошел в 200-метровый зазор между двумя русскими кораблями – «Св. Петр» и «Всеслав», да еще ухитрился дать залп в упор по каждому из них.

Как позже писал П. В. Чичагов, за первым шведским кораблем «двигался второй, третий, четвертый и т. д. Несмотря на быстрый огонь при встрече, они, казалось, не потеряли снастей в этом проходе. Между тем, равняясь с нашими, неприятельские корабли посылали залпы за залпами с обоих бортов. Мгновенно вся эскадра контр-адмирала Повалишина оказалась окутанная дымом...

Вскоре на корабле “Не тронь меня” был убит командир капитан Тревенен... Неприятель, осыпaeмый ядрами из 150 орудий, не терпел урона в людях, и даже снасти и мачты оказались неповрежденными. Нам всем казалось это сверхъестественным! Судя по выстрелам, наш огонь был силен, а между тем корабли прорывались. Теперь уже стало ясно, что необычайная удача ободрила неприятеля, и он со всем флотом выйдет из Крюсеротского прохода. Неожиданный оборот дела требовал энергичных действий, но адмирал не мог ни от кого добиться их. Посланные на помощь два корабля из ариергардии так неумело принялись за атаку, что ровно ничего не сделали. Один из них (“Константин”) повернулся кормой к неприятелю и был засыпан анфиладным огнем с одного конца корабля до другого, а затем его потащило на банку Пассаладу. Видя с досадой, что шведы все продвигаются вперед, адмирал дал сигнал всей своей ариергардии рубить якорные канаты, преследовать неприятеля и его атаковать. Вице-адмирал А. В. Мусин-Пушкин, который командовал этой ариергардией, вместо точного исполнения приказа потерял драгоценное время на поднятие якоря и сделался затем совершенно бесполезным.

Впоследствии слышали, как он говорил, что адмиралу было нипочем приказывать отрубать якоря всей эскадры, что он конечно не подумал о стоимости казне каждого якоря с канатом для линейного корабля по крайней мере от 3000 до 4000 рублей»^[119].

В клубах дыма, окутавшего северную часть Выборгской губы, три шведских корабля – «Едвиг-Элизабета-Шарлотта», «Эмхей-тен» и «Луиза-Улрика», два фрегата и шесть мелких судов, оставших от передних судов,

сбились с курса и в 10-м часу выскочили на банки Репие и Пассалода. Наконец, концевой корабль шведской колонны «Энигхетен» по собственной неосторожности сцепился со шведским брандером, который предназначался для отряда Повалишина. Пламя быстро охватило корабль. На нем поднялась суматоха, и он навалился на большой фрегат «Земира». Огонь перекинулся и на фрегат, и скоро оба судна взлетели на воздух.

К 11 часам дня весь шведский флот вышел в море. В кильватер ему, но далеко позади, шел адмирал Чичагов, далеко позади, в режиме «усиленной гребли», шли эскадры принца Нассау и Козлянинова.

Преследование шведов велось более чем бестолково. И Чичагов, и Нассау хотели захватить шведские корабли, надеясь, что на одном из них будет король, а шведскую гребную флотилию полностью игнорировали, хотя она могла легко стать добычей русских. Чтобы не быть голословным, процитирую П. В. Чичагова, который всеми силами пытался выгородить отца, но не мог в начале XIX века врать так нагло, как это стали делать через 100–200 лет наши историки.

«Капитан Кроун [на фрегате «Венус». – *А.Ш.*] приблизился к передовой неприятельской галере и открыл огонь. Она, не отвечая ни единым выстрелом, тотчас спустила свой и подняла русский флаг. Кроун тогда поворотил фрегат “Венус” для встречи следующих галер и других судов и продолжал стрелять. Все они без всякого сопротивления, одни за другими спускали флаги и признавали себя пленными. Таким образом, вскоре весь длинный ряд передовых неприятельских судов имел русские флаги. Но когда Кроун удалился с “Венусом” от них настолько, что не мог уже достать галеры выстрелами, они, снова спуская русские флаги, стали поднимать шведские и с помощью гребли направили путь свой к шхерам. Капитан Кроун, заметя это, усилил стрельбу по тем, которые против него находились, и хотя они также поднимали русские флаги, но он, несмотря на то, поражал их картечью. Тогда шведы бросили якоря, начали ломать реи, рвали паруса, чтобы уверить его, что без всякого обмана отдаются в плен и не хотят, подобно передовым своим товарищам, помышлять о побеге. Этим способом было остановлено еще множество судов. Между тем подошли другие наши крейсера и тоже набросились на неприятеля. Иные брали к себе людей, другие прицепляли к своей корме по два, по три судна и влекли за собой. Но число судов было так велико, что являлась возможность забрать только малую часть. Наконец, каждый крейсер, переполненный пленными и держа на буксире по несколько судов, поспешал выйти из залива, предполагая, что двигавшаяся сзади гребная наша флотилия не замедлит овладеть всеми оставшимися на месте. Шведский король все

время ездил на шлюпке, и когда пушечным выстрелом у него убило гребца, то он пристал к одной из передних своих галер, к той самой, на которую Кроун и прежде всего напал. Не зная этого и ввиду множества отдающихся в плен судов, а также не имея возможности рассылать шлюпки свои для забрания с них офицеров, капитан Кроун удовольствовался принуждением их поднимать русские или белые флаги. Между тем, когда он удалился от упомянутой галеры, то король переехал на бывшее невдалеке парусное судно и избег плена.

В три часа пополудни адмирал Чичагов, уверенный, что принц Нассау с своей флотилией ничем иным не займется, кроме преследования и забирания судов, к которым корабельный флот не мог приблизиться по мелководью и вследствие подводных камней, отозвал вскоре корабль и фрегаты Кроуна и капитана Лежнева, которые могли быть более полезны против шведского флота...

...Ветер поднялся очень сильный. Оба флота шли на всех имеющихся парусах, и в семь часов мы прибыли на уровень острова Гогланда. Здесь мы увидели, к величайшему нашему удивлению, что вместо того, чтобы воспользоваться благоприятствующими обстоятельствами и, приблизившись к берегу, спуститься на шведскую флотилию, которая находилась в наибольшем беспорядке и могла быть легко уничтожена, а также чтобы овладеть всеми ее судами, бегущими в замешательстве и не думающими даже о защите, вместо того, говорю я, чтобы воспользоваться этим громадным преимуществом, принц Нассау вышел в море и стал позади острова Гогланда. Побуждаемый неуместным честолюбием, он счел за унижение для своей славы ограничиваться взятием хотя и многочисленной, но побежденной уже и сдающейся без сопротивления флотилии. Принц мечтал быть соучастником в победе над корабельным флотом, не обратил внимания на пленную до половины неприятельскую флотилию и, пройдя мимо ее, направил путь свой в море за адмиралом Чичаговым. Таким образом, шхерные суда эти остались свободными, без всякого преследования. Флотилия вице-адмирала Козлянинова бездействовала, и шведы, увидев себя никем не обереженными, стали поднимать шведские флаги, сниматься с якоря и уходить в шхеры. Если бы вице-адмирал Козлянинов, наблюдавший за прорывом шведского флота, поспешил выйти, то нашел бы всю неприятельскую флотилию в выясненном положении, т. е. разгромленную уже нашими крейсерами и оставленную принцем Нассау. Он мог бы отрезать ее от шхер и велеть ей идти в Кронштадт.

Видя безумные действия принца Нассау и уверенный, что он все-таки

еще успеет к неприятельской флотилии, если тотчас вернется, адмирал Чичагов еще в пятом часу послал к нему катер с уведомлением, что им не оставлено фрегатов для овладения ею и с просьбой немедленно идти к ней. Принц Нассау-Зиген отправил катер, говоря, что его назначение не состоит в том, чтобы собирать обломки большого флота, что он сам сумеет дать сражение этой флотилии в свою пользу и ее уничтожит. Между тем, через это безумное фанфаронство он упустил неприятеля и подвергал опасности собственную флотилию, заставляя ее плавать в открытом море во время бури и рискуя потерять все свои суда. Тогда был упущен наилучший случай нанести решительный удар неприятелю...

...В третьем часу поднялся сильный ветер, наша флотилия начала страдать от волнения, а шведская, далеко ушедшая, скрылась из виду»^[120].

Таким образом, выборгский прорыв, хотя и стоил шведам очень дорого, все же явился для русских стратегическим поражением. Чичагов упустил случай одним ударом окончить войну.

В Выборгском сражении русскими были захвачены шведские корабли «Омгетен» (64 пушки), «Финляндия» (60 пушек), «София-Магдалена» и «Ретвизан»; фрегаты «Упланд» и «Ярославец» (бывший русский); большие галеры «Эткеблас», «Пальм-Шерна», «Нордстен-Норден», «Остерн-Гогланд» и «Далларна», а также 57 малых боевых и транспортных судов. В плен взято 4588 шведов.

В бою погибли шведские корабли «Едвиг-Элизабета-Шарлотта» (64 пушки), «Ловиза-Ульрика» (74 пушки), «Эмхейтен» (64 пушки), сгорел фрегат «Земфира». На одной из галер был взят даже завтрак короля Густава III, состоявший из копченого гуся и двух штофов водки. У русских же было убито 147 человек и ранено 164 человека.

Согласно рассказу младшего Чичагова, контр-адмирал Лилиенфельд, сдавшийся на корабле «София-Магдалена», отдав свою шпагу, спросил капитана Биллау: «Видели ли Вы державшееся близ меня небольшое парусное судно, которое при Вашем приближении ко мне пустилось в шхеры?» Этим он намекнул, что на парусном судне находился король, вторично избежавший плена из-за бездарного русского командования.

С донесением о сражении Василий Яковлевич Чичагов отправил своего сына Павла. Екатерина пожаловала адмиралу В. Я. Чичагову орден Св. Георгия 1-й степени, шпагу с алмазами, а также две тысячи душ с деревнями в Могилевском наместничестве. Замечу, что В. Я. Чичагов так до 1917 г. и остался единственным моряком, награжденным высшей степенью ордена Св. Георгия. Чичагов-сын получил чин капитана 1-го ранга, золотую шпагу и тысячу червонцев. Контр-адмирал

И. А. Повалишин был произведен в вице-адмиралы и награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, контр-адмирал П. И. Ханыков получил орден Св. Георгия 3-й степени, а капитан 2-го ранга Р. В. Кроун был произведен в капитаны 1-го ранга.

В заключение стоит сказать пару слов о работе в 1992–1996 гг. подводного археологического общества «Память Балтики» на месте Выборгского сражения. В бухте Дальняя найден развалившийся корпус шведского фрегата-брандера; на банке Пааслуото на глубине 15 м найден корпус самого крупного шведского 74-пушечного корабля «Ловиза-Ульрика». С него был поднят пушечный станок. На банке Репия участники экспедиции обследовали лежащий на глубине 35 м шведский 62-пушечный корабль «Едвиг-Элизабета-Шарлотта». Найдены носовая фигура и пушка со станком. В 1999 г. это орудие подняли с корабля. Это оказалась 24-фунтовая чугунная пушка весом 3,5 тонны с деревянным дубовым станком длиной 2 м и толщиной всех дубовых деталей 20 см, причем левая щека станка была пробита ядром с русского корабля. На цапфах пушки исследователи обнаружили клеймо завода-изготовителя и дату изготовления – 1732 год.

Следует заметить, что эти два деревянных корабельных станка – единственные дошедшие до нас деревянные корабельные станки XVIII века.

Огромные якоря, эта единственная пушка и груды досок – вот и все, что увидели спустившиеся на дно аквалангисты. Корпус «Едвиги-Элизабеты-Шарлотты», пострадавший от сильного удара, много лет разбивала волна, пока он сползал с отмели на безопасную глубину.

Участники экспедиции обнаружили корпус еще одного шведского корабля – 64-пушечного «Эмхейтена», взорвавшегося от столкновения со шведским брандером, а также остатки фрегатов «Земире», «Уппланд» и брига «Драгун».

Наиболее интересные экспонаты со шведских кораблей – якоря, пушки, отдельные элементы конструкции – составили экспозицию первого в России музея морской археологии. Музей этот находится на территории Выборгского замка.

Глава 8. Второе Роченсальмское сражение

Принц Нассау-Зиген после успешного преследования шведских судов, имевших ход лучше наших, сосредоточил свои силы у Фридрихсгама, поблизости от которого на большом Роченсальмском рейде находился гребной флот шведов.

Шведские суда расположены были в крепкой позиции южнее большого рейда. Между большими судами стояли галеры и канонерские лодки, на флангах за островами – бомбардирские суда, а на островах построены батареи. По обоим флангам тянулись длинные линии канонерских лодок и иол. Северный проход, так же как и в прошлом году, был завален, и транспорты, охраняемые двадцатью судами, стояли на малом рейде. Общее число шведских военных судов, не считая транспортов, доходило до 300. У нас же было чуть больше 150.

Жаждавший победы, отважный и нетерпеливый принц Нассау 28 июня двинулся к неприятелю, несмотря на неблагоприятный для наших судов сильно свежающий ветер. Сражение началось в десятом часу утра. На нашем левом фланге, или в авангарде, находился Слизов с канонерскими лодками, кайками и батареями, поставленными на шпрингах на небольшом расстоянии от неприятеля. Галеры и другие гребные суда держались на веслах. В разгар боя, когда наши парусные суда стали подходить в первую линию, в интервалы между судами гребного флота, несколько канонерских лодок отряда Слизова из-за сильного утомления гребцов были брошены на линию галер, которые смешались в беспорядке с парусными судами. Шведские канонерские лодки воспользовались этим и, приблизившись к столпившимся судам, открыли по ним сильный огонь, нанеся большие повреждения нашим судам.

Однако интенсивный огонь русских плавучих батарей исправил положение – суда стали занимать свои места, и сражение с новой силой загорелось по всей линии. Но засвежевший ветер и увеличившееся волнение препятствовали правильному движению наших судов, качка мешала верному прицелу орудий, а выбившиеся из сил гребцы падали от изнеможения. А шведы из-за островов обстреливали наши суда, нанося им большие повреждения. Густав III, разъезжая на лодке между судами, воодушевлял шведов своим примером. После пятичасового упорного боя, когда часть неприятельских гребных судов отправилась в обход нашей флотилии, наши канонерские лодки начали поспешно отступать к югу и

выходить из-под выстрелов. Некоторые из наших галер, получив подводные пробоины, стали тонуть, а сильный ветер срывал суда с якорей и бросал на прибрежные камни.

Участник сражения швед Георг Поллет позже описывал поразившую его гибель русского шхерного фрегата «Св. Николай», которым командовал 23-летний англичанин Маршалл, лишь за год до сражения принятый на русскую службу. «Маршалл оказался слишком горд для того, чтобы спустить флаг перед такими маленькими судами. Он решил умереть, и когда сообщил об этом, весь его экипаж из 440 человек в едином порыве закричал, что последует за ним. Тогда Маршалл поднялся на носовую надстройку с флагом в руке и ушел под воду на наших глазах вместе со своим кораблем. Из всего экипажа удалось спасти лишь пятерых». По рассказам спасшихся моряков, поднявшись на носовую надстройку с флагом, Маршалл крикнул команде: «Мне не пришлось подать вам пример, как должно побеждать, так я покажу, как следует погибать!»^[121]

В восьмом часу вечера Нассау-Зиген, прекращая бой, приказал жечь те из парусных судов, которые не было возможности спасти. Русские потеряли в этом сражении 52 судна и более 7 тысяч человек выбывшими из строя. Среди потерянных судов были полупрамы «Барс» (26 пушек) и «Леопард» (28 пушек); три бомбардирских катера; 8-пушечные плавбатареи № 1 и № 2; шебеки «Минерва», «Беллона», «Прозеркина» и «Диана»; полушебеки «Лев», «Медведь», «Орел», «Дракон», «Кит», «Олень», «Тигр», «Барс», «Рысь» и «Волк»; галеры «Безделка», «Петербург», «Хитрая», «Сорока», «Ворона», «Пустельга», «Стерлядь», «Тихвин», «Устюжина», «Орел», «Кулик», «Нарва», «Соммерс», «Тютерс», «Сескар Пет»; десять каек, четыре дубель-шлюпки, шесть канонерских лодок и т. д.

Шведы потеряли 6 потопленных гребных судов и около 300 человек убитыми.

Большинство судов, потерянных русскими, было захвачено шведами, причем точное число их и дальнейшая судьба нашими историками не установлены.

Находившийся при Нассау генерал-майор Турчанинов о деле 28 июня писал: «Причина поражения – беспредельное рвение принца Нассау найти и разбить неприятеля и опрометчивость его в равном градусе с помянутым рвением; все сие не допустило его сперва исследовать подробно отысканного неприятеля в его силах и положении и потом приуготовить канонерские лодки с такой благонадежностью, чтобы быть уверена в пользе употребления оных».

Принц Нассау принес повинную императрице, вернул свои награды, полученные в России, и попросил назначить над ним суд. Екатерина как могла утешала принца, вернула награды и даже не отстранила от командования.

Наш гребной флот, отступивший к Фридрихсгаму, был пополнен построенными в Петербурге канонерскими лодками и судами гребного флота, находившимися в Выборге. Отряды же корабельного флота блокировали Свеаборг. Приготовления к новому нападению на шведов, находившихся на Роченсальмском рейде, было остановлено начавшимися переговорами о мире.

В заключение рассказа о Роченсальмском сражении стоит упомянуть о находках подводных археологов.

В 1948 г. финские гидрографы во время работ по углублению фарватера, ведущего к порту Котка, на 15-метровой глубине обнаружили останки гребного фрегата «Св. Николай». 40-метровый корпус судна хорошо сохранился. Судно стояло на дне, накренившись на правый борт – так, как оно уходило под воду полтора века назад. В 1940-х гг. морской археологии в Финляндии еще не существовало, поэтому корпус «Св. Николая» обследовался с энтузиазмом и грубостью дилетантов. Водолазы, чтобы добраться до пушек, разрушили палубу, нарушив этим крепость всего корпуса. Были поломаны и палубные надстройки, с которых водолазы отрывали заинтересовавшие их элементы конструкции.

Все найденные на фрегат 26 пушек стояли на левом борту, а порты правого борта были пусты. Дело в том, что в 1795–1796 гг. русские моряки попытались поднять «Св. Николай». Для начала его решили поставить на ровный киль, и для этого подняли пушки правого борта. Почему подъем не был завершен – неизвестно.

В 50-е гг. XX века финны попытались приподнять «Св. Николай» и передвинуть его с фарватера, но все усилия были напрасны – останкам фрегата лишь нанесли новые повреждения.

Затем еще много лет шло бесконтрольное разграбление затонувшего фрегата. Близость к берегу и небольшая глубина превратили его в своеобразную сувенирную лавку, куда мог заглянуть любой желающий в акваланге.

В городе Котка рядом с пристанью было построено летнее кафе «Форт Элизабеты», имитирующее круглый пушечный форт. Между столиками кафе поставили на собственных станках 7 пушек, поднятых со «Св. Николая».

Возле «Св. Николая» водолазы обнаружили деревянную женскую

фигуру, которую долгое время считали носовым украшением фрегата. И лишь недавно специалисты, подробнее рассмотрев украшение, поврежденное временем и неудачной консервацией, стали склоняться к мысли, что это – память о совсем другом судне, сражавшемся рядом со «Св. Николаем». Скорее всего, носовая фигура изображала богиню Диану и была сбита пушечным ядром с одноименной русской шебеки, захваченной шведами.

Глава 9. Верельский мирный договор

По русской поговорке «нет худа без добра» победа шведов во втором Роченсальмском сражении дала возможность Густаву III сохранить престиж и благополучно выйти из не сулившей никаких лавров войны. И уже 20 июля 1790 г. состоялась первая встреча шведского и русского уполномоченных. Россию представлял генерал-поручик, генерал-губернатор симбирский и уфимский барон Отто Генрих Игельстрём, а Швецию – генерал-майор, обер-камерюнкер, генерал-адъютант короля барон Густав Мориц Армфельдт, член Шведской академии наук.

Густав III хотел получить часть русских земель в Финляндии, а также потребовать от Екатерины заключить мир с Турцией. По обоим пунктам Екатерина дала категорический отказ.

3 (14) августа 1790 г. в мызе Вереля (Вяряля) в районе современного города Коуволла был подписан мирный договор между Шведским королевством и Российской империей. Договор был признан бессрчным. Основными условиями договора были:

1. Восстановление «вечного мира», подтверждение незыблемости постановлений Ништадского и Абоского мирных договоров.
2. Сохранение статус-кво и неизменности прежних границ.
3. Взаимное освобождение пленных.
4. Установление правил взаимного салютования флотов на Балтийском море и в собственных портах.
5. Подтверждение разрешения российского правительства о беспощинных закупках Швецией в русских балтийских портах хлеба (зерна, муки) на 50 тыс. руб. и пеньки на 200 тыс. руб. ежегодно.

Фактически Верельский мирный договор сохранял статус-кво в отношениях между странами. Но Екатерина II была рада покончить с этой несвоевременной для России глупой войной. «Одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим и другую, то пропоем Аллилуйя», – писала она 9 августа 1790 г. Потемкину в Турецкую армию. Потемкин ответил, что стал спать спокойно с тех пор, как узнал о мире со Швецией. Императрица писала ему: «Ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире со шведами. На сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от самого 1784 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно меру; я же гораздо веселее

становлюсь».

Фуфлыга-Густав быстро сменил тон, и уже 6 августа 1790 г. Екатерина получила от него письмо, где он просил «по связи крови возратить ему amitié, забыть сию войну как быстро пронесшуюся грозу». Фуфлыге были срочно нужны деньги от «сестры».

Единственное, чего добился Густав, так это полного невмешательства русских дипломатов в отношения короля и оппозиции. Казалось, что еще надо? Царствуй спокойно, пиши пьесы, устраивай спектакли и маскарады. Но Фуфлыга не унимался – сразу после окончания войны с Россией он начал подготовку к войне с Данией и... Францией. Ну, с Данией все ясно, он хотел оттяпать Норвегию, о чем мечтали все шведские короли. Но как Фуфлыга собирался разгромить революционную Францию и восстановить на троне Людовика XVI – можно только гадать. Во всяком случае, под святое дело реставрации Бурбонов он в октябре 1791 г. сумел «стрельнуть» у Екатерины довольно приличную сумму.

Но шведам столь ретивый король уже изрядно надоел. 16 марта Фуфлыга был застрелен из пистолета в стокгольмской опере, где он плясал в маскарадном наряде. Новым королем стал его сын Густав Адольф (1778–1837). Но в момент смерти отца Густаву IV было всего 13 лет, поэтому до 1796 г. страной правил его дядя, хорошо знакомый нам Карл Зюдерманландский.

Мудрая Екатерина понимала, что Россия не могла одновременно решать две стратегические задачи – обеспечить безопасность «южного подбрюшья России» и Санкт-Петербурга. Но нападение шведов в 1788 г. еще раз подтвердило уязвимость Петербурга с севера. Особо опасным был «шхерный путь» от Петербурга к Стокгольму. Забегая вперед, скажу, что даже в 1939–1940 гг. и в 1941–1944 гг. наш Балтийский флот, несмотря на большое превосходство в силах над противником, не смог прервать сообщения на этой шхерной коммуникации.

Решить проблему безопасности Санкт-Петербурга сумел только внук Екатерины II в ходе последней русско-шведской войны 1808–1809 гг.

**Раздел IV. Русско-турецкая война 1787–
1791 гг.**

Глава 1. Боевые действия в Лимане

Боевые действия в Днепро-Бугском лимане (далее просто в Лимане) начались еще до официального объявления войны. 19 июля 1787 г. у Кинбурнской косы в Лимане стояли в дозоре фрегат «Скорый»^[122] и бот «Битюг»^[123]. Стоявшие у восточной стороны турецкой крепости Очаков 10 двухмачтовых турецких судов и один бомбардирский корабль рано утром снялись с якоря и подошли к «Скорому» и «Битюгу». Но, поскольку война не была объявлена, два дня русские и турецкие суда стояли в полной боевой готовности, но огня не открывали.

Далее я процитирую донесение контр-адмирала Николая Семеновича Мардвинова Потемкину: «21 числа в 3 часа пополудни, как скоро лежащий в линии неприятель из пушек и мортир учинил пальбу по нашим судам, то с оных на сие ответствовано было ядрами и брандскугелями. Началось сражение, в котором с обеих сторон производился непрерывный огонь до 6 часов, тогда фрегат “Скорый”, по наступающему ночному времени, имея расстрелянную форстенгу и некоторые повреждения в такелаже, отрубил якоря и лег под паруса, чтобы выйти из узкого прохода в Лиман; ему последовал и бот “Битюг”; когда суда наши приблизились к Очакову, то крепостные батареи начали по ним действовать, а между тем суда неприятельские, снявшись с якоря, учинили погоню; фрегат и бот, допуская оные на ружейный выстрел, дали залп из ружей и пушек, чем, повредив многие суда, принудили их отступить. При сем сражении на фрегате убито 3 человека матрос и 1 ранен; выстрелов против неприятеля сделано 587. Ядра, вынутые из фрегата, весом 26– и 30-фунтовые».

Турецкое командование считало, что без захвата Кинбурна невозможно продвижение к Глубокой Пристани и Херсону. Крепость находилась напротив турецкой крепости Очаков на длинной косе, в двух верстах от ее начала. Берег Днепра от Кинбурна до Херсона был защищен пятью редутами, двумя ретраншементами и крепостью у Глубокой Пристани.

В Кинбурнской крепости имелось 19 медных и 300 чугунных орудий. Однако огневая мощь крепости была невысока, так как орудия распределялись по всему периметру крепостных укреплений. Калибр большинства орудий был мал, к тому же значительная часть их была неисправна.

12 сентября 11 канонерских шлюпок и бомбардирский корабль отделились от турецкого флота, стоящего под Очаковым, и, подойдя к

Кинбурнской косе, открыли огонь по береговым укреплениям, в результате чего было повреждено несколько строений, убито 5 и ранено 10 человек.

Ответным огнем крепостной артиллерии несколько турецких судов получили повреждения, и противник был вынужден отойти.

15 сентября 38 неприятельских судов приблизились к Кинбурну со стороны Очакова и начали обстрел крепости. Два русских фрегата и четыре галеры под командованием капитана 2-го ранга Обольянинова стояли недалеко в Лимане и спокойно наблюдали за баталией. Тогда капитан галеры «Десна»^[124] Джулиано Ломбард (уроженец Мальты) по собственной инициативе атаковал противника.

Он вынудил противника отойти к Очакову. За этим боем с берега наблюдал Суворов, который позднее писал князю Потемкину: «... атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей два часа с половиной и по учинению варварскому флоту знатного вреда сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами».

Однако командующему Черноморским флотом и портами контр-адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову смелость Ломбарда показалась «вредным примером ослушания и недисциплинированности». В сообщении к Потемкину он писал: «Хотя он поступил против неприятеля с величайшей храбростью, но как он ушел ночью без всякаго повеления, то я за долг почитаю его арестовать и отдать под военный суд». Но Потемкин, в отличие от Мордвинова всегда ценивший инициативу и храбрость, тотчас ответил Мордвинову: «Я прощаю вину офицера. Оправдав хорошо свой поступок, уже должен быть награжден. Объяви, мой друг, ему чин, какой заблагоразсудишь».

Мордвинов же не спешил с производством Ломбарда, и только после вмешательства Суворова герой получил чин лейтенанта, причем произведен он был самим Потемкиным. А к контр-адмиралу Мордвинову князь направил следующий ордер: «По засвидетельствованию генерал-аншефа Александра Суворова, уважая оказанную мичманом Жулианом Ломбардом, в сражении с турками, отличную храбрость, произвел я оногo, сего месяца 20 дня [сентября. – А.Ш.], в лейтенанты. О чем дав вам знать, предписываю сим чином в Черноморский флот его причислить». А после за этот подвиг Ломбард был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Турецкие нападения 12 и 15 сентября были разведкой боем, а захват Кинбурна был намечен турками на 1 октября. К этому времени у Очакова находилось три 60-пушечных корабля, четыре 34-пушечный фрегата,

четыре бомбардирских судна, 14 канонерских лодок^[125], вооруженных одной-двумя пушками, и 23 транспортных судна. Всего на кораблях турок имелось около 400 орудий.

Суворов в районе Кинбурна имел 4 тысячи человек при 28 полковых и 10 полевых орудиях, не считая крепостной артиллерии Кинбурна.

Рано утром 1 октября турецкая эскадра под прикрытием артиллерийского огня начала высадку двух десантов. Основной десант численностью 5300 человек был высажен на оконечности косы в двух верстах от крепости Кинбурн, а вспомогательный – в глубине Лимана у деревни Биенка в 15–20 верстах от Кинбурна. Суворов приказал не мешать высадке турок у Кинбурна: «Пусть все вылезут». А сам пошел к обедне в гарнизонную церковь. Турки спокойно высадились на косе и принялись рыть окопы. К середине дня коса шириной в среднем 100–120 метров была поперек перекопана пятнадцатью траншеями. Турецкая же эскадра выстроилась в линию вдоль всей косы.

К трем часам пополудни турки подошли к крепости на дистанцию менее версты. В этот момент Суворов вывел из крепости 1500 солдат Орловского и Шлиссельбургского полков. В ходе непродолжительного боя турки были выбиты из десяти траншей. Однако фланговый огонь турецких кораблей нанес тяжелые потери русским. Сам Суворов был ранен картечью. Русские были вынуждены отступить к крепости.

В этот момент турецкие суда были атакованы галерой «Десна», единственным русским судном, бывшим в районе Кинбурна. Артиллерийским огнем «Десны» и крепостных орудий было потоплено два турецких гребных судна.

Суворов получил подкрепление и, несмотря на рану, вновь повел солдат в атаку. Казаки в конном строю двинулись вдоль косы по мелководью Черного моря и ударили в тыл туркам. Тем не менее турки упорно сопротивлялись, понимая, что отступать им некуда. Под Суворовым была убита одна и ранена другая лошадь, но он оставался в гуще боя. Русские полковые пушки почти в упор били врага картечью. В реляции Суворова особенно отмечалось действие полковой артиллерии Шлиссельбургского полка под командованием капитана Михаила Борисова – «турок картечами нещетно перестреляно». «Ротмистр Шуханов с легкоконными вел свои атаки по кучам неприятельских трупов...» К ночи турки были окончательно разбиты. Около 600 человек из них удалось снять гребным судам и переправить в Очаков. Еще несколько сот спрятались ночью в камышах на оконечности косы – с ними утром покончили казаки.

В сражении на косе русские потеряли убитыми двух офицеров и 136

нижних чинов, ранены 17 офицеров и 300 нижних чинов.

Среди убитых янычар были найдены два переодетых француза. По этому случаю Екатерина написала Потемкину: «Буде из французов попадет кто в полон, то прошу отправить к Кашкину в Сибирь в северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставить турков».

После сражения на самой оконечности косы по указу Суворова возвели две береговые батареи на 13 и 6 орудий. Они нанесли тяжелый урон туркам 17 июня 1788 г.

Решительность действий Суворова резко контрастировала с пассивностью адмирала Мордвинова, командовавшего Лиманской флотилией. По огневой мощи его флотилия была того же порядка, что и турецкая Очаковская эскадра. Но адмирал отчаянно трусил, несмотря на многочисленные понукания Потемкина. В конце концов Мордвинов решился в ночь с 3 на 4 октября атаковать турок... одной плавбатареей и двумя галерами. В итоге утром 4 октября плавбатарея № 2 под командой капитана 2-го ранга Веревкина оказалась окруженной турецкой эскадрой. Плавбатарея храбро отбивалась от неприятеля, но тут ее подвела собственная артиллерия. На левом борту одна за другой разорвались две пушки, убив и ранив около 30 человек прислуги. Позже Веревкин с горечью напишет о качестве своих орудий: «Что же принадлежит до артиллерии, то я удивляюсь, коим образом она принята с заводов, и кажется, что она без пробы принята, в рассуждении, что при разрыве пушки оказался чугун как с грязью дресва; что же принадлежит до единорогов, которыми я оборонялся... только стволы короткие, так что при каждом выстреле единорог опрокидывался через задние колеса...»

Тем не менее плавбатарея прошла вдоль линии турецких кораблей и вышла из Лимана в Черное море. Два турецких фрегата и четыре галеры устремились в погоню за тихоходной и неповоротливой плавбатареей. После нового боя плавбатарея была вынуждена выброситься на берег, где была захвачена турецкой конницей.

5 октября Мордвинов атаковал турецкую эскадру уже восемью судами. После артиллерийской дуэли, не принесшей потерь ни одной стороне, турецкая эскадра отошла от Очакова. Судя по всему, турки испугались атаки фрегатов и ушли в Черное море верст на 15 от входа в Лиман. В середине же октября турецкая эскадра ушла зимовать в Константинополь. На этом кампания 1787 г. в Лимане была закончена.

Оценивая кампанию 1787 г. в целом, можно без преувеличения сказать, что обе стороны вели боевые действия равно бестолково, и вспомнить фразу Фридриха II о драке кривых со слепыми. Единственным светлым

пятном стала победа Суворова у Кинбурна. Но, увы, это был лишь тактический успех.

Глава 2. «Бог бьет, а не турки»

К началу войны русский флот на Черном море состоял из 5 кораблей, 19 фрегатов, бомбардирского корабля и нескольких десятков мелких судов. Флот был разделен на две приблизительно равные части – Севастопольскую эскадру и Лиманскую флотилию. Кроме того, несколько малых судов стояло в Таганроге и Керчи. Севастопольская эскадра должна была защищать Крым, а Лиманская флотилия – Херсон.

Первую ощутимую потерю Севастопольская эскадра понесла еще до начала войны. 24 сентября 1786 г. 66-пушечный корабль «Александр», вышедший в свое первое плавание из Херсона в Севастополь, из-за навигационной ошибки налетел на камни у мыса Тарханкут и был разбит волнами. Экипажу удалось полностью спастись.

Таким образом, к началу войны в составе Севастопольской эскадры оказалось всего три 66-пушечных корабля, четырнадцать фрегатов и бомбардирский корабль «Страшный» (две 5-пудовые мортиры, две 3-пудовые гаубицы и десять 8-фунтовых пушек). Фрегаты были разнотипными. В целом их можно разделить на три группы: новопостроенные (плоскодонные с малой осадкой), например, 40-пушечные «Кинбурн», «Берислав», «Фанагория»; ветераны, заложенные еще в прошлую войну, – «Никита Мученик», «Осторожный», «Крым», «Храбрый», «Поспешный» и другие. Из них большинство вообще не могли выйти в море, а использовались как плавбатареи в Севастополе. Третью группу составляли корабли, переделанные из купеческих судов военных судов других классов.

31 августа 1787 г. Севастопольская эскадра под командованием контр-адмирала Марка Войновича вышла в море. Войнович был категорически против похода, но вынужден подчиниться безапелляционному приказу Потемкина: «Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем нам пропасть!»

Эскадра направилась к Варне, где, по имевшимся сведениям, находилась турецкая эскадра. 9 сентября у мыса Калиакрия эскадру встретил жестокий шторм, длившийся пять суток. Русские корабли были весьма плохо построены. Так, через несколько часов после начала шторма флагманский корабль «Слава Екатерины» потерял все три мачты и бушприт. Детали набора корпуса выходили из своих гнезд, из раздавленных пазов обшивки бортов и настила палуб выпадала конопатка, и вода

потоками лилась внутрь. Вода в трюме поднялась на три метра и, несмотря на пущенные в ход все помпы, ведра, ушаты, не убывала. Он непрерывного продольного и поперечного движения элементов набора внутри корпусов ломались и разваливались легкие переборки кают и кубриков. Обломки дерева, сорвавшиеся с креплений предметы судового оборудования, бочки с провизией носились от борта к бору, круша все вокруг и травмируя людей. Хаос, царивший внутри корабля, усугубляла темнота, лишь кое-где нарушаемая неверным светом сальных свечей.

На корабле было поставлено «фальшивое вооружение» (парусное), и он едва дошел 21 сентября до Севастополя.

Корабль «Святой Павел», которым командовал Ф. Ф. Ушаков, потерял грот-мачту и бизань-мачту, и его штормом пронесло через все море от Болгарии до Абхазии. Благодаря энергичным действиям Ушакова корабль удалось спасти. Вода была откачена из трюмов. 21 сентября «Св. Павел» вошел в Севастополь с одной фок-мачтой.

Фрегат «Крым» (до 1783 г. – «Десятый»), построенный еще в 1779 г., пропал без вести со всем экипажем.

Но больше всех не повезло 66-пушечному кораблю «Мария Магдалина». На нем были сломаны все мачты, бушприт и поврежден руль. Корабль занесло, а скорее всего, он сам вошел в пролив Босфор и стал подавать туркам сигналы о помощи. Вскоре подошли и турецкие лодки.

Екатерина II, утешая Потемкина, писала 13 октября 1787 г., что де командир корабля капитан 1-го ранга Бенжамин Тиздель^[126] пытался зайти в Варну и бросить там якорь, чтобы спасти людей, но этого сделать не удалось. Тогда он решил выбросить корабль на берег, но пленный турецкий матрос сообщил, что берег в этом месте очень крут и каменист, и спастись никому не удастся. Пленному турку удалось уговорить командира уйти от этого места и войти в течение константинопольского канала. Когда же на рассвете все увидели маяк в его устье, то с гневом набросились на пленного матроса с вопросом: «Куда ты нас привел?». Но было уже поздно. Вскоре корабль был окружен турецкими судами. Тиздель попытался взорвать «Марию Магдалину», но этому воспротивилась команда. На «Магдалине» сдалось 396 человек.

Позже Адмиралтейств-коллегия оправдала Тизделя, но он навсегда покинул русскую службу.

Турки взяли «Марию Магдалину» на буксир и провели по Босфору, вызвав ликование у мусульманского населения Стамбула. «Магдалина» была переименована в «Худа Верды», что означает «Данный Богом». Французскому корабельному мастеру Лероа приказано было в течение

месяца отремонтировать и ввести в строй корабль.

Среди боекомплекта, выгруженного турками, было найдено несколько брандсугелей, неизвестных туркам. Обрадованный ценной находкой визирь приказал изготовить 12 тысяч брандсугелей.

Узнав о буре, разрушившей Севастопольскую эскадру, Потемкин буквально впал в истерику. «Я стал несчастлив, – писал он Екатерине, – флот Севастопольский разбит... корабли и фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки!» Потемкин предлагал сдать Крым туркам, самому уйти в монастырь, а командование армией передать Румянцеву.

Екатерина пристыдила фаворита: «В письмах твоих от 24 ты упоминаешь о том, чтобы вывести войска из полуострова. Если сие исполнишь, то родится вопрос: что же будет и куда девать флот Севастопольский? У Глубокой, чаю, что пристань и прежде признана за неудобною. Я надеюсь, что сие от тебя писано было в первом движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал; и что мысль таковую не исполнишь без необходимой крайности. Я думаю, что всего бы лутче было, если б можно было сделать предприятие на Очаков, либо на Бендер, чтоб оборону, тобою самим признанную за вредную, оборотить в наступление».

Но на всякий случай императрица повелела переименовать флагманский корабль «Слава Екатерины» в «Преображение Господне». Не дай бог, сдаст Войнович его туркам, и вся Европа надорвется от хохота.

Глава 3. Приключения корсаров и запорожцев

С самого начала войны у Потемкина шли конфликты с командующим Лиманской флотилии графом Николаем Семеновичем Мордвиновым. Но сразу вытурить графа с Лимана «светлейшему князю» было не с руки. Граф был сыном известного адмирала Семена Ивановича Мордвинова. В 1774–1777 гг. он проходил стажировку в британском флоте и с тех пор стал англоманом, сторонником либеральных идей, слыл человеком самолюбивым и независимым. В 1783 г. Мордвинов участвовал в экспедиции адмирала Чичагова в Ливорно и там женился на дочери английского консула Генриетте Кобле.

Надо ли говорить, как раздражал Потемкина этот полуангличанин. Григорий Александрович поначалу упек Мордвинова в Херсонское Адмиралтейство, а в 1789 г. вообще отправил в отставку. Командовать же флотилией поручил двум экзотическим иностранцам: принцу Нассау-Зигену и шотландцу Полю Джонсу, принятым в русскую службу в чине контр-адмиралов.

Принц Нассау-Зиген вел свое происхождение от принца Оранского графа Нассау (1533–1584). Он родился в 1743 г., получил образование во Франции и в пятнадцатилетнем возрасте вступил во французскую армию. В 1766–1769 гг. Нассау-Зиген участвовал в кругосветном плавании Л.А. де Бугенвиля. Затем принц едет в экспедицию в Центральную Африку, после чего вновь вступает во французскую армию в чине полковника. В 1779 г. он предпринимает неудачную попытку овладеть британским островом Джерси. В следующем году Нассау-Зиген переходит на службу к испанскому королю и в 1782 г. командует отрядом плавучих батарей при штурме Гибралтара. Операция против Гибралтара кончается неудачей, но Нассау-Зиген получает чин генерал-майора и титул испанского гранда.

Затем Нассау-Зиген прибывает в Польшу и принимает самое активное участие во всех интригах ясновельможных панов. Его цель – польская корона. Но, увы, принц скоро понимает тщетность своих надежд и... женится на самой богатой вдове Речи Посполитой Каролине Сангушко (урожденной Годзенской). Она унаследовала от князя Януша Сангушко, род которого шел от Феодора Ратненского, сына Гедемина, десять поместий в Польше, Белоруссии, Словении и на Украине. Кстати говоря, вдовушка была хороша собой и на 8 лет моложе своего принца.

В связи с приближением Русско-турецкой войны Нассау-Зиген

ударяется в коммерцию и организует сбыт польских товаров по Днепру в Херсон. В 1786 г. он лично отправляется в Херсон, где знакомится с Потемкиным. Светлейший пишет о Нассау императрице. 20 ноября 1786 г. Екатерина отвечает Потемкину: «Странно как тебе князь Нассау понравился, когда он повсюду имеет репутацию сумасброда, а притом известно, что он храбр».

В итоге Нассау-Зиген принимается на русскую службу. В 1787 г. он выполняет какие-то секретные поручения Потемкина в Париже, а весной 1788 г. назначается командующим гребной флотилией.

Спору нет, в России далеко не все радушно встретили Нассау. Довольно хлестко выразился о нем П. В. Чичагов: «В России менее чем где либо понимали, почему его именуют принцем; по крайней мере, в Австрии отказывали ему в чести там называться принцем и, упоминая в разговоре о нем, говорили: “тот господин, который желает быть принцем Нассау-Зигеном, не имея на то права по происхождению”. Отец мой совершенно справедливо называл его “темной личностью”. Это был тип проходимца неизвестной национальности, так как ни одного языка не знал хорошо и ни на одном не писал правильно. Родиной его был весь мир, и он любил на словах ту страну, где ему больше платили. В последнее время он пристрастился к России, так как нигде ему не удавалось столь удачно обманывать людей, как русских, и получать незаслуженные награды»^[127].

20 мая произошел инцидент с дубель-шлюпкой^[128] № 2 под командованием капитана 2-го ранга Сакена^[129], которая шла с донесением от Кинбурна к Глубокой Пристани и была перехвачена турецкими гребными судами.

Вот как описывает дальнейшие события В. Д. Доценко: «Вначале Сакен попытался уклониться от встречи с явно превосходящими силами противника. Но более легкие и быстроходные турецкие галеры^[130] все же догнали дубель-шлюпку. Так как крупные орудия находились в носовой части судна, Сакен резко развернул его и пошел прямо на неприятеля, чем в немалой степени ошеломил преследователей. Турки на время даже остановились и прекратили стрельбу. Сакен же успел спустить гребную шлюпку, которую послал к Нассау-Зигену с сообщением, что живым он не сдастся.

Тем временем две галеры пошли на abordаж, к ним присоединились еще две, завязался рукопашный бой. Исход такого боя можно было предугадать заранее. Понимал это и Сакен. Не теряя ни минуты, с горящим факелом он спустился в кюйт-камеру. Раздался сильный взрыв: вместе с

русской дубель-шлюпкой погибли сразу четыре турецкие галеры. Впоследствии турки не решались сблизиться с русскими судами».

Собственно, версия Доценко представляет собой перепев канонической легенды о Сакене. В Черноморском флоте с 1889 г. по 1907 г. нес службу минный крейсер «Капитан Сакен». В 1907 г. он был обращен в портовое судно «Бомборы», а имя передали новому эскадренному миноносцу.

Однако документы из архива Морского ведомства свидетельствуют совсем о другом.

«21 мая 1788 г. парусная эскадра (корабль “Св. Владимир”, под брейд-вымпелом; фрегаты “Св. Александр”, “Херсон”, “Таганрог”, под ординарными вымпелами; суда “Бористен”, “Пчела”, “Князь Потемкин” и “Малый Александр” и 34 транспортных судна) под командованием капитана бригадирского чина Паниота Павловича Панаиоти, была расположена напротив урочища Широкая (между Пристанью Глубокой и мысом Станиславом). Гребные суда (галеры, плавучие батареи, батарейные барказы, дубель-шлюпки и 25 транспортных судов) под командованием принца Нассау-Зигена, находились у Глубокой Пристани, в двух милях к западу от Широкой. Капитан 2-го ранга Сакен командовал дубель-шлюпкой № 2, состоявшей в гребном флоте.

30 марта 1788 г. он получил предписание от контр-адмирала Мордвинова идти с дубель-шлюпками и барказами (их число не означено в ордере) из Херсона в гребную эскадру и явиться там Его Светлости принцу Нассау-Зигену.

Дубель-шлюпка № 2 была вооружена двумя картаульными единорогами, двумя пушками и пятью 3-фунтовыми фальконетами. Экипаж состоял из командира, двух унтер-офицеров, десяти канониров, сорока матросов и солдат, всего пятидесяти трех человек.

7 мая (как видно из штурманского журнала и донесений принца Нассау-Зигена князю Потемкину) дубель-шлюпка № 2, под командованием капитана 2-го ранга Сакена, по требованию генерал-аншефа Суворова была отправлена для авангарда (следовать впереди главных сил с целью недопущения внезапного нападения на них противника) с Глубокой Гавани к Кинбурну.

Сакен, избранный принцем, как более опытный офицер, получил приказание состоять в распоряжении Суворова.

8 мая в подкрепление Сакену были посланы еще две лодки, под командованием волонтера Гр. Данаса. Каждая из них была вооружена 12-фунтовым единорогом, двумя фальконетами. Их экипаж состоял из егерей.

Получив 18 мая известие, что бывший у Кинбурна неприятельский флот прибыл к Очакову, принц Нассау-Зиген был вынужден отозвать посланные им к Кинбурну суда, так как они могли быть отрезаны неприятелем. Поэтому Сакену был дан ордер возвратиться к эскадре, избегая при этом столкновения с турецкими судами, находившимися в лимане. Точно такой же ордер был отдан и Гр. Данасу.

20 мая обе лодки Гр. Данаса возвратились от Кинбурна. Дубель-шлюпка № 2 капитана Сакена не возвращалась. Между тем, ветер стал усиливаться и в 9 часов вечера подул крепкий юго-западный ветер. В этот вечер прибыла восьмивесельная шлюпка с дубель-шлюпки № 2. Люди, прибывшие на ней, объявили, что в двенадцатом часу пополудни дубель-шлюпка отправилась от Кинбурна. Лишь только она отделилась, как из-под Очакова погнались за ней 30 галер и других мелких неприятельских судов. Капитан Сакен продолжал свой путь под всеми парусами, в надежде уйти. Действительно, часть неприятельских судов отстала; но одиннадцать из них были легче на ходу и продолжали погоню. Невдалеке от устья Буга, когда неприятель стал приближаться, Сакен, принужденный принять меры защиты и ретирады, приказал бывшим на бакштове в элине матросам отойти в сторону и спастись. Уходя от дубель-шлюпки, они прошли так близко от неприятельских судов, что в них стали стрелять из ружей. В это время один матрос был тяжело ранен и на другой день он умер. Отойдя до двух верст по лиману, они заметили, что передовая неприятельская галера абординировала нашу дубель-шлюпку и что другие суда приближались к ней. Вскоре они увидели густой дым и услышали треск, и заключили, что наша дубель-шлюпка с окружившими ее судами взорвана на воздух. Сверх того они показали, что Сакен, будучи настигаем неприятельским судном, хотел повернуть к нему носом и выстрелить из своих орудий, но не мог этого сделать, потому что в это время неприятель сцепился с ним.

Это было 20 мая в субботу, в 6 часов пополудни. В шканечном журнале судна «Бористен» происшествия этого дня записаны под 21-м числом. Эта разница произошла оттого, что прежде, по морскому счислению, следующие сутки начинались с полудня нынешнего гражданского дня. Следовательно, по гражданскому счислению, тогда было 20 мая.

21 мая Алексиано донес князю Потемкину, что накануне, в 6 часов пополудни, видно было “не мало” неприятельских судов, окруживших нашу дубель-шлюпку. Так как происходила сильная пушечная пальба, то он дал сигнал четырем судам идти на помощь дубель-шлюпке.

Из того же рапорта бригадира Алексиано и из шканечного журнала судна “Бористен” видно, что посланные из парусной эскадры четыре судна:

“Бористен”, “Пчела”, “Александр” и “Потемкин”, преследовали турецкий флот, который, войдя в устье Буга, скрылся. Вследствие этого, в 8 часов пополудни с корабля “Св. Владимир” был дан сигнал прекратить погоню, и так как темнота ночи мешала безопасному плаванию, и “Бористен”, ставший на мель, требовал помощи от других кораблей, то в 8.30 остальные три корабля бросили якорь.

Вскоре после того, как был дан сигнал начать погоню, Алексиано донес князю Потемкину, что был виден большой дым, а спустя некоторое время прибыла восьмивесельная шлюпка с дубель-шлюпки. На ней находились девять человек нижних чинов, в том числе один раненый. Алексиано отправил эту шлюпку к принцу Нассау-Зигену.

Принц Нассау-Зиген писал к Потемкину, между прочим, что мачта на дуббель-шлюпке № 2 во время сражения была перебита ядром, и что говорили, будто Сакен, видя невозможность уйти, сам взорвал свою шлюпку, чтобы не сдаваться в плен. Сцепившиеся на abordаж турецкие суда не были взорваны, однако турки не праздновали своей победы. На этом основании принц думает, что они потерпели (поражение).

31 мая принц Нассау-Зиген донес Потемкину, что мачта дубель-шлюпки найдена совершенно целой, но что судно разбилось посреди устья Буга. Впоследствии был снят один единорог, а также были найдены обезображенные тела героев, прибитые волнами к берегу. В журнале же сказано, что только обломки мачты были вынуты и что остатки корпуса видны были в отдалении от левого берега.

Недостаток точных свидетельств есть следствие печальной судьбы дуббель-шлюпки, погибшей со всем экипажем (43 человека). Матросы, посланные командиром искать спасения, могли сообщить о ходе дела только свои догадки. Современники же возвели эти догадки на степень достоверных сведений».

Я не буду комментировать сей документ, а предоставляю делать это читателю.

Теперь подошла очередь рассказать о втором экзотическом иностранце – знаменитом пирате Поле Джонсе. Поль родился в 1747 г. в Шотландии в семье бедняка. Он начал свою морскую карьеру в 13 лет юнгой, в 18 стал первым помощником капитана, а в 21 – капитаном. В 1773 г. в Виргинии умирает его старший брат, оставляя небольшое поместье. 26-летний моряк становится американским плантатором и принимает по условию завещания фамилию Джонс. Но скоро начинается война Североамериканских Штатов за независимость, участвуя в которой, он находит свое истинное призвание. Поль Джонс становится капером или, попросту говоря, пиратом. В декабре

1775 г. Поль Джонс поднимает флаг Североамериканских Штатов над торговым судном – бригом «Альфред».

К этому времени в его эскадре было три судна: бриги «Альфред», «Провиданс» и 18-пушечный шлюп^[131] «Рейнджер», а на счету – 16 захваченных английских и нейтральных судов. Держа свой флаг на шлюпе «Рейнджер», Черный Корсар, как его называли в Европе, прорвал блокаду британских фрегатов и решил искать счастья у берегов Англии. Там к нему присоединились еще три судна.

Франция благосклонно относилась к конгрессу, адмирал получил базу в Дувре. Там он сдавал две трети захваченной добычи представителям конгресса при американском консульстве, набирал новые экипажи в кабаках Дувра и Бреста, вооружал французскими пушками захваченные британские суда и вновь шел на коммуникации противника. Он решил ударить по северным портам, где формировались караваны в Северную Америку.

Выйдя на «Рейнджере» из Бреста 10 апреля 1778 г., Поль Джонс высадился в Уайтгафене в графстве Кумберланд, овладел фортом, заклепал орудия, сжег в порту несколько английских купеческих судов и направился к берегам Шотландии. Там Черный Корсар взял замок графа Селкирка, вынудил английский фрегат «Drake» спустить флаг и отвел его в Брест.

В августе 1779 г. Поль Джонс поучил в командование 40-пушечный корабль Ост-Индийской компании «Дурас» и был поставлен во главе эскадры, в состав которой вошли еще два французских фрегата. 23 сентября отряд встретил караван английских купеческих судов, шедший из Балтийского моря под конвоем 44-пушечного фрегата «Serapis» и 20-пушечного фрегата «Skarborough». Но французы оставили Черного Корсара, и он с одним своим кораблем атаковал английские фрегаты и после ожесточенного боя заставил их сдаться. Бой этот стал примером одиночного боя парусного судна по искусству тактики и настойчивости сражавшихся. По прибытии в Тексель Джонс сдал 600 пленных и богатую добычу.

Затем Черный Корсар напал на Ливерпуль и, несмотря на то, что план его не удался, навел панику на все британское побережье, овладел еще одним английским кораблем и с богатой добычей вернулся в Брест.

Слава о походах Черного Корсара быстро разлетелась по Франции. Его везде встречали восторженными овациями, что вызывало зависть французских моряков.

Людовик XVI, узнав о бое Поля Джонса с двумя английскими фрегатами, пригласил его в Париж, наградил золотой шпагой и орденом за

военные заслуги.

В конце 1779 г., возвращаясь в Америку на фрегате «Ариэль», Джонс по пути заставил сдаться английский фрегат «Триумф». В самом начале боя «Ариэль» получил подводную пробоину, образовалась течь. Узнав об этом, Джонс подошел вплотную к противнику и обратился к команде со словами: «Матросы! Вам осталось сражаться недолго. Если в течение 20 минут вы не возьмете английский корабль, он от нас уйдет, и нам останется только потонуть».

Эти слова пирата воодушевили команду, и через несколько минут «Триумф» был взят на абордаж.

После заключения мира с Англией Поль Джонс поселился в своем доме в Париже. Русский посол Иван Симолин доложил об оставшемся не у дел пирате в Петербург. Императрица лично написала письмо Полю Джонсу с предложением поступить на русскую службу.

Черный Корсар приехал в российскую столицу 23 апреля 1787 г. Екатерина II немедленно удостоила аудиенции шотландского «морского волка», которого ей представил французский посол граф Сегюр. Из рук Екатерины Поль Джонс получил патент на чин контр-адмирала за ее собственноручной подписью, но на имя француза Павла де Жовеса.

13 февраля 1788 г. Екатерина отписал Потемкину: «Друг мой князь Григорий Александрович. В американской войне именитый английский подданный Пауль Жонес, который, служа Американским колониям, с весьма малыми силами сделался самым англичанам страшным, ныне желает войти в мою службу. Я, ни минуты не мешкая, приказала его принять, и велю ему ехать прямо к вам, не теряя времени. Сей человек весьма способен в неприятеле умножить страх и трепет. Его имя, чаю, Вам известно. Когда он к Вам приедет, то Вы сами лучше разберете, таков ли он, как об нем слух повсюду. Спешу тебе о сем сказать, понеже знаю, что тебе небезприятно будет иметь одною мордашкою более на Черном море».

17 марта Потемкин отвечал: «...скудность наша в морских офицерах, то сие есть великая истина, которую я больше всех чувствую. Пример тому, что Ломбард один больше делал всех. Бог видит, что нет человека. Все, что ни было хорошего, то от Ломбарда и некоторых греков. Нассау берется гребными судами предводить. Я сему весьма рад. Тем паче, что он любит Суворова и будет под ним. Для парусных же судов нетерпеливо ожидаю Пауль Жонса».

По прибытии в Лиман Поль Джонс вступил в командование кораблями эскадры. Командовавший ей ранее бригадир Панаиоти Алексиано был страшно обижен и, по словам Потемкина, «чуть было с ума не сошел от

печали». Дошло до того, что Алексиано заявил, что де не хочет быть под командованием «пирата». Риторический вопрос: чем занимались в 1769–1774 гг. в Архипелаге оба командира черноморских корабельных эскадр П. Алексиано и М. Войнович? А теперь Алексиано и ряд корсаров-греков стали строить из себя невинных институток. К грекам присоединились и несколько английских офицеров, служивших в Лиманской эскадре, – Вильсон, Бентом, Фенш и др.

По сему поводу Потемкин писал Екатерине 19 июня 1788 г.: «Что мне стоило хлопот это все устроить. Я послал дежурного бригадира, писал ко многим и ласками и угрозами насилу удержал».

Кстати, дежурным бригадиром, мирившим моряков, был де Рибас. Честь англичан уехала, часть осталась. Остались и все греки, а П. Алексиано пришлось довольствоваться должностью заместителя Поля Джонса и командира корабля «Владимир».

Оказавшись в сложном положении в Лимане, Потемкин вспомнил и о репрессированных запорожцах^[132]. Казаки напомнили ему о себе сами. Запорожцы, ушедшие к туркам, были отличными лоцманами и храбрыми бойцами в Лимане.

Потемкин писал 25 декабря 1787 г. Екатерине: «...я стараюсь переманить от них [турок. – А.Ш.] запорожцев, которые им служат проводниками и без которых бы они не смели соваться. Я собрал до 500 казаков пеших, которые прежде у меня были на Дунае. Они так полезны в устье Днепра, что турецкие разьезды не будут сметь показываться малыми лодками. Сидор Белой у них атаман. Названы они – верное казацкое войско, в оппозицию тем, кои у турков. Просят они меня, чтобы исходатайствовать им землю, а именно в Керченском куту или на Тамани. Сие будет весьма полезно. Они будут преградою от черкесс, и мы через сие избавимся от худых хлебопашцев. Из них уже большая часть женаты, то заведут тамо порядочные селения, много и из Польши к ним пристанет».

Императрица лично знала Сидора Билого. Не дожидаясь ответа Екатерины, Потемкин утвердил Билого кошевым Войска верных казаков, разрешение на формирование которого было подписано 27 февраля 1787 г. В войске насчитывалось 7 тысяч бывших запорожцев, причем половина были под командой Захария Чепиги, составляя казацкую конницу, а над морскими казаками начальствовал генеральный судья Антон Головатый. Казацкий флот в пять десятков чаек получил название Черноморской казацкой флотилии, которая перешла в оперативное подчинение начальника Лиманской гребной флотилии контр-адмирала принца Нассау-Зигена.

Боевое крещение Войско верных казаков приняло в сражении у

Кинбурнской косы 1 октября 1787 г. Победой российского оружия и закончилась эта кампания. В честь этого императрица повелела отчеканить 190 медалей с надписью «Кинбурн 1 октября 1787». Однако по ошибке чиновников Монетного двора было изготовлено всего... 19 медалей, и получивший их Потемкин написал Александру Суворову такой расклад: шесть медалей – пехоте, шесть – коннице, шесть – казакам и одну – артиллеристу, который поджег бомбой турецкий флагман. Солдаты и казаки должны были сами решить, кто из них достоин награды. Кто из казаков Сидора Билого получил медаль за Кинбурн, пока что установить не удалось.

23 апреля 1788 г. из Босфора вышла большая турецкая эскадра. Командовал ей капудан-паша (адмирала) Эски-Гуссейн, прозванный Крокодилом морских битв. В нее входило: 12 кораблей (от 46 до 66 пушек), 13 фрегатов, 2 бомбардирские барки, 2 галеры, 10 бомбардирских шлюпов и канонерских мореходных лодок и 6 брандеров, а также 20 флейтов^[133] с десантом морской пехоты и 20 тысяч солдат, из которых лишь треть составляли турки, остальные были наемниками, завербованными в подвластных Порте территориях (одних греков было около 4 тысяч). На парусных кораблях и судах было несколько сотен английских матросов и офицеров-артиллеристов; советником капудан-паши был британский контр-адмирал.

Эскадра вышла в Черное море с соблюдением строжайшей тайны, но выход ее был раскрыт. 1 мая того же года греческие корсары атаковали и взяли на абордаж два турецких торговых судна. Одно из них увели в Севастополь, и пленные купцы поведали о выходе в море капудан-паши. Севастопольский флот был слаб, и Потемкин приказал привести в боевую готовность Лиманскую гребную и парусную эскадры.

Тем временем капудан-паша продолжал идти к Очакову. Но примерно в 60 милях от Босфора эскадру нагнал поздний весенний шторм и нанес повреждения нескольким кораблям. Эски-паша вынужден был возвратиться обратно. 10 мая эскадра вновь покинула Босфор, а 20 мая 1788 г. бросила якорь в видимости стен Очакова.

Утром 7 июня корабли Поля Джонса и гребные суда Нассау-Зигена атаковали турецкую эскадру. В ходе боя русской артиллерией были уничтожены три турецких судна. Турки отступили, но преследовать их русские не стали. Как писал Нассау-Заген Потемкину: «...к несчастью, ветер был противный и наши корабли не могли ее атаковать, и мы вынуждены были возвратиться, занять свое положение возле парусной эскадры».

Автору сдается, что принц лукавит. Почему это его гребные суда, которых он в письме именуется кораблями, не могли идти против ветра на веслах, да еще по течению? Но Светлейший князь проглотил пилюлю. Все-таки три гребных турецких посудины потопили, и то, как говорится, «хоть шерсти клок». Потери русских в этом бою составили всего 4 убитых и 13 раненых.

Прежде чем перейти к следующему сражению, стоит упомянуть забавную историю о похождениях Поля Джонса в 10-дневной паузе между сражениями. В боевых действиях в Лимане с обеих сторон принимали участие запорожские казаки. Поль Джонс еще в Европе слышал о запорожцах и решил их узнать поближе. Дважды (6 и 15 июня) он посетил стан «верных запорожцев». Во время последнего посещения знаменитый пират был торжественно принят в казаки. Среди запорожцев нашелся казак по имени Иван, сносно владевший французским, он и стал переводчиком.

Сидор Билый преподнес корсару запорожский подарок: шапку со шлыком, кунтуш алого сукна, такие же шаровары, казацкие сапоги, пояс с пистолетами, люльку и дорогую турецкую саблю. Изрядно угостившись горилкой, запорожцы переодели Поля в казацкую одежду; смущало их лишь то, что тот не имел чуба и усов. Потом пошел разговор о делах. Уже ночью пират попросил своего побратима Ивана показать ему мели на лимане. Надев темное платье и взяв с собой квач и смолу в небольшой кадучке, оба сели в лодки и, обмотав уключины мокрыми тряпками, тихо пошли на двух веслах к Очаковской гавани. Турки их не заметили. Иван подгрел вплотную к борту флагмана, подал адмиралу кадучку со смолой и квач, и тот на борту написал: «Сжечь. Поль Джонс». Затем запорожец указал адмиралу мели, на которые следовало заманить турецкие корабли во время отлива. Затем побратимы благополучно прибыли обратно.

Между прочим, Поль Джонс несколько раз появлялся в запорожском костюме на палубе своего флагманского корабля «Святой Владимир». Вид контр-адмирала в шароварах «шириной в Черное море» настолько потряс офицера-англичанина, что тот пустил слух, что безбожный Джонс принял ислам.

16 июня в час пополудни турецкая эскадра решила атаковать корабли русских. Читал ли флагман турецкой эскадры надпись, сделанную на борту его корабля рукой Поля Джонса, история умалчивает. Вероятно, читал с помощью своих британских советников, так как Поль Джонс писал на английском языке. Весьма возможно, что Эски-Гуссейн пришел в ярость, и только потому пошел в лиман впереди всей своей эскадры.

Вскоре флагманский 64-пушечный корабль сел на мель. Турецкие

корабли окружили его. День прошел в перестрелке на больших дистанциях, как обычно, безвредной для обеих сторон. Тем временем баталия началась между двумя знаменитыми адмиралами. Принц Нассау-Зиген хотел атаковать всеми силами севшего на мель флагмана, а Поль Джонс отказывался принять в этом участие, справедливо полагая, что его корабли тоже могут сесть на мель. Сия баталия продолжалась несколько часов и кончилась лишь, когда туркам удалось снять с мели капудан-пашу.

Рано утром 17 июня к флотилии Нассау-Зигена присоединились 22 канонерские лодки с 18-фунтовыми пушками, пришедшие из Кременчуга. Вскоре русские парусные и гребные суда атаковали турецкую эскадру. Турецкому флагману фатально не везло – он опять сел на мель. Но на сей раз он был подожен брандскугелем и сгорел. Между прочим, пират Поль Джонс приказал спустить шлюпки и организовать спасение турок на горящем корабле, за что позже подвергся насмешкам «благороднейшего» принца.

Сражение продолжалось четыре с половиной часа, после чего часть турецких судов отошла к стенам Очакова, а большая часть двинулась к морю. При отходе турки попали под ураганный огонь батарей с Кинбурнской косы.

Всего русскими было уничтожено три 64-пушечных корабля, два 40-пушечных и три 32-пушечных фрегата, одна 30-пушечная шебека и одна 14-пушечная бригантина^[134]. Один 64-пушечный турецкий корабль был взят в плен. Вскоре его отремонтировали в Херсоне. 22 октября 1788 г. он был введен в строй под названием «Леонтий Мученик».

В ходе двухдневного сражения было убито и утонуло около 6 тысяч турок, 1673 турка взято в плен. Наши потери: убитых 2 офицера и 16 нижних чинов, раненых 10 офицеров и 57 нижних чинов.

После сражения двенадцать турецких судов оказались под защитой орудий Очакова. 1 июля флотилия Нассау-Зигена подошла к Очакову и, несмотря на сильный огонь крепостной артиллерии, атаковала турецкие суда. Одиннадцать из них было сожжено или утоплено, а большая 50-весельная галера «Макропля» была взята в плен. На ней нашли одну 36-фунтовую и четыре 12-фунтовых пушки. По приказу Потемкина галеру переделали в Херсоне в 36-пушечный фрегат «Святой Марк». На нем установили два 1-пудовых единорога, двадцать две 12-фунтовые пушки и двенадцать 6- и 8-фунтовых пушек.

В Лиманском сражении участвовало до 50 морских казацких лодок. Верные запорожцы понесли большие потери, не вошедшие в официальные сводки.

Заслуги всех были сравнительно объективно оценены Потемкиным в письме к Екатерине от 15 июня 1788 г.: «Я представляю на апробацию: Принцу Нассау второй класс Егорьевский [крест. – А.Ш.]. Пауль Джонсу – анненскую, то же и Мордвинову – за большие заботы и труды. Алексиану, который здесь старший бригадир, – Контр-Адмирала, чего он весьма достоин.

Командирам батарей и судов, бывших в сражении: подполковникам и капитан-лейтенантам – шпаги золотые, червонных в двести каждую, с надписью: “За мужество, оказанное в сражении 7 июня на лимане Очаковском”. Тоже бригадиру Корсакову и Графу Дама де Рожер. Запорожского Кошевого Сидара Белого – полковником. Походного атамана подполковника и кавалера Исаева^[135] – полковником.

Прочим, коим я могу делать произвождение, дадутся чины. Рядовым и запорожцам – по рублю».

Но в письме от 19 июня у Потемкина проскальзывает недовольство Полем Джонсом: «Капитан-паша, хотевши нас проглотить, пришел с страшными силами, ушел с трудом. Бог видимо помогает. Мы лодками разбили в щепы их флот, и истребили лутчее, а осталась дрянь, с которою он уходит в Варну. Матушка, будьте щедры к Нассау, сколько его трудов и усердия, и к Алексиану, который его сотрудником. А пират наш не совоин».

Чтобы опорочить Поля Джонса, Светлейший пошел даже на подлог. В бою в Лимане было повреждено и затонуло небольшое транспортное судно «Александр», а в Петербург полетело донесение, что Поль Джонс потерял фрегат «Александр».

25 июня 1788 г. Екатерина пишет Потемкину: «Что морские все сбесились от Пауль Жонеса, о том жалею. Дай Боже, чтобы перестали беситься – он нам нужен».

Грека Алексиано императрица произвела в контр-адмиралы, а принца Нассау – в вице-адмиралы.

17 октября 1788 г. Потемкин пишет Екатерине о том, что он послал верных запорожских и донских казаков захватить Хаджибей и Паланку (в районе нынешней Одессы). «Турецкие канонерские лодки, – писал Светлейший, – стоявшие под Очаковом, которые в прошедшем сражении были повреждены, исправлены. Я приказал их взять или сжечь Принцу Нассау, но он пытался два раза, и не удалось или, лутче сказать, счастье не послужило. И он, отведав трудность, под предлогом болезни уехал в Варшаву. Сии [турецкие. – А.Ш.] суда через два дня после того ушли из Очакова к своему флоту мимо флотилии и спящего адмирала Пауль Жонса, который перед тем пропустил в день под носом у себя три судна турецких в

Очаков, из коих самое большое село на мель. Я ему приказал его сжечь, но он два раза пытался и все ворочался назад, боялся турецких пушек. Дал я ему ордер, чтобы сие предприятие оставить, а приказал запорожцам. Полковник Головатый с 50 казаками тотчас сжег, несмотря на канонаду, и подорвал судно порохом, в нем находившимся».

Далее Светлейший просит императрицу убрать Поля Джонса из Лимана: «Сей человек не способен к начальству: медлен, неретив, а, может быть, и боится турков. Притом душу имеет черную. Я не могу ему поверить никакого предприятия. Не сделает он чести вашему флагу. Может быть, для корысти он отваживался, но многими судами никогда не командовал. Он нов в сем деле, команду всю запустил, ничему нет толку: не знавши языка, ни приказать ни выслушать не может... Может быть, с одним судном, как пират, он годен, но начальствовать не умеет, а в пиратах может ли ровняться он Ломбарду?»

Екатерина отвечает: «Сожалетельно, что Принц Нассау не мог сжечь суда, кои вычинили в Очакове. Пауль Жонес имел, как сам знаешь, предприимчивую репутацию доньше. Естли его сюда возвратишь, то сщем ему место».

В результате Поль Джонс уехал из Лимана в Петербург. Там его недоброжелатели обвинили в изнасиловании какой-то девицы. Вообще-то нравы петербургских девиц при матушке Екатерине были таковы, что они сами любого пирата могли изнасиловать. Так или иначе, но Полю Джонсу пришлось в 1789 г. уехать из Петербурга. Он вновь поселился в Париже. Там в безвестности он и скончался в марте 1792 г. 45 лет от роду.

Согласно завещанию, Поля Джонса похоронили в железном гробу, наполненном коньяком. Пират был прозорлив: в 1851 г. представители конгресса США с трудом нашли его гроб, поскольку кладбище было разрушено, а на его месте уже были новые дома и улицы. Железный гроб на американском фрегате «Сен-Лоренс» перевезли в Америку. Перезахоронение прошло с большой помпой. В США считают пирата отцом-основателем американского флота. В настоящее время в составе ВМФ США имеется ракетный эсминец «Поль Джонс».

Изгнав Поля Джонса, Потемкин стал подкапывать и под Нассау-Зигена. Принцу тоже пришлось уехать. В связи с началом Русско-шведской войны императрица назначает Нассау-Зигена начальником гребной флотилии на Балтике.

Принц отличился в боях со шведами: 4 августа 1789 г. в первом Роченсальмском сражении, за которое он получил орден Св. Андрея Первозванного, и 21 июня 1790 г. в Биорк-Зундском проливе, из которого

он выбил шведскую гребную флотилию. Но Нассау опоздал к Выборгскому сражению 22 июня и потерпел жестокое поражение во втором Роченсальмском бою 28 июня, где погиб почти весь русский гребной флот.

Потрясенный неудачей, Нассау-Зиген послал императрице все пожалованные ему ордена и отличия. «Одна неудача, – ответила ему Екатерина, – не может истребить из моей памяти, что вы 7 раз были победителем моих врагов на юге и на севере». И по заключении мира со Швецией императрица наградила принца чином адмирала, золотой шпагой с алмазами и серебряным сервизом.

В 1794 г. после неоднократных просьб принца Екатерина увольняет его со службы, правда, с полным денежным содержанием. В ряде книг и даже в «Военной энциклопедии» говорится, что Нассау-Зиген уехал во Францию, где и умер. На самом же деле он провел остаток своих дней в местечке Тынке Подольской губернии в имении своей жены Каролины. Принц в 1804 г. овдовел и умер 21 апреля 1808 г. Несколько десятилетий крестьяне ухаживали за его могилой. Разрушена и утеряна она была совсем недавно, в начале 90-х г. XX века, при строительстве нового костела.

Греческий корсар и русский контр-адмирал Панаиоти Алексиано умер от разрыва сердца 8 июля 1787 г. на борту корабля «Владимир».

Еще ранее, 20 июня, от ран, полученных в Лиманском сражении, умер Сидор Билый. В тот же день атаман Антон Головатый привез тело на Кинбурнскую косу. При отпевании впереди российских офицеров стоял с обнаженной головой Александр Суворов, а среди запорожцев, рядом с Антоном Головатым, был Поль Джонс. Могилу вырыли в самой церкви, сверху положили чугунную плиту.

5 октября 1855 г. могилу Сидора Билого потревожили: в Кинбурне высадились англичане, которые забрали пушки и плиту.

Потомки-запорожцы не забыли Сидора Билого, и 26 августа 1904 г. он посмертно стал вечным шефом Полтавского Кошевого Сидора Билого конного полка Кубанского казачьего войска.

Так закончили свою жизнь герои Лиманского сражения. Именно Лиманское сражение решило исход всей войны 1787–1793 гг. Тут турки потеряли больше судов, чем во всех знаменитых сражениях Ф. Ф. Ушакова. Но напрасно искать имена Поля Джонса, Нассау-Зигена, Панаиоти Алексиано и Сидора Билого на бортах царских и советских кораблей. О них велено напрочь забыть. Вряд ли они нуждаются сейчас в канонизации, они ведь были веселыми и грешными людьми – пиратами Ее Императорского Величества!

Глава 4. Первые баталии Севастопольской эскадры

18 июня 1788 г. из Севастополя вышла эскадра контр-адмирала М. И. Войновича. В ее составе было два 66-пушечных корабля, 10 больших фрегатов (50-пушечный «Св. Георгий Победоносец», 40—44-пушечные «Берислав», «Стрела», «Кинбурн», «Фанагория», «Таганрог», «Легкий», «Перун», «Победа» и «Скорый») и 24 малых судна, из которых 17 было крейсерских. Войнович нес свой флаг на корабле «Преображение Господне», а авангардом командовал бригадир Федор Федорович Ушаков на корабле «Св. Павел».

Войнович имел категоричный приказ Потемкина отвлечь турецкий флот от Очакова и навязать ему генеральную баталию. Но из-за встречных (северных) ветров севастопольская эскадра достигла острова Тендра только 29 июля. В тот же день в 5 часов после полудня (то есть в 17 часов) на северо-западе был обнаружен турецкий флот. Русские моряки насчитали 45 вымпелов. Ветер был северный, и русским судам приходилось лавировать.

На рассвете 30 июня оба флота находились в том же состоянии. С утра был штиль, но в 11 часов налетел трехчасовой шквал с дождем. После окончания шквала выяснилось, что противники существенно сблизилась, а ветер переменялся на западный. Далее я процитирую рапорт ардмирала Войновича, отправленный Потемкину: «Тогда турецкий флот остался у меня на ветре и зачал спускаться к нам; построил я линию баталии левым галсом и приготовился к бою, уступя выгоды ветра неприятелю и ожидая оного к сражению, который, подходя на расстояние в 3-х верстах, отворотил и расположился боевою линиею на перпендикуляре ветра от нас тем же галсом. Оный состоял в числе 15 кораблей, в которых пять 80-пушечных, фрегатов 8 и 3 бомбардирские корабля, прочие 21 шебеки, кирлангичи и поляки; начальствующий оным капитан-паша, на корабле которого подняты были три флага, на каждой мачте по одному, один вице-адмирала и один контр-адмирала.

При захождении солнца ветер стал самый тихий, оба флота проводили ночь в недалеком расстоянии один от другого.

1 числа июля флоты, находясь в штиле совсем без ветру, большое течение разносило суда и нарушало ордер, но в 7 часу нашел ветер крепкий с севера, поспешил я построиться и паки в ордер баталии, не взирая на превосходнейшую неприятельскую силу и что он на ветре, ожидал оного к

сражению, ибо все выгоды были его, но спустя малое время отворотил он и пошел к запад-север-западу. По собрании всех мелких судов, я сделал то же, пошел на тот же румб; превосходным его ходом удалился он от нас тот же день, так что ввечеру при заходе солнца корпуса кораблей его не видать было, а только одни мачты; во всю последующую ночь был почти штиль.

2-го числа ветер северный небольшой; неприятельский флот все-таки на ветре в прежнем расстоянии, искал я способы выиграть у одного ветра и на него напасть; для сего продолжал я под всеми парусами курс на запад-север-запад весь день к румельским берегам, надеясь перемены одного, но неприятель весьма осторожно соблюдал сию себе выгоду, зная, сколько ему она нужна; он то же делал, но в 5 часу весьма гордо подошел было, так что казалось, как будто хочет войти в дело; приказал я убавить парусов, держась в боевом строю к принятию одного, но перед заходом солнца и паки начал отставать, и потом лег в дрейф. Я не делал никакой перемены, а оставался в поджидании и всю ночь продолжал один курс.

3-го числа поутру находились противу Дуная в виду острова Фидониси, ветер продолжался все севернее, неприятель на ветре в прежнем положении; в 8 часов утра приказал я поворотить флоту овер-штаг, через контр-марш, и построить линию баталии на левый галс к северо-востоку, неприятелю контр-галсом; во 2 часу после полудни флоты уже подходили близко, но неприятель имел надветренную сторону и все выгоды. Как стали соединяться, тогда капитан-паша и весь его флот, ему воспоследуя, начал спускаться на нас в двух густых колоннах, так как в кораблях имел превосходнейшее число; первая, под начальством капитан-паши, имея свой корабль передовым, атаковала мой авангард; вторая колонна на контрбаталию и ариергард, которая большое число кораблей составляла с бомбардирскими судами; в 3 часа^[136] и 5 минут сражение началось; стремление его было больше на наши два корабля и два 50-пушечные фрегата, против каждого нашего корабля было по пяти неприятельских, имел он выгоду ветра, определил себе большую дистанцию, так что наши 40-пушечные фрегаты 12-фунтовою пушкою по редким кораблям могли действовать, когда он своею большою пушкою их много мог вредить; но произведенного ему огня с кораблей и 50-пушечных фрегатов капитан-паша только 40 минут с своим кораблем держаться мог в бою, принужден был выйти из линии, покусился было он отрезать 2-х передовых фрегатов, но корабль "Павел", находящийся в авангарде, прибавя парусов, с великим повреждением заставил одного отворотить, когда и те самые фрегаты "Берислав" и "Стрела" весьма удачно весь свой лаг в него выстрелили,

так что видно было большие доски как летели с кормы его корабля; на вице-адмиральском и контр-адмиральском, которые противу корабля “Преображения” стояли, два раза густой дым показывался и погасал; сражение весьма жесткое производилось до 4 часов и 55 минут, неприятель беспрестанно из бомбардирских кораблей бросал бомбы, но всею своею премогушественною силою с большим орудием принужден был уступить одной только храбрости, и с немалым повреждением, подняв все паруса, отошел прочь, уступил место; потерял он сверх всего и одну шебеку, которая противу корабля утонула; людей немного успели спасти с оной. С какую неустрашимостию и храбростию поступали мои подкомандующие, того описать не можно.

Повреждение с нашей стороны состоит: раненых и убитых 7 челвоек, 2 фрегата 40-пушечные “Берислав” и “Фанагория” пробиты в подводной части, на последнем показалась была большая течь, но скоро захватили, также и в двух мачтах, да в такелаже и стеньгах; все оное скоро исправлено было»^[137].

А вот как описал сражение сам Ушаков в рапорте Войновичу: «Сего июля 3 дня во время генеральной нашей с неприятельским флотом баталии, в виду вашего превосходительства происходило какое, передовой вверенной мне эскадрой употреблено старание и искусство в воспрепятствовании капитан-паше с передовыми с ним кораблями обойти и окружить с ветра оную эскадру на другую сторону. Также соизволили видеть неустрашимое и храброе сражение вверенного мне корабля и двух передовых фрегатов “Берислава” и “Стрелы” с сильной передовой частью неприятельского флота. Корабль “Святой Павел” сделал отменную и весьма действительную помощь помянутым фрегатам, сбив с немалым повреждением капитан-пашинский корабль.

Тож особо один за другим сбил из своих мест сначала поставленных капитан-пашою против его трех кораблей, из коих один большой осьмидесятый, потом сбил же из места пришедшего в помощь им из передовых кораблей одного, причиня всем оным немалое повреждение, фрегат, спустившийся с ветра, один потопил напоследок (!). Имел сражение с подошедшими к нему на дистанцию из середины и задней части флота вице-адмиральским и контр-адмиральскими кораблями, которых также от себя храбро отразил и принудил уступить место. В числе поврежденных им кораблей у одного сбита фок-мачта, так что, наклонясь, едва она на такелаже держится. У другого тож сбита форстеньга, которая на такелаже ж только сдержалась. Третий уповательно за великою точью в самой скорости подо всеми парусами ушел к стороне Аккермана, помянутые ж два фрегата

“Берислав” и “Стрела” отразили от себя сначала из передовых одного корабля, а после одного долгое время имели весьма храброе и неустрашимое сражение с капитан-пашинским кораблем, который, как уже означено, с помощью корабля “Святого Павла” сбит с своего места с немалым повреждением. Фрегат “Кинбурн” также имел действительное и храброе сражение с проходящими от середины линией мимо его кораблями и, как в поданном от командующего оным флота господина капитана второго ранга Кумани рапорте значит, бросанием от него брандскугелей проходящий мимо его вице-адмиральский корабль двоекратно загорался, но видно вскорости потушен. Во время же присшествия, оной баталией на вверенном мне корабле “Святом Павле” весьма повреждена форстенга и бегинь-рея, перебито несколько вант и прочего такелажа, во многих местах расстреляны паруса, в корпусе корабля пробоин сделано весьма мало, убитых нет, тяжело ранен матрос один, легкими ранами два Севастопольского пехотного полку, мушкетер один.

На фрегате “Бериславе” повреждены ядрами фок-мачта и гротстенга, простреляны во многих местах паруса, перебито несколько вант и много такелажа. В корпусе фрегата отменно большим каменным ядром пробило против фор-штевня борт и весьма разбита первая с носу под палубою бимса и духовая у крюйт-каморы труба [вытяжная труба. – А.Ш.] и еще сделано малое число пробоин большими ж ядрами. Раненый матрос один. На фрегате “Стреле” весьма повреждена книпелем в топе бизань-мачта. Расстреляны во многих местах паруса и перебито немалое число такелажа, в корпусе фрегата сделано немалое число пушечных пробоин. Убитых и раненых нет. На фрегате “Кинбурне” простреляны малым числом паруса и немного перебито такелажа, в корпусе фрегата важных повреждений нет. Ранены Севастопольского пехотного полка мушкетер один»^[138].

Я умышленно привел большие выдержки из двух рапортов. К сожалению, у нас сейчас размножилось число любителей дешевых сенсаций, которые уже приучили читателя осторожно относиться к опровержению устоявшихся истин. Поэтому пусть любой сомневающийся найдет в оных рапортах хоть намек на «новую тактику Ушакова». Как раз не он, а турецкий капитан-паша нарушил строй и вопреки регламенту ГОСТа сосредоточил против каждого русского корабля по пять неприятельских. Чтобы современный читатель представил, как было важно соблюдать линию в морском бою, скажу, что британский адмирал в XVIII веке, имея превосходство в шесть кораблей над французами, вывел из боя «лишние» корабли, лишь бы обеспечить строй, когда один корабль стреляет только по одной цели.

Обратим внимание: ни Ушаков, ни Войнович не указывают дистанцию боя. Это уже в 1953 г. в кинофильме «Адмирал Ушаков» наш герой приказывает подойти к противнику на пистолетный выстрел и лишь тогда открывать пальбу. Не будем упрекать автора сценария Александра Штейна и режиссера Михаила Ромма, выполнявших соответствующий социальный заказ. В любом случае, фильм очень хороший, я с удовольствием смотрел его несколько раз. Но, увы, там показывается не как Ушаков воевал, а как он должен был воевать.

Действительно, нужно было сблизиться на пистолетный выстрел, и лишь тогда огонь по корпусам кораблей противника мог привести к их уничтожению. На самом же деле бой велся на предельных дистанциях, причем даже русские 12-фунтовые пушки, то есть средний калибр, могли действовать лишь эпизодически. Любопытно, что турки грамотно использовали свои бомбардирские корабли, и будь дистанция меньше, русским бы не поздоровилось. Но, увы, обе стороны страстно желали держаться друг от друга подальше. Фактически это была безрезультатная перестрелка. Потопленный же Ушаковым корабль (фрегат) существовал лишь в его воображении, описанные же Ушаковым и Войновичем повреждения турецких судов, мягко выражаясь, несерьезны.

Тут следует заметить, что уровень подготовки турецких матросов оставлял желать лучшего. Тот же В.Д. Овчинников пишет: «...султан, не доверяя своим чиновникам, стал сам “езде действовать и поспешать морские отправления”, упрекая терсана-эмини (начальник Адмиралтейства) и кагаяси (глава администрации) за то, что они не могут собрать нужное число людей и кораблей. Люди же, узнав о новом наборе, стали разбегаться из городов. Тогда по улицам стали ловить лодочников, разносчиков и прочий праздно шатающийся люд.

Греческому и армянскому патриархам было дано указание набрать 1000 человек. Не миновала сия участь и евреев, коим надлежало дать до 200 человек. Однако христианские священнослужители отказались поставлять людей, потому как и без их благословения повсюду хватало греков и армян, а евреи откупались. Собранных таким образом людей (всего лишь 500 человек) загнали в казармы и содержали под строгим караулом до того момента, пока не приготовили к отправке в Черное море 20 судов»^[139].

Не будем спорить с кандидатом исторических наук и старшим научным сотрудником Института военной истории Министерства обороны, а обратимся к рапорту адмирала Войновича: «4 числа ветер северо-западный; турецкий флот в прошедшей ночи отделился к северу в большом

расстоянии; сомневаясь, я, чтоб не покусился к нашим берегам, приказал держать к восток-юго-востоку.

5 числа при рассвете дня в виду Тарханова Кута, в расстоянии верст 30, ветер северо-западный, но неприятеля не видать, в 11 часу после полуночи показался и паки турецкий флот на румб север-север-восток, имел курс к Ак-мечетской пристани; поворотил я тотчас, пресечь курс оному, на румб север-север-восток, но во 2 часу отворотил он и направил плавание свое к югу; я сделал то же, пошел в параллель с оным под самыми малыми парусами в ожидании, какие будут его движения, но он держал в море и к покушению виду не показывал»^[140].

Итак, турецкий флот, ведомый Овчинниковым, «спасался бегством»... на север? У них что, все компасы поломались? Стамбул-то на юге. А вот мыс Тарханкут – это западная оконечность Крыма! Что же касается Ак-Мечети, то это нынешний украинский город Черноморское. Ай да турки – решили спрятаться от страшного «Ушак-паши» в Крыму!

Но почему у победителей турок графа Войновича настроение невеселое? 5 июля он послал письмо на корабль Ушакова:

«Друг мой, Федор Федорович!

Предвижу дурные нам обстоятельства. Сего дня ветер туркам благоприятствует, а у нас нет его, фрегаты упали под ветер. Если да приблизится он, то должно нам строить поскорее линию и приготовиться к бою. Если бы фрегаты не были так увалены под ветер, мы достигли бы гавань, но что делать, судьба наша такая, надобно делать все, что к лучшему. Дай мне свое мнение и обкуражь, как думаешь, дойдем ли до гавани.

Прости, друг. Будь здоров, а я навсегда ваш слуга Войнович.

P. S. Пошли к фрегатам, чтоб поднимались к ветру, да сам не уходи далеко, о чем да сам знаешь. [Фраза Войновича]

Помета^[141] Ф. Ф. Ушакова: Получено идучи от Козлова в виду Севастополя и неприятельского флота»^[142].

Далее вновь цитирую рапорт Войновича Потемкину: «6 числа ветер западный; турецкий флот в прежнем положении, в 5 часов утра пошел он под всеми парусами к югу и продолжал то же весь день; ветер был самый тихий, при захождении солнца находились от Херсонеса мыса в расстоянии верстах 18 к северу, турецкий флот отворотил и пошел в море.

7 числа турецкий флот скрылся из виду, пошел к западу, к румелийским берегам, я остался у Херсонеса мыса на реях, а поврежденные 4 фрегата послал в Севастопольскую гавань для скорого

исправления подводной части, ибо в фрегате “Бериславе” нашлось 100-фунтовое каменное ядро, а другие пробиты 30– и 24-фунтовыми»^[143].

Чтобы избежать ложных обвинений в непочтительности к святому адмиралу и к старшему научному сотруднику института военной истории, предоставляю читателю внимательно перечитать все рапорты и решить, что было на самом деле: Ушаков побил турок и загнал их в Босфор или капудан-паша Эски-Гасан накомылял грозному «Ушак-паше» и старому пирату Марку Ивановичу и загнал их в Севастополь?

По приходе эскадры в Севастополь началась не менее серьезная баталия между Ушаковым и Войновичем.

При представлении к наградам Войнович не делал различия между кораблями авангарда и кораблями, которые даже не подошли к противнику на пушечный выстрел. Войнович представил к награде всех командиров кораблей и своего флаг-офицера Д. Н. Сенявина, которого, кстати, и послал к Светлейшему.

Ушаков не растерялся и послал свой рапорт к Потемкину, что, вообще говоря, было грубейшим нарушением субординации. Ушаков писал: «...я в награждение безо всякой притчины безвинно обруган, и приписано со всем несправедливыми и несходными поведению и делам моим словами всякое поношение чести, и тем причинил наичувствительнейшее оскорбление, и в болезни моей сразил жестоким ударом, ибо всякое дело с командующим почитаю я за величайшее в свете несчастье. Против командующих все защищения и доводы оправдания весьма трудны. Но бог, защитник справедливости, всевышним своим покровительством оправдывает меня непременно. Я во всех делах моих имею вернейшую на помощь его надежду»^[144].

Рапорт, и особенно ссылка на небесные силы, подействовали на светлейшего, и тот принял сторону Ушакова. За сражение у Фидониси Войнович получил орден Св. Георгия 3-й степени, а Ушаков – Св. Владимира 3-й степени.

«Разбитая при Фидонисии» эскадра Эски-Гасана 29 июля 1788 г. объявилась у Очакова в числе пятнадцати кораблей, десяти фрегатов и сорока пяти гребных судов. Лиманская флотилия не рискнула остановить турок.

Эски-Гасан высадил десант в 400 человек на остров Березань. По приказу Потемкина русская гребная флотилия отошла от Очакова. 21 октября 1788 г. капудан-паша перебросил с Березани в Очаков 1500 человек подкрепления. Присутствие турецкой эскадры на несколько месяцев

отсрочило падение Очакова.

4 ноября Эски-Гасан ушел зимовать в теплые края. Перспектива вмерзнуть в лед у Очакова ему явно не импонировала. Кстати, часть русских кораблей рискнула остаться у Очакова зимой 1788–1789 гг., что привело к печальным последствиям – 42-пушечный фрегат «Херсон» (с 1788 г. «Василий Великий») был раздавлен льдами и погиб, а 40-пушечный фрегат «Скорый» (с 1788 г. «Федот Мученик») 20 марта 1789 г., в ледоход, был унесен льдами и сильно поврежден.

Глава 5. Кампания 1789 г. На Черном море

Начало 1789 г. на Черноморском флоте ознаменовалось продолжением баталии между Ушаковым и Войновичем и рядом кадровых перестановок, произведенных князем Потемкиным.

Так, адмирал Н. С. Мордвинов был снят с должности старшего члена Черноморского адмиралтейского правления и отправлен в отставку, а на его место был назначен граф Войнович. 6 января 1789 г. Ушаков был назначен командующим Севастопольской корабельной эскадрой. При этом Войнович попытался определить к Ушакову флаг-офицером своего человека – капитана 1-го ранга И. Т. Овцына. Ушаков, естественно, протестовал и просил Потемкина убрать Овцына из Севастополя.

Между тем Потемкин считал главной задачей флота перевод новопостроенных кораблей из Лимана в Севастополь. Так, например, введенный в строй еще осенью 1787 г. 66-пушечный корабль «Владимир» в декабре 1788 г. вмерз в лед у Кинбурнской косы. 12 января 1789 г. его удалось освободить из льда, и вместе с двухмачтовым крейсерским судном «Березань» он отправился в Севастополь. У мыса Тарханкут их встретила флотилия крейсерских судов, вышедшая из Севастополя, и благополучно ввела «Владимир» в Севастополь. В Севастополе вооружение «Владимира» было усилено постановкой двух 1-пудовых единорогов.

В Стамбуле же новый 1789 год начался с бунта янычар, которые 10 месяцев не получали жалованья. Русский посол Н. И. Бутаков, сидя в Семибашенном замке, ухитрился получать большой объем информации о положении в Константинополе и имел надежную связь с Петербургом и Ставкой Потемкина. Он писал Потемкину: «Взятие Очакова привело здесь не только турок вообще, но и известных наших врагов и завистников [то есть англичан, пруссаков и французов. – А.Ш.] в крайнюю робость. Султан, совет, большие бороды – плачут; все желают мира»^[145].

В начале 1789 г. Булганев отправил Потемкину депешу с сообщением об участии французского посла Шуазеля-Гуфье совместно с капудан-пашой в составлении плана кампании 1789 г. Этим планом якобы предусматривалось блокировать Черноморский флот в Севастополе, высадить турецкие десанты в Крыму и у Хаджибея и т. д. Кроме того, посол обещал прислать несколько десятков французских офицеров.

Позже французская сторона на всех уровнях опровергала эту информацию. Поэтому можно предположить, что турки или подкинули

дезинформацию Булгакову, или тот возвел напраслину на Шуазеля из-за их давней вражды.

Однако сохранившиеся дипломатические документы свидетельствуют о попытках французских дипломатов и в Стамбуле, и в Петербурге найти путь к миру.

27 марта / 7 апреля 1789 г. умер турецкий султан Абдул-Гамид I. Новым султаном стал его 28-летний племянник Селим III (годы правления 1789–1807). Русский дипломат князь В. П. Кочубей писал о нем: «Принц сей преисполнен многих качеств, редких в оттоманском монархе. Он честолюбив... хотя скуп и корыстолюбив, как все турки, но не имеет жадности предшественников своих... Ревность его к благу империи есть также для земли сея необыкновенная... Но все хорошие расположения и свойства сии весьма теряют своего весу, когда помыслить о невежестве его, о непостоянстве и слабости нрава, кои непрерывно мысли его переменяют».

16 апреля новый султан имел в Диване большой совет, на котором было решено «продолжать войну с величайшей живостью». Следующим его шагом стало снятие Гассана с должности капудан-паши и назначение его очаковским сераскиром с повелением во что бы то ни стало вернуть Очаков. Гассан-паша пообещал исполнить данное повеление и за свой счет собрать дополнительно к приданному ему корпусу еще 7000 человек, что очень понравилось Селиму III. Одновременно и верховный визирь должен был начать военные действия на Дунае.

Селим III в ободрение своих подданных обнародовал фирман, в котором пообещал, что «он или лишится своего трона, или отомстит России за Очаков».

В Севастополе о смерти султана узнали с большим опозданием. 20 июля 1790 г.^[146] в Балаклавскую гавань вошло маленькое одномачтовое французское судно «Латартака Ладель». Судно привели шкипер француз Джозеф Валентин Гарнье и семь матросов. Кроме того, на борту находились французский капитан Луи Болот и три российскоподданные армянина, содержащиеся в плену в Турции. Болот представился поверенным коммерческой французской компании в Константинополе и предъявил рекомендательное письмо от французского посла Шуазеля-Гуфье.

Солдаты Греческого легиона задержали в Балаклаве экипаж и пассажиров судна. После допроса Болота Ушаков отправил рапорт Потемкину. Там говорилось, что Болот доставил разведанные от французского посла в Константинополе. Кроме сведений о новом султানে

француз доставил интересные сведения о состоянии турецкого флота.

«Во время бытности его с судном против Буюк-Дере, – докладывал Ушаков, – турецкий флот стоял на рейде, расположившись в разных местах от Константинополя проливом к Буюк-Дере, когда ж сделался им благополучный ветер иттить в море, в то самое время и флот, снимаясь с якорей, подходил и останавливался против Буюк-Дере.

По замечанию его флот состоял тогда не более как из 12 кораблей, около осьми фрегатов, одна галера. Дубель-шлюпок, кирлангич и разных небольших судов более 80-ти. В том числе одна двухмачтовая батарея, на которой он прежде из любопытства был. Пушек на оной по семи на стороне, и две на носу – всего 16. Из них на середине судна по две на стороне 36-фунтового калибра, а прочие все 14-фунтовые. Судно оное плоскодонное, в грузу ходить мелко, потому в бейдевинт ходить не может.

На дубель-шлюпках пушки поставлены на некоторых на носу по две, а на иных по одной пушке 24– и 18-фунтовые, из них одна дубель-шлюпка сделала прошедшей зимой в Константинополе отменной конструкции, нос и корма равной остроты, по одной пушке поставлено на ней, на носу и на корме 24-фунтовые, а на бортах по шесть пушек на стороне маленькие.

Сказывает он, когда флот выходил из Терсаны и там остался один из больших кораблей, за худостью к походу не приготовлен.

Султан, разгневавшись за неприготовленность одного корабля к походу, приказал тот же час начальствующему при адмиралтействе члену отрубить голову, что и исполнено, и господин Болот, сам, будучи в Константинополе, оное видел. Сказывает же он, что новых кораблей в прибавок ко флоту против прошлогоднего не заметил.

В бытность его в Константинополе видел он, что один корабль и около осьми фрегатов пошли в Архипелаг.

Купленные прошлой осенью два английские 40-пушечные фрегаты, также и еще один в зимнее время приуготовлены к походу во флот.

Из них на одном привезено было из Англии немалое число от 18– до 24-фунтового калибра чугунных пушек, и разный артиллерийский груз и канаты, но пушки по пробе оказались не хороши, для того, сказывает он, на флот не взяты.

Служителей на флоте было очень мало, а перед выходом его уже в море набрано из разных мест довольно число, но оные люди на флот братья насильно и большей частью такие, которые в море не бывали.

Съестных припасов, а особливо хлеб в Константинополе весьма дороги. Заразительной болезни не слышно.

Во время ж бытности его в Константинополе султан, ныне

царствующий, одного из крымских султанов награждая собольею шубой и кинжалом, с несколькими числом войска отправил на одном линейном корабле и двух фрегатах с несколькими транспортными судами в Анап, где собираться будут войска, приказал ему сделать в проливе на Ениколь и Керчь нападение с тем, чтоб оными овладел и, ежели он успеет во взятие Крыма, тогда он будет крымским ханом.

В бытность его, Болота, на судне в Синопе, видел он, что строящиеся там два новые корабля на воду еще не спущены, из них один к спуску совсем уже приуготовлен и тогда ж хотели его спускать на воду. А о другом, уповаает он, что нынешний год к спуску готов не будет.

Провожавший из Константинополя крымского султана в Анап корабль и два фрегата, возвратясь оттоль, остановились и находятся ныне в Синопе. Они там будут вооружать и нагружать новый корабль и пойдут вместе с ним, потому пробудут там долгое время.

Господин Болот рассказывает, что на турецком корабле, стоящем в Синопе на рейде, из любопытства был сам и видел, что оной корабль вооружен худо и люди на нем ненадежные, из них же много больных.

Сказывает, что в Синопе еще был один фрегат, который пошел для конвою проводить три маленькие судна с войском в Румелию.

Еще в Синопе видели две кирлангичи и два или три маленьких купеческих судов.

Будучи в Самсоне, транспортных судов никаких не видали, кроме трех или четырех небольших купеческих, которые переходят из места в место.

Тож и на сухом пути войск не видали.

В Анапе военных и транспортных судов не видали ж, кроме находится там один вооруженный пушками кирлангич и две маленьких шайки купеческие, которые ходят из места в место для коммерции.

Выше упомянутый, прибывший из Константинополя на судах с войсками крымский султан выгрузился на берег в Суджук-Кале, а после перешел и расположился в Анапе, где собирает войска и намерен сделать на Тавриду нападение в проливе Еникальском. Сказывают, что войска в то время было с ним не более еще шести или семи тысяч, а затем ожидает привозу оногo из разных мест, также сказывают, что и флот турецкий туда ожидают»^[147].

Сведения Болота, как мы видим, не очень подробные, но, как показали последующие события, более-менее точные. Потемкин же заявил, что Болот – шпион, и его сведения о турецком флоте сильно преувеличены. Однако Екатерина не поверила Светлейшему и ответила, что «Шуазель послал это судно нарочно, чтобы известить нас о смерти султана».

В 1789 г. турецкий флот, разбитый в пух и прах нашими славными историками, по-прежнему господствовал на Черном море, а грозный Ушак-паша тихо сидел в Севастополе и строчил рапорты Потемкину.

Вот рапорт от 9 июля 1789 г. Береговая стража на Тарханкуте донесла, что «появившиеся вчерашнего числа от стороны Очакова осьмнадцать судов, через ночь подавшись вперед, чего утра оказались противу каменного маяка, на оном Куту состоящего, оные суда вытянулись в линию передом к Севастополю от берега примерно верстах в двадцати пяти, стоят на одном месте, но какой они величины, о скольких мачтах, также неприятельские или наши – рассмотреть невозможно. О чем во исполнение ордера вашей светлости, писанного сего июля от 2 дня, сим и донести честь имею»^[148].

В тот же день Ушаков пишет секретарю Светлейшего В. С. Попову: «О появившихся вчерашний день против Тарханова-Кута от стороны Очакова осьмнадцати судах рапортом моим его светлости я донести честь имел; засим же вас, милостивый государь, к сведению уведомить честь имею: порученный мне здесь флот... обстоит в исправной готовности, и порт при оном со стороны моря имеет сильное укрепление. Об оных судах неизвестно еще, какие они, также и какое имеют предприятие, думаю из движения их и из числа судов скоро узнать будет можно, фальшивое ли они что-нибудь предпринимают, или не выжидают ли нашу эскадру из Лимана, или отсель пройдут около Крыму»^[149].

Рапорт Потемкину от 12 июля 1789 г.: «После донесения моего вашей светлости сего июля 9 дня о оказавшихся против Тарханова Кута неприятельских судах, оные 10 дня оттоль отделились и того ж числа вечером, прошед морем весьма в дальнем расстоянии от Севастополя, оказались против Херсонесского мыса и Георгиевского монастыря к юго-западу. Посланным же от меня для рассмотрения и замечаний нарочным офицером донесено: 11 числа с утра в отдаленности моря видны были в той же стороне, а около полудня при западном ветре подошли на некоторое расстояние к берегам Георгиевского монастыря ближе, так что можно было видеть корпус судов, из них казались в линии пятнадцать больших кораблей, а всех с посредственными и малыми до тридцати или несколько более»^[150].

Итак, в оных рапортах говорится, что севастопольский флот в полной готовности, а турецкий флот, согласно Овчинникову и К^о давно утративший господство на Черном море, несколько дней околачивается у входа в Севастопольскую бухту. Попросту говоря, турки подставились, подойдя к

главной базе русских. Атакуй их Ушаков, и все сильно поврежденные суда турок утонут или сгорят по пути к Босфору, а оказавшиеся в таком же положении суда русских будут отведены гребными судами в Севастопольскую бухту и встанут на ремонт. Наконец, в море в нескольких милях от базы можно вывести все «старые калоши», вплоть до брандвахт, благо, на них были оставлены все пушки.

Но Ушаков занят писанием рапортов. Он по каким-то неведомым причинам не высылает даже на разведку быстроходные крейсерские суда, а полагается исключительно на сухопутных наблюдателей. Конечно, если бы басурманы вошли в Южную бухту и пальбу там учинили, то тогда наш славный флотоводец показал бы им, «где раки зимуют»!

Летом 1789 г. Севастопольская эскадра получила новое пополнение в виде двух 46-пушечных фрегатов «Петр Апостол» и «Иоанн Богослов». Они были построены на верфи Рогожские Хутора на Дону. Строить там суда большего размера не позволяла глубина. За недостатком кораблей Потемкин еще в 1788 г. приказал именовать 46-пушечные фрегаты кораблями или линейными фрегатами, чтобы ставить в бою их в одну линию с кораблями.

Несмотря на потерю Очакова, турки с весны 1789 г. по-прежнему блокировали Лиман. 21 августа 1789 г. Потемкин жаловался Екатерине II: «Флот турецкий так стоит, что нашим, естли бы итить, то должно на самой ближней дистанции всю проходить их линию между их судов и подводной банкой. Но риску столь большого не зделаю, а буду искать иных средств»^[151].

В начале сентября 1789 г. Потемкин приказал провести операцию по деблокированию Лимана, содействуя наступлению сухопутных войск на Гаджибей. Адмирал Войнович, державший флаг на 80-пушечном корабле «Иосиф II», стоявшем в Лимане, 10 сентября отправил ордер Ушакову с приказом выйти в море.

21 сентября Севастопольская эскадра вышла из Главной базы, дошла вдоль крымского берега до мыса Тарханкут, а оттуда пошла к Очакову.

22 сентября в 13 часов с русских кораблей увидели берег Тендры, а еще через 3 часа было замечено десять турецких судов. Еще через полтора часа Ушаков насчитал их 32. Ушаков приказал палить из пушек, чтобы русские наблюдатели на Тендре заметили его и сообщили Войновичу.

Ни турки, ни Ушаков сблизиться не пожелали. Ночью Ушаков повел свою эскадру в открытое море. В 7 часов утра 23 сентября Ушаков увидел одиннадцать турецких судов, идущих параллельным курсом. Обе эскадры в тот момент находились в 52 милях к югу от Гаджибея. Ушакову удалось

оторваться от турецких судов и направиться к Тарханкуту. Несмотря на противный ветер, Севастопольская эскадра утром 27 сентября прибыла в Севастополь.

На обратном пути от ушаковской эскадры из-за свежего ветра отделилось крейсерское судно «Полоцк» и дошло ближе к крымскому берегу. И тут командир «Полоцка» капитан-лейтенант Карандин увидел лиманскую эскадру Войновича, стоявшую на якоре на рейде Евпатории. В ее составе были корабли «Иосиф II», «Мария Магдалина»^[152], «Леонтий Мученик» (турецкий приз, взят 8 июня 1788 г. в Лимане), а также 50-пушечный фрегат «Александр Невский», числившийся кораблем. Их сопровождали тринадцать корсарских судов.

Как позже выяснилось, эскадра Войновича вышла 22 сентября из Лимана и без боя дошла до Евпатории. 29 сентября наконец-то лиманская эскадра вошла в Севастополь. Наконец-то произошло соединение обеих эскадр, которому два года препятствовали турки. Между тем 14 сентября генерал-майор де Рибас силами сухопутных войск и гребных судов взял небольшую турецкую крепость Гаджибей, на месте которой позже была основана Одесса.

Что произошло в северо-западной части Черного моря с 22 по 27 сентября 1789 г. – ни Потемкин, ни Войнович с Ушаковым особенно не распространялись. Помалкивают об этом уже 200 лет и наши военно-морские историки. Очевидно лишь одно: три эскадры – Ушакова, Войновича и турецкая – играли в жмурки, не желая видеть друг друга.

Екатерина-матушка обычно старалась щадить самолюбие своих полководцев и флотоводцев, но 18 октября 1789 г. в письме к Потемкину ехидно заметила: «Мне кажется, что и твой Войнович не очень на море идет вперед...»

В 1789 г. решающие события происходили на сухопутном фронте. 21 июля А. В. Суворов вместе с австрийскими войсками разбил тридцатитысячную турецкую армию при Фокшанах. В тот же день Н. В. Репнин разбил турок на реке Сальче, а Г. А. Потемкин овладел Кишиневом и затем 30 сентября – Аккерманом (современный Белгород-Днестровский). 3 ноября были взяты Бендеры. Страх и ужас, наведенные Суворовым на турок, позволили австрийскому фельдмаршалу Лаудону изгнать турок из Банната и в конце сентября овладеть Белградом. Принц Кобургский занял Валахию и вступил в Бухарест.

Узнав о поражении своих войск, султан Селим III впал в ярость и заявил, что «был бы счастлив, ежели б умер два года назад, ибо не нашелся бы в столь плачевном состоянии». «В серале султан велел отворить все

кладовые, где хранилось серебро и золото, состоящее в посуде, конских уборах, в подарках от чужеземных дворов и пр., собранное прежними султанами от многих лет, и отослал все на монетный двор». Современники утверждают, что найдено не более 4 тысяч ок серебра (около 700 пудов). Поскольку примеру султана никто добровольно не последовал, то Селим III издал указ, повелевавший всем зажиточным туркам приносить свое серебро на монетный двор и довольствоваться платой 10 пар за драхм.

Готовясь продолжать войну, султан одновременно начал нащупывать пути к мирным переговорам. 2 июля Селим III инкогнито приехал в Семибашенный замок, где несколько часов беседовал с русским послом Булгаковым. На следующий день Яков Иванович был освобожден из заключения и поселен в дом господина Гипса в Буюк-Дере (предместье Стамбула). А 18 ноября 1789 г. (по новому стилю) действительный статский советник Яков Иванович Булгаков и два его малолетних сына, 27 месяцев проведенные с отцом в Семибашенном замке, поднялись на борт французского фрегата «La Badine» под командованием князя де Рогана. Фрегат этот заранее был послан Людовиком XVI в Дарданеллы, где долго стоял в ожидании своего почетного пассажира. 6 декабря он доставил Булгакова в Триест. Оттуда недавний узник по вызову Потемкина через Вену отправился в Яссы, где находилась главная квартира фельдмаршала.

Так закончился 1789 год.

Глава 6. Сражение у Тендры

В конце мая 1790 г. турецкий флот был замечен у берегов Ялты, но вскоре ушел в неизвестном направлении. Почему-то в нашей исторической литературе бытует мнение, что турки собирались высадить в Крыму десант. Целесообразность высадки большого десанта в Крыму – вопрос довольно спорный. С одной стороны, это автоматически бы вызвало всеобщее восстание татар, но с другой стороны, Потемкин мог довольно быстро перебросить в Крым крупные сухопутные силы, и что тогда?

Но главное не в целесообразности, а в полном отсутствии документов, подтверждающих сведения о десанте. Многочисленные лазутчики русских в Стамбуле, а также европейские дипломаты и купцы незамедлительно сообщили бы о сборах и погрузке десанта. Да и куда потом делись тысячи десантников? Так что все сведения о подготовке турецкого десанта в Крым являются чистой водой «липой».

19 июня 1790 г. Потемкин отправил ордер в Севастополь о выходе в море корабельной эскадры для поисков неприятеля. Ушаков получил ордер 24 июня.

27 июня 1790 г. к мысу Тарханкут со стороны Очакова подошли 10 судов. Определить их тип казачий разъезд не сумел, а судовые дозоры Ушаков по непонятным причинам не высылал, как, кстати, и в кампанию 1789 г. Наш адмирал ограничился посылкой рапортов Потемкину. В первом рапорте, отправленном утром, говорилось о десяти судах у Тарханкута. А вечером того же дня в входа в Севастопольскую бухту появилось уже 15 кораблей и 10 малых судов. Об этом был отправлен новый рапорт.

29 июля Ушаков опять рапортует, что 42 басурманских судна стоят у Балаклавы: «Я со флотом Севастопольским при первом благополучном ветре, как только будет возможно, выйду в море для поисков над оным, если он не удалится куда в неизвестное место. О чем сим вашей светлости и донести честь имею»^[153].

Сам собой напрашивается нескромный вопрос. Турки в нескольких верстах от Севастополя, так почему нашему славному адмиралу нужен ордер Светлейшего на выход в море? Флот парусный, даже пары разводить и уголь грузить не надо, поставил паруса и максимум через 6 часов увидел турок. Ну а если штиль? Так это прямо удача! Тогда туркам вообще не уйти. В Севастополе до кучи гребных судов, а у турок их нет. Отбуксировали корабли и фрегаты к Ялте, ну и пошла баталия!

3 июля Потемкин отправляет Ушакову очередной ордер с предписанием атаковать неприятеля: «В соответствии рапорта вашего об оказавшемся ввиду берегов таврических неприятельском флоте, предписываю вашему превосходительству смотреть, куда онный наклоняется, и старайтесь решить с ним дело. Молитесь богу, он нам поможет»^[154].

И вот наконец 2 июля эскадра Ушакова вышла из Севастополя и направилась к Керченскому проливу ловить турок. 7 июля эскадра Ушакова стала на якорь у Керченского пролива. В ее составе был 80-пушечный корабль «Рождество Христово» (до 15 марта 1790 г. «Иосиф II»); четыре 66-пушечных корабля – «Преображение Господне», «Св. Павел», «Св. Владимир» и «Мария Магдалина» (новая); три 50-пушечных фрегата – «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей» и «Александр Невский»; восемь 40—46-пушечных фрегатов и семнадцать малых кораблей, из которых 14 было «крейсерских»^[155].

6 июля, после полудня, Ушаков прибыл в Феодосийский порт и потребовал у городничего сведений о неприятельском флоте. Тот ответил, что 4 июля турецкий флот стоял у Судака, а 5 июля стоял в 6 верстах от Двужорной бухты, а затем ушел в сторону Кавказа. Утром следующего дня с попутным ветром русский флот вышел в море и вскоре встал на якорь недалеко от Керченского пролива.

8 июля в 8 ч. 30 мин. утра была замечена турецкая эскадра, шедшая со стороны Анапы. В эскадре капудан-паши Гуссейна насчитывалось 10 кораблей (от 50 до 60 пушек), 8 фрегатов (от 20 до 40 пушек) и 16 малых судов.

При виде турок Ушаков немедленно снялся с якоря и выстроил корабли в линейном порядке, причем ему пришлось поставить в линию и фрегаты, чтобы турки не смогли охватить ее с флангов. Крейсерские суда русских выстроились в три кильватерные колонны за линией кораблей и фрегатов.

Гуссейн выслал вперед бомбардирские суда, которые открыли огонь с дальней дистанции. Под прикрытием бомбардирских судов начала выстраиваться турецкая эскадра – на ветер от нашей и параллельно ей. Эти маневры заняли несколько часов, и только в полдень турки стали спускаться на нашу эскадру, чтобы сблизиться с ней на пушечный выстрел. Их фрегаты составляли резерв в виде второй наветренной линии, а еще больше на ветре держались мелкие суда.

Турки вступили в бой по общепринятому образцу, спускаясь всей

линией на всю линию русского флота. Но, как это имело место всегда при таком способе нападения, они подвергались продолжительному обстрелу (здесь оказались кстати в русской линии и фрегаты), и арьергард их отстал. Ушаков немедленно воспользовался этим, вывел из линии шесть наиболее слабых фрегатов и послал их для подкрепления авангарда, где шел самый горячий бой и где турки делали попытки обойти нашу линию. Остальные корабли и фрегаты сомкнулись. Таким образом, турецкий авангард и часть центра оказались под сосредоточенным огнем всей русской эскадры.

Около 3 часов дня ветер изменился и позволил русским кораблям подойти еще ближе, что было им сравнительно выгодно вследствие меньшего калибра артиллерии на фрегатах. Турецкая линия окончательно смешалась: одни корабли поворачивали оверштаг, другие – через фордевинд, и последние дефилировали совсем близко от русской линии, идя с ней противоположным курсом. В этой свалке очень пострадал корабль капудан-паши, а три турецких корабля (из них один вице-адмиральский) из-за повреждения рангоута свалились вообще за нашу линию. Сбитый вице-адмиральский флаг упал в воду и был подобран шлюпками с одного из русских кораблей. Один кирганлыч, сопровождавший корабль капудан-паши, был потоплен.

Так как турки теперь всей своей массой уходили под ветер и наш авангард оставался без противника, то Ушаков повернул на правый галс и дал сигнал всем окружающим кораблям вступить ему в кильватер, на соблюдая порядка номеров, а авангарду – повернуть всем вдруг оверштаг и пристроиться в хвост линии. Это дало возможность быстро устроить линию баталии на новом галсе, а движения флагманского корабля, ставшего головным, показывали примером, чего адмирал хочет от других кораблей. Но турки уже не хотели вступать в бой.

В 5 часов вечера Гуссейн подал пример, спустившись на фордевинд, а за ним побежал врассыпную и весь турецкий флот. Ушаков тоже приказал спуститься и бросился в погоню, но здесь сказалось плохое качество кораблей Черноморского флота. И обводы их были хуже турецких, которые к тому же были все обшиты медью, тогда как у нас не было ни одного такого корабля, и парусность меньше (из-за меньшей осадки русских кораблей, которые приходилось пока строить на речных верфях). Турки легко уходили от Ушакова и в исходе 8-го часа скрылись в темноте, а ночью они, вероятно, повернули, так что к утру 9 июля на горизонте не было видно ни одного паруса.

Здесь я привел версию Ушакова, изложенную менее современным языком в рапорте Потемкину. Но вот что удивляет – цитирую: «...легкость

в ходу их кораблей спасла от сего предприятия и совершенной их гибели. Я по учиненному сигналу о погоне, имея на флоте все паруса, гнал за бегущим неприятелем и спускался к нему ближе, но как в скорости догнать их на порядочную дистанцию не мог, потому последовавшая ночная темнота весь флот неприятельский закрыла от нас из виду, и через то лишились видимой уже бывшей почти в руках наших знатной добычи. Хотя ж я всю ночь, находясь в линии, следовал за ним, спускаясь от ветра, но при весьма темной ночи не мог видеть, куда они сделали свой оборот, к Синопу или к Румельским берегам, неизвестно. Поутру 9 дня при рассвете оно негде уже не видал, и потому, имея на флоте некоторые повреждения в мачтах, реях и стеньгах, для поправления потребностей пошел и остановился на якорях против Феодосиевской бухты»^[156].

Итак, 8 июля в 17 часов турки начали убежать. Ушаков всю ночь, до рассвета гнался за ними, а затем русская эскадра каким-то чудом перенеслась в 6 часов утра 9 июля на рейд Феодосии, хотя, в соответствии с рапортом, она должна была идти туда как минимум сутки, а то и более, так как Ушаков преследовал турок по ветру. А уже в 10 часов утра 9 июля на всех кораблях, стоявших на якоре, служили молебны. Риторический вопрос: за кем и где гонялся всю ночь Ушаков? Может, он просто кружил в видимости Феодосии?

Потери эскадры Ушакова составляли убитыми 2 офицера и 27 нижних чинов и ранеными 4 офицера и 64 нижних чина. «Повреждения в корпусе на судах весьма мало, кроме что ядрами простреляны на некоторых кораблях мачты, стеньги и реи, перебито немалое число такелажа и паруса простреляны».

Следует заметить, что Ушаков вывел к Керчи все, что могло плавать, а Гуссейн-паша расплыл свои силы. Так, два корабля было направлено в Синоп для конвоирования в Стамбул спущенного в Синопе 74-пушечного корабля. Из 14 турецких фрегатов, находившихся в Черном море, в бою участвовало только 8. А где были остальные? Наконец, 2 корабля и 11 фрегатов занимались ловлей в Архипелаге пирата Ламбро Качиони, о котором будет рассказано далее. Если бы у турок хватило ума собрать весь флот в кулак, то вместо 10 кораблей и 8 фрегатов они имели бы у Керчи 14 кораблей и 25 фрегатов.

Это было первое сражение, где Ушаков командовал всей русской эскадрой. Официально считается, что тут он отошел от ряда рутинных приемов морского боя. Он не побоялся в начале боя расчлнить свой строй, когда это потребовалось для сосредоточения сил в главном месте боя – в авангарде. Он также не задумался и прорезать турецкую линию, когда это

позволила перемена ветра, и стал во главе флота, разрешая своим кораблям не соблюдать порядка номеров в то время, когда считалось незыблемым правилом – начальнику или находиться в середине кардебаталии (центра), или наблюдать за боем и управлять им со стороны, имея свой фланг на фронте. Наконец, он в заключительный период боя (5 часов вечера) сделал попытку сосредоточить силы против неприятельского арьергарда, что явилось, вопреки рутине, естественным преимуществом занявшего наветренное положение.

Князь Потемкин не преминул разрекламировать керченское сражение перед императрицей: «...бой был жесток и для нас славен тем паче, что и жарко, и порядочно контр-адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, у которого были учителя [иностранцы инструкторы. – А. Ш.]. Как и прежде доносил: разбил сильно и гнал до самой ночи; три корабля у них столь повреждены, что в нынешнюю кампанию, не думаю, быть им в море, а паче адмиральский, которого флаг шлюбною с корабля “Георгия” взят. Контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств. Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней. Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель. Не оставьте, матушка, его».

Екатерина в том же духе отвечала Светлейшему: «Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчерась молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным». Хотя сама прекрасно понимала, что результат сражения был ничейный, или, как говорят в спорте, Ушаков выиграл по очкам. Соответственно, была невелика и награда императрицы Ушакову – орден Святого Владимира 2-й степени.

В Стамбуле было торжественно объявлено о победе Гуссейна над Ушак-пашой и потоплении четырех русских фрегатов. Опровергнуть официальную версию было некому, так как эскадра Гуссейна после боя ушла в Варну.

Утром 2 августа 1790 г. к Ушакову прибыл гонец от секунд-майора Николаева, командира Греческого легиона (полка). Греки в Балаклаве увидели «разбитый» турецкий флот в числе 62-х вымпелов. Далее цитирую очередной рапорт Ушакова Потемкину: «Получая оный рапорт, нимало не мешкав ездил сам к Георгиевскому монастырю, и по осмотру моему оказалось флота неприятельского кораблей и фрегатов не более 12 и около 20 мелких разного рода судов, при северо-западном ветре путь свой продолжают к востоку и при осмотре моем проходили уже они и закрывались при Балаклавской бухте за мыс Айя»^[157].

Думаю, что если эту цитату прочитать вне контекста, то можно подумать, что речь идет о каком либо гусаре типа Дениса Давыдова – прыгнул в седло и... Боевые адмиралы же, «не мешкав», приказывают поднять паруса – и в погоню за врагом!

Предвижу возмущение «квасного» оппонента: у Ушакова корабли еще не были отремонтированы после боя у Керчи. Тогда кто же выиграл баталию 8 июля, если разбитый Гуссейн опять шляется у Севастополя, а русские корабли настолько побиты, что даже из гавани выйти не могут?

Эскадра Гуссейна, как и месяц тому назад, повторила свой поход от Севастополя вдоль крымского берега до Двужкорной бухты, а затем вернулась назад и вечером 9 августа вновь показалась у Балаклавы.

Гуссейн и сам не считал себя побитым. 9 августа 29 турецких судов появились около Балаклавы. 10 августа турки были уже на траверзе Георгиевского монастыря у Севастополя. А Ушаков спокойно наблюдал в подзорную трубу неприятельскую эскадру и ничего не делал. Была же идеальная ситуация для сражения. В бою у Севастополя могли принять участие и все малые гребные и старые суда, например, 40-пушечные фрегаты «Лука Евангелист», «Осторожный», «Поспешный» и «Матвей Евангелист». Они имели мощную артиллерию, но из-за ветхости корпусов их не отпускали в дальние плавание – в шторм их могла постигнуть участь однотипного фрегата «Крым». При неудачном исходе боя можно было быстро уйти под защиту береговых батарей. Но, увы, русская эскадра так и не подняла якорей. А о причине этого можно лишь только гадать. Не принимать же всерьез версию В. Д. Овчинникова: «Федор Федорович немедленно распорядился о приготовлении флота. Однако выходить немедленно в море не было резона. Завязав бой с частью турецкого флота, он тем самым неминуемо бы подверг Севастополь опасности нападения другой части флота Гуссейна. Федор Федорович ждал случая для генерального сражения»^[158]. Если бы Гуссейн сошел с ума и влез в Севастопольскую бухту, он в течение нескольких часов был бы расстрелян береговыми батареями. Вспомним, как турки еще в 1778 г. ретировались из Ахтиарской бухты, увидев полевые пушки Суворова. А в 1790 г. Севастополь прикрывали многочисленные береговые батареи, часть из которых имела каменные казематы.

17 августа 1790 г. опять секунд-майор Николаев из Балаклавы шлет гонца к Ушакову с сообщением о прибытии туда 34-х турецких судов. Адмирал, «нимало не мешкав», берется за перо строчить рапорт Светлейшему.

А Потемкин тем временем (18 августа) отписывает грозный ордер

Ушакову: «Сейчас получил я рапорт от генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова, что 27^[159] числа пополудни показался пред устьями Днестровскими флот неприятельский слишком в сорока судах. Тот ли, что был виден на берегах таврических, заключить точно нельзя, но пора вам выходить для соединения и потом искать его атаковать. При сих случаях не должно заниматься стрельбою издали, но подходить как можно ближе, чтобы заряды не терялись напрасно»^[160].

Неужто у Светлейшего склероз, и он забыл, что во всех сражениях Ушаков подходит к басурманам «на пистолетный выстрел»?

25 августа эскадра Ушакова покинула Севастополь и двинулась к Очакову. В ее составе было 5 кораблей, 11 фрегатов^[161], 17 крейсерских судов, бомбардирский корабль «Рождество Богородицы» и два брандера. Для защиты Севастополя там были оставлены бомбардирский корабль, три фрегата и шхуна.

Утром 28 августа русская эскадра появилась у острова Тендра, где стояли на якорях между Тендрой и Гаджибеем 14 турецких кораблей, 8 фрегатов и 23 малых судна. Между Гаджибеем и островом Ада находилась Лиманская гребная флотилия генерал-майора де Рибаса. Однако сия флотилия в сражении участия не приняла «за противным ветром и великим волнением». Думается, что волновалось не столько море, сколько сам генерал-майор.

Ушаков двинулся на турок, построив корабли и фрегаты в три колонны, а малые суда – в четыре колонны по пять судов в каждой. Гуссейн-паша выстроил свои корабли в линию, позади которой находилось 8 фрегатов, а за фрегатами – малые суда.

В 3 часа пополудни русская эскадра открыла огонь. Через два часа передовые турецкие корабли сделали поворот и начали уходить. Построение турецкой, а затем и русской эскадр нарушилось. Началась попросту свалка. В таком положении противников застала ночь, когда большинство судов обеих эскадр стало на якорь. Утром капитан фрегата «Амвросий Медиоланский» М. Н. Нелединский с удивлением обнаружил, что он стоит посреди турецкой эскадры. Находчивый капитан приказал не поднимать Андреевский флаг (а может, поднял турецкий?!). По приказу Гуссейна-паши «Амвросий» поднял якорь и пошел вместе с турецкой эскадрой, постепенно отставая.

Кроме лжетурка «Амвросия» от эскадры отстали сильно поврежденные корабли: 66-пушечный «Мелеки Бахри» («Царь морей») и 74-пушечный «Капудание» (на нем был второй флагман турок Саит-бей).

Отставая, турки были окружены русскими кораблями и фрегатами. Кара-Али, командир «Мелеки Бахра», был убит русским ядром, а экипаж корабля спустил флаг. Корабль был отведен в Херсон на ремонт, где «Царь морей» превратился в «Иоанна Предтечу». При этом число орудий было уменьшено до 66. 29 ноября 1790 г. отремонтированный «Предтеча» прибыл в Севастополь и вошел в эскадру Ушакова.

«Капудание» был настигнут кораблем авангарда «Преображение Господне» и фрегатами «Апостол Андрей» и «Святой Георгий Победоносец». Позже подошли и другие русские суда. «Капудание» вел с ними упорный бой не менее четырех часов. В 2 часа дня к «Капудание» на 30 сажень (64 метра) подошел флагманский корабль Ушакова «Рождество Христово» и открыл огонь. К 3 часам турецкий корабль был полностью разбит и горел, и только тогда на нем спустили флаг.

Русские шлюпки под командованием аудитора греческого полка Курика пристали к «Капудание», чтобы захватить его. Но им удалось лишь снять девятнадцать пленных, среди которых был и раненый Саит-бей. Затем турецкий корабль взорвался. Позже с обломков корабля сняли еще 81 турка.

В это время к эскадре Ушакова присоединилась Лиманская флотилия де Рибаса. По неясным причинам Ушаков не решился преследовать основные силы турецкого флота. По словам того же Овчинникова: «Усиливавшийся ветер и повреждения в рангоуте и такелаже не позволили Ушакову продолжить преследование противника, под всеми парусами уходящего в море. Российский командующий отдал приказ прекратить погоню»^[162]. Преследовали турок лишь корсарские суда. Туркам уходить ветер не мешал, и у них на всех судах, кроме «Капудание» и «Мелеки Бахра», рангоут и такелаж в полном порядке, а вот у победителя Ушакова на всех без исключения судах рангоут разбит!? Нет, привил-таки Марк Войнович знаменитому флотоводцу принцип: «Тише едешь, дальше будешь».

Кстати, и сам Ушаков в донесении в Адмиралтейство 8 сентября 1790 г. писал: «Во время боя с нашей стороны на всем флоте убитых разных чинов 21, раненых 25 человек, повреждений в судах весьма мало»^[163].

Потемкин ордером по Черноморскому флоту торжественно объявил: «Знаменитая победа, одержанная Черноморскими Ее Императорского Величества силами под предводительством контр-адмирала Ушакова в 29 день минувшего августа над флотом турецким, который совершенно разбит». И царице Светлейший отписал: «Вот, императрица, Бог даровал

победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит». Екатерина наградила Ушакова орденом Святого Георгия 2-й степени и дала 500 душ в Белоруссии.

Султан Селим III также объявил капудана-пашу Гуссейна победителем. Гуссейн был объявлен Гази, то есть великим. Ему была пожалована соболья шуба и бриллиантовое перо на тюрбан. Тринадцати его капитанам «были пожалованы золотые перья на тюрбаны». Двум английским «советникам» выдали по пять мешков пиастров на нос.

Уже два столетия историки превозносят Ушакова за изобретение «морского резерва». Увы, этот прием был придуман Потемкиным, и дабы поставить тут точку, процитирую Ордер Потемкина Ушакову от 7 сентября 1790 г.: «Уже из опытов ваше превосходительство дознали, что, атакуя сильно флагманские турецкие суда, другие легко понуждаются к бою, а чтоб сие впредь с большею силою производить, то имейте при себе всегда “Навархию”, “Макроплию” и “Григория Великия Армении”, ежели он крепок. Сей небольшой фрегат при его хорошей артиллерии, особливо единорогов картаульных и полукартаульных, в ближней дистанции может с большою пользою служить, тем паче, что он способнее к изворотам. Определите на него искусного и храброго офицера. Великошапкин, уповаю, годится, но вы поставьте, кого лучше знаете, и снабдите людьми. Сии форзейли вашего корабля составят эскадру, которую именовать **“кейзер-флаг эскадра”**. С сими при первом случае с божиею помощию налягте на капитан-пашинский или вице-адмиральский корабль, а другим кораблям прикажите занимать прочие их корабли»^[164].

В кинофильме «Адмирал Ушаков» наш Федор Федорович предоставляет шпаргалку Светлейшему, и тот, периодически заглядывая в оную, диктует ордер Попову. Оценить сию версию я предоставляю читателям.

30 сентября 1790 г. Севастопольская эскадра получила очередное пополнение. Бригадир П. В. Пустошкин из Таганрога привел два 46-пушечных фрегата – «Царь Константин» и «Федор Стратилат». Оба фрегата были построены на верфи Рогожские Хутора. Вместе с ними прибыли десять крейсерских судов и одна бригантина с грузом канатов и других корабельных принадлежностей.

15 октября 1790 г. Севастопольская эскадра вышла в море для прикрытия гребной эскадры, шедшей из Лимана к устью Дуная. Подробнее об этом будет рассказано в следующей главе. Свыше двух недель эскадра находилась в районе устья Дуная, а 14 ноября вернулась в Севастополь. Соприкосновений с турецкой эскадрой не было. На следующий день (15

ноября) по прибытии Ушаков приказал разоружить суда эскадры (речь идет о парусах, а не о пушках) на зимний период.

18 ноября 1790 г. 38 пленных шведов, служивших на кораблях Севастопольской эскадры, попросились домой, узнав о заключении мира со Швецией. Замечу, что сотни шведов служили на судах гребного флота, действовавших в Лимане и на Дунае.

10 декабря 1790 г. по приказу Светлейшего пленных шведов «снабдили прогонными деньгами, заслуженным жалованьем и за один месяц провиантом» и отправили в Петербург и далее на родину.

20 ноября 1790 г. Ушаков приказал исключить из состава Севастопольской эскадры старые суда, негодные к плаванию в море: фрегаты «Лука Евангелист», «Иоанн Воинственник», «Покров Богородицы», «Кирилл Белозерский», «Амвросий Медиоланский», «Никита Мученик», «Архангел Гавриил»; бомбардирский корабль «Страшный» и прочие стоящие в Севастополе затопленные и негодные суда. Адмирал приказал «из них выбрать по способности два для содержания при Севастополе брандвахты, два для магазина, один на пловучий киленбанок и один на кран к постановлению на корабли мачт, и затем прочие негодные все велено разобрать».

Завершить рассказ о кампании 1790 г. стоит донесением русской разведки из Константинополя о состоянии турецкого флота на ноябрь 1790 г., то есть на конец кампании.

«Возвратившиеся из Черного моря:

12 линейных кораблей о 50 и 60 пушках,

14 фрегатов о 20 и 40 пушках,

4 бомбарды,

11 кирлангичей,

12 канонерских лодок,

1 бригантина о 16 пушках,

1 бриг.

Итого – 55 парусов.

Находящиеся ныне в Архипелаге:

2 линейных корабля о 56 и 60 пушках,

11 фрегатов о 20 и 32 пушках,

4 канонерские лодки,

6 кирлангичей.

Итого – 23 паруса.

2 галеры, находящиеся в здешнем арсенале, нынешний год не выехали, 1 новый фрегат, который ожидают, он строится в Синопе, 1 фрегат построен в Бутрунто в Архипелаге, 3 линейные корабля, которые по словам капитан-паши оставлены в Синопе для препровождения нового реченного фрегата.

Итого – 85.

В сем состоит вся сила оттоманская для будущей кампании назначенные. Капитан же паша подал записку Порте, что недостающую флотилию оставил он в разных черноморских гаванях.

В устье Дуная, называемом Килли Богаси:

30 канонерских лодок,

20 кирлангичей.

В другом устье Дуная, называемом Сунне Багаси:

15 канонерских лодок,

15 плоских лодок.

В другом устье Дуная, называемом Портица Богаси:

2 бомбарды,

16 кирлангичей,

8 канонерских лодок.

В Измаиле:

10 канонерских лодок,

4 бригантины.

В Варне и Каварне:

7 канонерских лодок,

5 кирлангичей,

2 бригантины.

4 кирлангича и другие транспортные суда в разных пристанях черноморских.

Итого – 138»^[165].

Глава 7. Боевые действия на Дунае

В кампанию 1790 г. на суше первой боевые действия начала австрийская армия принца Кобургского. Весной австрийцы овладели турецкой крепостью Орсово, а затем осадили крепость Журжу (Журжево). Однако удачная вылазка турок 18 июня заставила австрийцев снять осаду Журжи.

13 июня австрийцам удалось одержать победу над турками у Калофата, но на этом успехи «цесарцев» закончились. Принц Кобург получил известие, что турки собираются наступать от Журжи к Бухаресту. И Кобург написал письмо Суворову с просьбой о помощи. 13 июля Суворов выступил из Гирлешти и 31 июля прибыл в Ауфмац, где расположился лагерем в трех часах езды от Бухареста.

Но в этот момент ситуация коренным образом изменилась – Австрия начала сепаратные переговоры с Турцией, и было заключено перемирие. Суворов мог быть окружен превосходящими силами турок. В связи с этим Потемкин приказал корпусу немедленно возвращаться назад. 2 августа он писал Екатерине: «Генерала графа Суворова я отправил в подкрепление австрийцев к Букарешту, но теперь необходимо его оттуда взять должно, ибо что копилось противу союзников, обратиться уже на него одного, и он, будучи отрезан брайловским и силистрийским неприятелем, не в состоянии возвратиться без большой потери». 4 августа корпус Суворова начал отступление. По указанию Потемкина он расположился у Фурчени.

Река Серет стала демаркационной линией между австрийскими и русскими войсками. Согласно соглашению с Турцией австрийцы не должны были пропускать русские войска в Валахию. Теперь русская армия могла действовать на ограниченном участке, а именно, в низовьях Дуная, где господствовала крепость Измаил.

В 1789 г. на Дунае вторично (после 1772 г.) создается русская военная флотилия. В этом году из Днепра на Дунай прибыл отряд судов под командованием капитана 1-го ранга Ф. А. Ахматова.

2 октября 1790 г. Потемкин приказал гребной Лиманской флотилии генерал-майора де Рибаса войти в Дунай. На переходе моря ее должна была прикрывать Севастопольская эскадра Ушакова. Флотилия де Рибаса состояла из 33 судов (22 лансонов^[166], 6 дубель-шлюпок, двух катеров, двух шхун и одного бомбардирского корабля «Константин»), 48 казацких лодок и нескольких транспортов.

15 октября 1790 г. Ушаков вывел в море Севастопольскую эскадру. В ее составе было 5 кораблей, 12 фрегатов, репетичное судно «Полоцк», бомбардирский корабль «Рождество Богородицы» и 23 крейсерских судна. Целью операции было обеспечение проводки морем гребных судов до устья Дуная. 20 октября эскадра подошла к Аккерману, а на следующий день – к устью Дуная. Но выход запоздал – эскадра подошла к флотилии де Рибаса близ устья Дуная. Таким образом, Гуссейн-паша имел реальный шанс уничтожить флотилию де Рибаса на переходе морем.

19 октября флотилия де Рибаса напала на турецкие суда в Сулинском устье (гирле) Дуная. В ходе двухдневного боя одно большое гребное судно турок было взорвано, захвачено 7 купеческих судов. На берег было высажено 600 гренадер, которые взяли штурмом две турецкие батареи.

Авангард Дунайской флотилии под командованием капитана Ф. А. Ахматова 6 ноября подошел к турецкой крепости Тульча. Навстречу им вышла флотилия из 17 турецких судов. В ходе жаркой артиллерийской дуэли два турка взлетели на воздух, а остальные пошли вверх по течению, при этом их команды высадились на берег и стали волочь свои суда бечевой, как бурлаки.

Ахматов приказал преследовать турок. Две русские канонерки и шесть казацких лодок пошли на веслах против течения Дуная. С остальных же судов были высажены на берег 50 гренадер и бечевщики^[167]. Впереди по берегу шли гренадеры, а за ними бечевщики волокли остальные суда отряда Ахматова.

Турки, увидев погоню, пришли в замешательство и отпустили четыре канонерки вниз по течению, которые перехватили русские. А ночью турки подожгли остальные свои суда. Зрелище горящих судов напугало гарнизон в крепости, и турки, открыв ворота, ринулись в степь кто куда. На рассвете 7 ноября десантники Ахматова вошли в пустую Тульчу.

К крепости Исакча подошел отряд гребных судов капитан-лейтенанта Литке. Турки при виде русских подожгли 32 своих судна, команды которых сбежали на берег. Затем повторились события в Тульче – гарнизон Исакчи испугался горящих судов и бросил крепость. Русские десантники нашли там большие запасы провианта и боеприпасов для турецкой армии и Дунайской флотилии. При всем при том в отряде Литке не было ни убитых, ни даже раненых.

Через несколько дней все отряды русской Дунайской флотилии соединились, и 17 ноября все вместе подошли к Измаилу. Русская флотилия прошла мимо Измаила и стала на якорь выше, у берега острова Чатал. 18 ноября де Рибас высадил на остров Чатал 5 батальонов пехоты с

артиллерией под начальством генерал-майора Арсеньева, и в тот же день двинулся с флотилией к Измаилу. Десантный отряд должен был занять часть острова напротив береговой стороны Измаила и построить на нем батареи для действия против крепости и турецкой флотилии. До возведения батарей де Рибас не мог приблизиться к Измаилу.

Турки, желая подвести флотилию под огонь, выслали на правый берег реки Репида часть конницы для действий по русским судам во фланг и выдвинули к устью Репиды 5 лансонов, которые должны были открыть огонь по русским судам и потом отступить к редуту Табии, завлекая за собой неприятеля.

Де Рибас выслал часть судов, которые, взорвав один турецкий лансон, принудили остальные отступить к Измаилу. Конница была отброшена к крепости небольшим отрядом, высаженным с нашей флотилии на левый берег Дуная. Отряд этот занял постами все течение Репиды до озера Кугурлуй.

19 ноября работы по возведению батарей на острове Чатал продолжались. Для отвлечения внимания турок от этих работ вечером того же дня флотилия де Рибаса и суда запорожских казаков приблизились на пушечный выстрел к Измаилу и открыли огонь, наносивший урон крепости и особенно турецкой флотилии.

Для уничтожения последней де Рибас на рассвете 20 ноября направил 6 брандеров под прикрытием 6 лодок. Однако сильное течение отнесло брандеры от турецких судов.

К 6 ч. 30 мин. утра 20 ноября наши батареи на Чатале были закончены и открыли огонь, принудивший турок, бросив суда и очистив редут Табию, искать убежища в крепости. Редут был занят русским десантом, а часть турецких судов уничтожена. Вслед за этим запорожские казаки, высадившись на берег, стали готовиться к атаке береговых батарей. Но в это время из крепости вышла турецкая пехота, и казакам пришлось возвратиться на суда и отплыть к Чаталу.

Турки произвели превосходящими силами несколько отчаянных атак на редут Табия. В час дня де Рибас приказал оставить редут и отплыть под прикрытием батарей острова. Огонь с обеих сторон продолжался до 3 часов дня. В 4 часа турки предприняли высадку на Чатал, но потерпели неудачу.

Со дня своего прибытия к Измаилу и до 20 ноября русская флотилия захватила 77 турецких судов и 124 орудия. 210 неприятельских судов с находившимися на них 340 орудиями были потоплены. Русские потеряли 3 лансона, 87 человек было убито и 238 ранено.

21—22 ноября к Измаилу подошла 31-тысячная русская армия.

Командовать ею собирался сам Потемкин, но позже раздумал и остался в Яссах. Командовали же армией два неподчиненных друг другу генерал-поручика – И. В. Гудович и П. С. Потемкин (двоюродный брат фаворита). Командующий речной флотилией генерал-майор де Рибас был младше их по чину, но подчиняться генерал-поручикам не имел ни малейшего желания.

Измаил же являлся одной из самых сильных крепостей Турции. Со времени войны 1768–1774 гг. турки под руководством французского инженера Де-Лафит-Клове и немца Рихтера превратили Измаил в грозную твердыню. Крепость была расположена на склоне высот, покатых к Дунаю. Широкая лощина, простиравшаяся с севера на юг, разделяла Измаил на две части, из которых большая, западная, называлась старой, а восточная – новой крепостью. Крепостная ограда бастионного начертания достигала 6 верст длины и имела форму прямоугольного треугольника, прямым углом обращенного к северу, а основанием – к Дунаю. Главный вал достигал 8,5 метров высоты и был обнесен рвом глубиной до 11 метров и шириной до 13 метров. Ров местами был заполнен водой. В ограде было четверо ворот: на западной стороне – Царьградские (Бросские) и Хотинские, на северо-восточной – Бендерские, на восточной – Килийские. Ворота оборонялись 260 орудиями, из которых 85 пушек и 15 мортир находились на речной стороне. Городские строения внутри ограды были приведены в оборонительное состояние. Было заготовлено большое количество огнестрельных и продовольственных запасов. Гарнизон крепости состоял из 35 тысяч человек. Командовал гарнизоном Айдозли-Махмет-паша.

Русские войска обложили Измаил и бомбардировали крепость. Сераскиру было послано предложение сдать Измаил, на что был получен издевательский ответ. Генерал-поручики созвали военный совет, на котором было постановлено осаду снять и отходить на зимние квартиры. Части генерал-поручиков начали медленно отходить, а флотилия де Рибаса осталась у Измаила, и ее деятельность ограничивалась блокадой со стороны реки. Кроме того, 8 артиллерийских батарей на острове Чатал периодически постреливали по Измаилу.

Еще не зная о постановлении военного совета, Потемкин решил назначить командующим осадой генерал-аншефа Суворова. Суворов был наделен весьма широкими полномочиями. 29 ноября Потемкин писал Суворову: «...предоставляю вашему сиятельству поступить тут по лучшему вашему усмотрению продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением онаго».

2 декабря Суворов прибыл к Измаилу. Вместе с ним из его дивизии

прибыли фанагорийский полк и 150 мушкетеров апшеронского полка. К 7 декабря под Измаилом было сосредоточено до 32 тысячи войск и 40 орудий полевой артиллерии. Около 70 орудий было в отряде генерал-майора де Рибаса, расположенного на острове Чатал напротив Измаила, и 500 орудий – на судах. Орудия отряда де Рибаса не уходили на зимние квартиры, а оставались на прежних семи огневых позициях. С этих же позиций артиллерия де Рибаса обстреливала город и крепость Измаил в период подготовки к штурму и в ходе штурма. Кроме того, по распоряжению Суворова 6 декабря была заложена еще одна батарея на 10 орудий. Таким образом, на острове Чатал было восемь батарей.

Свои войска Суворов расположил полукружьем в двух верстах от крепости. Их фланги упирались в реку, где флотилия де Рибаса и отряд на Чатале довершили обложение. Несколько дней подряд производились рекогносцировки. Одновременно заготавливались лестницы и фашины. Чтобы дать понять туркам, что русские собираются вести правильную осаду, в ночь с 7 на 8 декабря на обоих флангах были заложены батареи на 10 орудий каждая, две – с западной стороны в 340 м от крепости, и две – с восточной стороны, в 230 м от ограды. Для обучения войск производству штурма в стороне был вырыт ров и насыпаны валы, подобные измаильским. В ночь на 8 и 9 декабря Суворов лично показывал войскам приемы эскалады и учил действовать штыком, причем фашины представляли турок.

7 декабря в 2 часа дня Суворов послал коменданту Измаила записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу: Я с войсками сюда прибыл. 24 ч. на размышление для сдачи и воля; первые мои выстрелы уже неволя; штурм – смерть. Чего оставляю вам на рассмотрение». На другой день пришел ответ от сераскира, который просил разрешения послать двух человек к визирю за повелением и предлагал заключить перемирие на 10 дней 9 декабря. Суворов ответил, что он на просьбу сераскира согласиться не может и дает срок до утра 10 декабря. В назначенный срок ответа не последовало, и участь Измаила была решена. Штурм был назначен на 11 декабря.

Накануне штурма, в ночь на 10 декабря, Суворов отдал войскам приказ, который воодушевил их и вселил в них веру в предстоящую победу: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам предлежит не сражение, которое бы в воле вашей отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании, и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза

осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается, в третий раз, или победить, или умереть со славою». Приказ Суворова произвел на солдат сильное впечатление.

Подготовка штурма началась артиллерийским огнем. С утра 10 декабря около 600 орудий открыли мощный артиллерийский огонь по крепости и вели его до глубокой ночи. Турки отвечали из крепости огнем 250 орудий, но безрезультатно. Действия русской артиллерии были очень эффективными. Достаточно сказать, что к вечеру артиллерия крепости была совершенно подавлена и прекратила огонь. «...По восхождении солнца, с флотилии, с острова и с четырех батарей, на обеих крылах в берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась беспрерывно до самых пор, как войски на приступ приняли путь свой. В тот день из крепости сначала ответствовано пушечною пальбою живо, но к полудни пальба умаялась, а к ночи вовсе пресеклась и через всю ночь было молчание...»

В 3 часа дня 11 декабря взвилась первая сигнальная ракета, по которой войска построились в колонны и двинулись к назначенным местам, а в 5 часов 30 минут по сигналу третьей ракеты все колонны пошли на штурм.

Турки подпустили русских на дистанцию картечного выстрела и открыли огонь. Первая и вторая колонны Львова и Ласси успешно атаковали Бросские ворота и редут Табия. Под огнем противника войска овладели валом и штыками проложили дорогу к Хотинским воротам, через которые в крепость вошли конница и полевая артиллерия. Третья колонна Мекноба остановилась, так как на данном участке подготовленные к штурму лестницы оказались недостаточно длинными, и их пришлось связывать по две. С огромными усилиями войскам удалось взобраться на вал, где они встретили упорное сопротивление. Положение спас резерв, который позволил опрокинуть турок с крепостного вала в город.

Четвертая колонна Орлова и пятая Платова достигли успеха после жестокой схватки с турецкой пехотой, внезапно сделавшей вылазку и ударившей в хвост четвертой колонне. Суворов немедленно выслал резерв и вынудил турок отойти в крепость. Первой взойшла на вал пятая колонна, а за ней – четвертая.

В наиболее трудном положении оказалась шестая колонна Кутузова, которая атаковала новую крепость. Войска этой колонны, достигшие вала, подверглись контратаке со стороны турецкой пехоты. Однако все контратаки были отражены, войска овладели Килийскими воротами, что позволило усилить наступавшую артиллерию. При этом «достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голеницев-Кутузов мужеством своим

был примером подчиненным».

Большую роль в штурме Измаила сыграла Дунайская флотилия. С вечера 10 ноября 567 орудий флотилии открыли огонь по Измаилу и вели его до утра. Со стороны реки почти все турецкие батареи были подавлены, а укрепления сильно повреждены. Вечером 10 декабря Дунайская флотилия понесла серьезную потерю: погибло ее самое крупное судно – бомбардирский корабль «Константин»^[168]. В пороховой погреб «Константина» попала турецкая бомба, и он взлетел на воздух. Погиб весь экипаж.

Со стороны реки крепость штурмовал девятитысячный отряд де Рибаса, расположенный на острове Чатал. Утром суда флотилии, построившись в две линии, двинулись к крепости. В первой линии было 145 легких судов и запорожских лодок с десантом, а вторую составляли 58 более крупных судов, осуществлявших огневую поддержку. На правом фланге высадились колонна генерал-майора Арсеньева в составе трех батальонов пехоты и двух тысяч запорожцев; в центре десантировалась колонна бригадира Чепиги с тремя батальонами пехоты и тысячей запорожцев, а слева – колонна секунд-майора Маркова с тремя батальонами пехоты и тысячей запорожцев. В ходе упорного боя все три колонны ворвались в город. В ходе штурма на судах флотилии (без десанта) было убито 95 человек и 224 ранено.

Содержание второго этапа штурма составляла борьба внутри крепости. К 11 часам русские войска захватили Бросские, Хотинские и Бендерские ворота, через которые Суворов двинул в бой резервы. Многочисленный турецкий гарнизон продолжал сопротивляться. Хотя турки не имели возможности маневрировать, и без поддержки артиллерии их борьба была малоэффективна, все же они упорно дрались за каждую улицу и каждый дом. Турки «дорого продавали свою жизнь, никто не просил пощады, самая женщины бросались зверски с кинжалами на солдат. Остервенение жителей умножало свирепость войск, ни пол, ни возраст, ни звание не были пощажены; кровь лилась повсюду – закрыем завесой зрелище ужасов». Когда так пишут в документах, нетрудно догадаться, что на самом деле население было просто вырезано.

Известным новшеством стало применение русскими легких полевых орудий в уличных боях. Так, например, комендант крепости Айдозли-Махмет-паша засел в ханском дворце с тысячью янычар. Русские вели безрезультатные атаки более двух часов. Наконец были наведены орудия майора Островского, огнем которых разрушили ворота. Фанагорийские гренадеры пошли на штурм, перекололи всех находившихся внутри дворца.

Артиллерией был разбит армянский монастырь и ряд других зданий внутри крепости.

К 4 часам дня город был окончательно взят. 26 тысяч турок и татар (военнослужащих) было убито, а 9 тысяч взято в плен. Потери же гражданских лиц в те времена афишировать было не модно. В крепости было взято 245 орудий, из них 9 мортир. Кроме того, на берегу было захвачено 20 орудий. Трофеями русских стали 3 тысячи пудов пороха, 20 тысяч ядер и на 10 миллионов пиастров золота, серебра и драгоценных камней^[169]. Моряки и казаки Дунайской флотилии захватили 8 лансонов, 12 паромов и 22 различных малых судна.

Потери русских составили 1879 человек убитыми и 3214 ранеными. По тем временам это были огромные потери, но игра стоила свеч. В Стамбуле началась паника. Султан во всем обвинил великого визиря Шериф-Гассана-пашу. Голова несчастного визиря была выставлена у ворот султанского дворца.

О роли Дунайской флотилии говорят ее потери: 95 человек убитых, 224 раненых. При штурме потоплены три лансона (№ 1, № 11 и № 14).

В следующем 1791 г. генерал-майор де Рибас, командовавший флотилией, действовал не менее удачно, поддерживая наступление сухопутных войск. Флотилия охраняла берега, переправы сухопутных частей, наводила мосты, в том числе у Галаца.

В марте 1791 г. флотилия участвовала в рейде на Браилов отряда генерал-лейтенанта Голицына. Утром 30 марта 50 судов Дунайской флотилии под командованием капитанов 1-го ранга Поскочина и Лаврова высадили Днепровский полк. Далее русские суда подавили огонь турецкой береговой батареи на полуострове Кунцефан. 31 марта судовая артиллерия, а также пушки десанта бомбардировали Браилов. Городу были причинены большие разрушения. Кроме того, были потоплены турецкие суда: три канонерские лодки и четыре бомбарды^[170]. Утром 1 апреля Голицын вернул десанты на суда и благополучно возвратился на левый берег Дуная.

В ночь на 23 июня Дунайская флотилия производила переправу через Дунай войск князя Голицына в четырех верстах выше Галаца на полуостров Кунцефан. Из-за сильного ветра и течения переправа длилась всю ночь и весь день 23 июня. Турецкая флотилия в числе 50 судов пыталась атаковать русскую Дунайскую флотилию, но была обращена в бегство. При этом шесть турецких гребных судов были потоплены.

Действия Дунайской флотилии в 1790–1791 гг. приводятся в «Военной энциклопедии» 1912 г. как «лучший пример согласованных по общему

плану действий армии и флота»[\[171\]](#).

Глава 8. Кампания 1791 г.

Кампания 1791 г., как и всегда, была начата крейсерскими судами. Так, два крейсерских судна – «Феникс» и «Св. Климент папа Римский» – провели в конце марта – начале апреля рейд вдоль анатолийской берега между Синопом и Босфором. Турки боялись корсаров, да и море было беспокойно. Поэтому добыча оказалась невелика – всего одна соколева с грузом фруктов и холста. Экипаж ее состоял из девяти турок и шести греков. Еще два торговых судна выбросились на берег, и их экипажи разбежались, корсары взяли в плен лишь одного глубокого старца.

Еще одно крейсерское судно «Панагия Дусено» было послано 22 марта на поиск турецкого судна, замеченного у крымского берега между Ялтой и Судаком. Однако турка обнаружить не удалось.

В письме Потемкина от 12 апреля 1791 г. Ушаков раскрывает статус корсарских судов, базирующихся в Севастополе: «За долг почитаю донести вашей светлости о основании содержания при Севастополе находящихся крейсерских судов. Все находящиеся здесь крейсерские суда состоят оценены, сколько которое стоит. Самая малая часть за оные денег выдана хозяевам, а другим и вовсе ничего не выдано, посему состоят они все под командою тех самых командиров, которые и хозяева оных судов считаются, содержат они матросов наймом от себя и своим кочтом нанимают»^[172].

Этим адмирал в очередной раз подтверждает, что крейсерские суда практически являются «частными лавочками», с той разницей, что на мачте не «вьется по ветру веселый Роджер», а «гордо полощется Андреевский флаг».

В тот же день, но в другом письме Ушаков просит у Светлейшего разрешения продать захваченную соколеву, а вырученные деньги поделить между командами судов и адмиралом, так же как это было с делано с судами, захваченными корсарами осенью 1790 г. в районе Варны.

А чем занимался оттоманский флот в первом полугодии 1791 г.?

Успехи русских на Дунае заставили султана Селима III отправить эскадру Сеит-Али к устью Дуная в начале января 1791 г. Однако эскадра Ушакова в это время тихо зимовала в Севастополе, а войти в Дунай корабли Сеит-Али физически не могли из-за большой осадки. В результате 27 февраля эскадра вернулась в Константинополь.

19 мая турецкий флот вышел в море, но из-за сильного шторма вынужден был вернуться в Босфор.

В начале июня турецкий флот вновь вышел в море. Гуссейн и Сеит-Али прошли от Констанцы к устью Дуная, оттуда – к острову Березань, а затем начали крейсировать у южного берега Крыма. По турецким данным, их эскадра 28 июня стояла в 30 верстах от Севастополя, а затем крейсировала от Балаклавы до Двужкорной бухты до 2 июля. Любопытно, что о появлении турецкой эскадры Ушаков рапортовал Потемкину лишь 10 июля 1791 г.

20 июня турецкая эскадра пошла к Анапе, но, узнав, что она взята русскими, ушла восвояси. А все это время Федор Федорович почему-то оставался в Севастополе. Ведь опоздай на три дня Гудович со штурмом, у Анапы была бы трагедия почище, чем у Бибикова.

А ведь еще 11 мая Потемкин послал ордер Ушакову: «Я сим предписываю вам тотчас выступить по прошествии весенних штормов. Испрося помощь Божию, направляйте плавание к Румелийским берегам и если где найдете неприятеля, атакуйте его с Богом! Я вам поручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там так, чтобы наши берега были ему неприкосновенны». Однако пока ордер шел, пока его прочитали, пока раскачались... и лишь 10 июля Ушаков вышел в море. Слов нет – турецкий флот опять в виду Севастополя, а выходить в море – не повод, надо ждать ордера Потемкина.

Да и тут Ушаков вышел не в море, а из гавани, и стал на якорь, поскольку 12 июля «Ушаков обнаружил флот Гуссейна, который вновь подошел к Севастополю на расстояние пяти миль»^[173]. Два дня эскадры стояли друг против друга, но не начинали сражения. Тот же Овчинников пишет: «...через два дня разошлись. Гуссейн пошел в сторону Варны, а Ушаков вернулся в Севастополь, чтобы пополнить запасы и вновь выйти в море для решающего сражения». Ну и ну! Гуссейн гуляет полтора месяца по Черному морю и запасов у него хоть отбавляй, а Федор Федорович два дня постоял в пяти милях от родного Севастополя, и уже все запасы исчерпал.

Надо полагать, все было наоборот. Федор Федорович ушел в Севастополь, а Гуссейн с горя двинулся в Варну «пополнять запасы».

29 июля контр-адмирал Ушаков «пополнил запасы» и двинулся к румелийским берегам. В составе эскадры Ушакова были 7 кораблей, 11 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, 22 крейсерских судна и 2 брандера. В числе кораблей были: 80-пушечный «Рождество Христово» (флагман), остальные 66-пушечные – «Преображение Господне», «Св. Павел», «Св. Владимир», «Мария Магдалина», «Леонтий Мученик» и «Иоанн Предтеча» (последние два – бывшие турецкие корабли).

Из одиннадцати фрегатов девять, вооруженных от 50 до 44 пушек, числились кораблями – «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей», «Александр Невский», «Св. Николай», «Навархия», «Федор Стратилат», «Царь Константин», «Иоанн Богослов» и «Петр Апостол». Кроме того, в эскадре состояли и два фрегата: 40-пушечный «Преподобный Нестор» и 36-пушечный «Св. Марк» (бывшая турецкая галера).

В нашей исторической литературе бытует разночтение: два или три бомбардирских судна было у Ушакова. Объясняется это тем, что ряд авторов считает репетичное судно «Полоцк» бомбардирским.

В состав крейсерских судов входили: «Пагания Дусено» (командир лейтенант Глезе), «Карло Константин» (лейтенант Милиси), «Принцесса Елена» (лейтенант Вальяно), «Панагия Турляни» (лейтенант Кациати), «Панагия Понанди» (лейтенант Батисто), «Кеки Тавро» (лейтенант Купа), «Св. Николай» (лейтенант Фок), «Панагия Апотумангана» (лейтенант Гвороно), «Феникс» (лейтенант Бернадаки), «Св. Александр» (подпоручик Рази), «Слава Св. Георгия» (подпоручик Соломо), «Красноселье» (подпоручик Асланов), «Св. Андрей» (подпоручик Метелинский), «Св. Спиридон» (подпоручик Калига), «Георгий Победоносец» (шкипер Кораблев), «Граф Северный» (лейтенант Вальяно), «Чечерск» (прапорщик Калаврия), «Абельтаж» (майор Гунале), «Климент папа Римский» (подпоручик Ладыко), «Таганрогская» (лейтенант Личардопуло), «Надежда Благополучия» (прапорщик Рудив), «Донай» (капитан Скандараки), а также два брандера – № 1 (лейтенант Варваки) и № 2 (лейтенант Кундури).

31 июля на подходе к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил стоявшую под берегом турецкую эскадру. Эскадра состояла из 18 кораблей, 17 фрегатов и 43 малых судов. На берегу турки устроили батарею. Ушаков тремя колоннами и, не разворачиваясь в линию по регламенту Госта, прошел между турецкой эскадрой и берегом, не обращая внимания на огонь батареи, и выиграл у турок ветер.

Турки отмечали праздник курбан-байрам, и появление противника привело их в замешательство. Турки в спешке поднимали якоря, а то и просто рубили якорные канаты и ставили паруса. Два турецких корабля столкнулись. С одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт. Корабль без бушприта ушел в сторону Варны, а второй остался при эскадре. Командование, вопреки субординации, взял на себя Сеит-Али. Его корабль стал головным. Сблизившись с «Рождеством Христовым» на полкабельтова, Сеит-Али начал артиллерийскую дуэль. Старому пирату не повезло – ядром разбило фор-стенгу, и кусок ее попал в голову Сеит-Али. Эскадра кайзер-флага Ушакова – «Александр Невский», «Иоанн Предтеча»

и «Федор Стратилат» – попытались окружить корабль Сеит-Али, но два алжирских корабля кинулись защищать своего адмирала. Началась попросту свалка.

Далее все было, как и в предыдущих баталиях: турки начали уходить, а на кораблях Ушакова, как обычно, был сильно поврежден рангоут, чтобы их преследовать. Как писал сам Федор Федорович: «...прибавляя сколько можно парусов, старался его нагнать, но северный ветер, усиливаясь час от часу, сделался весьма крепкий, и развело великое волнение, при котором имел я на флоте также повреждения: в стеньгах, реях и парусах и на корабле “Александр” от подводных прострелов пушечных великую и опасную течь, притом не имея в той стороне безопасного убежища к исправлению, с крайним сожалением сию погоню принужденно оставил и, подошед со флотом в закрытие под берега мыса Эмене^[174], не в дальнем расстоянии остановился на якорях, где все повреждения флота исправлены».

По сообщениям русской разведки из Стамбула от 18 августа, в сражении у Калиакрии из 68 турецких судов приняло участие 21 судно, в том числе из 18 кораблей только 12, «...и сам капитан-паша не мог вступить в бой; что флот сражались без всякого устройства в линию и без наблюдения порядка и что кроме одного турецкого корабля (который чаятельно после баталии потонул, потому что нет поныне об оном никакой вести) не произошло иного в кораблях урона ни с той, ни с другой стороны»^[175]. Основные же силы турецкого флота после сражения не ушли в Босфор, а остались в море и собирались нападать на русских.

В бою русские потеряли 17 человек убитыми и 28 ранеными. Судовых потерь обе эскадры не имели.

После сражения Ушаков отправил фрегат «Св. Марк» и крейсерские суда пограбить купцов. Как писал Ушаков: «...при румельских берегах, а особо при Эмене, Мисемрии, Фаросе и Сизополе, многие суда, в том числе некоторые транспортные, с хлебом, везомым в армию, загнали на берега и выстрелами при оных затопили; людей, бежавших с них, при сопротивлении во множестве побили и потопили и 4 малые судна, взяв в плен, привели ко флоту, а как оные оказались взять с собою не способны, то также затоплены; пленных людей на оных взято 14 человек; а прочие все на барказах бежали и в погоне за ними побиты и потоплены. 2-го числа сего месяца шедшая от стороны Варны большая турецкая шебека под военным флагом, хорошо вооруженная, крейсерскими ж судами и “Макроплею”, не могучи уйтить, загнана на каменный подводный риф

мыса Эмене...

Став на мель, [шебека. – А.Ш.] от волнения налилась водою; люди, бывшие на оной в великом множестве, большею частию алжирские и дульцениоты, через бурун каменного рифа побросались вплавь на берег, но в волнении большей частию потонули, также некоторые побиты с наших барказов выстрелами, а прочие спаслись, и взошед на крутость горы, взяв от обывателей ружья, стреляли по нашим барказам и препятствовали взойти на судно, но выстрелами ж от наших отбиты. С одной шебеки на крейсерское судно «Панагия Апотумангана» лейтенантом Звороно сняты две медные 12-фунтовые пушки и флаг кормовой, догнал сие судно, от которого оно и побежало на берег; более ж с него за крепостию ветра ничего снять было невозможно, потому со всем его экипажем сожжено, 4-го числа флот был к походу и действию готов, но при противном переменном ветре и течении в желаемый путь следовать было невозможно; с утра ж оно число подошли в близость к нашему флоту от стороны Варны 4 шебеки под алжирскими флагами и 12 индриотских лодок с косыми парусами, похожие на вид кирлангичей, и заметно ошибкою почитали они наш флот своим, но, осмотрясь, побежали к стороне Константинополя, и всеми нашими крейсерскими судами под препровождением Макроплии «Св. Марка» весь день чинена за оными погоня; а как они были далеки еще на ветре, потому рассыпавшись в разные стороны, успели уйти, некоторые к стороне Константинополя, а другая к Варне»^[176].

Сражение у Калиакрии высоко оценивается нашими историками и публицистами. Так, Валерий Ганичев писал: «Адмирал Ушаков проявил то диалектическое понимание сущности боя, которое и знаменовало новое военное мышление, утверждало новую тактику морского боя. Это была выдающаяся морская победа XVIII века, которая поставила имя Ушакова в ряд самых знаменитых флотоводцев»^[177].

А вот что писал В. Д. Овчинников: «Многие турецкие корабли не имели ни мачт, ни стеньг, ни рей и практически все были с расстрелянными парусами. Но более всех оказались повреждены корабли капудан-паши и Сеит-Али, у которых были разломаны все мачты, разбиты нос, корма и множество пробоин зияло в бортах. Турецкий флот был “совершенно уже разбит до крайности” и в очередной раз бежал с поля боя. Наступившая темнота, густой пороховой дым, окутавший поле боя, и наступившее безветрие спасли его от полного разгрома и пленения.

На исходе дня, в половине девятого, Ушаков был вынужден прекратить погоню и стать на якорь. В полночь снова подул ветер, и он возобновил

преследование, однако в кромешной мгле это было бесполезно...

Палубы [турецких судов. – А.Ш.] были буквально завалены трупами и умирающими от ран. Только на флагманском корабле было 300 убитых и 375 раненых»^[178].

Нетрудно заметить, что у Овчинникова совсем не сходятся концы с концами. У турок якобы разбит такелаж и порваны все паруса, команда большей частью уничтожена. Кстати, при таком проценте потерь даже сейчас западные теоретики считают, что оставшиеся военнослужащие должны быть полностью деморализованы и небоеспособны. А тут команды состояли из сброда: турок, греков, славян и т. д., насильно согнанных на корабли (исключение составляли алжирцы). Такой флот голыми руками брать можно. Он не передвигаться, ни сопротивляться не может. А тут злодеи турки уходят в полном составе. От мыса Калиакрия до Босфора около 230 км. Не догнать разбитую турецкую эскадру на такой дистанции физически невозможно. Естественно, при наличии желания догнать.

Я писал о Калиакрии исключительно по отечественным источникам. Турецкого я не знаю, и мог только «клювом щелкать», перелистывая турецкое издание «Osmanli Bahriyesinin Mazisi» (Istanbul, 1995). Зато там есть хорошая картина, изображающее сражение у Калиакрии, где на переднем плане тонет корабль под Андреевским флагом, а остальные русские корабли в довольно плачевном состоянии. Кстати, турецкий султан объявил о блестящей победе при Калиакрии, где был потоплен один корабль русских и несколько фрегатов и крейсерских судов. Как видим, турки врали не хуже наших адмиралов.

Ну, допустим, тогда по каким-то соображениям врать было выгодно всем – адмиралу Ушакову, Светлейшему князю Таврическому и др. Но зачем сейчас кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ В. Д. Овчинников вместе с рецензентами доктором исторических наук, доктором юридических наук, профессором В. А. Золотаревым и доктором исторических наук, профессором В. П. Зимониным «наводят тень на плетень»? Как можно писать, что «только на флагманском корабле было 300 убитых и 375 раненых», то есть 675 человек выбыло из строя. Численности команды на турецком корабле я не знаю, но на его русских аналогах – 66- и 70-пушечных кораблях – от 700 до 740 человек, то есть потери составили от 90 до 97 процентов. И корабль спокойно ушел в Босфор. Да и как можно вывести из строя столько моряков, оставив на плаву парусный корабль? Разве что построить турок на палубе по стойке «смирно» и полчаса расстреливать картечью.

Екатерина II пожаловала контр-адмирала Ушакова орденом Св. Александра Невского, а в рескрипте императрицы было написано: «Знаменитая победа в конце последней кампании Черноморским флотом Нашим, Вами предводительствуемым, над таковым же турецким, одержанная в самой близости столицы оттоманской, куда флот неприятельский из среды моря загнан с великим его поражением, служит новым доказательством усердия к службе Нашей, особливо мужества и искусства Вашего, и приобретает Вам монаршее Наше благоволение».

Четырнадцать капитанов наших кораблей получили ордена Св. Георгия и Св. Владимира 2-й степени.

Естественно, что императрица и ее дипломаты на весь свет раструбили о великой победе. Но в личной переписке Екатерина и Потемкин давали сражению куда более скромную оценку.

Так, 1 августа 1791 г. Потемкин писал Екатерине: «Флот турецкий ушел от нашего ночью, а наш вошел на рейд ради исправления, мелочных починок и уравнивания интрюма. И через четыре дни выйдет. Теперь уже он в море быть должен. Я предписал стараться отгонять неприятеля, удерживаясь от решительного дела, ибо при начале переговоров риски не годятся, а ежели б разорвалось, чего не дай Боже, тогда уже повсеместно удар сделать. К тому же нужно пещись о присоединении кораблей: “Св. Троица” получает последние вооружения уже у Еникалы, да “Богоявление” под Очаковом, затем – “Сошествие” и “Григорий” будут готовы. “Богородица Казанская” спущена и следует к Таганрогу, а фрегат линейный “Иоанн Златоуст” уже вооружается и скоро пойдет к Еникале».

Здесь следует обратить внимание не только на оценку сражения у Калиакрии – «флот турецкий ушел от нашего ночью» (кстати, больше в письме ни слова о сражении), но и на готовность новых кораблей. Действительно, два 66-пушечных корабля и четыре фрегата (один 60-пушечный, два 46-пушечных и один 36-пушечный, первые три считались тогда кораблями) были готовы присоединиться к эскадре Ушакова. Таким образом, Федор Федорович ничем не рисковал, продолжая ночной бой и преследование турок до полного их истребления. Даже в случае потери нескольких кораблей и судов, что было маловероятно, он мог сразу же восполнить потери.

28 августа 1791 г. Екатерина отвечает Потемкину: «О разогнании турецкого флота здесь узнали с великою радостью, но у меня все твоя болезнь на уме. Смерть Принца Виртембергского причинила Великой Княгине немалую печаль. Прикажи ко мне писать кому почаще о себе».

Итак, матушка-государыня лучше всех охарактеризовала сражение у

Калиакрии: «разогнание турецкого флота». Не разгромили, а прогнали!

3 августа 1791 г. князь Потемкин, еще не зная о сражении у Калиакрии, послал к Ушакову крейсерское судно «Березань» с двумя турецкими представителями и ордером, где объявлялось о заключении мира.

Через несколько дней Ушаков получил ордер Светлейшего, и русский флот направился в Севастополь 4 ноября 1791 г. Ушаков отдал приказ по флоту об окончании кампании и разоружении судов. «Сим же орденom предписано: поздность времени воспрещает уже о выходе в море нынешний год, и для того флот ввезть в гавань, поставить на место и разоружить по надлежащему; по соходству сего повеления, рекомендую гг. командующим со всех кораблей и прочих судов (кроме брантвахтенного фрегата) порох и огнестрельные снаряды в самой скорости свезть на берег и положить, где следует, в магазины, и по исполнении ко мне рапортовать; тогда и прикажу я все суда ввезть в гавань и поставить на места»^[179].

Глава 9. «Крейсеры» идут на абордаж

В связи с численным превосходством турецкого флота над русским Потемкин поддержал идею создания корсарской флотилии на Черном море. Но я уверен, и без него греки бы сами взялись за оружие. Они надеялись обрести независимость в этой войне, а также страшно желали пограбить. А когда патриотизм совпадает с личной выгодой, люди готовы идти через огонь, воду и «медные трубы».

Откуда же греки брали корабли? Ну, во-первых, какие-то греческие суда уже к 1787 г. осуществляли каботажные перевозки на Черном море, а еще больше пришло из... Оттоманской империи. Огромный город с населением в 1,5–2 миллиона человек, причем на 95 % бездельников, требовал ежедневно сотни тонн продовольствия и различных товаров. Сухопутные дороги в Турции были очень плохи, и связь Стамбула с побережьями Болгарии, Малой Азии и Кавказа осуществлялась в нормальных условиях только морем.

В ходе войны 1787–1792 гг. турецкие власти несколько раз пытались закрыть Босфор для коммерческих судов. Но цены на стамбульских рынках немедленно летели вверх, и начинались бунты не только населения, но даже янычар. В результате через несколько недель Босфор вновь приходилось открывать. Тогда было решено на каждое греческое судно сажать в Стамбуле одного или нескольких, в зависимости от величины судна, благонамеренных турок в качестве надзирателей, дабы нечестивые не ушли бы к русским. Но греки, как только теряли из вида укрепления Босфора, топили благонамеренных турок.

Вот характерный пример, случайно затесавшийся в наши морские архивы. 10 апреля 1790 г. из Константинополя в Севастополь пришел небольшой греческий парусник – чектырма – с грузом фруктов, табака и турецкого мыла. Хозяин, он же и рейз (шкипер), грек Яни Петро и команда из восьми греков изъявили желание служить корсарами. Все они были жителями острова Халки в Мраморном море. Стамбульским властям они сказали, что идут к черноморскому берегам Анатолии торговать. К ним посадили благонамеренного турка для наблюдения, которого греки-де высадили, пройдя Босфор. (В чем я очень сомневаюсь!)

Севастопольские власти отправили греков в карантин, а товары и судно купили в казну. Судя по документу, желание их поступить в корсары было встречено благосклонно.

Из больших судов таким манером из Константинополя на Черноморский флот пришли «Св. Елена», «Св. Матвей», «Св. Николай», «Абельтаж», «Феникс», «Св. Андрей», «Принц Александр», «Панагия^[180] Апотумангана», «Св. Николай» (2-й) и «Красноселье». Все они стали «крейсерскими судами» и были куплены в казну. Исключение представлял «Св. Матвей». В казенных флотских документах суда эти называли Беломорскими. Дело в том, что греки и турки называли Эгейское море Белым.

По Черному морю рыскал пиратский корабль, одно название которого наводило ужас на капитанов торговых судов и обывателей приморских городов. На его борту славянской вязью было написано: «Князь Потемкин Таврический». Но не будем злить левых и радовать правых. На дворе стоял не 1905-й, а 1788 год, а в остальном все верно. Действительно гулял по волнам корабль с таким названием под командой матерого пирата Ламброс Качиони^[181]. «Потемкин» шел под Андреевским флагом, а Ламброс был не только пиратом, но и майором русской армии.

Еще в 1769 г. семнадцатилетний Ламброс Качиони вместе со своим старшим братом захватили торговое судно и начали пиратствовать в Архипелаге. Позже к ним присоединились еще два греческих судна. Среди пиратов Архипелага братья Качиони прославились отчаянной жестокостью. Поднимали ли они «черный Роджер»? Вряд ли – грекам не было свойственно англосаксонское бахвальство, и о них не пели худосочные интеллигентные девицы 1960-х – 1970-х гг.: «Бьется по ветру веселый Роджер, люди Флинта песенку поют». Чаще всего Качиони шли в атаку вообще без флага, и лишь когда рядом появлялся венецианский или французский фрегат, на мачту лихо взлетал... Андреевский флаг! Капитаны фрегатов, непристойно выражаясь (для «макаронников» и «лягушатников», конечно), вынуждены были менять курс – с эскадрой Орлова шутки плохи!

Вскоре в морском бою с турками погиб старший Качиони, а пиратский «фрегат» был потерян. После этого Ламброс поступил в русский Егерский корпус и участвовал в ряде десантов русского флота. Однако кончил войну он лишь сержантом. В 1775 г. Ламброс переселяется в Керчь. В 1777–1778 гг. сержант Качиони отличился в подавлении татарских бунтов и получил офицерское звание. В 1781 г. поручик Качиони командирован в Персию под начальством графа Марка Войновича.

21 апреля 1785 г. указом Екатерины II Качиони был «пожалован в благородное российское дворянство и внесен во вторую часть Родословной книги Таврического дворянства». А в следующем году президент Военной

коллегии князь Потемкин «за заслуги в Персидской экспедиции» произвел Качиони в чин капитана (армейского).

С началом войны Качиони сколотил отряд греков, который в ночь с 10 на 11 октября 1787 г. недалеко от Гаджибея на лодках захватил большое турецкое судно. Оно и было названо «Князь Потемкин Таврический». Дюжина пушек, 60 лихих парней и отважный капитан Ламброс – чего еще надо? Славно порезвился «Потемкин» на Черном море!

Сразу после начала войны Потемкин оперативно раздает грекам пушки и порох, а также флотские и армейские чины. Им даже платят жалованье, хотя и крайне нерегулярно. К 21 октября 1787 г. к бою было готово уже 21 крейсерское судно. В Херсоне и Петербурге долго думали, как окрестить пиратов. Корсары и каперы никогда у нас в списках не числились, пиратами называть неприлично, поэтому был введен хитрый термин – «крейсерское судно», который позже здорово путал русских и советских историков.

Надо сразу сказать – крейсерские суда на Черном море не только пиратствовали, они проводили разведку, конвоировали транспортные суда, а самое главное, они участвовали во всех крупных сражениях русского флота.

Знала матушка императрица о пиратах, то есть корсарах? Конечно, знала, о них неоднократно шла речь в переписке Екатерины с Потемкиным. 19 мая 1788 г. Светлейший пишет государыне: «Греки крейсирующие весьма храбро и охотно поступают. Хорошо, коли бы наши морские подобились им, но их погубила наука, которую они больше употребляют на отговорки, нежели на действия».

Какая там у «крейсирующих греков» наука, регламент Госта и т. д. – нападай, стреляй, режь, жги и топи!

А вот письмо от 10 мая 1789 г.: «Матушка Всемилостивейшая Государыня. Рапорт Войновича пришел ко мне с апельсинами. Я все целые посылаю Вам. Право, не съел ни одного». Ну и что, спросит читатель, посылает добропорядочный муж с юга жене в Петербург апельсины. Чего тут интересного?

А дело был так. Граф Войнович донес, что 19 корсарских судов объединились и напали на турецкий порт Констанц. Под прикрытием огня с кораблей майор Чапано высадил на берег десант из 622 человек. Разбив турецкий отряд, он захватил возвышенность с двухпушечной батареей и проник в город, который немедленно поджег. Всего за четыре с половиной часа сожгли пять магазинов с пшеницей, «шесть мечетей, а также множество домов и 15 мельниц».

На обратном пути 28 апреля греки захватили небольшое судно с экипажем в 8 человек. Оно шло из Стамбула с грузом апельсинов. И эти самые апельсины попали на стол Ее Величества.

В официальной реляции от 10 июня 1789 г. Потемкин отмечал: «Крейсеры наши плавают у Дуная и больше ста судов транспортных держат в реке. Столица турецкая от недостатка хлеба была бы в крайности, если бы французы не усердствовали им возить на своих судах [из Эгейского моря. – А.Ш.] ... Турецкие транспорты не смеют казаться».

В письмах к императрице Потемкин выделяет грека Антона Глези. Он командовал крейсерским судном «Панагия Дусено», вооруженным в 1787 г. в Таганроге. Длина судна 20,7 м, ширина 6,4 м, осадка 2,7 м. Вооружение: десять 4-фунтовых и четыре 3-фунтовые пушки. Экипаж 50 человек.

Уже 4 марта 1788 г. Потемкин послал особый рапорт о нем Екатерине. Выйдя из Севастополя, Глези произвел разведку неприятельских берегов, а под Гаджибеем захватил большое турецкое судно. К рапорту был приложен журнал плавания Глези, и Светлейший просил «для лучшего сих корсаров к службе Вашего Императорского Величества поощрения» присвоить ему чин мичмана.

Екатерина отвечала: «Видно, что грек, который взял в Хаджибее судно, а тобою произведен мичманом, тревожил весь тот берег и до самого Очакова, что пальба их везде слышна была».

29 апреля 1788 г. Глези захватил еще два судна, и 10 мая Потемкин пишет Екатерине: «Мой мичман Глези уже в третий раз себя показал. Пожалуйте ему володимирский крест для поощрения других». Екатерина наградила Антона Глези орденом Св. Владимира 4-й степени.

Следует заметить, что простые греки в подавляющем большинстве своем принципиально не хотели служить матросами на кораблях русского флота, а желали идти только на свои крейсерские суда. Так, 22 октября 1787 г. контр-адмирал Н. С. Мордвинов доносил рапортом Черноморскому морскому правлению: «Присланные в эскадру мою на судне “Спиридон” 42 грека... из Таганрога, определены были на суда, но отказались повиноваться и не хотели служить иначе, как на особливом судне. За такое их ослушание приказал я их высадить на ближайший берег... как не желаю иметь столь дерзких людей в команде моей».

Многие крейсерские суда, как та же «Панагия Дусено» Антона Глези, по распоряжению Потемкина были куплены в казну, то есть владелец получил деньги, а в остальном все оставалось по-старому. Другая часть крейсерских судов, включая знаменитый «Князь Потемкин Таврический», выкуплена не была и формально в список судов русского флота не

включалась. Хотя, повторяю, статус обеих категорий крейсерских судов был одинаков, и они носили Андреевские флаги, разумеется, когда их капитаны считали необходимым.

Как и в прошлые войны в Архипелаге, на Черном море в 1787–1792 гг. трудно оценить урон, нанесенный корсарами туркам^[182], поскольку большинство захваченных судов не фиксировалось в официальных русских документах, а позже никто из наших морских историков не попытался это сделать. Поэтому волей-неволей рассказ о корсарах Черного моря носит фрагментный характер.

1 мая 1788 г. три крейсерских судна – «Панагия Попанди» (командир Галаки Батиста), «Св. Параскева» (командир Дмитрий Кундури) и неизвестное судно, которым командовал грек Куц, лежали в дрейфе в 15 верстах напротив Килийского гирла Дуная. В 3 часа дня с юга появились два турецких «купца», пробиравшихся в реку вдоль берега. Корсары устремились за ними, но наступивший штиль остановил крейсерские суда. Корсары спустили баркасы, а турки, бросив свои суда, погребли на шлюпках к берегу. Корсары их преследовали, но были отбиты ружейным огнем с суши. Тогда корсары завладели призами (трофейными судами) и повели их на буксире к своим кораблям. Но турки не дремали – из Килийского гирла вышли две полугалеры и на веслах быстро догнали корсаров. Полугалеры были вооружены пушками, и поэтому корсары после короткого боя покинули призы и вернулись на свои корабли. Турки завладели своими судами и торжественно повели их к берегу.

Но тут счастье улыбнулось пиратам: подул ветер, и Галаки Батиста развернул «Панагию Попанда» и погнался за турками. Одна из полугалер с призом на буксире сумела войти в Дунай, но вторая попала под картечь Батисты. Турки на полугалере обрубали буксир и поспешили ретироваться. В итоге захваченное купеческое судно корсары привели в Севастополь.

Одновременно эскадра из пяти корсарских кораблей крейсировала у анатолийских берегов. 3 мая командир эскадры Георгий Ганале, пиратствовавший еще в Архипелаге в 1769–1775 гг., захватил турецкое судно, идущее из Константинополя в Трапезунд. Взяв в плен экипаж (11 человек) и наиболее ценный груз, он потопил приз.

В апреле – мае 1788 г. у румелийского берега (то есть берегов современных Болгарии и Румынии) гуляли два корсара: Иван Налимер на трофейном турецком судне^[183] и Иван Мелиси на «Карло-Константине». Рано утром 5 мая они тихо подкрались к городку Мангалия в устье Дуная. Там на мелководье, у самого берега, стояло 9 небольших турецких судов.

Решив захватить их, корсары спустили шлюпки и направились к берегу. Их курс пересек баркас с двумя десятками вооруженных турок. Турки приняли корсаров за своих соотечественников, о чем вскоре горько пожалели: огнем со шлюпок были перебиты все люди на баркасе, кроме троих, взятых в плен. Увидев это, турецкие купцы поспешили выброситься на берег, но корсарам удалось перехватить одно судно с грузом пшеницы, а другое потопить. Толпа турок на берегу была рассеяна огнем со шлюпок. Возвращаясь в Севастополь, корсары встретились с двумя военными турецкими кораблями, но те уклонились от боя.

До сентября 1788 г. в Черном море пиратствовали только греки. В августе 1788 г. Потемкин назначает только что вернувшегося из Петербурга Д. Н. Сенявина своим генеральс-адъютантом и производит его в капитаны 2-го ранга. Видимо, и был повод: 3 августа Сенявину исполнилось 25 лет. А в сентябре Светлейший отправил своего любимца в крейсерство к анатолийским берегам.

Наши официальные историки – царские Ф. Ф. Веселаго и др., советские А. Л. Шапиро и др. утверждают, что, мол, Сенявин должен был отвлечь часть турецкого флота, стоявшего у Очакова. Утверждение более чем наивное: и так десятки греческих корсаров рыскали по Черному морю, но турки так и не отвели свои основные силы. Да и вообще, как сии авторы представляют гонку 66-пушечного корабля за быстроходным крейсерским судном?

Сам Потемкин куда более логично объяснил императрице свое решение в письме от 29 сентября. Мол, «мой генеральс-адъютант Сенявин послан с корсарами ради перехвачения с войсками 8 судов транспортных». Теоретически это могло быть, а практически Гриша надул любимую Като. Никаких войск, предполагаемых к переброске по морю, в Анатолии не было. Да и что турки, психи? Без конвоя направлять 8 войсковых транспортов по Черному морю, кишашему пиратами? А если бы и потребовалась такая перевозка, то уж турки нашли бы и соответствующий конвой из нескольких фрегатов, а то и кораблей. Кстати, на эту «клюкву» и купился В. Д. Овчинников, автор жития святого адмирала Ушакова^[184].

Ларчик же открывался просто. Светлейшему нужно было очень много денег, а поход к берегам Анатолии мог принести большую прибыль. Кроме того, не грех и проверить, чем занимаются корсары в море и делят ли добычу с начальством «по понятиям» или беспредел творят.

16 сентября 1788 г. пять корсарских кораблей вышли из Севастополя и направились к турецким берегам. Формально ими командовал капитан 2-го ранга Сенявин. Но как мог командовать 25-летний щеголь, ни разу не

ходивший на абордаж, опытными капитанами шкипером Г. Ганале, прапорщиком Марингопуло, шкипером А. Скандараки и мичманом Аркуловым? Шел Сенявин фактически свадебным генералом.

Три недели отряд крейсировал в районе Синоп – Керасу. 19 сентября у Синопа отряд Сенявина встретил пять турецких судов. Корсары устремились за самым крупным, но судно имело хороший ход и легко уходило от погони. Тем не менее его перехватили корабли капитана Ганале и прапорщика Марингопуло, взявши турка в два огня. Турки отчаянно сопротивлялись, они отразили две попытки абордажа. Отстреливаясь, они стали отходить к Синопу, но наскочили на риф. Корсары набросились на добычу, но тут открыли огонь пушки с береговой батареи. Корсарам пришлось отойти, оставив приз на камнях. Но из других кораблей один был захвачен прапорщиком Скандараки, остальные бежали под покровом наступившей темноты.

Затем отряд двинулся на восток к порту Вонне, где якобы стояло восемь военных. 20 сентября, на пути к Вонне, корсары захватили судно со смолой и пенькой. Приз сожгли, а его команде удалось бежать на шлюпках на берег. На следующий день заметили четыре мелексы^[185], послали к ним барказы, удалось захватить два судна. Груз оказался копеечным – пенька да сушеные фрукты. Мелексы вместе с грузом сожгли. 22 сентября отряд на подходе к Вонне сжег еще одну мелексу, в это время с берега открыла огонь турецкая пушка. Ее быстро сбили огнем судовых пушек, высадились на берег и уничтожили «магазин» (склад). При этом «много турок побито картечами», но военных транспортов в порту не оказалось. Это был первый случай русского десанта в глубине турецкой территории после казачьих походов XVII века.

Отряд двинулся вдоль берега на восток. На пути лежал порт Геренсида (нынешний Гиресун), его прикрывал с берега небольшой островок, а за ним на якорях стояли четыре турецких парусника. Корсары вошли в гавань и бросили якоря. С наступлением темноты, в 11 часов вечера, корсары спустили барказы и подошли к берегу. Но турки их заметили и открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь (в порту оказалась трехорудийная батарея). Высадить десант не удалось, и барказы вынуждены были вернуться к кораблям. Утром корабли подняли паруса и двинулись к батарее. Стали на якоря, завели шпринты^[186] и открыли огонь. Батарею вскоре уничтожили. Тогда снова спустили барказы и отправились к турецким судам, стоявшим на мелководье. Одно судно было удачно абордировано, на три других абордаж не удался, экипажам удалось

отбиться. Тогда корсары обстреляли эти суда из пушек и потопили. Корсары перегрузили с захваченного судна провиант и 300 пудов пороху (около 5 тонн) на свои корабли, турецкое же судно сожгли. Корсары в этом сражении понесли потери – 9 человек убитыми и 13 человек ранеными. Генеральс-адъютант Сенявин поздравил отличившихся в этом бою командиров четырех судов его отряда капитана (армейского) Ганале, мичмана Аркулова и прапорщиков Марингопуло и Николая Вальяно.

Весь этот день и ночь отряд провел у вражеского побережья, а 26 сентября вышел в море и взял курс на Севастополь. 29 сентября на рассвете отряд взял большое турецкое судно с ценным грузом – солью. Судно решили доставить в Севастополь, для чего послали на борт призовую партию в 12 человек. Но 3 октября во время сильного шторма турецкий корабль был сильно поврежден, и его пришлось затопить. Отряд Сенявина «привез довольно взятого богатства и шестого числа прибыл в Севастопольскую гавань благополучно».

Потемкин был очень рад возвращению Сенявина, а еще больше – добыче. 17 октября 1788 г. он писал Екатерине: «Мой Сенявин много навел страху на анатолийских берегах. Позвольте дать ему крест Георгиевский 4 степени. У меня есть лишние».

Отношение официальных властей к корсарам, а также их нравы хорошо иллюстрирует письмо таврического губернатора к графу М. И. Войновичу от 30 января 1789 г. Губернатор сообщает Войновичу, назначенному 12 декабря 1788 г. командующим Черноморским флотом, о прощении секретаря Таврической казенной палаты Якова Белухи, который был вместе с мичманом Лазарем Мариенгопуло владельцем двухмачтового корсарского судна «Св. Николай», которое «во славу России от повреждения штормом на море разбилось». Оказывается, что в этом случае «казна» возмещала владельцам стоимость погибшего корабля. Белуха просил, чтобы мичману Мариенгопуло выдали только половину причитающейся суммы. Видимо, он опасался, что предприимчивый грек, находясь в Севастополе, поспешит получить и присвоить себе все деньги. Губернатор разделял опасения своего подчиненного и просил Войновича не выплачивать мичману всей суммы^[187].

14 марта 1790 г. командующим Севастопольским корабельным флотом вместо Войновича был назначен контр-адмирал Ушаков.

Первой самостоятельной операцией нового командующего стало крейсерство у берегов Анатолии. Потемкин задумал провести «диверсии» у турецких берегов, и 14 марта Ушакову был отписан еще один ордер, в

котором говорилось: «По прибытии немедленном в Севастополь... с самыми лучшими крейсерскими судами в подкрепление трех кораблей – “Георгия”, “Андрея” и “Александра”, да четырех фрегатов извольте выйти в море ради поиску. Крайне полезно было бы, если б удалось Вам схватить какие транспорты или же истребить где спущенные корабли у азиатских берегов. Я надеюсь, что Вы со всею ревностью исполните Вам порученное и заблаговременно возвратитесь в Севастополь для приуготовления всего флота в кампанию».

16 мая 1790 г. из Севастополя к анатолийскому побережью вышли эскадра Ушакова в составе трех 50-пушечных кораблей, четырех фрегатов, 11 крейсерских судов и репетичного^[188] судна «Полоцк». На самом деле кораблями тут названы на страх басурманам и своим в утешение 46-пушечные фрегаты «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей» и «Александр Невский». Остальные фрегаты – «Иоанн Воинственник», «Св. Амвросий Медиоланский», «Св. Иероним» и «Преподобный Нестор» – были 40-пушечными^[189].

Для проведения десантных операций на борт фрегатов и крейсерских судов были взяты десантники из состава Севастопольского полка (618 солдат и офицеров) и части Балаклавского греческого полка (352 солдата и офицера под командованием подполковника Чапони).

Вечером 20 мая с русских кораблей увидели берега Анатолии. Ушаков разделил корсарские суда^[190] на три отряда и послал их вперед. В полдень следующего дня Ушаков, шедший на корабле «Александр Невский», подошел к Синопу и увидел, что вблизи гавани корсарские суда захватили три купеческих судна: один кирлангич^[191] и две шайки. С крейсерских судов спустили баркасы (на носу каждого была пушка), которые грабили побережье.

На рассвете следующего дня эскадра Ушакова вошла в Синопскую бухту, в глубине которой стояли на якоре два фрегата, шхуна, кирлангич, полугалеры, три лансона и чектырма. На берегу на эллинге стоял строившийся корабль. Ушаков не рискнул атаковать сии корабли, находившиеся под защитой береговых батарей. Позже он оправдывался в рапорте Потемкину: «Я намерен был в самое тож время из атаковать, но тихость восточного ветра воспрепятствовала, а при том оказалось, должно, проходя батареи бухтою к судам, иттить немалое расстояние прямо носом против всех их бортов и крепостных пушек. Посему в предосторожность, дабы не случилось повреждения мачт, почел оную атаку бесполезной, ибо намерен искать впредь дел важнейших. Вместо ж того разными

движениями эскадры и перепалкою с кораблей всем синопским жителям и судам, при оных находящимся, наносил беспрестанно великий страх и беспокойство»^[192].

Риторический вопрос: что можно считать наиважнейшим делом по сравнению с уничтожением всех фрегатов и строившегося на эллинге корабля?

Русские фрегаты два дня обстреливали город и вызвали тем сильные пожары. Крейсерские суда между тем обошли близлежащие районы, захватили восемь судов и потопили еще четыре. Почти все «купцы» были гружены пшеницей.

На судах корсары взяли 160 человек, в том числе русских пленных: одного унтер-офицера, 6 солдат, 5 казаков. Среди турок оказалась 41 баба. В ходе захвата судов один корсар убит, один ранен.

Утром 24 мая корсары утопили еще два торговых судна. В тот же день эскадра Ушакова покинула Синопскую бухту и двинулась вдоль берега к порту Самсун. Впереди по традиции шли корсарские суда. В 6 часов вечера 24 мая они заставили выброситься на берег два турецких судна. Корсары выкинули за борт купцов и перевезли наиболее ценные товары на свои суда.

В 11 часов утра с фрегатов Ушакова увидели порт и крепость Самсун. Между тем корсарские суда уже ворвались в гавань и вступили в бой с турецкими судами и береговыми батареями.

И тут в точности повторилась синопская история. Наш славный адмирал вновь хотел войти в бухту, но ему опять помешал ветер: «...за сделавшимся восточным крепким ветром, не останавливая тут, довольствовался одним нанесением страха и, не упуская способного ветра, обратил путь свой к Анапу, ибо узнал через пленных, что там есть один линейный корабль и одна шаитья [малое турецкое парусное судно. – А.Ш.]»^[193].

Ну и ну! Корсарам ни ветер, ни береговые батареи в Синопе и Самсуне не мешали, а вот Ушакову...

28 мая Ушаков отправил в Севастополь шесть захваченных турецких судов в сопровождении крейсерских судов «Панагия Дусено», «Принцесса Елена», «Панагия Апотумангано» и «Панагия Попанди», а репетичное судно «Полоцк» было отправлено в Феодосию с рапортом Потемкину.

Поскольку добыча была большая, а главное, добыта лично адмиралом, то в архивах сохранился один из немногих, а может, и единственный, документ, рассказывающий о том, какие суда захватили пираты и кто на

них находился. Поэтому я рискну утомить читателя и дам длинную цитату.

Таблица 2

Сведения о призовых судах

Тип судна	Число мачт	Длина, м	Ширина, м	Осадка, м
Чектырма	1	15,85	3,66	2,13
Чектырма	1	15,44	3,35	2,03
Шайка	2	21,03	5,64	2,44
Шайка	2	24,31	8,43	3,66
Маруля	2	27,64	6,7	3,96
Мелека	2 (1 большая, 1 малая)	14,33	4,52	2,08

«На сих судах захвачен 201 человек. Из них 80 турок мужчин, 14 турчанок больших и малолетних, греков 51, армян 3». Далее шли невольники, которых взяли с Кавказа на продажу: мальчиков 14, девочек 27, а также 12 уже упомянутых русских пленных.

В Севастополе было постановлено весь груз, взятый у греков, считать призом, «поскольку они есть турецкоподанные». Всю добычу разделили на четыре равные части: Потемкину, Ушакову, казне и корсарам.

Но вернемся к эскадре Ушакова. Из Самсуна он с семьёй фрегатами и оставшимися крейсерскими судами «Абельтаж», «Донай», «Карло-Константин», «Феникс», «Климент папа Римский» и «Красноселье» двинулся к Анапе для взаимодействия с корпусом генерал-поручика Ю. Б. Бибикова, осаждавшим город.

10 февраля 1790 г. корпус Бибикова перешел по льду реку Кубань и двинулся к Анапе. В составе корпуса было 7609 человек и 16 орудий. Провиант Бибикив взял только на две недели, понадеявшись закупить его у горцев. Вместо продажи провианта горцы начали партизанскую войну против Бибикова.

24 марта корпус подошел к крепости Анапа, гарнизон которой составлял 15 тысяч человек. Тем не менее Бибикив приказал идти на штурм, не обеспечив войска даже штурмовыми лестницами. Турки отбили атаку с большими потерями для русских.

Русские войска оказались без провизии. В корпусе было много больных, с тыла на русских нападали горцы. В такой ситуации 15 апреля

Бибииков решил возвратиться. 4 мая на плотках через разлившуюся Кубань переправилось лишь 5407 человек.

Ушаков ничего не знал о приключениях Бибиикова. И только подойдя 29 мая близко к берегу, увидел, что русских у крепости нет.

На рейде Анапы адмирал узрел турецкие корабль, фрегат^[194], два гребных судна и пять «купцов». Турецкие суда отошли ближе к крепости. 31 мая в 2 часа дня фрегаты Ушакова стали подходить к Анапской крепости. В 6 часов из крепости пальнули ядром, но оно не долетело. Ушаков «для апробации» велел пальнуть бомбой из единорога, и получил большой недолет. И тогда началась жестокая пальба, длившаяся часа три. Ядра и бомбы с обеих сторон метко ложились в пучину Черного моря. Наивный читатель спросит: а зачем палить-то, ведь пристрелка показала, что достать до неприятеля невозможно? Так поэтому-то и палили, и без потерь обошлись, и реляцию начальству победную составили.

1 и 2 июня опять происходила жесточайшая канонада, и опять турки и русские фрегаты обошлись без потерь. Наконец в 6 часов вечера 2 июня Ушаков приказал идти в Севастополь.

При царе, при коммунистах и сейчас при демократах не прекращаются славословия в адрес Ушакова. Так, демократический историк В. Д. Овчинников пишет: «Произведя по ним несколько залпов, контр-адмирал Ушаков прекратил огонь. Невозможность ближе подойти к неприятелю и отсутствие бомбардирских судов и брандеров в составе российской эскадры не позволили ей добиться желаемой цели – уничтожить неприятельские суда на анапском рейде. Первого июня Ушаков отошел от Анапы и 5 июня благополучно прибыл в Севастополь»^[195]. Оказывается, уничтожить вражеские суда тремя 50-пушечными фрегатами нельзя. Нужны бомбардирские корабли, а что касается брандеров, то, видимо, автор не представляет, что это такое. За пару часов в брандеры можно было обратить взятые в плен купеческие суда, или даже собственные крейсерские суда. А в принципе, в них и нужды не было.

Добавлю, что никакой гавани, как утверждают наши знатоки, никаких бухт в 1790 г. в Анапе не было, а был абсолютно открытый рейд.

Как уже говорилось, ни кораблей, ни фрегатов у турок не было, а мелкокалиберная артиллерия малых судов была неэффективна против русских фрегатов. Наконец, больших пушек в крепости Анапа тоже не было.

Почти ровно через год по приказу Потемкина генерал Гудович подошел к Анапе, установил 32 пушки в трех батареях и после

трехдневной бомбардировки взял крепость. Там было найдено 96 орудий, но если бы хоть часть из них имела калибр 24 и более фунтов, то Гудович, а тем более новоявленные составители житий раззвонили бы об этом на весь свет.

В аналогичной ситуации Нельсон в Абукире и Копенгагене, Нахимов в Синопе и другие решительные флотоводцы действовали одинаково – входили на рейд, расстреливали эскадру противника, а затем занимались береговыми батареями. А Федор Федорович был, безусловно, талантливый адмирал, но, мягко выражаясь, чрезмерно осторожный. 5 июня 1790 г. Ушаков вернулся в Севастополь.

В ноябре 1790 г. гребная флотилия под командованием И.М. де Рибаса вошла в Дунай, а корабельный флот прикрывал ее с моря. В устье Дуная флотилия бомбардировала и захватила Сулинское укрепление. Комендант укрепления Сент-Анту-Агу с сыном бежали в море на сакалее. Но там их заметили с корсарских судов «Климент папа Римский» и «Феникс», обстреляли из пушек и потопили. Коменданта с сыном и еще трех важных чиновников корсары вытащили из воды и взяли в плен. Затем корсары этих же судов захватили торговое судно, шедшее из Константинополя «с разными овощами», и привели его в Севастополь.

2 апреля 1791 г. из Севастополя вышли корсарские суда «Панагия Дусено» (командир лейтенант Глези), «Феникс» (лейтенант Бенардаки) и «Святой Климент папа Римский» (поручик Ледино). Выйдя в открытое море, суда разошлись: «Панагия» обошла крымские берега с целью разведки, а два других судна пошли на Синоп, а оттуда к Константинополю. Они захватили торговое судно с экипажем в 15 человек, шедшее из Константинополя в Самсун. Еще два турецких «купца», пытаясь уйти от корсаров, бросились к берегу и разбились о рифы.

Глава 10. Корсарские эскадры в Средиземном море

В марте 1788 г. Екатерина назначила командующим сухопутными силами на Средиземном море 53-летнего генерал-поручика Ивана Александровича Заборовского. У нее на эту должность был еще один кандидат – генерал-поручик Михельсон. Но императрица рассудила, что Михельсон – лютеранин, а грекам ближе будет православный генерал. К тому же у Михельсона подагра, да и в 1774 г. Заборовский ближе, чем другие генералы из армии Румянцева, подошел к Константинополю. К началу 1788 г. он был губернатором во Владимире и Костроме.

Заборовский, по прибытии на Средиземное море, должен был поступить в подчинение к адмиралу Грейгу, но из-за начала войны со шведами ему пришлось действовать самостоятельно.

Часть сухопутных войск на Средиземное море планировалось доставить из России с эскадрой Грейга и посуху через Австрию, а часть нанять на месте.

В инструкции Заборовскому, подписанной Екатериной 7 марта 1788 г., среди агентов, призванных заниматься вербовкой добровольцев на Балканах, были названы майор грек Л. Сотири и подполковник албанец П. Бицилли. Оба они поступили на русскую службу во время предыдущей Русско-турецкой войны. В их задачу входило набрать для эскадры Грейга тысячу добровольцев из албанцев и греков. «Оба они, – говорилось в инструкции, – сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия против неприятеля».

17 февраля 1788 г. Екатерина II подписала воззвание к грекам, где она обращалась к «преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов» с патетическим призывом: «Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель растерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще истребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество».

В частной беседе со своим секретарем А. В. Храповицким императрица заявила: «Греки могут составить Монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться; ибо лучше иметь в соседстве Христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделясь на части». Екатерина имела в виду, что из бывших владений в Европе предполагалось образовать два государства – Греческую империю и Дакию.

Летом 1788 г. Заборовский прибыл во Флоренцию и немедленно занялся вербовкой наемников. 1 июня 1789 г. Заборовский пишет Екатерине: «По приезде в Италию я послал обер-офицера на Мальту, а штаб-офицера в Тоскану, где [он] осмотрел набранные на службу 70 корсиканцев, и их отправили в Сиракузы, а бригадиру Мещерскому предписал воздержаться от их дальнейшего набора».

Чем Заборовскому не угодили корсиканцы, остается загадкой. Об этом факте и не стоило бы упоминать, если бы неприязнь нашего генерал-поручика не изменила бы историю человечества. В начале 1789 г. Заборовский получил прошение о приеме на русскую службу от младшего лейтенанта французской армии, служившего в Валансе. Звали лейтенанта Наполино Буона Парте. Двадцатилетнему корсиканцу из семьи адвоката явно не светила карьера в королевской армии, а о том, что через несколько недель падет Бастилия, в Валанской глухомани и помыслить никто не мог. Но, увы, Заборовский резко отклонил просьбу Наполино. Тут была и неприязнь к корсиканцам, да еще этот молокосос просил сразу чин майора.

Императрица сыпала Заборовскому деньги, как из рога изобилия. Только 14 марта 1788 г. через Триест отправили 17 тысяч червонцев.

А вообще, зачем собирал волонтеров Заборовский? Ведь уже было ясно, что эскадра Грейга не придет. Ну, если шведы не пустят эскадру с Балтики, то ее нужно создать на Средиземном море, решила императрица.

29 сентября 1788 г. Заборовский из Ливорно^[196] писал в Петербург графу Безбородко: «Для составления флотилии из арматоров наших я не упустил ни одного случая, где только можно позволить вооружаться, так до сих пор дал два патента судам, находящимся в здешнем море... но не достает в здешних водах наших корсаров».

Порт Ливорно всюду использовался русскими, но он был слишком далек от Архипелага, да и терпение герцога Тосканского не безгранично. Поэтому для снаряжения и базирования корсарских судов использовался порт Триест в Адриатическом море и Сиракузы на острове Сицилия на берегу Ионического моря.

Но, с Триестом все ясно – это австрийские владения, а Австрия была

союзницей России в борьбе с турками. А вот с Сиракузами вопрос куда более интересный. Ведь Сиракузы принадлежали Королевству обеих Сицилий, а неаполитанские Бурбоны вместе с французскими враждебно относились к России. Другой вопрос, что руководители французской внешней политики, начиная с кардинала Ришелье, органически ненавидели Россию и на этом строили свою европейскую политику, а неаполитанские Бурбоны так, за компанию, подыгрывали Франции.

С 1759 г. по 1825 г. Королевством обеих Сицилий формально правил король Фердинанд IV. Почему формально? Увы, король совершенно не интересовался ни внешней, ни внутренней политикой, а все дела вершили его фавориты, жена Мария Каролина и ее фавориты.

Екатерина II сделала хитрый ход и назначила в 1777 г. послом в Неаполь 25-летнего красавца графа Андрея Кирилловича Разумовского. А заодно выставила ловеласа из Петербурга, где он ухитрился обрюхатить великую княгиню Наталию – первую жену цесаревича Павла.

Через несколько недель по прибытии в солнечный Неаполь наш граф оказался в постели королевы. Говорят, что Мария Каролина сама затащила его туда, правда, Андрей и не очень сопротивлялся. Так или иначе, но русские корабли получили порт в богом забытых Сиракузах, где куда меньше английских и французских соглядатаев, чем в столице королевства.

История появления на Средиземном море пира... пардон, все время ошибаюсь, корсарской флотилии Ламброса Качиони, темна и загадочна. Естественно, что лихому корсару было скучно и неприбыльно на Черном море. Ему удалось добиться поддержки всесильного Потемкина. А вот деньги на покупку судов и на прочие расходы Ламбросу вскладчину дали контр-адмирал Н. С. Мордвинов, генерал-майор Маринов, бригадир Бентон и ряд других лиц. Таким образом, предприятие задумывалось не как военное, а как чисто коммерческое, то есть господа комиссионеры рассчитывали получить большие проценты от вложенного капитала.

Тут был тот редкий случай, когда инициатива шла как сверху, от государства в лице Потемкина, так и снизу. На это указывает тот факт, что главный комиссионер граф Н. С. Мордвинов был, как говорят, «на ножах» с Потемкиным, и последний в 1789 г. выкинул графа в отставку с поста командующего гребной эскадрой Черноморского флота.

Это позже подтвердил и сам Мордвинов. В феврале 1798 г., то есть уже при Павле I, он писал: «Ламброс был отправленный и поставленный нами корсар, а мы были хозяева, вооружители...»^[197]

В январе 1788 г. Качиони получил от Потемкина длительный отпуск и три патента для каперских судов, действующих под русским флагом. В

феврале 1788 г. через Вену Ламброс добрался до Триеста, единственного австрийского порта на Средиземном море. Австрия была союзницей России и смотрела сквозь пальцы на деятельность русских корсаров в Триесте.

В Триесте Качиони покупает купеческое трехмачтовое судно с парусной фрегатской оснасткой, вооружает его 28 пушками и называет «Минерва Севера»^[198]. 28 февраля Качиони писал Потемкину, что на днях в Триесте побывал австрийский император Иосиф II. Он осмотрел стоявшие в порту суда и заявил, что у Качиони судно лучше всех. Далее Качиони сообщал, что «Минерва Севера» скоро отправится «крейсировать».

23 апреля 1788 г. Качиони, находясь на фрегате «Минерва Севера» у берегов Кефалонии, докладывал Потемкину, что в Архипелаге он взял на abordаж два турецких кирлангича, вооруженных один шестью, а другой двумя пушками. Качиони переделал их в корсарские суда, поставив на большом – 22 пушки, а на малом – 16, и отправился с ними крейсировать далее.

У берегов Кефалонии Ламброс встретил два греческих купеческих судна: одно с острова Индрос, а другой из Шкодры. «Узнав о моих трудах, они [судовладельцы и команда. – А.Ш.] решили ходить со мной и их вооружили оба по 16 пушек».

В Кефалонии русский консул Бигилла убедил местные власти продать Качиони оружие и продовольствие. Еще раз оценим «политес» Ламброс. Два призовых кирлангича он назвал: большой с 22 пушками – «Великий князь Константин» (командир грек Дмитрий Мустоки), а меньший с 16 пушками – «Великий князь Александр». Греческие же 16-пушечные судна были переименованы в «Князь Потемкин Таврический» и «Граф Александр Безбородко». Ай да пират! Под его началом – суда, названные в честь матушки государыни, любимых внуков и двух сильнейших вельмож. Как он великолепно разбирался в ситуации в верхах!

3 мая 1788 г. Качиони доносил Потемкину, что 30 апреля, крейсируя на «Минерве Севера» с тремя другими корсарскими судами у берегов Мореи, он заметил судно, шедшее к острову Занте. Погоня длилась до утра 1 мая. Наконец турецкое судно было взято «Минервой Севера» на abordаж. На судне находилось 170 турок и барбарийцев. После боя их осталось всего 80, но и их Ламброс «велел казнить». В донесении Потемкину он оправдывает свой поступок тем, что де эти турки убивали ранее греков.

Турецкое судно было довольно большим, на нем имелось три мачты и фрегатское парусное вооружение. На взятом судне было 24 пушки, причем из них 14 медных пушек малого калибра турки якобы выбросили в море.

На призовом судне Качиони велел поднять Андреевский флаг. Но вскоре корабль были вынуждены сжечь из-за открывшейся на нем сильной течи.

Далее Качиони утверждал, что «по всей Турции гремит, что Архипелаг наполнен русскими судами, но на самом деле в Архипелаге нет более корсаров, чем я сам и 10 моих судов».

Ламброс Качиони помнил, как в Первую турецкую войну в 1772 г. греческие корсары на шебеке «Забияка» обманом захватили неприступную турецкую крепость Кастель-Россо на острове Клидес у восточного берега Кипра. И вот 24 июля 1788 г. флотилия Качиони подошла к острову. На сей раз корсарам не удалось внезапное нападение. Но вид 10 судов под Андреевскими флагами смутил турок, и комендант Кастель-Россо вызвал с кипрского берега местного греческого митрополита и через него вступил в переговоры с Качиони. Митрополит помог выработать условия почетной капитуляции и гарантировал безопасность турок. В результате гарнизон Кастель-Россо в составе 230 человек и еще около 500 их жен и детей был переправлен на полуостров Малая Азия, а над Красным замком взвился Андреевский флаг. Кастель-Россо стал одной из опорных баз флотилии Качиони.

В начале августа 1788 г. в Эгейском море близ острова Скарпанта (Карпатос) Качиони на своей «Минерве Севера» имел баталию сразу с пятью турецкими судами. В донесении Потемкину Ламброс писал: «...близ острова Скорпанта, где случившись один без моей флотилии только с двумя призами, встретился с 8-ю турецкими военными судами. Из которых три отделились тогда, чтобы догнать и те мои два приза, а с прочими пятью от полудня до наступления ночи непрерывно сражался и защищался, и напоследок турки сбиты и замешаны, что едва могли направить парусы и обратиться с немалым убытком в бег; с моей же стороны последовала очень малая потеря...»^[199]

31 августа флотилия Качиони провела бой с шестью турецкими судами, «в числе коих был один большой линейный корабль», как свидетельствовало из донесения Качиони.

В то же время основными портами флотилии Качиони оставались Триест и Мальта. Так, в октябре 1788 г. его суда около месяца стояли в Ла-Валетте. Любопытно, что российским поверенным в делах еще в 1784 г. стал бригадир грек Антонио Псаро, старый пират, участник первой войны. Мальтийский орден сильно зависел от Екатерины в финансовом отношении, так как в Польше шел спор о владении огромными имениями, о так называемом Острожском наследстве, между Мальтийским орденом и польскими магнатами.

В декабре 1788 г. Качиони пришел в Триест с девятью корсарскими судами и девятью захваченными турецкими.

В донесении статс-секретарю Екатерины II графу А. А. Безбородко для доклада императрице от 27 октября 1788 г. из Ливорно генерал Заборовский известил графа «о прибытии в Триест корсировавшего в Архипелаге майора Ламброса Качиони с 9-ю судами, приобретенными им в призы»; что делает все необходимое для того, чтобы «как наискорее майора Ламброс выпроводить в Архипелаг, где он довольный страх посеял в турках». Что Ламброс Качиони, «употребя все то, что приобретено было им в призы на вооружение судов просит меня [генерала Заборовского] снабдить его провиантом, чтобы не сделать ему ни малой остановки, устремиться опять на неприятеля. Приказал я выдать ему на два месяца провизии из казенного в Триесте магазина. Теперь поспеваю я в Сицилию, куда ему приказал спешить, дабы умножить его флотилию другими судами там находящимися для нанесения вящего вреда неприятелю».

Из одного бестолкового письма явствует, во-первых, то, что в Триесте были большие русские склады (магазины), специально предназначенные для греческих корсаров. А во-вторых, что Качиони пришлось за казенную провизию платить.

Корсар Качиони в конце 1788 г. – начале 1789 г. настолько осмелел, что захватывал суда у самого входа в Дарданеллы. Канониры турецких фортов четко видели Андреевские флаги на мачтах корсарских судов.

Судя по всему, Ламброс сильно обижал нейтралов, – иностранные послы жаловались императрице. 25 сентября 1788 г. Адмиралтейств-коллегия издала указ о «прощении майора Ламбро Качиони», причем из текста указа не ясно, за что его прощали, видимо, все-таки за утопление «нейтралов».

Между тем «просвещенная государыня» Екатерина была обеспокоена слухами о нападениях греческих корсаров на нейтральные суда. Ей совсем не импонировало превратиться из философа на троне в покровительницу пиратов. Поэтому императрица указом от 23 мая 1788 г. направила в Ливорно капитана флота в ранге генерал-майора С. С. Гибса «для прекращения притеснений, оказываемых подданным нейтральных держав арматорами, плавающими под русским военным флагом». С Гибсом Екатерина отправила изданные в большом количестве для «Партикулярных корсаров» специальные правила с собственной резолюцией императрицы «Быть по сему» и с приложением переводов этих правил на французский, итальянский и греческий языки.

27 мая того же года императрица подписала Указ «О взысканиях,

которым могут быть подвергнуты корсары», нарушившие Высочайше утвержденные правила. В частности, от корсаров требовалось, чтобы они, «быв воздержаны от притеснений нейтральных подданных, действовали против неприятеля».

Вопреки распространенному мнению, Екатерина была в необходимых случаях крайне жестокой и вероломной, но при этом она всегда пыталась дистанцироваться от содеянного. Вспомним, хотя бы «геморроидальные колики» в Ропше. Формально это можно назвать лицемерием и двуличностью, но к оценке ее поведения в вопросах внешней политики более подходит термин грамотного ведения психологической войны.

К сожалению, политику Екатерины не могли понять наши генералы и адмиралы, и принимали все ее слова за чистую монету. Добавлю еще неистребимую тягу нашего начальства от царей и президентов до губернаторов и мэров лезть командовать в тех вопросах, где они, пардон, «ни уха, ни рыла» не понимают. И вот всякие там Заборовские и Мещерские, нежась под теплым итальянским солнышком, возомнили себя великими стратегами и начали отдавать Качиони идиотские, а зачастую и взаимоисключающие друг друга приказы.

Пиратство и корсарство процветало на Средиземном море еще до основания Рима, и уже тогда стало очевидно, что командовать пиратами (корсарами) должен или командир судна при индивидуальном плавании, или командир соединения кораблей. А дело сухопутных начальников – это снабжение корсаров продовольствием, вооружением, судовым и личным составом.

И если бы Заборовский и К^о занимались только этим и не лезли командовать корсарами, то ход боевых действий на Средиземном море, да и исход войны были бы совсем другими. Ведь до появления дальней радиосвязи даже гениальный адмирал физически не мог, сидя в Сиракузах или Триесте, руководить действиями крейсеров в Эгейском море, не зная оперативной обстановки на месте и не имея возможности связаться с крейсерами ранее, чем через 3–5 дней.

Наконец, для жесткой блокады Стамбула, которая была бы равносильна его гибели, требовалось полностью пресечь снабжение его продовольствием на любых судах, включая нейтральные. Императрица в Петербурге могла издавать любые грозные указы в защиту нейтрального флота. А до корсаров эти указы могли и не дойти, да и вообще корсары по-русски понимали плохо, и для них, по русской поговорке: «...указ не писан, а если писан, то не так». А при необходимости Петербург мог и откреститься от корсаров – мол, безграмотные разбойники и т. д. Главное,

чтобы дело было сделано.

Полная блокада Дарданелл^[200] и Босфора за неделю привела бы к тотальному голоду в Стамбуле, сопоставимому с голодом в Ленинграде в 1941–1942 гг., а это, в свою очередь, спровоцировало бы всеобщее восстание и хаос в столице. Далее – высадка большого русского десанта в Босфоре и конец войне.

А вдруг бы нейтралы объявили войну России? Кто? До войны большинство торговых судов проходили Дарданеллы под французским, австрийским и английским флагами, а также под флагами различных итальянских государств.

Теперь Австрия воевала с турками, Франция с 14 июля 1789 г. по 1796 г. выбыла из числа противников России в Восточном Средиземноморье. Французские дипломаты могли посылать в Петербург грозные ноты от лица «христианнейшего» короля Людовика XVI. Но, увы, само лицо сидело под арестом, и охваченной мятежом стране было не до войны с Северным Колоссом.

Мелкие итальянские государства в счет не идут, а Англия была слишком занята французскими делами. Таким образом, в Восточном Средиземноморье были все условия для начала беспощадной каперской войны.

Однако попытка Заборовского и К^о провести в жизнь благие намерения Екатерины II заставила отказаться многих греческих судовладельцев от вооружения своих судов. Ведь, честно говоря, большинство купцов занималось каперством и рисковало своими жизнями не столько ради возрождения прекрасной Эллады, сколько ради своей мощны.

Надо ли говорить, что после блестящих успехов в кампании 1788 г. Ламброс Качиони не имел никакого желания исполнять бестолковые приказы наших бюрократов. В результате к Екатерине и Потемкину полетели десятки доносов на храброго корсара.

8 января 1789 г. Потемкин из Елизаветграда^[201] пишет сухое письмо Ламброс: «Для получения нужных от меня повелений... немедленно сюда отправиться».

14 января 1789 г., то есть почти одновременно, бригадир князь Мещерский, находившийся в Италии, отправил ордер майору Качиони. Там говорилось, что главнокомандующий морскими и сухопутными силами на Средиземном море генерал-поручик Заборовский «приказывает Вам со всеми судами идти в Сиракузы и явиться к контр-адмиралу Гибсу»^[202].

Дело в том, что Заборовский, Гибс и К^о сколачивали так называемую «легкую флотилию российского флота», которая должна была базироваться на Сиракузы.

Ламброс Качиони не поехал ни к Потемкину, ни к Гибсу. Тогда бригадир князь В. Мещерский приехал в Триест и, видимо, с помощью австрийских властей арестовал Качиони. Но из тюрьмы пирата выручил некий Николай Жоржио. Любопытно, что об инциденте 7 апреля 1789 г. Ламброс написал Потемкину. Там пират просит наградить Николая Жоржио, именуя Светлейшего отцом родным, но ничего не обещает.

Тем временем контр-адмирал Гибс, узнав о том, что Ламброс не собирается идти в Сиракузы, 23 мая 1789 г. пишет гневное послание в Петербург графу Безбородко. «Кто такой Качиони – корсар или военный? Если корсар, то он должен дать залог в 20 тысяч рублей, из коих удовлетворяются обиженные корсарами». Мол, флотилия Качиони ходит под Андреевским флагом, и теперь повсюду в Восточном Средиземноморье считают русский флаг корсарским.

Лишь к августу 1789 г. Заборовскому и К^о удалось, затратив огромные казенные деньги, «с бору по сосенке» сколотить «легкую российскую флотилию» под командованием Гульельма Лоренца. До этого Лоренц был мальтийским пиратом. В апреле 1789 г. контр-адмирал Гибс, находясь в Италии, познакомился с Лоренцем и принял его на русскую службу в чине капитана 2-го ранга.

В нее вошли три фрегата: «Фама» (вооружение: 50 пушек и 12 фальконет, команда 250 чел., флагман под командованием капитана 2-го ранга Лоренца), «Абонданцо» (20 пушек, 120 чел., командир лейтенант Телесницкий), «Перфет Альянс» (20 пушек, 100 чел., командир армейский капитан Войнович); пакетбот «Российский Орел» (24 пушки, 90 чел., командир лейтенант Дешаплет); шебеки: «Св. Екатерина» (16 пушек, командир грек^[203] Лаин), «Св. Николай» (16 пушек и 4 фальконета, 50 чел., командир грек Кацори), «Минерва» (8 пушек и 12 фальконетов, 40 чел., командир англичанин Шмидт); полака «Св. Иоанн» (16 пушек и 8 фальконетов, 50 чел., командир грек Калига); кирлангич «Св. Николай» (14 пушек, 50 чел., командир грек Пондем).

В 1789 г. флотилия Лоренца базировалась на порты Королевства обеих Сицилий – Сиракузы и Мессину.

К началу кампании 1789 г. в составе флотилии Качиони были следующие суда: фрегат «Минерва Севера» (32 пушки, команда 102 человека); кирлангич «Великий князь Константин» (26 пушек, 50 чел.);

кирлангич «Великий князь Александр» (26 пушек, 54 чел.); полака «Ахиллес Славный» (20 пушек, 50 чел.); полака «Святой Иоанн Патмосит» (20 пушек, 49 чел.); полака «Великая княгиня Мария» (20 пушек, 49 чел.); полака «Святой Лука» (20 пушек, 50 чел.); полака «Иосиф II» (26 пушек, 42 чел.); полака «Великий князь Павел» (28 пушек, 82 чел.).

Однако в начале 1789 г. по предписанию генерал-поручика Заборовского Качиони пришлось передать Агмету Дезаиру паше Барутскому (союзному русским туземному правителю) полаку «Святой Лука».

В марте 1789 г. генерал Заборовский придумал гениальный план блокирования Стамбула и всего оттоманского флота. Дабы не быть обвиненным в пристрастности, приведу довольно большую цитату из его донесения графу Безбородко от 12 апреля 1789 г.: «По Высочайшему Ея Императорского Величества повелению составленная на основании корсаров из 10 судов, принадлежащих грекам, легкая флотилия отправлена из Триеста в море сего апреля 8 числа под командою майора Ламбро-Качиони. Из Сиракуз вышли также другие 6 судов, а за ними скоро последует еще 3 фрегата казне принадлежащие, под начальством принятого в службу нашу Мальтийского морского капитана Гвильгельма Лоренца. Обе сии флотилии, соединясь в море поплывут к Дарданельскому заливу, дабы занять линию от Афонской горы через Лемнос и Тенедос, и пресечь привоз съестных припасов в Константинополь из Архипелага, Египта, Натолии и Румелии.

Но прежде нежели достигнут к помянутому месту, зайдут в остров Воллонуз для нападения на дульциниотов, готовящих помощь туркам противу Его Величества Императора в Банате, а потом к идриотам, дабы воспрепятствовать жителям сего острова отправить в Черное море суда, приготовленные ими по повелению Порты»^[204].

Каково сухопутному чину, не командовавшему даже брандвахтой, видя во Флоренции, командовать эскадрами! Ну, стали бы Качиони с Лоренцем «в линию от Афонской горы до Лемноса», а тут хотя бы половина турецкого флота вышла бы из Дарданелл, и к вечеру от обеих корсарских флотилий остались бы «рожки да ножки». Только дикий невежа мог предположить, что корсарские суда могут выстроиться в линию и по «регламенту Госта» дать бой турецким 80—100-пушечным кораблям.

Между тем 15 апреля 1789 г. у порта Дулциньо (Албания) путь флотилии Качиони преградила дульциниотская эскадра. Это было местное албанское иррегулярное формирование, формально плававшее под турецким военно-морским флагом. По донесению Качиони, в ходе

упорного боя часть дульциниотских судов была потоплена, а часть отправилась в бегство.

Воодушевленный первым успехом в новой кампании, Качиони на следующий день, то есть 16 апреля, атаковал албанский порт Дуррес. Порт и большинство стоявших там судов были сожжены. Судя по всему, Ламброс захватил там богатую добычу.

После этого флотилия Качиони отправилась к острову Пакси Ионического архипелага, а затем – к острову Закинф. В начале июня 1789 г. флотилия подошла к острову Гидра (Идра) у юго-восточной оконечности полуострова Пелопоннес, затем – к острову Кифнос (Китнос) и, наконец, прибыла к острову Кеа, где Ламброс решил остановиться для отдыха команды и ремонта такелажа кораблей после почти трехмесячного перехода морем.

Остров Кеа имел стратегическое значение. Он находился всего в 15 км от восточной оконечности Аттики, разделенной с материком проливом Кеа (одноименным с островом). Площадь острова составляла 121 кв. км. На западном побережье острова находится глубокий залив Агиос-Николаосиа – одна из самых надежных стоянок кораблей в Эгейском море.

Остров понравился Ламбросу, и он решил сделать Кеа базой своей флотилии. Корсары с помощью местных жителей построили на острове причалы, склады и даже береговые укрепления.

Несмотря на многочисленные доносы и жалобы на майора Качиони, Екатерина II указом от 24 июля 1789 г. произвела его в подполковники «за целый ряд оказанных подвигов», в «награждение его усердных услуг в Архипелаге».

В июле в Архипелаг вошла и «казенная» флотилия капитана Лоренца, который, основываясь на приказе Заборовского, предложил Качиони соединить свои флотилии. Соединение флотилий произошло в конце июля 1789 г. у острова Идра. Качиони пришлось смириться и стать под командование Лоренца.

Но совместное плавание двух флотилий продолжалось лишь несколько дней. На стоянке у острова Тинос капитан 2-го ранга и подполковник крепко поругались и разошлись.

Разделение армии на суше на две половины или эскадры кораблей ввиду противника могло привести к трагическим последствиям. Но разделение корсарских флотилий имело больше преимуществ, чем недостатков. Действуя порознь, они могли захватить куда больше торговых судов, а если бы туркам удалось собрать большую эскадру и напасть на корсаров, одна из флотилий заведомо бы уцелела.

Лоренц, естественно, написал в Сиракузы кляузу на Качиони. И в Петербург к Безбородко от контр-адмирала Гибса 11 августа 1789 г. полетел новый донос. Мол, Качиони отказался соединиться с Лоренцем, высказывал «презрение к начальству, установленному в Сиракузах», то есть к самому Гибсу. Качиони говорит, что он единый комендант всего Архипелага. Качиони считает себя не корсаром, а начальником российской эскадры и не хочет брать корсарский патент. Поскольку же его флотилия сильнее, чем у Лоренца, нельзя ли с Балтики прислать хотя бы несколько судов, чтобы подобные безобразия со стороны Качиони прекратить.

Оценим забавность ситуации: Балтийская эскадра нужна не затем, чтобы воевать с турками, а чтобы заставить Ламбро почитать «сиракузское начальство», которое само в море выходить почему-то не решалось. Дело дошло до того, что Гибс потребовал спустить Андреевский флаг на судах флотилии Качиони.

Между тем 23 июля 1789 г. эскадра Лоренца в составе 9 судов между островами Зейя и Сира встретилась с турецкой эскадрой, в которой было три 66-пушечных корабля, пять 20-пушечных кирлангичей и две полугалеры. По донесению Лоренца, 2 дня шла перестрелка, а затем турки ушли. На самом же деле 2 дня турки преследовали мальтийского пирата, а 25 июля появились 5 судов Качиони, и турки бежали. Состав же турецкой эскадры явно преувеличен Лоренцем. Во всяком случае, никаких там 66-пушечных кораблей не было.

29 августа Лоренц привел свои суда в Сиракузы и после этого долго не выходил в море, боясь турок.

5 сентября 1789 г. контр-адмирал Гибс донес графу Безбородко, что капитан Лоренц неожиданно, без какого-либо разрешения покинул район крейсерства, задолго до установленного срока, а именно 29 августа, прибыл «из Архипелага в Сиракузы с вверенною ему флотилиею и объявил, что он принужден был выйти из Архипелага ради недостатка в провизии и других припасов и для того, чтобы не подвергать флотилию в жертву неприятелю, которого вооружение усмотрел он умножено после сделанной ему диверсии до 36 разных величиной судов...»

Возмущение Гибса можно понять. Неужели провизии и прочих припасов не было на торговых судах, которыми буквально кишело Восточное Средиземноморье? В крайнем случае можно было взять все необходимое на островах Архипелага, на побережье материковой Греции, Малой Азии, Сирии или Египта, как это в свое время делала эскадра Орлова. Другой вопрос, что в ретираде Лоренца частично виноват и сам Гибс, который в известной степени связал руки Лоренцу своими дурацкими

инструкциями.

3 августа 1789 г. флотилия Качиони имела баталию у острова Элени (Макронисос) с отрядом алжирских судов, скорее всего, пиратских. Алжирцы были побиты и быстро ретировались. Суда же Качиони вернулись на стоянку на остров Кеа.

Лоренц из Сиракуз сделал еще одну попытку подчинить себе Качиони, послав к нему лейтенанта Анжело Франчески. Этот корсиканец, соратник Паоли, был в июле 1787 г. принят на русскую службу вместе с Лоренцом. Ламброс выслушал Франчески, а затем вздохнул и сказал: «Я одного генерала выжил из здешних мест, и сделать это с другими мне ничего не стоит». И действительно, бездарь и дурак Заборовский был отозван Екатериной II из Италии. Взамен ему прислали генерал-майора В. С. Томару. Кстати, на том военная карьера Заборовского и закончилась: его отправили на статскую службу, и в 1817 г. он помер действительным статским советником и сенатором. Теперь же Ламброс имел в виду Гибса, не менее бездарного контр-адмирала в делах морских и генерал-майора в делах сухопутных.

Между тем по приказу Потемкина, одобренному Екатериной, Гульельм Лоренц был отстранен от командования Средиземноморской флотилией и отозван в Петербург. Там бедолага маялся без дела, а потом попросился домой, ссылаясь на непривычный климат. В сентябре 1792 г. Лоренц был произведен в капитаны 1-го ранга и уволен в Италию «до востребования». Взамен Лоренца в командование «казенной» флотилией в начале 1790 г. вступает русский посланник на острове Мальта капитан 1-го ранга и одновременно генерал-майор грек Антонио Псаро.

Между тем привлечь на свою сторону Ламброса Качиони попытался и... турецкий султан Абдул Гамид I. От имени султана к Качиони с письмом обратился драгоман турецкого флота С. Мавроенис с довольно «лестными и заманчивыми» предложениями. Ламбросу было обещано прощение султана за пролитую «османскую кровь», а главное, наследственное правление на любом из выбранных им островов Архипелага и 200 тысяч золотых монет. Взамен Качиони должен был присягнуть на верность султану. В противном же случае его ждала суровая кара – «султан пошлет великую силу для того, чтобы усмирить Вас».

Ответил или нет султану храбрый корсар – неизвестно. Во всяком случае, лучшим ответом были захваты новых турецких судов. На одном из захваченных турецких кораблей корсары перебили команду и пассажиров, а жизнь была дарована лишь одной юной красавице. Она оказалась гречанкой по имени Ангелина, ее отец был правителем острова в Эгейском

море и верно служил туркам.

Как и положено в классическом романе, великий пират влюбился в красавицу и предложил ей руку и сердце. Отец, то ли испугавшись турок, то ли из гонора, не пожелал отдать дочь пирату. Но, увидев перед окнами своего дома флотилию Качиони с открытыми орудийными портами, изменил свое решение и благословил Ламброса и Ангелину.

В сентябре 1789 г. Качиони закончил кампанию и зазимовал на Ионических островах, принадлежавших Венеции. Местные власти пытались угодить обеим сторонам. Турки были, естественно, сильнее, но пушки Ламброса – ближе. Поэтому Качиони без труда удалось на острове Закинф (Занте) провести необходимый ремонт, запастись провиантом и завербовать несколько десятков волонтеров.

Обратим внимание: согласно указам Екатерины и Потемкина, главной базой русской Средиземноморской флотилии по-прежнему были Сиракузы. Контр-адмирал Гибс всеми силами пытался заманить туда Ламброса, но постоянно получал вежливый и аргументированный отказ.

Возникает вопрос: почему же Качиони не воспользовался своей стоянкой на острове Кеа? Дело в том, что еще в августе 1789 г. к острову подошла эскадра турецких кораблей и высадила десант. Небольшой отряд греков, защищавших Кеа, был уничтожен. «По традиции» турки устроили резню среди местных жителей.

В конце марта 1790 г. флотилия Качиони в составе девяти судов покинула Ионические острова и отправилась в Эгейское море. По пути на бор был посажен клефт^[205] Андруцос с отрядом в 800 человек. 15 апреля флотилия подошла к острову Кеа и высадила там воинов Андруцоса. Турок там уже не было. Вскоре моряки и клефты восстановили сооружения базы Качиони.

По примеру Орлова Ламброс решил создать свою «губернию», разумеется, в меньших масштабах. Губернской столицей он сделал порт на острове Зея. Кроме этого острова в губернию вошел остров Андрос, а все близлежащие острова были обложены «российским» налогом.

Тем временем новый султан Селим III потребовал у своих адмиралов немедленно уничтожить флотилию Качиони. В начале 1790 г. и так туркам пришлось держать в Архипелаге 2 корабля (60– и 56-пушечный), 11 фрегатов (от 20 до 32 пушек), 6 кирлангичей и 4 канонерские лодки. А ведь все это могло быть двинуто против Ушакова! В Константинополе периодически возникали голодные бунты. Специально для поимки Качиони в Алжире была сформирована эскадра адмирала Сеит-Али в составе 66-пушечного корабля, трех 30-пушечных фрегатов, шести 18-пушечных и

двух 12-пушечных гребных судов. Но самым неприятным для греков было то, что сам Сеит-Али и большинство личного состава были профессиональными алжирскими пиратами.

1 мая местные греки сообщили Качиони, что неподалеку видели турецкую эскадру, состоящую из восьми судов. Не поверив грекам, Качиони 5 мая вывел свою флотилию в море и подошел к острову Андрос для поиска неприятеля. Из-за штиля корабли Качиони смогли удалиться от острова всего лишь на 40 миль, где 6 мая они обнаружили турецкую эскадру, состоящую не из восьми, а из 19 судов, включая корабль под предводительством Мустафы-паши. Также в эскадру входили: четыре 40-пушечные каравеллы, десять 18—22-пушечных легких фрегатов, три кирлангича и одна большая чайка.

Бой 6 мая произошел по той же схеме, что и предыдущие сражения турок с корсарами. Турки обладали громадным перевесом в личном составе и артиллерии, но боялись корсаров, а те, в свою очередь, очень хотели, но не имели физической возможности побить басурман. В итоге артиллерийская дуэль велась до поздней ночи. До абордажа не дошло, потерь в судах не было, повреждения судов и потери в личном составе незначительные.

Ночью на военном совете несколько офицеров тщетно уговаривали Качиони уйти. Но тот посчитал турок «совершенно оробевшими», а оппонентов обвинил в трусости.

Рано утром 7 мая 1790 г. неприятельский флот находился под ветром и старался избежать сражения. Качиони начал преследование турецкой эскадры. К большому удивлению корсаров, на горизонте показалась алжирская эскадра Сеит-Али. В ее составе был один двухдечный корабль, три 30-пушечных фрегата, пять 18-пушечных шебек, одна большая 20-пушечная тартана и две тунисские 12-пушечные шебеки.

Алжирские суда, имея попутный ветер, быстро приближались, и вскоре их флагманский корабль с тремя самыми большими шебеками напал на «Минерву Севера». Две шебеки попытались взять «Минерву» на абордаж. Но высадить удалось всего 12 человек, которые вскоре были убиты. Отказавшись от абордажа, турецкие суда усилили артиллерийский огонь по флагману корсаров. В конце концов Качиони сел в лодку и попросту удрал с корабля. Команда фрегата держалась до наступления темноты. Ночью к «Минерве Севера» подошли греческие гребные суда. Экипаж был эвакуирован, а фрегат сожжен.

Полакры «Лабелла Виенна», «Виктория» и «Принчипе Паоло» были взяты алжирцами на абордаж, а их экипажи вырезаны.

Фрегат «Ахиллес» несколько часов вел бой с двумя фрегатами и тартаной. Алжирцы приготовились пойти на абордаж. Тогда капитан Левтераски пошел на хитрость. Он приказал поднять на шестах несколько бочонков. Турки решили, что там порох, а корсары хотят взорвать их при абордаже. Алжирские суда кинулись в разные стороны. Это позволило «Ахиллесу» дойти до острова Андрос, где экипаж высадился на берег, а фрегат был затоплен.

8-пушечный кирлангич капитана Стратти сдался в плен вместе с экипажем. Всего в бою 7 мая корсары потеряли 400 человек из 600.

После боя алжирская эскадра пришла к островам Зея и Андрос, где соединилась с турецкой эскадрой, не участвовавшей в сражении. Однако 380 албанцев-клефтов, оставленных там Качиони для охраны острова Зея, были ночью эвакуированы на другие острова. Турки по своему обыкновению устроили расправу над мирными жителями обоих островов.

Качиони с тремя уцелевшими кирлангичами и одной полакрой, не участвовавшей в сражении, укрылся на острове Цериго.

26 октября 1790 г. состоялся торжественный вход алжирской эскадры в Константинополь. Султан приказал палить из пушек.

Свидетелем расправы над греческими моряками стал капитан 1-го ранга Вениамин Тиздель, сдавший туркам корабль «Мария Магдалина» в 1787 г. Турки специально вывели его из тюрьмы, чтобы показать экзекуцию. 5 декабря 1790 г. Тиздель писал из тюрьмы Потемкину: «После происшедшего сражения в Архипелаге между турко-барбаресцами с нашими крейсерами майора Ламбро Кацонием. Первая будучи в несравненном количестве судов против второго; имели шастие захватить 111 человек в полон, в том числе Лейб-Гренадерского полку капитана Егора Палатино, посланного от господина контр-адмирала Гибса с повеление к оному господину майору Качиони и 4-е маленьких судна.

Барбересы возвратившись в сию столицу праздновали оную победу целых 5 дней непрерывною пушечную пальбою и в пятый день отрубили шестерым человекам головы в присутствии самого султана, повеся при том по всем судам на рейнах двадцать человек, имея перед ними повешанной Всероссийской державы флаг и с таким позорищем входили они в Адмиралтейство.

Не довольствуясь и сим, на другой день взяли из тех же новоприведенных из сей тюрьмы двадцать человек и отрубили им головы, по всем воротам Константинопольской Крепости.

В числе тех 46 человек казненных были многие офицеры и некий капитан Герасим Калига, который еще сей чин заслужил в прошлой войне,

а прочие при настоящей...»

Несмотря на разгром флотилии Качиони, турки к концу кампании 1790 г. продолжали держать в Архипелаге значительные силы – 60-пушечный корабль, 56-пушечный корабль, 11 малых фрегатов, вооруженных от 20 до 32 пушками, 4 канонерские лодки и 6 кирлангичей.

Потемкин писал Екатерине: «Порта, встревоженная его предприимчивостью и мужеством, старалась уловить его разными обещаниями, которые он отверг с презрением. В самой неудаче высказывает он неустрашимую смелость. Он потерпел в этом сражении с турками, но сам почти со всеми спасся и, оправясь, пойдет опять. Он один только дерется». Далее Потемкин ходатайствовал перед императрицей о награждении Ламброса Качиони за его боевые заслуги в должности командующего легкой российской флотилией перед Российской империей: «Всемиловнейшее пожалование в полковники умножает ревность его, а если еще Вашему Величеству благоугодно будет позволить мне отправить к нему знаки военного ордена 4-й степени, то сие, разнесшись повсюду, много произведет действия в народе греческом к пользе высочайшей Вашего Императорского Величества службы».

29 июля 1790 г. Ламброс Качиони за военные заслуги и личную храбрость был произведен в полковники. В Указе Екатерины II говорилось, что очередной чин дается ему «в награждение усердной службы, отличной его храбрости и мужества, неоднократно оказанных в сражениях с турецким морским вооружением».

В соответствии с Высочайшим указом от 12 сентября 1790 г. полковник Ламброс Качиони «в награждение его храбрости и подвигов и в ободрение его к дальнейшим действиям против неприятеля» становится кавалером российского ордена Святого Георгия 4-й степени.

После гибели флотилии Ламброс попытался создать новую. Ему удалось захватить две вооруженные шебеки, принадлежавшие грекам с острова Идра. Но по приказанию генерал-майора Псаро Качиони был вынужден вернуть захваченные призы идриотам. Все же Ламбросу удается собрать отряд из нескольких малых судов, базировавшихся на острове Итака. Конфликт Ламброса с руководством «казенной» флотилии продолжался.

В конце концов взбешенный Потемкин решил «сменить коней на переправе». В ордере от 24 декабря 1790 г. он вызвал в Петербург для отчета контр-адмирала Гибса.

В конце 1790 г. Качиони, передав управление оставшимися судами флотилии своему заместителю Николаю Касими, прибыл в Вену, чтобы

встретиться там с главнокомандующим Г. А. Потемкиным-Таврическим. Для выяснения, где находится главнокомандующий, Качиони направил в Яссы несколько офицеров с письмом к генерал-фельдмаршалу, а сам с оставшимися тринадцатью офицерами остался в Вене ждать сообщений. Ждать пришлось долго, поскольку Потемкин в это время находился в Петербурге.

Суда флотилии Качиони и «казенной» флотилии генерал-майора Псаро в это время ремонтировались в бухтах Ионических островов, в основном у острова Занте, готовясь к кампании 1791 г. По приказу Ламброта в начале 1791 г. его флотилия в составе пяти судов под командованием Николая Касими убыла в Архипелаг, а затем пошла к южным берегам Македонии, чтобы захватить там суда с хлебом, идущие в Константинополь.

Согласно донесению Касими, его отряд сжег «в заливе Воло, ниже Салоники, множество турецких судов с пшеницею, для Константинополя нагруженных, и три санины [разновидность полаки. – А.Ш.] взял в плен».

В начале 1791 г. прибывший в Вену генерал-майор Томара нашел там Качиони в затруднительном материальном положении, но не сломленного духом. Томара в присутствии офицеров вручил Ламбросу указы императрицы о производстве его в чин полковника и награждении орденом Святого Георгия и лично прикрепил на грудь полковника орден. Потом Томара передал устные и письменные наставления и указания князя Потемкина лично Ламбросу Качиони. Генерал-майор оплатил все венские долги в сумме «1436 червонцев» «полковника и кавалера Ламбро Качони и находившихся при нем 13 человек офицеров».

В начале апреля 1791 г. Качиони и его спутники возвращаются в Триест. Там Ламброс энергично приступил к формированию новой флотилии. В мае Качиони купил у судовладельца Куртовича за 24 тысячи флоринов два судна, получившие названия «Святой Спиридон» и «Святой Стефан». «Святой Спиридон» был вооружен 24 пушками, а команда его насчитывала 45 человек. По одним документам судно это числилось малым фрегатом, а по другим – корветом. «Святой Стефан» имел 20 пушек и 35 человек команды. Вооружены оба судна были за казенный счет.

В Триесте у австрийцев Ламброс принял две канонерские лодки (барки) – «Сила» и «Святая Варвара». Они были вооружены двумя медными 24-фунтовыми пушками, взятыми в займы у австрийцев. Команда каждой лодки состояла из 12 человек.

В состав флотилии Качиони вошел и турецкий кирлангич, захваченный ранее «казенной» флотилией. Он был вооружен на казенный счет у острова Каламо. Судно стало называться шебекой (по другим

документам – полакой) «Святой Иоанн ди Патмос». Вооружение его составляли 20 пушек, команда – 67 человек.

Кроме того, к 1 сентября 1791 г. в составе флотилии Качиони были следующие суда:

Фрегат «Святой Георгий». Команда 99 человек.

Корветы «Святой Матвей» и «Святой Николай». Команды каждого 55 человек.

Полака «Святая Елена». Длина 26,2 м, ширина 7,9 м, осадка 2,3 м. 28 пушек. Парусное вооружение фрегата (3 мачты).

Кирлангичи «Святой Константин», «Святой Александр», «Ахиллес», «Князь Потемкин». Все они были двухмачтовые. Имели команды по 34 человека. Известны данные лишь «Ахиллеса»: четыре 6-фунтовые английские пушки; длина 23,8 м, ширина 7,3 м, осадка 3,4 м.

Полугалеры «Зеа» и «Дафне» (команды по 22 человека).

Большинство из этих судов были захвачены у турок, а некоторые куплены у греческих и итальянских судовладельцев. Так, кирлангич «Святой Константин» был куплен в складчину (пополам) Ламбросом Качиони и Николаем Касими.

Согласно формулярному списку от 12 августа 1791 г., под командой Качиони служило 69 офицеров русской службы, среди них капитанов – 21, поручиков – 27, прапорщиков – 21. Большинство по национальности были греки, этнических русских не было ни одного. И вообще никто из этнических русских офицеров или адмиралов на судах Качиони или «казенной» флотилии в море ни разу не выходил. Все они предпочитали руководить, сидя на берегу.

Триест был слишком удален от района боевых действий обеих флотилий. Кроме того, Австрия готовилась выйти из войны. Поэтому судам, плававшим под Андреевским флагом, срочно нужна была оперативная база в Архипелаге. Генерал-майор Томара обратился к вождям населения области Мани (юг полуострова Пелопоннес) с предложением построить военно-морскую базу в Мани.

3 августа 1791 г. «поверенный от всех греко-россиян в Майне»^[206] капитан Дмитрий Григораки прибыл из Мани на остров Каламо к генерал-майору Томара и вручил ему «Прощение жителей Порты Гайя и Поганя в Майне». Там говорилось: «Во удовлетворение желаний Вашего Превосходительства уступаем мы наши места для плацарма и наш порт для флотилии.

Для Вашего защищения будем иметь около 3000 человек сухопутных, и сколько можно будет постараемся сыскать других для смотрения ваших

судов.

Сверх того обязываемся помогать Вашему превосходительству и на море, ежели захотят наши служить на судах.

Все мы офицеры обязываемся служить Вашему Превосходительству на сухом только пути, а не на судах.

Все те, которые вступят из нас в службу, будут состоять под командою Антона Григораки [капитана, родного дяди Дмитрия Григораки], а он должен только давать свои рапорты Вашему превосходительству, яко главнокомандующему, и потом господину полковнику Ламбро Кацони, как верному слуге Ее Величества и который приглашал нас к таковому предприятию еще в прошлом году».

К началу августа 1791 г. во флотилии Ламброса был уже 21 вымпел. Но 11 августа 1791 г. Россия подписала перемирие с Турцией.

По приказу Томара суда «казенной» флотилии и часть судов флотилии Качиони под командованием Николая Касими ушли зимовать в Сицилию, а в Архипелаге остались лишь несколько судов под командованием самого Качиони. Так их застало известие о подписании в Яссах 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) мирного договора между Россией и Турцией.

Глава 11. Трагедия и триумф Корсара

По окончании боевых действий Екатерина повелела все суда обеих флотилий – «казенной» и Качиони – разоружить в Триесте. А затем часть судов продать на месте, а другие отправить через Проливы в Черное море, погрузив на них греков, желающих выехать в Россию.

С судами, ушедшими в 1791 г. зимовать в Сицилию, проблем не было. Они были разоружены и большей частью проданы итальянским и греческим купцам. Весной 1792 г. в Севастополь из Средиземного моря пришли шесть корсарских (крейсерских) судов. Из них три судна ранее состояли во флотилии Качиони – полакра «Святая Елена», кирлангичи «Ахиллес» и «Святой Александр». Все шесть судов были введены в состав Черноморского флота, где и прослужили несколько лет. Так, «Ахиллес» погиб 16 июля 1798 г. в шторм у Евпатории. А вот «Святой Елене» удалось даже поучаствовать в следующей войне с Турцией в 1806–1812 гг.

Ясский договор в Греции вызвал больше разочарование. Сотни греков, поверивших обещаниям русской императрицы содействовать освобождению Греции от турецкого ига, сражались и гибли на кораблях в составе флотилии Качиони. Но обещания эти опять оказались невыполненными, и в Ясском договоре Греция даже не упоминалась.

Получив от главнокомандующего русскими силами на Средиземном море В. С. Томары приказ отвести свои корабли в Триест и там разоружить их, Качиони не стал его выполнять.

В марте 1792 г. 11 судов флотилии Качиони подошли к мысу Матапан [207] – самой южной точке области Мани на Пелопоннесе. Там Ламброс выбрал для своей базы Порто-Кайло (Порто Кагио) – бухту с узким входом, со скалистыми берегами, хорошо защищенную от господствующих ветров.

Ламброса поддерживал известный греческий «полевой командир» Андруцос со своими Клефтами. В свою очередь генерал-майор Томара отправил Лабросу несколько посланий с требованием покинуть Мани и отправиться в Триест. Но все было напрасно.

В мае 1792 г. Качиони выпустил манифест, в котором выразил недовольство и возмущение греков тем, что правительство Екатерины снова пожертвовало ими. В манифесте подробно описывались действия флотилии Качиони, отвлекавшие турецкий флот с Черноморского театра боевых действий, о вкладе греков в успех многих операций и о понесенных ими жертвах. Греки надеялись, «что в мирном соглашении будет сделано

кое-что и для греческого народа: он будет иметь небольшую свободную область и получит вознаграждение за те усилия, которые он предпринял и еще собирался предпринять. Но ничего этого сделано не было». Оставались без защиты и помощи жены и дети тех греков, которые пожертвовали свои жизни «во славу России», и Качиони, говорилось в манифесте, решил взять их под свою защиту и отомстить за павших. Греки будут продолжать войну до тех пор, «пока не получат принадлежащие им права».

Качиони больше не называл себя полковником русской службы, а объявил себя королем Спарты.

Качиони и Андруцос укрепили бухту и построили у ее входа пять береговых батарей. Базируясь на Порто-Кайло, корсары продолжали держать в страхе Восточное Средиземноморье, захватывая торговые суда как турок, так и нейтралов. Так, у города Навплия Качиони ограбил, а затем сжег два французских торговых судна.

Подстрекаемый французами султан решил покончить с флотилией Качиони. Турки вывели из Дарданелл эскадру из 20 судов. Среди них было 12 кораблей, то есть все, которые могли плавать. Любопытно, что там же был и 58-пушечный «Худа Верди» (бывшая «Мария Магдалина»). К одной армаде присоединился и французский фрегат «Модест».

5 (16) июня 1792 г. эскадра подошла к Порто-Кайло и начала бомбардировку батарей и судов Качиони.

Одновременно турки решили заставить бея области Мани Дзанетоса Григоракиса^[208] напасть на Качиони с суши. Для этого сорок видных маниотов были арестованы в Стамбуле, и турецкие власти заявили, что все они будут казнены, если властями Мани не будет выдан живой или мертвый Ламброс Качиони.

Мало того, султан надавил на константинопольского патриарха, и тот послушно стал грозить жителям Мани отлучением от церкви, если они будут помогать «королю Спарты».

Бей Григоракис принял турецкий ультиматум и одновременно предложил Качиони и его людям мирно пройти через область и укрыться в другом районе Греции. У Качиони не было иного выхода, и он согласился. По приказу Ламброса были взорваны и сожжены береговые батареи и суда флотилии. Большой части личного состава флотилии удалось скрытно просочиться между отрядами майонитов. А сам Ламброс с несколькими спутниками на малом судне ночью прорвался через строй турецких судов и добрался до острова Киферс, а затем перебрался на Итаку.

Далее Качиони попытался найти новое крейсерское судно и завербовать команду на Ионических островах. Однако после окончания

Русско-турецкой войны венецианские власти осмелели и арестовали несколько греческих моряков и клефтов. Среди них был и Андруцос, выданный венецианцами туркам и погибший в турецкой тюрьме.

Сотни моряков, воевавших с Качиони, были насильно посланы турками служить на их корабли и галеры. Любопытно, что десятки из них находились на судах турецкой эскадры Кадыр-Бея, действовавшей в 1799 г. совместно с эскадрой адмирала Ушакова. Несчастные греки просили заступиться за них русского адмирала. Но Кадыр-Бей отказал Ушакову, поскольку он-де не может отпустить греков без санкции султана. 9 апреля 1799 г. Ушаков отправил письмо русскому послу в Турции В. С. Томаре: «... греки, служившие прежде с Ламброю Качони и попавшие в плен, которые должны по замирении и по нынешнему нашему освобождению островов и по объявлению от Блистательной Порты дружелюбному к ним расположению, как в конференции в бытность мою в Константинополе было предположено, должны быть освобождены. Таковые многие находятся ныне на эскадре и наубедительнейше просят исходатайствовать им милосердие, командующий же эскадрою Блистательной Порты Кадыр-бей без повеления вышнего начальства уволить их сам собою не смеет и обещал об оном представить в вышнее начальство, я прошу покорнейше ваше превосходительство употребить ваше об них ходатайство испросить им свободу»^[209].

Но, судя по всему, Томара не пожелал освобождать своих соотечественников.

В такой ситуации Качиони пришлось покинуть Ионические острова и почти два года скитаться по Европе.

В 1794 г., после многочисленных обращений через консула в Триесте надворного советника Спиридона Варуки, полковник Ламброс Качиони получил наконец долгожданное письменное разрешение от фаворита Екатерины II графа Платона Зубова вернуться в Россию. В октябре того же года Качиони с семьей прибывает в Херсон к председателю Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н. С. Мордвинову.

Формальной причиной приглашения Качиони в Россию было начало работы «Комиссии учрежденной для рассмотрения претензий по бывшей в Архипелаге флотилии», созданной указом императрицы от 7 апреля 1794 г. Действительно, без объяснений бывшего командующего было бы практически невозможно разобраться с массой жалоб и претензий, поступивших на имя императрицы, с потоком предъявленных неоплаченных денежных счетов и финансовых исков.

Однако главной причиной было намерение императрицы начать новую

войну с Турцией, при подготовке которой Ламброс мог быть отличным консультантом, а после начала войны заняться привычным делом.

19 апреля 1795 г. по указу императрицы началось формирование Одесского греческого дивизиона численностью в 348 человек. Среди греков, зачисленных в состав дивизиона, было несколько десятков моряков, служивших ранее во флотилии Качиони.

Кроме того, для греков-переселенцев в районе Одессы было выделено 15 тыс. десятин земли. По приказу императрицы для начала в Одессе для греков построили 53 каменных дома. Греческим, славянским и албанским переселенцам выдавались денежные пособия, и они на 10 лет освобождались от податей. Была учреждена должность попечителя, и им стал подполковник грек Косоглу. К концу 1795 г. в Одессу с островов Архипелага переселилось до 100 семейств, из которых было 27 купцов.

После 1792 г. большинство греческих судовладельцев постепенно через подставных лиц – российских подданных – переводили свои суда под юриспруденцию империи. К 1819 г. из тысячи судов, плававших в Восточном Средиземноморье, не менее пятисот принадлежали турецкоподданным грекам. Причем около 250 приходилось на жителей островов Индра, Специя и Псари, и все они плавали под русским триколором – флагом торгового флота империи.

По Высочайшему повелению полковнику и кавалеру Ламбросу Качиони было выплачено «за 8 лет жалованье, за службу его во всю прошедшую турецкую войну в Архипелаге на флотилии Российской».

Прибывший в Петербург полковник Ламброс Качиони 20 сентября 1795 г. был официально представлен Екатерине II на балу в Царском Селе в «День торжества рождения цесаревича Павла Петровича». Запись с Камерфурьерском журнале за этот день гласит: «Ея Императорское Величество изволила жаловать к руке приезжаго из города Херсон полковника Ламбро Качиони, которого представил старший по дежурству камергер князь А. А. Кольцов-Масальский».

Итак, по прибытии в Петербург императрица не только простила ему все грехи, но и обласкала его. А Потемкина, как мы уже знаем, не было в живых. Качиони часто появлялся при дворе Екатерины, а на голове у него была феска с вышитой серебряной рукой с надписью: «Под рукой Екатерины».

Как писал П. В. Чичагов, в 1796 г. у императрицы опухли ноги, а затем появилась какая-то сыпь. В конце концов сыпь ей надоела, и она обратилась к лейб-медику Роджерсону с просьбой избавить ее от сыпи. Он отказался, «потому что знал сидячий образ жизни императрицы, полагал,

что этот исход, явленный самой природой, будет благоприятствовать ее здоровью». Как-то раз вечером, во время беседы в Петергофе во дворце Марли, на которой присутствовал Качиони, когда зашла речь о здоровье, а потом о болезнях ног, Ламбро рассказал, что вылечил сыпь, употребляя соленую воду. Тогда Екатерина, тайком от своего медика, велела привезти воды из Северного моря и стала делать из нее ножные ванны. Они произвели желаемое действие, но позже, по мнению доктора Роджерсона, «ванны вероятно вызвали апоплексический удар».

Вряд ли соленые ванны оказали серьезное воздействие на сердечно-сосудистую систему Екатерины, зато воспоминания Чичагова свидетельствуют о близости Качиони к императрице в последний год ее жизни. И дело, разумеется, не в личных симпатиях – Екатерине корсар нужен был для реализации своих планов в отношении Турции.

Адмирал Шишков в своих записках утверждает, что, получив известие о смерти императрицы, Качиони стал больше похож на восковую куклу, нежели на живого человека. О чем думал старый пират в этот момент? О славном царствовании Екатерины, с которым неразрывно переплелась его судьба? Или о крахе надежд на освобождение Греции?

20 декабря 1796 г. Павел I подписывает указ, согласно которому Качиони предписывалось отправиться на Черноморский гребной флот «в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу».

31 декабря того же года Указом Павла I Ламбросу Качиони было подтверждено его воинское звание полковника и старшинство в данном чине с 29 июля 1790 г., а также выдан соответствующий патент на чин полковника, при правлении Екатерины II ему так и не врученный. Обращают на себя внимание многозначительные слова Указа, несомненно напоминающие «об ошибках» Качиони. «Мы надеемся, – подчеркивает Павел I, – что он в сем Всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит».

Но Качиони явно не хотел ехать в Одессу и служить в гребной флотилии. Замечу, что в мирное время практически все гребные суда на Балтике и Черном море стояли вытасченными на берег, а само направление в гребную флотилию среди флотских офицеров в мирное время считалось ссылкой.

И 20 февраля 1797 г. полковник Ламброс Качиони обратился к Павлу I с прошением: «Уволить с абшитом в Архипелаг, Отечество его ради поправления таковых нужных дел», а именно для оказания необходимой помощи и поддержки родственников, ибо «заимодавцы, оставшиеся без удовлетворения, непременно будут нападать на имения родственников его и

разорять их до крайности». При этом в своем прошении Качиони особо подчеркнул: «...буде впредь необходимость... то по единоверию и усердию к престолу Его Императорского Величества служить готов будет, и по подписанной при том справке».

Поначалу упрямый Павел настаивал на отправке Качиони в гребную флотилию, но потом унялся и Высочайше разрешил остаться в Петербурге до полного завершения деятельности Комиссии по делам его флотилии.

В 1798 г. комиссия закончила свою работу. По ее итогам Ламбросу Качиони была выплачена солидная сумма в качестве компенсации за истраченные в ходе боевых действий его личные деньги.

В связи с отправкой в 1798 г. эскадры Ушакова в Адриатическое море для войны с Францией Качиони обратился к Павлу I с просьбой разрешить ему на свои средства вооружить судно «для разъезда противу французов» в Средиземном море. Император с интересом и весьма благосклонно оценил предложение Качиони, и 24 октября 1789 г. последовало Высочайшее повеление «вооружение сие ему дозволить». Но пока суд да дело, война с Францией кончилась, и Качиони больше не удалось выйти в море на корсарском судне.

В Петербурге при Павле Качиони делать было нечего, и он отправился в Крым, в подаренные ему еще Екатериной II поместья. Проживая в Крыму, Качиони купил недалеко от Ялты местечко Панас-Чаир, что в переводе с греческого означает «священный луг». Там Ламброс начинает строительство своей усадьбы, которую переименовывает в Ливадию, по имени своего родного городка Ливадия, находящегося в 120 км от Афин, недалеко от горы Парнас и Дельфийского храма.

В Крыму бывший корсар становится крупным промышленником. Его крымская соль, пшеница, ценные породы рыб и другие товары отправляются на юг и на север, от Греции до Петербурга. В 1799 г. Качиони строит завод по производству виноградной водки, принесший ему большие барыши и многочисленные тяжбы с конкурентами.

Однако судьбе было угодно, чтобы виноторговец Качиони умер не в своей постели, а с кинжалом в руке. В 1805 г. в возрасте 53 лет Ламброс направился один в двуколке в Керчь по своим торговым делам. По пути к нему в коляску напросился какой-то господин. Слово за слово, затем достали стаканы. Собеседник незаметно опустил кристалл яда в вино Ламброса. Тот выпил, но, почувствовал страшную резь в желудке, догадался об отравлении и выхватил кинжал. Лошадки довели до Керчи два холодеющих трупа.

Ходили слухи, что знаменитый корсар был отравлен турецким

агентом. На мой взгляд, это наиболее достоверная версия, но, увы, документальных подтверждений ее нет.

Похоронили Ламброса Качиони в его поместье в Ливадии, хотя есть версия, что похоронили его в Керчи. Могила Качиони утрачена еще в конце XIX века. Возможно, это было связано с тем, что после смерти Ламброса имение его несколько раз меняло владельцев, а с 1860 г. стало южной резиденцией императора Александра II. Наверяд ли Романов хотел иметь рядом со своей резиденцией могилу пирата.

Любопытно, что французский историк Лавис утверждал, что в 1806 г. Качиони появился на Средиземном море и вновь занялся пиратством.

Сын Ламброса Ликург Качиони в 1812 г. поступил на службу в Черноморской флот, позже стал командиром Балаклавского батальона, а закончил свою карьеру инспектором Керченского карантин. Внук пирата Александр Ликургович начал служить гардемаринном в Черноморском флоте, а затем в чине мичмана был переведен на Балтику.

Правнук Ламброса Спиридон Александрович Качиони, родившийся в 1858 г. в Феодосии, стал известным юристом, а потом – писателем. Он был свояком художника И. К. Айвазовского. Умер Спиридон в начале 1930-х гг. в Ленинграде.

Еще при жизни Качиони о нем и о греческих корсарах в России практически забыли. Павел I сделал все, чтобы исчезла сама память о его матери, Потемкине и о всех победах славного царствования Екатерины Великой. Тавриду он приказал переименовать опять по-татарски в Крым, Севастополь – в Ахтиар и т. д. Как-то Павел спросил Попова, бывшего адъютанта князя Потемкина: «Как исправить зло, причинное России одноглазым?» Попов быстро нашелся: «Отдать Крым туркам, Ваше Величество!»

Не менее, чем указы Павла, забвению корсаров способствовали и Наполеоновские войны. Кто после пожара в Москве и взятия Парижа вспоминал о каких-то баталиях в Архипелаге века минувшего? Помните, Пушкин писал в 20-х гг.: «...времен Очаковских и покоренья Крыма», то есть дела давно прошедших лет, преданье старины глубокой.

В Греции же Ламброс Кацонис, как греки называют Качиони, стал национальным героем. Ему посвящены десятки книг. В январе 1914 г. греческое правительство дало заказ Англии на постройку крейсера «Кацонис», но в связи с началом Первой мировой войны англичане решили достроить его для себя и назвали «Честер».

Греки не успокоились, и построенную в 1927 г. во Франции подводную лодку также назвали «Кацонис». Она была потоплена германским

охотником за подводными лодками UJ-2101 19 сентября 1943 г. в Эгейском море. В 1980-х гг. греки присвоили имя «Кацонис» подводной лодке S-115 типа «Тэнг», полученной от США.

Да и в Европе помнили Качиони гораздо лучше, чем в России. В 1813 г. Джордж Гордон Байрон пишет знаменитую поэму «Корсар». Прототипом главного героя поэмы Конрада, естественно, был Ламброс Качиони, а его главным противником – турецкий Сеид-паша, в жизни паша Сеит-Али.

Естественно, что «Корсар» не был строго документальным. Байрон не только романтизировал Конрада, но и придал ему многие свои черты. Как писал Андре Моруа: «...байроновский герой становился неестественной театральной фигурой, которой Байрон считал долгом подражать. Защищая Конрада, он защищал самого себя»^[210].

Так или иначе, но поэма «Корсар» стала бессмертным памятником славному пирату Ламбросу Качиони.

*А имя «Конрад» превращает в мел
Загар любого, кто свиреп и смел.
Властитель душ, искуснейший стратег...
...
Мелькнула череда
Идущих дней – он сгинул без следа
И без вестей, без слухов, где же он,
Где с горем – жив иль с горем – погребен...
Оплакан он; надгробием в горах
Прекраснейшим почтен Медоры прах;
Ему ж не ставят памятник пока —
Вдруг жив Корсар: А слава – на века:
Одною добродетелью был он —
И тысячью пороков наделен ^[211] ...*

У нас же, повторю, не только Ламброса Качиони и его пираты, но с 1917 г. Екатерина Великая и князь Потемкин были преданы забвению. Молчание нарушил Валентин Саввич Пикуль, посвятивший Ламбросу Качиони одну из своих лучших исторических миниатюр – «Первый листригон Балаклавы», а Потемкину – большой роман «Фаворит», где также фигурирует Ламброс Качиони.

В завершении стоит рассказать о судьбе российских греков – потомков

корсаров XVIII века. Греки, жившие в Балаклаве и других городах и селах Крыма, попали под депортацию за компанию с крымскими татарами. С 18 по 20 мая 1944 г. из Крыма было выселено 180 014 крымских татар. За время выселения изъято: минометов – 49, пулеметов – 622, автоматов – 724, винтовок 9888 и боевых патронов 326 887 шт.

В отличие от татар крымские греки не участвовали в фашистских вооруженных формированиях и не уничтожали русское население полуострова. Тем не менее 29 мая 1944 г. Берия обратился к Сталину с предложением выселить из Крыма греков. Греков в Крыму на этот момент насчитывалось 14 300 человек. Берия докладывал Сталину: «Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д... НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар, греков, армян».

При этом следует заметить, что НКВД не тронуло приазовских греков.

Как мы помним, большинство греков, переселившихся в Россию в конце XVIII – начале XIX веков, занимались торговлей, за что их потомки поплатились в 1944 г.

Увы, наши власти постоянно действуют с русским размахом. При Сталине заодно с бандитами преступно были репрессированы и невинные, а позже столь же преступно наряду с невинными были реабилитированы многочисленные государственные преступники. Одно дело – участие в вооруженных формированиях, действовавших на стороне немцев и уничтожавших военнопленных и мирных жителей, а другое – торговля помидорами, вином и нижним бельем, чтобы спасти от голодной смерти свои семьи.

Любопытно, что в конце 1990-х гг. на имя премьера В. С. Черномырдина поступила жалоба каких-то балкарцев, «что в департаменте по делам депортированных народов из 14 должностей, лишь один сотрудник из числа депортированных народов, и то грек по фамилии Кацонис». Может, это и есть последний потомок нашего героя?

Боюсь, кому-нибудь эта глава покажется очернительской. Так позвольте напомнить, что слишком многие английские пэры и лорды ведут свое происхождение от пиратов, по сравнению с которыми Качиони просто ангел. А в 1941 г. командование США на Тихом океане отдало приказ подводным лодкам и самолетам топить все суда в акватории океана, даже не пытаясь выяснить их национальность. А по барахтающимся в воде людям с потопленных судов американцы любили применять глубинные

бомбы. Кстати, среди сотен нейтральных судов, утопленных американцами в 1941–1945 гг., есть и советские торговые суда. Посему не вижу оснований нам стесняться за славного пирата Ламброса. Наоборот, мне лично стыдно за наших недалеких правителей и дипломатов, которые побоялись начать корсарские операции в Крымскую войну, в турецкую войну 1877–1878 гг. и в японскую войну 1905–1904 гг. Как бы чего Европа не сказала! «А начхать!» – по сему поводу говорила Великая Екатерина.

Глава 12. Смерть Екатерины и конец «Греческого проекта»

Уже в июле 1791 г. турки были вынуждены пойти на переговоры с русскими. Они начались в местечке Чистово, и за отсутствием Потемкина их вел Репнин. Князь торопился и из-за честолюбивых побуждений шел туркам на уступки. Приехавший Потемкин дал Репнину нагоняй и перевел переговоры в Яссы. Но Светлейшему не удалось подписать мира. Он тяжело заболел и, предчувствуя кончину, приказал отвезти себя в Николаев, где хотел умереть и быть похороненным. 5 октября 1791 г. в 38 верстах от Ясс князь Потемкин-Таврический скончался.

Суворов, узнав о смерти Потемкина, сказал: «Великий человек и человек великий: велик умом и велик ростом». Румянцев заплакал и сказал удивленным домочадцам: «Что на меня так смотрите? Потемкин был моим соперником, худого сделал немало, и все ж Россия лишилась в нем великого мужа». Они были великими людьми, великими в своих деяниях, в соперничестве и в благородстве.

Заканчивал переговоры с Турцией уже граф Безбородко. 29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный договор с Оттоманской империей.

Договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., Акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествующие русско-турецкие соглашения. Новая граница между договаривающимися сторонами устанавливалась на юго-западе по Днестру. В соответствии с договором правительство Турции отказывалось от претензий на Грузию; обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских и кубанских земель; в целях обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполи вознаграждать русских купцов за все убытки, которые могут быть причинены им корсарами – подданными Порты.

Как уже говорилось, Ясский договор в Греции вызвал большое разочарование. Сотни греков, поверивших обещаниям русской императрицы содействовать освобождению Греции от турецкого ига, сражались и гибли на кораблях в составе флотилии Качиони. Но обещания эти опять оказались невыполненными, и в Ясском договоре Греция даже не упоминалась.

В 1789 г. во Франции произошла революция, то есть событие, казалось бы, чисто внутреннее, однако Великая французская революция изменила

русско-турецкие отношения на целых 35 лет.

14 июля 1789 г. восставшие парижане взяли Бастилию. По этому поводу французский посол в Петербурге Сегюр писал: «...в городе было такое ликование, как будто пушки Бастилии угрожали непосредственно петербуржцам». Екатерина же была крайне возмущена событиями во Франции. Ее гневные слова разлетались по всей Европе. Она называла депутатов национального собрания интриганам, недостойными звания законодателей, «канальями», которых можно было бы сравнить с «маркизом Пугачевым». Екатерина призывала европейские государства к интервенции – «дело Людовика XVI есть дело всех государей Европы». После казни короля Екатерина публично плакала, позже она заявила: «... нужно искоренить всех французов для того, чтобы имя этого народа исчезло».

И что же сделала после таких слов столь агрессивная государыня? Да ровным счетом ничего. Разве что в 1795 г. направила в Северное море эскадру вице-адмирала Ханькова в составе 12 кораблей и 8 фрегатов. Эта эскадра конвоировала купцов, вела блокаду голландского побережья и т. п. Боевых потерь она не имела. Фактически это была обычная боевая подготовка с той разницей, что финансировалась она целиком за счет Англии.

Екатерина была прекрасно осведомлена о событиях во Франции. Полнота информации плюс аналитический ум императрицы позволили ей прогнозировать события. Так, в октябре 1789 г. она сказала о Людовике XVI: «Его постигнет судьба Карла I». И действительно, 21 января 1793 г. голова короля скатилась в корзину у подножия гильотины.

В феврале 1794 г. Екатерина писала: «Если Франция справится с своими бедами, она будет сильнее, чем когда либо, будет послушна и кротка как овечка; но для этого нужен человек недюжинный, ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился он или еще не родился? Придет ли он? Все зависит от того. Если найдется такой человек, он стопою своею остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте». А ведь до 18 брюмера было 5 лет и 7 месяцев!

Мнение матушки-государыни о событиях во Франции в узком кругу резко отличалось от публичных высказываний. О Людовике XVI она заметила: «Он всякий вечер пьян, и им управляет, кто хочет». 4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У

меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты, и мне не мешали».

В августе 1792 г. прусские и австрийские войска вторгаются на территорию Франции. Европа вступает в период «революционных войн». А вот в России происходят странные события. Лучшие силы армии и флота стягиваются не на запад против злодеев-якобинцев, а на юг. В 1793 г. из Балтики на Черное море было переведено 145 офицеров и 2000 матросов. В Херсоне и Николаеве было заложено 50 канонерских лодок и 72 гребных судна разных классов. К навигации 1793 г. в составе Черноморского флота было 19 кораблей, 6 фрегатов и 105 гребных судов, а также 25 морских лодок черноморских казаков (бывших запорожцев). В указе о приготвлении Черноморского флота было сказано, что он «Чесменским пламенем Царьградские объять может стены».

В январе 1793 г. в Херсон прибывает новый главнокомандующий граф А. В. Суворов. Пока Екатерина сколачивала коалицию для борьбы с якобинцами и устраивала публичные истерики по поводу казни короля и королевы, на Санкт-Петербургском монетном дворе мастер Тимофей Иванов тайно чеканил медали, на одной стороне которых была изображена Екатерина II, а на другой – горящий Константинополь, падающий минарет с полумесяцем и сияющий в облаках крест.

Операция по захвату Проливов была намечена на начало навигации 1793 г.

Екатерина II и русское правительство были удовлетворены двумя разделами Польши и желали лишь спокойствия и стабильности в остальной части Речи Посполитой. Разумеется, дело не в том, что Екатерина к старости стала кроткой и миролюбивой. Просто у императрицы была совсем иная цель, и малейшая нестабильность в Польше могла ей только навредить.

Никогда, ни раньше, ни потом, Россия не будет так близка к овладению Константинополем. Вся Западная Европа была связана войной с Францией. В 1791 г. умер Г. А. Потемкин, который в последние годы связывал руки Суворову. Теперь же Суворов и Ушаков с нетерпением ждали приказа императрицы – вперед!

Но в Речи Посполитой мира не было и не могло быть по определению. Ах! – стенают польские историки, – какой может быть покой в стране, которую так дважды обобрали?! Ну, начнем с того, что Россия не взяла ни одного города или деревни, где этнические поляки составляли большинство. А главное, что в пору «бедствий отчизны» ни один богатый шляхтич не отказался от балов, маскарадов, псовой охоты и т. д.

Вот, к примеру, как «страдал» после двух разделов один из главных патриотов Речи Посполитой князь Карл Радзивилл в своем замке в городе Несвиже: «Кроме служивших в замке было множество женщин, даже девиц, весьма хороших фамилий, которые назывались резидентками (т. е. поживальницами), и находились или в свите сестер и родственниц князя, или в ведении особых гувернанток. Это были одалиски (или одалыки) князя Карла Радзивилла, составлявшие его сераль, только без названия. Их выдавали замуж с хорошим приданым и заменяли другими. При этом всегда была одна султанша или главная любовница, *maitresse en titre*. Каждый божий день, круглый год, был публичный стол человек на шестьдесят, иногда на сто, а вечером – или театральное представление, или концерт, а потом бал. Если дамы не хотели танцевать, то заставляли плясать украинских казачков, с бандурами и песнями, или танцовщиков и танцовщиц балетной группы. Князь Карл Радзивилл весьма любил пушечную пальбу, стрельбу из ружей и фейерверки, и весьма часто тревожил, по ночам, свой Несвижский гарнизон, выводя его в поле, для примерных атак и сражений, с пальбою»^[212].

От большой любви к отчизне Радзивилл даже решил чеканить свою собственную монету, и действительно выпустил несколько сотен полновесных золотых монет. На них был изображен анфас короля Станислав-Август и написано: «*Krol Poniatowski, kier z laski Boskiey*» («Король Понятовский, дурак по Божьей милости»).

Король тоже очень страдал и поэтому еще чаще стал менять любовниц, искал утешения то у ксендзов, то у Вольтера, то в мартинизме. Станислав писал легкомысленные стихи и вполне серьезную монографию об истории наиболее известных в мире алмазах и других драгоценных камнях.

Увы, слишком многие паны считали, что «Польша сильна разборами», и мечтали именно на «разборе» сделать свою карьеру.

В ночь на 6 апреля 1794 г. Варшаву разбудил колокольный звон. Мятежники начали резать сонных русских солдат и поляков, которых считали приверженцами Москвы. Было убито 2265 солдат и офицеров. Общее руководство над восстанием принял 48-летний генерал Тадеуш Костюшко. В ночь на 12 апреля произошла резня русских, на сей раз в Вильно.

Польский мятеж спутал все карты Екатерины в восточном вопросе. По приказу императрицы Суворов был отозван из Херсона и отправлен в Польшу.

Замечу, что одно имя русского полководца вызвало панику в рядах

поляков, и Костюшко, получив известие о приближении Суворова, написал командиру передового отряда генералу Сераковскому, что «это не тот Суворов, а другой – казачий атаман». Через 2 дня у села Добрико выяснилось, что Суворов именно тот самый, а Сераковский бежал с несколькими уцелевшими офицерами. 27 сентября 1794 г. у деревни Мациовицы сам Костюшко был разбит и взят в плен. Забегая вперед, скажу, что Павел, придя к власти, старался все делать против своей матери, и отпустил Костюшко за границу.

Личность Костюшко и цели, преследуемые им и другими панями мятежниками, хорошо показывает следующий эпизод из его бытия в эмиграции. В 1807 г. Костюшко заявил министру Фуше, что если Наполеону нужна его помощь, то он готов ее оказать, но при условии, что Наполеон даст письменное обещание, опубликованное в газетах, что форма правления Польши будет установлена такая же, как в Англии, что крестьяне будут освобождены с землей, и границы Польши будут от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии, включая Галицию. В ответ на это Наполеон написал Фуше: «Я не придаю никакого значения Костюшко. Он не пользуется в своей стране тем влиянием, в которое сам верит. Впрочем, все поведение его убеждает, что он просто дурак».

Потерпев поражение в открытом поле, поляки решили защищаться в Варшаве. На правом берегу Вислы находилось сильно укрепленное предместье польской столицы – Прага. Рано утром 24 октября 1794 г. Суворов повел свои войска на штурм Праги. Через несколько часов все было кончено. При штурме было убито четыре польских генерала: Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский и 13 540 солдат. В числе пленных были три генерала, 29 штаб-офицеров, 413 офицеров и 14 тысяч рядовых. До двух тысяч человек потонуло в Висле, и не более тысячи человек перебрались в Варшаву. 104 пушки, множество знамен и орудий разного рода досталось победителям. У русских убито 580 человек, ранено 960. В приступе участвовало 22 тысячи русских.

На следующий день Варшава капитулировала перед Суворовым. Король Станислав отправил Екатерине письмо с просьбой о помощи: «Судьба Польши в ваших руках; ваше могущество и мудрость решат ее; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мне лично, я не могу забыть своего долга к моему народу, умоляя за него великодушие вашего императорского величества. Польское войско уничтожено, но народ существует; но и народ скоро станет погибать, если ваши распоряжения и ваше великодушие не поспешат к нему на помощь».

Екатерина отвечала: «Судьба Польши, которой картину вы мне

начертали, есть следствие начал разрушительных для всякого порядка и общества, почерпнутых в примере народа, который сделался добычею всех возможных крайностей и заблуждений. Не в моих силах было предупредить гибельные последствия и засыпать под ногами Польского народа бездну, выкопанную его развратителями, и в которую он наконец увлечен. Все мои заботы в этом отношении были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вероломством. Конечно, надобно ждать теперь ужаснейшего из бедствий, голода; я дам приказания на этот счет сколько возможно; это обстоятельство вместе с известиями об опасностях, которым ваше величество подвергались среди разнузданного народа Варшавского, заставляет меня желать, чтоб ваше величество как можно скорее переехали из этого виновного города в Гродно. Ваше величество должны знать мой характер: я не могу употребить во зло моих успехов, дарованных мне благостью Провидения и правдою моего дела. Следовательно, вы можете покойно ожидать, что государственные интересы и общий интерес спокойствия решат насчет дальнейшей участи Польши».

Это письмо было смертным приговором независимости Польского государства. Другой вопрос, что независимость правления польских монархов в течение всего XVIII века можно считать лишь условной.

Король Станислав-Август 14 (25) ноября 1794 г. отрекся от престола и 29 декабря по указанию Екатерины II выехал из Варшавы в Гродно. Екатерина велела оплатить все личные долги короля и назначить ему пенсию – 200 тысяч червонцев в год. Пожив некоторое время в Гродно, экс-король перебрался в Петербург. После смерти Екатерины Павел I отдал ему на жительство Мраморный дворец.

Сразу после падения Варшавы начались переговоры между Россией, Пруссией и Австрией о разделе Польши. Надо сказать, что они шли весьма сложно, и стороны спорили буквально за каждый клочок земли. Детали этих споров представляют интерес лишь для узкого круга историков дипломатии. Поэтому я скажу только о документе, ставшем результатом длительного закулисного торга.

23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.) австрийский посол граф Людвиг Кобенцль и графы И. А. Остерман и А. А. Безбородко подписали в Петербурге Акт о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о втором разделе Польши и русско-австрийскую декларацию по сему вопросу. Согласно декларации, Австрии было разрешено ввести свои войска в Польшу. Новая граница Австрии должна была идти от линии южнее Ченстохова, а далее на восток до пересечения с Западным Бугом.

13 (24) октября 1795 г. в Петербурге была подписана трехсторонняя русско-прусско-австрийская конвенция о третьем разделе Речи Посполитой. От России ее подписали те же: Остерман и Безбородко, от Австрии – Кобенцль, а от Пруссии – прусский посол в Петербурге граф Фридрих фон Тауенциен.

Стороны взаимно гарантировали друг другу новые владения, полученные ими при разделе Польши, вплоть до оказания военной поддержки в случае покушения на эти владения любых третьих сторон или попыток их возвращения Польше.

Договор резервировал и гарантировал за Пруссией получение Варшавы, включая правобережье Вислы по линии река Свидра – слияние реки Нарев с рекой Западный Буг, а за Австрией закреплял Краков с округом.

Что же касается разграничения между прусскими и австрийскими зонами в Польше, то демаркация их откладывалась до работ погранично-согласительных комиссий, в которых Россия брала на себя роль посредника и примирителя.

14 декабря 1795 г. Екатерина Великая издала «Указ о присоединении к России Литвы и Черной Руси».

Восстание Костюшко и последовавшие за этим события почти на 4 года отвлекли внимание императрицы от решения проблемы Проливов. И вот на 1797 г. была запланирована новая операция. По ее плану граф Валерьян Зубов должен был закончить войну в Персии и двинуть войска в турецкую Анатолию. Суворов с армией должен был двинуться к Константинополю через Балканы. А вице-адмирал Ушаков с корабельным и гребным флотом – к Босфору. Формально командовать флотом должна была лично императрица.

И вновь случай изменил ход истории. 6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая. На престол вступил ее сын Павел. Придя к власти, он решил делать все наоборот. Павел прекратил подготовку к босфорской операции и отозвал эскадру из Северного моря.

В первые месяцы своего правления Павел не вмешивался в европейские дела, но внимательно наблюдал за ними. 1796–1797 гг. ознаменовались, с одной стороны, политической нестабильностью во Франции, а с другой стороны, успехами французской армии в борьбе против европейской коалиции. Такую ситуацию Павел воспринял лишь как военную слабость монархов Европы. Он постепенно давал себя убедить, что без его вмешательства порядок в Европе навести невозможно.

В апреле 1796 г. французская армия под командованием 27-летнего

генерала Бонапарта вторглась в Италию. Австрия посылала одну за другой лучшие армии под командованием лучших своих полководцев, но они вдребезги были разбиты Бонапартом. В мае 1797 г. французы заняли Венецию. По приказу Бонапарта на венецианские корабли был посажен французский десант, который в июне 1797 г. занял Ионические острова, принадлежащие Венеции. Эти острова – Корфу, Церигио, Санта-Мавра и другие – находятся вблизи берегов Греции и имеют стратегическое положение в Центральном и Восточном Средиземноморье.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта – от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались, что злодей Буонапарте не иначе как замыслил отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала ордену мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убираться с острова подбрюздорову. 20 июня 1798 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет, но 20–21 июля адмирал Нельсон в Абукирской бухте разгромил французский флот. Армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции.

Изгнанные с Мальты рыцари обратились за помощью к Павлу I и предложили ему стать Великим магистром ордена. Павел радостно согласился, не думая о комизме ситуации, – ему, главе православной церкви, предложили стать магистром католического ордена. 10 сентября 1798 г. Павел издал манифест о принятии Мальтийского ордена в «свое Высочайшее управление». В этот же день эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой в Дарданеллах, и они вместе двинулись против французов.

Бонапарт турок напугал еще больше, чем русских. Хотя Египет и управлялся полунезависимыми от Стамбула мамелюкскими беями, и Бонапарт неоднократно заявлял, что воюет не с турками, а с мамелюками, все равно султан Селим III считал высадку французов нападением на Османскую империю. Мало того, иностранные дипломаты, скорее всего, русские, довели до султана «секретную» информацию о планах Бонапартия, который решил не много, не мало, как разорить Мекку и

Медину, а в Иерусалиме восстановить еврейское государство. И как этому не поверить, когда французы на Ниле и двигаются в Сирию? Тут уж не до воспоминаний об Очакове и Крыме.

7 августа 1798 г. Павел I послал указ адмиралу Ушакову следовать с эскадрой в Константинополь, а оттуда – в Средиземное море.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли шесть кораблей, семь фрегатов и три авизо (посыльных судна). На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого «Ушак-паши» шла к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будет и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских Полях.

Царские, а затем и советские историки объясняли участие России в Наполеоновских войнах с 1798 г. по 1814 г. ненавистью к революционной Франции, а позже – «защитой отечества от врага рода человеческого». Увы, за все время своего правления «узурпатор» и Корсиканское чудовище ни разу не покушался ни на пядь русской земли и не пытался изменить наш «образ правления». Мало того, с подачи «злодея Бонапартия» были присоединены к империи Финляндия и Бессарабия.

Англия и Австрия втянули Россию в войну с республикой, но после блестящих побед Суворова предали ее. Павел решил вступить в союз с Первым консулом, но был убит.

После убийства Павла перед новым императором Александром I возникла дилемма – союз с Наполеоном или участие в очередной антифранцузской коалиции. Замечу, что нейтралитет в 1800–1805 гг., по мнению англичан, означал союз с Францией. Только за то, что Дания объявила нейтралитет, Нельсон сжег ее флот и бомбардировал Копенгаген. Александр I предпочел вступить в коалицию с Англией и Австрией. Дореволюционные историки объясняли это приверженностью царя к священным правам легитимизма и т. п., советские историки – заинтересованностью дворянства в торговле с Англией. Хотя уж в чем дворяне, и особенно их жены и дочери, были заинтересованы, так это во французских товарах.

На самом деле решающими оказались два субъективных фактора – влияние «немецкой» партии и честолюбие молодого царя. Матерью Александра была вюртембергская принцесса София Доротея, а женой – Луиза Баденская, при переходе в православие получившие имена Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Вместе с ними в Россию наехала толпа

родственников и придворных. Я уже не говорю о «гатчинских» немцах, которым Павел доверил самые ответственные посты в государстве. Вся это компания настойчиво требовала от Александра вмешательства в германские дела – у кого были там корыстные интересы, а у кого на родине от Наполеона пострадали родственники. Сам Александр был крайне честолюбив и жаждал воинской славы, надеясь, что она покроет позор отцеубийства. Александр решил лично предводительствовать войсками, двинувшимися в Германию.

Мифологизация войны России в 1805–1814 гг. началась еще до триумфального въезда Александра Благословенного в Петербург. Споры нет, русские солдаты и офицеры совершили немало подвигов в этих войнах. Но за пышным славословием нашим правителям удалось скрыть суть войны. И сейчас она представляется 99 процентам интеллигентно-образованцев как коктейль из кинофильмов «Война и мир», «Гусарская баллада» и «Эскадрон гусар летучих». Да, это все было, но это – отдельные кусты и деревья. А как окинуть взглядом весь лес?

Начнем с того, что не надо путать 1941 год с 1812-м. В 1941 г. Гитлер хотел полностью уничтожить СССР, то есть государство Российское, истребить или поработить населявшие нашу страну народы. В 1812 г. Наполеон был спровоцирован военными приготовлениями Александра I, его флиртом с Англией и попытками вновь лезть в германские дела. Наполеон хотел вести ограниченную (локальную) войну, то есть войну, ограниченную территориально, ограниченными средствами и с ограниченной целью. Наполеон планировал провести одно-два победоносных сражения в западных районах России и заключить мир «а-ля Тильзит», но, возможно, с более жесткими условиями, а главное, с гарантиями их выполнения. Любопытно, что царь и его генералы строили такие же планы – напасть первыми и разбить Наполеона в одном или двух приграничных сражениях, но сделать это побоялись. В результате война приобрела неконтролируемый характер.

Заметим, что если Наполеон был вынужден несколько раз расширять район боевых действий, то он жестко лимитировал средства ведения войны. Так, он не атаковал русские войска, которые вместе с обозом и десятками тысяч обывательских подвод застряли на улицах Москвы. Ведь конница Мюрата могла легко окружить город и поджечь его. Нетрудно догадаться, что было бы с армией Кутузова. Наоборот, Наполеон заключил перемирие и дал Кутузову спокойно уйти из Москвы. Наполеон не согласился на воссоздание Польского государства, несмотря на многочисленные просьбы поляков. Понятно, речь не идет о современной,

сдвинутой на сотни километров на запад, Польше, а о Польше в границах начала XVII века с Белоруссией, Малороссией и Курляндией. А ведь там нашлось бы немало сепаратистов, особенно среди дворян, немедленно бы взявшихся за оружие.

Наконец, Наполеон не распространил на Россию действие своего Гражданского кодекса, как он это сделал в Италии и Германии. В первую очередь это означало бы освобождение крепостных крестьян, что неизбежно бы вызвало повсеместную крестьянскую войну.

Хорошо известно, что М. И. Кутузов в конце 1812 г. неоднократно уговаривал Александра I не переходить границу и не ввязываться в новую войну. Александр I не послушался, и русские войска вошли в Париж. Все наши историка восхищаются триумфом русских войск, но никто не задает естественного вопроса: а что дала эта война России?^[213] Ведь уже тогда была известна классическая формула: «война есть продолжение политики другими средствами», а иначе это не война, а дурацкая драка.

Что же произошло после отречения Наполеона I и его ссылки на Эльбу? Ну, потешил свое самолюбие Александр, погарцевали казаки на Елисейских Полях, Англия получила Мальту и часть французских колоний, Австрия – огромные территории в Италии и Германии, а России достался всего лишь маленький кусочек Польши – герцогство Варшавское. Да и то Англия, Австрия и Людовик XVIII, привезенный в Париж в русском обозе, решили герцогство Варшавское России не отдавать и заключили против нее военный союз. Но Россию от новой войны спас Наполеон, бежавший с Эльбы и на сто дней вновь ставший императором Франции. Наполеон нашел в кабинете Людовика XVIII текст договора о военном союзе против России и отправил его Александру. Но великий актер оказался на высоте – он величественным жестом показал договор австрийскому канцлеру Меттерниху, а затем не менее величественно кинул документ в огонь.

26 сентября 1815 г. в Париже Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III заключили Священный союз. Суть союза – вечная консервация режимов, престолов и государственных границ в Европе. Увы, монархи забыли античную пословицу – все течет, все изменяется. Историю никогда не загнать в прокрустово ложе договоров. Беда лишь в том, что история никого и ничему не учит. Позже Брежнев и геронтократы из Политбюро пытались остановить историю, заключив Хельсинкское соглашение о незыблемости границ в Европе. И что? Запад использовал соглашение в своих целях, а позже развалил почти все границы в Восточной Европе. Затем три «самостийных» президента развалили в Беловежской Пуще Русское

государство, границы которого складывались веками. Но почему-то ни приднестровцы, ни чеченцы, ни абхазы, ни осетины, ни ингуши, ни русские не хотят признавать превращения произвольно проведенных административных границ в государственные. Автор уверен, что еще наше поколение увидит крах этих границ.

Но дело не только в том, что Священный союз был нежизнеспособен. Его суть противоречила интересам России. Если Австрия заглотила гораздо больше, чем могла переварить, и не только не могла претендовать на большее, но и стала быстро терять захваченное (Италия, Германские княжества), то вопрос обеспечения безопасности России на юге так и не был решен. Вот послушал бы Александр I Кутузова, не полез бы в Европу, и война там продлилась еще лет десять как минимум. А за это время Россия, глядишь, и могла бы решить вопрос с Проливами.

Глава 13. Грешный Григорий и святой Федор

5 октября 1791 г. умер князь Потемкин-Таврический. Гроб, привезенный из Ясс с его телом, в ноябре поставили в подпольном склепе Херсонской крепостной церкви Св. Екатерины, начатой постройкой в 1782 г., но к 1791 г. еще не достроенной и не освященной. Гроб оставался не опущенным в землю с 23 ноября 1791 г. по 28 апреля 1798 г.

По приказу Павла I 28 апреля 1798 г. «тело покойного князя Потемкина, без дальнейшей огласки, в самом же том месте погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан был землей и изглажен так, как будто его никогда и не было, мною полученного 25-го апреля и в тоже самое время тое тело в яме похоронено и место изглажено», – доносил императору комендант Херсона.

При этом исполнитель столь гнусного деяния украл с камзола князя ордена, регалии фельдмаршала и драгоценную шпагу.

О дальнейшей судьбе останков Потемкина хорошо написано писателем Борисом Лаврениным: «В самом центре города Херсона, на Потемкинском бульваре стоял памятник Потемкину работы известного скульптора И. Мартоса, сходный с памятником Суворову на Марсовом поле в С.-Петербурге. Потемкин был изображен, как и Суворов, в одеянии полководца Древнего Рима, в латах и короткой тунике с плащом на плечах, с украшенным перьями шлемом, лежащим у ног статуи. В годы революции петлюровцы сбросили памятник Потемкину, как угнетателю Запорожской Сечи, с пьедестала. Статуя была увезена во двор археологического музея и много лет валялась без призора, пока ее не утащили во время Великой Отечественной войны фашисты.

Блуждая по Херсону, я забрел как-то в крепость. Еще издали увидел на прекрасном классическом фронтоне собора вылинялую кумачовую тряпку, на которой крупными буквами с потеками было выведено: “Херсонский антирелигиозный музей”. Я решил зайти, посмотреть это учреждение...

В глаза мне бросилась пирамидальной формы застекленная витрина, в которой лежал какой-то круглый коричневый предмет. Подойдя, я увидел, что это человеческий череп. Внизу витрины была приклеена табличка: “Череп любовника Катерины II Потемкина”. Я протер глаза, но видение не исчезло. Череп оставался по-прежнему в витрине и глядел на меня пустыми впадинами. Я огляделся, увидел вторую такую же витрину, но уже продолговатой формы. В ней лежал скелет с прилипшими местами клоками

ссохшихся мускулов. Надпись гласила: “Кистки любовника Катерины II Потемкина”.

Рядом, в третьей витрине, лежали останки зеленого кафтана с потускневшими позументами. Затем что-то неразличимое в пятнах гнили, бывшее когда-то белыми атласными штанами. Такие же сгнившие чулки и туфли. “Шматки одягу любовника Катерины II Потемкина”, прочитал я надпись»^[214].

15 декабря 1897 г. в Николаеве был заложен броненосец «Князь Потемкин-Таврический». После восстания на броненосце «Потемкин» Николай II от большого ума велел переименовать корабль, и с 29 сентября 1905 г. он стал «Св. Пантелеймоном». Весной 1917 г. флотское начальство на 4 недели вернуло кораблю старое название, но без князя, а просто – «Потемкин-Таврический». Но уже 28 апреля 1917 г. моряки потребовали переименовать его в «Борец за свободу». 22 апреля 1919 г. английские интервенты захватили Севастополь, взорвали машины на всех русских броненосцах и тем поставили точку в боевой истории «Потемкина». Больше кораблей, носивших имя «Потемкин», не было и, судя по всему, не предвидится. Новая власть вроде бы и не против кандидатуры «Светлейшего», но призрак 1905 года уж больно сильно пугает хапуг и воров.

Совсем по-другому сложилась последующая жизнь Федора Федоровича Ушакова и его посмертная слава. В 1798–1800 гг. он командует русской эскадрой, освободившей Ионические острова от французской оккупации, а в 1802 г. назначается Александром I главным командиром Балтийского гребного флота. 17 января 1807 г. полный адмирал Ф. Ф. Ушаков уходит в отставку и вскоре поселяется в деревне Алексеевка Тамбовской губернии. Там он и умер 2 октября 1817 г. Законного потомства у Ушакова, как и у Потемкина, не было.

Первые лет 50 после смерти об Ушакове помнили мало. Он даже не попал в серию башенных фрегатов Балтийского флота, заложенных в 1865–1866 гг. и названных в честь знаменитых русских адмиралов – Грейга, Лазарева, Спиридова и Чичагова. Но постепенно Ушакова стали вспоминать все чаще и чаще. И в 1892 г. была заложена серия броненосцев береговой обороны «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин», «Генерал-адмирал Апраксин». «Ушаков» погиб 15 мая 1905 г. в Цусимском бою, а два его систер-шип сдались японцам в составе эскадры Небогатова.

В 1915–1916 гг. в Николаеве заложили 8 эсминцев из так называемой «ушаковской серии». Их назвали в честь побед, одержанных Ушаковым над турками и французами: «Гаджибей», «Занте», «Калиакрия», «Керчь»,

«Корфу», «Левкас», «Фидониси», «Цериго». «Цериго» был угнан в 1920 г. генералом Врангелем в Бизерту и в 1923 г. продан французам на лом. «Занте», «Калиакрия» «Корфу» и «Левкас» служили в советском флоте, но сразу же были переименованы в «Незаможник», «Дзержинский», «Железняков» и «Шаумян»^[215].

В советское время о Суворове, Кутузове, Ушакове, Нахимове и других русских полководцах и флотоводцах вспомнили лишь в годы Великой Отечественной войны. В июне 1942 г. были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского, а в марте 1944 г. – ордена Ушакова и Нахимова. Последние два ордена присваивались «офицерам ВМФ за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских активных операций».

Придворный стихоплет немедленно отреагировал на появление этих орденов:

*Непобедимым многолетье,
Прославившимся исполать!
Раздолье жить на белом свете,
И без конца морская гладь*

...

*И вот на эту ширь раздолья
Глядит из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне – Ушаков...*

Догадайтесь, кто это писал? Да, да, Борис Пастернак. Тот самый, который в 1942 г. обратился с личной и очень важной просьбой к Сталину дать ему, Борису Леонидовичу, побольше квартиру в Москве. Пришлось дать. Это в новые времена он забузил и написал «Доктора Живаго», за что его турнули из Союза писателей, но даже не отогнали от большой кормушки – Литфонда.

В начале 1950-х гг. имена адмиралов XVIII–XIX веков получили ряд крейсеров проекта 68 бис – последних крупных артиллерийских кораблей нашего флота: «Адмирал Нахимов», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Сенявин» и «Адмирал Ушаков». Последний поднял флаг ВМФ 8 сентября 1953 г. В 1992 г. он продан индусам на лом.

В том же 1992 г. первый советский атомный крейсер «Киров» был переименован в «Адмирал Ушаков». Наши адмиралы имеют гибкие спины,

и им было наплевать, что у моряков, да и у всех, кому дорога история нашей Родины, крейсер «Киров» ассоциируется не с большевиком Костриковым, а с крейсером проекта 26 – первенцем советского судостроения, геройски сражавшимся в годы Великой Отечественной войны. Равно как и «Варяг» ассоциируется не со скандинавским наемником, а с крейсером «Варяг», затонувшим в Чемульпо. Но как не угодить начальству?

Никто не спорит, корабль с именем Ушакова должен быть в нашем флоте, но почему в нем нет кораблей с именем Екатерины Великой, князя Потемкина-Таврического и даже Ламброса Качиони?

Могила Ушакова в годы революции была разорена окрестными крестьянами, извлекшими из нее все драгоценности. В 1932 г. был разрушен и могильный памятник. Как уже говорилось, в 1944 г. Ушаков вновь вошел в фавор к властям, и в августе того же года его могила была вскрыта специальной комиссией, которая установила подлинность останков адмирала. Изучив череп Федора Федоровича, известный антрополог М. М. Герасимов с коллегами провел реконструкцию внешнего облика флотоводца.

И наконец в наше время Ф. Ф. Ушаков был причислен к лику святых. Лично я с делами этой «кухни» не знаком, и поэтому процитирую уже упомянутого В. Д. Овчинникова: «Впервые идею канонизации Ф. Ф. Ушакова в 1995 году высказал председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев... Немногим позднее стараниями правящего архиерея Саранской епархии владыки Варсонофия и братии Санаксарского монастыря вопрос о канонизации адмирала был вновь поднят. Инициативу Саранской епархии поддержал Благотворительный фонд по восстановлению и модернизации крейсера “Адмирал Ушаков”. 25 октября 1999 года на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II было отправлено соответствующее обращение за подписями главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина, председателя Правления фонда В. Н. Лопатина и автора этой книги. 19 октября 2000 года это предложение поддержал и главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал флота В. И. Куроедов...

В ходе длительного и скрупулезного рассмотрения вопроса члены комиссии пришли к единодушному мнению, что Федор Федорович Ушаков является не просто наиболее почитаемым российским флотоводцем. Своей праведной земной жизнью он явил миру ярчайший образец верного служения Церкви Христовой, Отечеству и своему народу как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия...

30 ноября [2000 г. – А.Ш.] Синодальная комиссия по канонизации святых Русской православной церкви сочла возможным канонизировать адмирала Федора Федоровича Ушакова, а в декабре Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил прославить его в лике праведных местночтимых святых Саранской епархии...

Прославление адмирала Феодора Ушакова состоялось 4–5 августа 2001 года в Санаксарском монастыре. Событие было грандиозным и по значимости, и по масштабам. В монастырь приехали около 10 тысяч человек: заслуженные адмиралы, командующие всеми флотами, включая главкома ВМС Украины, многочисленные паломники со всех концов СНГ и духовенство.

Великое действо началось с того, что гроб со святыми останками адмирала был вынесен командующими флотами из Воскресенской церкви, где незадолго до этого была совершена последняя лития памяти воина Феодора Ушакова. Пользуясь тем, что к началу церемонии не успели поднести Андреевский флаг, заготовленный представителями Главного штаба ВМФ, командующий Черноморским флотом накрыл гроб флагом Черноморского флота. Затем гроб со святыми останками флотоводца на руках командующих флотами был вынесен из церкви. После этого процессия направилась на площадь перед входом в монастырь...

Архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий зачитал Деяние о канонизации праведного воина Феодора Ушакова и провозгласил впредь считать честные останки святыми мощами...

21 января [2002 г. – А.Ш.] частицы святых мощей Феодора Ушакова были торжественно переданы и на Черноморский флот, во Владимирский собор родного для него города Севастополя. Потом в присутствии Президента России святыню приняли и тихоокеанцы»^[216].

Канонизация адмирала Ушакова не вызвала в обществе особых споров, поскольку на фоне столь одиозных личностей, как Николай II с супругой, Ушаков смотрится почти как святой. Однако не следует забывать, что у нас во флоте служат не только прихожане Русской православной церкви, но и мусульмане, буддисты, иудеи, старообрядцы и др. Так стоит ли отдавать флот и Вооруженные силы в целом в монополию одной конфессии? Так, к примеру, в Вооруженных силах США нет такой монополии ни у одной конфессии. Да и что-то и не припомню, чтобы корабли американского флота носили имена каких-либо святых, и ни один американский генерал или адмирал не попал в святые.

А вообще, стоит ли канонизировать реальные исторические личности? Разве не достаточно канонизации таких людей, как Ксения Петербургская,

мать Тереза и др.? Канонизация исторических деятелей подрывает основы самого учения церкви. Посмотрим на фрески и иконы. Там святые стоят в одной группе, а грешники и бесы – в другой. Таким образом, святые Арсений Мацеевич и Феодор Ушаков должны быть рядом со святыми, а Екатерина, мучившая Арсения, совсем в другой группе, с грешниками и бесами. Но в жизни наш адмирал и ростовский владыка были по разные стороны баррикад, и получи Федор Федорович соответствующий ордер Потемкина, он без колебаний вздернул бы на рее Арсения. В ходе феодальной войны в конце XIII века во Владимиро-Суздальской Руси подрались пять князей. Из них трое позже оказались святыми. Святой Федор Чермный сцепился с не менее святыми Даниилом Московским и Михаилом Тверским.

Проблемы с канонизацией исторических лиц хорошо понимают наиболее умные руководители церкви. Недаром канонизация и Николая II, и даже Федора Ушакова затянулась на много лет в результате сложной внутрицерковной борьбы.

Главное же, что канонизация отечественных исторических персонажей калечит и без того многократно битую нашу историческую науку. Согласно церковным канонам, святых Бориса и Глеба убил Святополк Окаянный, а достоверные источники – скандинавские саги – говорят, что это сделал святой Ярослав Мудрый. В Архангельском соборе Кремля рядом с останками Ивана Грозного лежат останки его сына святого Дмитрия. Вот где бы провести идентификацию останков на предмет их родства, и сколько было бы снято вопросов в истории! Но попробуйте это сделать – как завоят иерархи церкви.

Увы, канонизация всех исторических лиц, начиная с Бориса и Глеба, Александра Невского, Федора Чермного (Ярославского) и до Николая II и Федора Ушакова носила политический и конъюнктурный характер и служила целям определенных групп людей, боровшихся за власть и за деньги.

Заключение

Екатерина II решила две из трех жизненных проблем России – воссоединила всех русских в единое государство и защитила страну с юга от нашествий татар, превратив огромное Дикое поле в цветущую Новую Россию. Она была близка к решению и третьей задачи – повесить замок на вход в Черное море любых враждебных эскадр.

Последующие цари все вместе взятые не принесли отечеству и десятой доли той пользы и славы, что принесла Екатерина. И она второй и последней получила прозвище Великая. После нее правили Александр Благословенный, Николай Палкин, Александр Освободитель, Александр Миротворец и Николай Кровавый. Но никто из них не мог претендовать на прозвище Великий.

Слава Екатерины неотделима от деяний ее сподвижников, вошедших в историю под именем екатерининских орлов. Они по праву стоят рядом с государыней на знаменитом памятнике М. О. Микешина.

В моем же отношении к Екатерине, ее фаворитам, адмиралам и пиратам есть и личные мотивы. Я благодарен им, что 30 лет, почти ежегодно, до 1991 г. бывал в Крыму, облазил все побережье от Феодосии до Евпатории, купался в лазурном море, пил вино, любил и был любим. Плавал на «Колхиде», «Молдавии» и «Армении» вдоль гостеприимных берегов от Одессы до Батуми. Увы, все в прошлом... А может, это «воспоминание о будущем»?

**Приложение 1. Корабли и суда
Балтийского флота, действовавшие в
Архипелаге в 1769–1775 гг.**

Корабли

«Северный Орел». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 20 августа 1762 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 20 мая 1763 г. Строитель И. В. Ямес. В июле – сентябре 1765 г. перешел из Архангельска в Кронштадт.

26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Средиземное море. При проходе через Ла-Манш отстал от эскадры, 23 октября у м. Финистерре открылась сильная течь, корабль пришел в Портсмут для ремонта. 4 апреля 1770 г. вышел из Портсмута, но из-за открывшейся течи вернулся. В июне 1770 г. перешел в устье Темзы. 20 августа экипаж перешел на купленный в Англии фрегат, получивший то же название «Северный Орел», а старый корабль был продан в Англии на слом.

«Не тронь меня». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 20 августа 1762 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 20 мая 1763 г. Строитель В. Селянинов. В июле – сентябре 1765 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 9 октября 1769 г. во главе 2-й Архипелагской эскадры под флагом контрадмирала Д. Эльфинстона вышел из Кронштадта и 11 мая 1770 г. прибыл в Колокинфский залив (п-ов Морья), где в порту Рупино высадил доставленные из России войска. Участвовал в Чесменском сражении 25–26 июня 1770 г. В 1772 г. в Аузе был переоборудован во фрегат: снят верхний дек. После окончания Русско-турецкой войны 7 сентября 1775 г. был продан на слом в Ливорно, т. к. до Балтики корабль дойти не мог, а на Черное море турки не пропустили его через Проливы.

«Евстафий Плакида». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 30 июля 1762 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 20 августа 1763 г. Строитель Д. Ульфов. Назван в честь сына Екатерины II Павла Петровича, будущего императора Павла I, родившегося 20 сентября 1754 г., в день святого Евстафия Плакиды. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. во главе 1-й Архипелагской эскадры под флагом адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта и 18 февраля 1770 г. прибыл в Витуло (п-ов Морья). 24 июня 1770 г. участвовал в сражении в Хиосском проливе, загорелся от

обломков турецкого корабля «Реал Мустафа» и взорвался.

«Иануарий». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 30 июля 1762 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 20 августа 1763 г. Строитель П. Г. Качалов. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта и 18 февраля 1770 г. прибыл в Витуло (п-ов Морья). В 1774 г. корабль начали тимберовать в Архипелаге в порту Ауза, но из-за недостатка материалов и мастеров работы не были завершены, и корабль в 1775 г. продали на дрова.

«Тверь». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 20 августа 1762 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 30 апреля 1765 г. Строитель И. В. Ямес.

В июле – октябре 1765 г. перешел из Архангельска в Кронштадт.

9 октября 1769 г. в составе 2-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона вышел из Кронштадта, но из-за полученных во время шторма повреждений 1 ноября вернулся в Ревель. В 1774 г. разломан в Кронштадте.

«Саратов». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 20 августа 1762 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 30 апреля 1765 г. Строитель В. Селянинов. В июле – октябре 1765 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 9 октября 1769 г. в составе 2-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона вышел из Кронштадта, 11 мая 1770 г. эскадра пришла в Колокинский залив, и в порту Рупино с кораблями были высажены русские войска. Участвовал в Чесменском сражении 26 июня 1770 г. 16 декабря 1774 г. в составе эскадры контр-адмирала К. М. Базбаля вышел из Архипелага в Россию и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт. После 1776 г. в море не выходил. В 1786 г. разломан в Кронштадте.

«Три Святителя: Петра, Алексея, Ионы». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 13 ноября 1763 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 13 июня 1766 г. Строитель П. Г. Качалов. Назван Екатериной II в честь московских митрополитов Петра, Алексея и Ионы. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта и 18 февраля 1770 г. прибыл в

Витуло (п-ов Мороя). В 1775 г. стоял в порту Ауза, где был признан негодным для плавания в Россию и продан на дрова.

«Три Святителя: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 13 ноября 1763 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 13 июня 1766 г. Строитель Ульфов. Назван Екатериной II в честь иерархов Русской православной церкви Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В литературе носит название **«Три Иерарха»**. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта, 3 февраля 1770 г. отделился от эскадры и с фрегатом «Надежда Благополучия» пришел в Ливорно. 1 апреля под флагом графа А. Г. Орлова корабль вышел из Ливорно и 14 апреля у крепости Корон соединился с эскадрой. 16 мая 1775 г. вышел из Аузы в Россию, 26 мая у м. Матапан присоединился к эскадре вице-адмирала А. В. Елманова и вместе с ней 19 октября 1775 г. прибыл в Кронштадт. После 1776 г. в море не выходил. В 1786 г. разломан в Кронштадте.

«Азия». 54 пушки. Длина 43,57 м. Ширина 11,7 м. Осадка 5,05 м. Заложен 27 февраля 1764 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 13 мая 1768 г. Строитель И. В. Ямес. В июле – октябре 1768 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. В августе 1769 г. обеспечивал переход 1-й Архипелагской эскадры в Копенгаген. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 15 июня 1770 г. в составе 3-й Архипелагской эскадры контр-адмирала И. Н. Арфа вышел из Ревеля и 25 декабря прибыл в Аузу. 7 февраля 1773 г. вышел от о. Миконо к о. Имбро (Средиземное море) и пропал без вести со всем экипажем (439 чел.). Было найдено только несколько обломков, прибитых к берегу о. Миконо.

«Европа». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 1 ноября 1767 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 13 мая 1768 г. Строитель А. Давыдов. В июле – сентябре 1768 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Архипелаг. 28 октября повредил руль и днище и 2 ноября пришел в Портсмут для ремонта. 11 февраля 1770 г. вышел из Портсмута и 25 марта присоединился к эскадре у крепости Корон. Участвовал в Чесменском сражении 16 июня 1770 г. 24

мая 1775 г. в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова вышел в Россию и 9 октября прибыл в Ревель. В июне 1776 г. перешел в Кронштадт. В 1780 г. тимберован в Кронштадте. 25 мая 1781 г. в составе эскадры контр-адмирала Я. Ф. Сухотина вышел из Кронштадта в Архипелаг и 15 августа прибыл в Ливорно. 2 мая 1782 г. с эскадрой вышел в Россию и 8 июля прибыл в Кронштадт. Участвовал в войне со Швецией 1788–1790 гг. Разломан в Кронштадте после 1791 г.

«Ростислав». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 28 августа 1768 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 13 мая 1768 г. Строитель А. Давыдов. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 16 июля 1769 г. вышел из Архангельска и 13 августа прибыл в Копенгаген, там присоединился к 1-й Архипелагской эскадре адмирала Г. А. Спиридова. «Ростислав» был включен в эскадру вместо потерпевшего аварию и вернувшегося в Ревель «Святослава». 12 сентября эскадра вышла в Средиземное море. В Северном море в тумане «Ростислав» отстал от эскадры и шел самостоятельно, 26 февраля 1770 г. прибыл в Геную, а оттуда перешел в Ливорно. 6 апреля вышел из Ливорно в Архипелаг и 28 апреля присоединился к отряду графа А. Г. Орлова. Участвовал в Чесменском сражении 26 июня 1770 г. 16 декабря 1774 г. во главе эскадры под флагом контр-адмирала К. М. Базбаля вышел в Россию и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт. В 1780 г. тимберован в Кронштадте, в 1782 г. разломан там же.

«Всеволод». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 1 ноября 1767 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 7 мая 1768 г. Строитель А. Давыдов. В июле – октябре 1769 г. перешел из Архангельска в Ревель. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 30 июня 1770 г. в составе 3-й Архипелагской эскадры контр-адмирала И. Н. Арфа вышел из Ревеля к Гибралтару. 19 октября прибыл в порт Маон, где остался для килевания. 6 марта 1771 г. прибыл в Аузу. В конце 1774 г. в Ливорно присоединился к 5-й Архипелагской эскадре контр-адмирала С. К. Грейга и 14 февраля 1775 г. вышел с эскадрой в Россию. 24 мая 1775 г. прибыл в Кронштадт. 30 августа 1778 г. прибыл в Ревель, где остался на зимовку. 3 марта 1779 г. загорелся от небрежного обращения с огнем, для спасения соседних судов был выведен из гавани и полностью сгорел.

«Святослав». 80 пушек. Длина 51,5 м. Ширина 14,1 м. Осадка 6,28 м. Заложен 13 июня 1766 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 29

мая 1769 г. Строитель И. В. Ямес. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Был включен в состав 1-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Г. А. Спиридова. 27 июня 1769 г. вышел из Кронштадта, 6 августа у о. Борнгольм присоединился к эскадре. Но 9 августа на корабле открылась течь, и «Святослав» 12 августа вернулся в Ревель. 17 октября 1769 г., после ремонта, вышел из Ревеля и 24 ноября на Эльсинорском рейде присоединился ко 2-й Архипелагской эскадре контр-адмирала Д. Эльфинстона. 27 декабря прибыл в Портсмут и был поставлен в док для ремонта, где его переоборудовали в двухдечный 72-пушечный корабль. 2 апреля 1770 г. эскадра вышла из Портсмута и 11 мая прибыла в колокинфский порт Рупино, где были высажены доставленные из России войска. 6 сентября 1770 г. «Святослав» сел на камни у о. Лемнос, на помощь ему пришли другие корабли эскадры, но из-за шторма спасти корабль не удалось. 12 сентября экипаж покинул «Святослав», и он был разбит о камни. 29 сентября остатки корабля были сожжены.

«Святой Георгий Победоносец». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 29 мая 1769 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 29 апреля 1770 г. Строитель А. Давыдов. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 17 июня 1770 г. прибыл из Кронштадта в Ревель и вошел в состав 3-й Архипелагской эскадры контр-адмирала И. Н. Арфа. 30 июня во главе эскадры вышел в Архипелаг. 25 декабря 1770 г. прибыл в Аузу. 23 мая 1775 г. во главе эскадры под флагом вице-адмирала А. В. Елманова вышел в Россию и 9 октября 1775 г. прибыл в Ревель. В июне 1776 г. перешел в Кронштадт. В 1778 г. тимберован в Кронштадте и переделан в 50-пушечный. В 1780 г. разломан в Кронштадте.

«Победа». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 7 мая 1769 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 3 мая 1770 г. Строитель А. Давыдов. Назван в честь победы русского флота в Чесменском сражении 26 июня 1770 г. В июле – сентябре 1770 г. перешел из Архангельска в Ревель. Участвовал в Русско – турецкой войне 1768–1774 гг. 5 мая 1772 г. в составе 4-й Архипелагской эскадры контр-адмирала В. Я. Чичагова вышел из Ревеля в Архипелаг. 30 августа у берегов Италии в днище корабля открылась течь, и он зашел в порт Ферайо на о. Эльба для ремонта. 29 сентября «Победа» соединилась с русским флотом у о. Парос. 24 мая 1775 г. в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова корабль вышел в Россию и 9 октября 1775 г. прибыл в Ревель. В июне 1776 г.

перешел в Кронштадт. Больше в море не выходил. Разломан в 1780 г. в Кронштадте.

«Граф Орлов». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 7 мая 1769 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 3 мая 1770 г. Строитель А. Давыдов. Назван в честь главнокомандующего русскими силами в Архипелаге графа А. Г. Орлова (Чесменского). В июне – сентябре 1770 г. перешел из Архангельска в Ревель. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 8 мая 1772 г. в составе 4-й Архипелагской эскадры контр-адмирала В. Я. Чичагова вышел в Архипелаг, 25 сентября прибыл к о. Цериго. 16 декабря 1774 г. в составе эскадры контрадмирала К. М. Базбаля вышел в Россию и 18 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт. В 1791 г. разломан в Кронштадте.

«Память Евстафия». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 29 сентября 1769 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 3 мая 1770 г. Строитель А. Давыдов. Назван в честь погибшего в сражении в Хиосском проливе флагмана 1-й Архипелагской эскадры «Евстафия Плакиды». В июне – сентябре 1770 г. перешел из Архангельска в Ревель. В 1780 г. тимберован в Кронштадте. 25 мая 1781 г. в составе эскадры контр-адмирала Я. Ф. Сухотина вышел из Кронштадта и 15 августа прибыл в Ливорно. 2 мая 1782 г. вышел из Ливорно в Россию. Участвовал в войне со Швецией 1788–1790 гг. Участвовал в Гогландском сражении 6 июля 1788 г. Участвовал в Эландском сражении 15 июля 1789 г. 15 октября 1789 г. вернулся в Кронштадт, где в 1791 г. был разломан.

«Чесма» («Иоанн Креститель»). 80 пушек. Длина 51,5 м. Ширина 14,1 м. Осадка 6,27 м. Заложен 13 июня 1766 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 9 октября 1770 г. Строитель И. В. Ямес. Назван в честь победы русского флота в Чесменском сражении 26 июня 1770 г. (день св. Иоанна Крестителя). Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 8 мая 1772 г. во главе 4-й Архипелагской эскадры под флагом контр-адмирала В. Я. Чичагова вышел из Ревеля и 15 августа прибыл в Ливорно. В августе 1774 г. корабль ушел из Архипелага в Ливорно, а затем в порт Маон. Оттуда 15 августа 1775 г. «Чесма» в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова вышла в Россию и 9 октября прибыла в Ревель. После 1776 г. корабль в море не выходил, в 1781 г. разломан в Кронштадте.

«Родос». 60 пушек. Одноименный турецкий корабль, брошен командой

в Чесменском сражении 26 июня 1770 г. и захвачен матросами с корабля «Ростислав». 27 июня в составе эскадры «Родос» ушел из Чесменской бухты к о. Лемнос, а затем к о. Парос. В качестве единственного трофея Чесменского сражения корабль был предназначен к отправке в Россию. 22 октября 1770 г. вышел из Аузы в порт Маон для ремонта и дальнейшего следования в Кронштадт. 31 октября в Средиземном море попал в шторм, получил повреждения и пошел к ближайшему берегу. 5 ноября вошел в бухту Мезата и был посажен на мель, чтобы не затонул. 7 ноября 1770 г. корабль был сожжен, чтобы не достаться неприятелю, а экипаж 16 ноября перевезен на о. Цериго.

«Дмитрий Донской». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 21 сентября 1770 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 17 мая 1771 г. Строитель А. Давыдов. В июле – октябре 1771 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. 21 октября 1773 г. в составе 5-й Архипелагской эскадры контр-адмирала С. К. Грейга вышел в Архипелаг и 11 февраля 1774 г. прибыл в Ливорно, где стоял с эскадрой до 10 августа, 6 сентября 1774 г. прибыл в Аузу, т. е. уже когда Русско-турецкая война закончилась. 17 октября 1774 г. в составе эскадры С. К. Грейга вышел в Россию и прибыл в Кронштадт 24 мая 1775 г. Больше в море не выходил. Разломан в 1791 г. в Кронштадте.

«Святых Жен Мироносиц» (в списках числился как «Мироносиц»). 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 28 мая 1769 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 28 августа 1771 г. Строитель И. В. Ямес. В октябре 1773 г. в составе 5-й Архипелагской эскадры контр-адмирала С. К. Грейга вышел в Архипелаг, прибыл в Аузу в июне 1774 г., т. е. уже после окончания Русско-турецкой войны. 24 мая 1775 г. вернулся в Кронштадт. После 1776 г. в море не выходил. Разломан в 1791 г. в Кронштадте.

«Александр Невский». 66 пушек. Длина 47,4 м. Ширина 12,65 м. Осадка 5,48 м. Заложен 21 сентября 1770 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 1 мая 1772 г. Строитель А. Давыдов. В июле – сентябре 1772 г. перешел из Архангельска в Ревель. В октябре 1773 г. в составе 5-й Архипелагской эскадры контр-адмирала С. К. Грейга вышел в Архипелаг, прибыл в Аузу в июне 1774 г., т. е. уже после окончания Русско-турецкой войны. 24 мая 1775 г. вернулся в Кронштадт. В 1784 г. разломан в Кронштадте.

«Святой Великомученик Исидор». 74 пушки. Длина 51,5 м. Ширина 14,1 м. Осадка 6,1 м. Заложен 28 сентября 1769 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 17 сентября 1772 г. Строитель И. В. Ямес. 21 октября 1773 г. во главе 5-й Архипелагской эскадры контр-адмирала С. К. Грейга вышел в Средиземное море, в Аузу прибыл после окончания Русско-турецкой войны. 15 ноября 1774 г. перешел в Ливорно. 12 февраля 1775 г. на корабль прибыли граф А. Г. Орлов с княжной Таракановой. В тот же день Орлов съехал на берег, а княжна арестована. 14 февраля корабль вышел в Россию и 24 мая прибыл в Кронштадт. Разломан в 1784 г. в Кронштадте.

Фрегаты

«Надежда». 32 пушки. Длина 36 м. Ширина 9,6 м. Осадка 4,27 м. Заложен 20 августа 1762 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 20 мая 1763 г. Строитель В. Селянинов. В июле – октябре 1765 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. 2 октября 1769 г. в составе 2-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона вышел из Кронштадта в Средиземное море. 11 мая 1770 г. суда пришли в Колокинфский залив и в порту Рупино высадили доставленные из России войска. 13 марта 1775 г. фрегат вышел из Аузы и 15 октября прибыл в Кронштадт. В 1780 г. обращен в транспортное судно.

«Надежда Благополучия». 34 пушки. Длина 41,46 м. Ширина 11,15 м. Осадка 4,9 м. Заложен 23 октября 1763 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 4 июня 1764 г. Строитель И. И. Афанасьев. Построен специально для плаваний в Средиземное море. В августе 1764 г. вышел из Кронштадта в Средиземное море, имел полное вооружение, но шел под купеческим флагом. В ноябре 1764 г. пришел в Ливорно. 12 сентября 1765 г. вернулся в Кронштадт. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Средиземное море и 8 декабря прибыл в порт Маон. 6 февраля 1770 г. прибыл в Ливорно. 24 ноября 1770 г. фрегат прибыл в Аузу. К 1773 г. корпус фрегата оказался прогнившим, и его разломали в Аузе.

«Африка». 32 пушки. Длина 36 м. Ширина 9,6 м. Осадка 4,27 м. Заложен 17 февраля 1764 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 13 мая 1768 г. Строители В. Селянинов и Давыдов. В июле – сентябре 1768 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 9 октября 1769 г. в составе 2-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона вышел из Кронштадта. 11 мая 1770 г. суда пришли в Колокинфский залив и в порту Рупино высадили доставленные из России войска. 15 августа 1775 г. в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова вышел из порта Маона в Россию и 18 октября прибыл в Ревель. В 1777–1789 г. стоял в Кронштадтской гавани. Разломан в 1790 г.

«Северный Орел». 40 пушек. Длина 39,63 м. Ширина 9,85 м. Построен в Англии в 1752 г. Куплен в Лондоне в 1770 г. вместо проданного на слом корабля «Северный Орел» из состава 2-й Архипелагской эскадры. 20 августа 1770 г. на фрегат прибыл экипаж корабля «Северный Орел». 4 сентября фрегат перешел из Темзы на Дильский рейд, куда 14 сентября прибыла 3-я Архипелагская эскадра контр-адмирала И. Н. Арфа. 20 сентября вышел с эскадрой с Дильского рейда в Средиземное море и 25 декабря 1770 г. прибыл в Аузу. 24 мая 1775 г. в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова вышел из порта Трио в Россию и 9 октября прибыл в Ревель. 22 мая 1776 г. перешел из Ревеля в Кронштадт. «Северный Орел» был включен в состав отряда, который должен был под видом торговых судов перейти в Черное море, «Северный Орел» должен был идти с полным вооружением как конвоир. 15 июля 1776 г. фрегат во главе отряда вышел из Кронштадта и 11 ноября прибыл к о. Тенедос. Сопровождаемые им суда пошли в Дарданеллы, а «Северный Орел» – в Мессину. В 1777 г. находился в Архипелаге, но из-за отказа Турции пропустить суда через Босфор 24 декабря с отрядом пошел в Россию. 27 января 1778 г. суда пришли в Ливорно, где ремонтировались до августа.

7 августа отряд вышел из Ливорно и 18 августа прибыл в Гибралтар, но из-за сильных штормов вернулся в Ливорно. 11 марта 1779 г. отряд вышел из Ливорно и 14 мая прибыл в Кронштадт. В 1780 г. обращен в транспорт. Разломан в 1790 г.

«Святой Николай». 26 пушек. Бывший греческий корсарский фрегат, в 1770 г. присоединившийся к 1-й Архипелагской эскадре. Его командир А. И. Поликути получил чин лейтенанта Российского флота. Фрегат вошел в состав Балтийского флота, а в 1775 г. был переведен в Черноморский флот. 21 февраля 1770 г. фрегат на рейде Витуло поднял Андреевский флаг и вошел в состав 1-й Архипелагской эскадры. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг.

В 1775 г. фрегат перешел из Архипелага в Черное море, прибыл в Керчь, а затем перешел в Таганрог.

«Победа». Куплен в Архипелаге в 1770 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В 1770 и 1771 г. в составе отряда крейсировал в Архипелаге. 21 мая 1775 г. под торговым флагом вышел из Аузы с греческими переселенцами на борту и пошел в Черное море. 28 июня прошел Дарданеллы. 5 сентября 1775 г. в шторм разбился у Балаклавы.

«Слава». 16 пушек. Куплен в Архипелаге в 1770 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 9 июля 1770 г. пришел к флоту, стоявшему у Чесмы. 1 октября 1774 г. в составе отряда вышел из Аузы и 28 октября прибыл в Константинополь. 15 ноября фрегат вышел в Черное море к берегам Крыма, 16 декабря вернулся в Константинополь. С 8 по 17 января 1775 г. перешел в Аузу. В 1776 г. из Архипелага перешел в Ливорно, где был продан, а экипаж отправился в Россию.

«Парос». 10 пушек. Длина 25,6 м. Ширина 6,77 м. Осадка 3,05 м. Куплен в Архипелаге в 1770 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 9 июля 1770 г. пришел к флоту, стоявшему у Чесмы. 4 августа 1775 г. прибыл в порт Маон, где присоединился к эскадре вице-адмирала А. В. Елманова, идущей в Россию. 15 августа эскадра вышла из Маона и 6 ноября прибыла в Ревель. В июне 1776 г. фрегат перешел в Кронштадт. В 1777–1779 гг. и 1781–1782 гг. был брандвахтой на Кронштадтском рейде, а в 1785–1790 гг. – на Ревельском рейде. Разломан в 1790 г.

«Федор». Куплен в Англии в 1770 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В июне – октябре 1771 г. крейсировал в Архипелаге. 17 октября на фрегате открылась сильная течь, и он подошел к о. Св. Евстафия, где стал на якорь. Вода в трюме поднялась на 2,8 м. Экипаж был свезен на берег, а фрегат затонул.

«Григорий». Длина 33,83 м. Ширина 8,65 м. Осадка 5,07 м. Куплен в Англии в 1770 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 13 апреля 1771 г. прибыл в Аузу, где присоединился к русскому флоту. 27 февраля 1774 г. в составе отряда вышел из Аузы и 13 марта прибыл в Ливорно. 15 апреля вышел из Ливорно и 11 июля 1774 г. прибыл в Кронштадт. В 1776 г. был включен в состав отряда фрегатов, переводимых на Черное море под видом торговых судов. Шел под коммерческим флагом, имел 8 орудий и половину экипажа, а остальные пушки были зарыты в песчаный балласт в трюме. Был загружен железом, кожей, воском и икрой. 15 июня 1776 г. отряд вышел из Кронштадта, 14 ноября прибыл к Дарданеллам, а 16 декабря – в Константинополь. Но турки отказались пропустить суда через Босфор, и 24 декабря отряд отошел от Дарданелл. 13 января 1778 г. суда прибыли в Мессину, а 21 января – в Ливорно. 7 августа отряд вышел из Ливорно и 18 августа прибыл в Гибралтар, но из-за сильных штормов вернулся в Ливорно. 11 марта 1779 г. отряд вышел из Ливорно и 14 мая прибыл в Кронштадт. Разломан после 1786 г.

«Архипелаг». 30 пушек. Захвачен греческими корсарами в Архипелаге в 1770 г. Переоборудован во фрегат и вошел в состав Балтийского флота. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 1 апреля 1771 г. пришел в Аузу. В октябре – ноябре 1774 г. ходил из Аузы в Константинополь. Перечислен в Черноморский флот. 29 марта 1775 г. в составе отряда вышел из Аузы в Черное море и 18 мая прибыл в Керчь.

«Андро». Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1771 г. Разломан в порту Ауза в 1772 г.

«Миконо». Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1771 г. Разломан в порту Ауза в 1773 г.

«Санторин». Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1771 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В ноябре 1771 г. в составе эскадры Г. А. Спиридова действовал у крепости Митилин. 5 ноября при выходе из бухты был шквалом выброшен на отмель и захвачен турками. Фрегат «Северный Орел» подошел к берегу, картечью разогнал турок и сжег «Санторин».

«Мило». Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1770 г. Разломан в Аузе в 1772 г.

«Зея». Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1770 г. Разломан в Аузе в 1772 г.

«Делос». Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1771 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В составе отряда в 1773 г. крейсировал у п-ва Морея, а в 1774 г. – в Архипелаге. 20 апреля 1775 г. исключен из списков флота и продан на слом в Аузе.

«Накция». 28 пушек. Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в 1771 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 20 июля 1772 г. пришел из Ливорно в Аузу. В 1772 г. в составе отряда крейсировал в Архипелаге. В 1775 г. продан в Аузе.

«Минерва». 32 пушки. Длина 26,21 м. Ширина 8,12 м. Осадка 3,12 м. Обращен во фрегат из турецкого судна, взятого корсарами в Архипелаге в

1771 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 18 марта 1771 г. пришел в Аузу. 6 марта 1774 г. вышел из Аузы в Россию и 30 июля прибыл в Кронштадт. Перешел из Кронштадта в Ревель и, взяв на борт гардемарин и солдат Морского батальона, вышел в Кронштадт. Ночью 11 октября 1774 г. в финских шхерах в тумане выскочил на камни у о. Энскер и разбился, из 164 человек погибли 95.

«Тино». Переделан во фрегат из взятого корсарами в Архипелаге в 1770 г. турецкого судна. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 7 июля 1771 г. пришел из Ливорно в Аузу. Крейсировал в Архипелаге, 25 мая 1774 г. пришел в Аузу. Перечислен в Черноморский флот в 1775 г. 8 мая 1775 г. вышел из Аузы в Черное море, прибыл в Керчь.

«Запасный». Куплен в Англии в 1772 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 11 ноября 1772 г. у о. Цериго присоединился к 4-й Архипелагской эскадре капитана 1-го ранга М. Т. Коняева и прибыл с ней к о. Миконо. В 1773 и 1774 гг. крейсировал в Архипелаге. 16 декабря 1774 г. в составе эскадры контр-адмирала Х. М. Базбаля вышел из порта Мария в Россию и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт. В 1776 г. перешел из Кронштадта в Ригу и до июля 1778 г. был брандвахтой в устье Западной Двины. 21 июля 1778 г. перешел из Риги в Кронштадт. Разломан после 1782 г.

«Помощный». 20 пушек. Длина 20,73 м. Ширина 6,7 м. Осадка 3,35 м. Куплен в Англии в 1772 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. С 1772 г. по август 1774 г. был брандвахтой на Аузском рейде. 16 декабря 1774 г. в составе эскадры контр-адмирала Х. М. Базбаля вышел из порта Мария в Россию и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт. В июне 1776 г. перешел из Кронштадта в Ригу и до 1783 г. был брандвахтой в устье Западной Двины. Разломан после 1783 г.

«Павел». 32 пушки. Длина 39,63 м. Ширина 9,75 м. Осадка 4,27 м. Заложен 19 августа 1772 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 14 мая 1773 г. Строители А. Мальцов и В. Гунион. В июле – сентябре 1773 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. 21 октября 1773 г. в составе эскадры контр-адмирала С. К. Грейга вышел из Кронштадта в Средиземное море и 11 февраля 1774 г. прибыл в Ливорно. 6 сентября 1774 г., т. е. уже после окончания войны, эскадра Грейга пришла в Аузу, где стоял русский флот. 15 октября 1774 г. «Павел» в составе эскадры Грейга

вышел из Аузы в Россию и 24 мая 1775 г. прибыл в Кронштадт. В 1776 г. фрегат назначен для перевода на Черное море для усиления Азовской флотилии. При переходе фрегат был замаскирован под торговое судно: на фрегате находилась половина экипажа, на палубе оставили только 8 пушек, а остальные зарыты в песчаный балласт, в трюм погрузили коммерческий груз. 15 июня 1776 «Павел» в составе отряда капитана 2-го ранга Т. Г. Козлянинова вышел из Кронштадта и 6 февраля 1777 г. прибыл в Константинополь. Но турки отказались пропустить суда через Босфор, и отряд 24 декабря 1777 г. отправился в обратный путь и 27 января 1778 г. прибыл в Ливорно. 11 марта 1779 г. «Павел» в составе отряда вышел из Ливорно и 14 мая прибыл в Кронштадт. Разломан в 1791 г.

«Наталия». 32 пушки. Длина 39,63 м. Ширина 11 м. Осадка 3,96 м. Заложен в 1772 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 18 мая 1773 г. Строитель В. Гунион. В июле – сентябре 1773 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. 21 октября 1773 г. в составе эскадры контр-адмирала С. К. Грейга вышел из Кронштадта в Средиземное море и 11 февраля 1774 г. прибыл в Ливорно. 6 сентября 1774 г., т. е. уже после окончания войны, эскадра Грейга пришла в Аузу, где стоял русский флот. 25 мая 1775 г. в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова вышел из Аузы в Россию и 26 октября прибыл в Кронштадт. В 1776 г. фрегат назначен для перевода на Черное море для усиления Азовской флотилии. При переходе фрегат был замаскирован под торговое судно: на фрегате находилась половина экипажа, на палубе оставили только 8 пушек, а остальные зарыты в песчаный балласт, в трюм погрузили коммерческий груз. 15 июня 1776 «Наталия» в составе отряда капитана 2-го ранга Т. Г. Козлянинова вышел из Кронштадта и 6 февраля 1777 г. прибыл в Константинополь. Но турки отказались пропустить суда через Босфор, и отряд 24 декабря 1777 г. отправился в обратный путь и 27 января 1778 г. прибыл в Ливорно. 7 августа 1778 г. вышел из Ливорно в Россию, но из-за начавшихся штормов 30 сентября вернулся в Ливорно. 11 марта 1779 г. фрегат вышел из Ливорно и 14 апреля прибыл в Кронштадт. 7 августа 1779 г. вышел из Кронштадта в Англию. 22 сентября в Северном море у о. Шкеленга сел на мель, был сильно поврежден и разбит волнами.

«Унгария». 26 пушек. Длина 38,71 м. Ширина 11,28 м. Осадка 3,31 м. Построен в 1766 г. в Триесте, куплен в 1775 г. в Ливорно. 10 июня 1775 г. на рейде Ливорно поднял Андреевский флаг. 7 сентября вышел в Россию и 19 июня 1776 г. прибыл в Кронштадт. В 1796 г. разломан в Кронштадте.

«Богемия». 26 пушек. Длина 38,71 м. Ширина 11,28 м. Осадка 3,31 м. Построен в 1768 г. в Триесте, куплен в 1775 г. в Ливорно, в том же году тимберован. 10 июня 1775 г. на рейде Ливорно поднял Андреевский флаг. 7 сентября вышел в Россию и 19 июня 1776 г. прибыл в Кронштадт. В 1783–1789 гг. был брандвахой на Кронштадтском рейде. В 1796 г. разломан в Кронштадте.

Бомбардирские корабли

«Гром». 10 пушек. Длина 29 м. Ширина 8,23 м. Осадка 3,35 м. Заложен 23 августа 1762 г. в С.-Петербургском Адмиралтействе, спущен 19 августа 1765 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры вышел из Кронштадта в Средиземное море. 18 апреля 1770 г. прибыл в Наваринскую бухту. 24 июня 1770 г. участвовал в сражении в Хиосском проливе. В 1774 г. разломан в Архипелаге в порту Ауза.

Вооружение: 2 – 5-пуд. мортиры, 2 – 3-пуд. гаубицы, 2 – 8-фн Кегорновы мортиры, 10 – 24-фн пушек по бортам.

«Страшный». 14 пушек. Длина 29,26 м. Ширина 7,15 м. Осадка 4,1 м. Куплен в Англии в 1771 г. и принят во флот адмиралом Спиридовым. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 16 ноября 1771 г. пришел из Англии в Аузу, где присоединился к русской эскадре. 16 декабря 1774 г. в составе эскадры контр-адмирала К. М. Базбаля вышел из Средиземного моря в Россию и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт. Разобран после 1783 г.

«Молния». 16 пушек. Длина по палубе 27,84 м. Ширина без обшивки 7,61 м. Осадка 5,12 м. В 1771 г. куплен в Англии. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 24 июля 1771 г. пришел из Англии в Аузу. В мае 1775 г. в составе эскадры вице-адмирала А. В. Елманова вышел из Архипелага в Россию и 9 октября прибыл в Ревель. В 1779 г. обращен в транспорт. В 1787 г. разбился у о. Вормса.

Пинки

«Соломбал». 20 пушек. Длина 36,58 м. Ширина 8,84 м. Глубина интрюма 3,66 м. Заложен 1 августа 1761 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 12 мая 1762 г. В июле 1762 г. в составе эскадры вышел из Архангельска, но из-за открывшейся течи зашел в Данциг, где остался на зимовку. В мае 1763 г. пришел в Кронштадт. В 1765 г. ходил в Архангельск с материалами для строящихся судов. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Средиземное море, 18 апреля 1770 г. прибыл к Наварину. В 1770 г. переклассифицирован во фрегат. В 1771 г. ремонтировался в Маоне. До 1775 г. находился в Архипелаге. Продан в Маоне в 1775 г., поскольку корпус оказался гнил и пинк был не способен перейти в Россию.

«Лапоминк». 22 пушки. Длина 39,92 м. Ширина 9,6 м. Глубина интрюма 3,81 м. Заложен в 1761 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен в 1762 г. В 1762 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. В 1763 г. вернулся в Архангельск. В июле 1765 г. вышел из Архангельска на Шпицберген. 19 июня 1767 г. вышел из Архангельска в Кольский залив к м. Халдеева с грузом леса на борту. Выгрузив лес, пошел в Кронштадт, куда прибыл 18 октября. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Средиземное море. 16 сентября разбился на Скагенском рифе.

«Венера». 22 пушки. Длина 39,92 м. Ширина 9,6 м. Глубина интрюма 3,81 м. Заложен 12 октября 1766 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 13 мая 1768 г. В 1768 г. перешел из Архангельска в Кронштадт. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Средиземное море, 26 декабря прибыл в Корфу. До 1775 г. находился в Архипелаге. 15 мая 1775 г. вышел из Аузы для перехода на Балтику и в конце октября 1775 г. прибыл в Кронштадт. Разломан в 1787 г.

«Сатурн». 22 пушки. Длина 39,92 м. Ширина 9,45 м. Глубина интрюма 3,81 м. Заложен 12 октября 1766 г. на Соломбальской верфи в Архангельске, спущен 13 мая 1768 г. В 1768 г. перешел из Архангельска в

Кронштадт. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта в Средиземное море, 11 декабря прибыл в Маон. До 1774 г. находился в Архипелаге. В октябре 1775 г. пришел в Ревель. Разломан в 1787 г.

«Святой Павел». Куплен в 1769 г. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 9 октября 1769 г. в составе 2-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона вышел из Кронштадта в Средиземное море, участвовал в сражении с турецкой эскадрой у о. Специя 16–17 мая 1770 г. Сожжен в Ливорно в 1772 г.

Пакетботы

«Почталион». 20 пушек. Длина 30 м. Ширина 7,6 м. Осадка 2,9 м. Заложен 27 сентября 1765 г. на Олонецкой верфи. Спущен 27 мая 1766 г. Строитель И. И. Афанасьев. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта по маршруту Копенгаген – Гуль – пролив Ла-Манш – Гибралтар и 11 декабря 1769 г. прибыл в порт Маон. В январе 1770 г. перешел в Ливорно. В апреле – июне 1770 г. в составе эскадры крейсировал в районе Корон – Наварин – о. Парос – о. Хио. 23 июня участвовал в сражении в Хиосском проливе. С июля по ноябрь 1770 г. крейсировал в Архипелаге. В январе – мае 1771 г. был брандвахтой в Аузе, в июне – ноябре 1771 г. крейсировал в Архипелаге. 19 сентября 1772 г. в составе отряда вышел к о. Патмос, где находился до апреля 1773 г. В ноябре 1773 г. вернулся в Аузу, где ремонтировался до февраля 1774 г. 29 марта 1775 г. в составе отряда вышел из Аузы для перехода в Черное море, 18 мая отряд прибыл в Керчь, и «Почталион» вошел в состав Азовской флотилии. (Далее см. Приложение 2.)

«Летучий». 16 пушек. Длина 27,5 м. Ширина 7,7 м. Осадка 3,4 м. Заложен 7 октября 1765 г. на Олонецкой верфи, спущен 10 июля 1766 г. Строитель И. И. Афанасьев. 26 июля 1769 г. в составе 1-й Архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова вышел из Кронштадта по маршруту Копенгаген (в Северном море суда эскадры разлучились, и далее «Летучий» шел с кораблем «Ростислав») – Портсмут – Фалмут – м. Лизард – Лиссабон – Гибралтар и 13 января 1770 г. прибыл в порт Маон. 12 марта 1770 г., находясь в крейсерстве, «Летучий» захватил турецкое судно, а 17 марта во время шторма разбился у г. Виттуло.

Экспедиционное судно

«Чичагов». 16 пушек. Длина 27,5 м. Ширина 7,2 м. Заложено в Архангельске, спущено 1 августа 1764 г. Судно названо экспедиционным, т. к. предназначалось для экспедиций в северных морях и поэтому отличалось особой прочностью. В 1767 г. «Чичагов» перешел из Архангельска в Кронштадт. В 1769 г. включен в состав 2-й Архипелагской эскадры контр-адмирала Д. Эльфинстона.

9 октября в составе эскадры вышел из Кронштадта для перехода в Средиземное море, но ночью 10 октября налетел на Паркалаутский риф и разбился.

**Приложение 2. Корабли и суда
Черноморского флота, участвовавшие в
войнах 1768–1774 гг. И 1787–1791 гг.**

Корабли

Новоизобретенные корабли

«Хотин». 16 пушек. Длина 39 м. Ширина 8,23 м. Осадка 2,74 м. Трехмачтовый. Команда 157 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в Новопавловске, спущен 1 марта 1770 г. Строитель С. Афанасьев. Назван в честь взятия турецкой крепости Хотин русской армией 9 сентября 1769 г. В сентябре 1770 г. перешел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. во главе эскадры под флагом вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море. В августе – сентябре 1771 г. и в мае – сентябре 1773 г. – в составе отряда крейсировал в Черном море, в июне 1774 г. – в Керченском проливе, в 1777, 1782 и 1783 гг. – у берегов Крыма. В 1778–1779 гг. тимберован в Таганроге. В 1785 г. поставлен как брандер у входа в Севастопольскую гавань. В 1787 г. поставлен в Севастопольской бухте у берега как плавбатарей.

Вооружение: 16 – 12-фн пушек.

«Азов». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в Новопавловске, спущен 14 марта 1770 г. Назван в честь занятия русскими войсками Азова в марте 1769 г. 18 августа 1770 г. перешел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море. В августе – сентябре 1771 г. в составе отряда крейсировал в Черном море, в мае – декабре 1772 г. – в Керченском проливе, в мае 1773 г. и в апреле – июле 1774 г. – у берегов Кавказа. В 1777, 1779, 1780 и 1782 гг. в составе отрядов крейсировал в Азовском и Черном морях. В 1778 г. тимберован в Таганроге. 2 мая 1783 г. в составе эскадры вице-адмирала Ф. А. Клокачева вошел в Ахтиарскую бухту. Разобран после 1784 г.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек. После тимберовки в 1778 г. установлено: 2 – 3-пуд. мортиры, 2 – 1-пуд. гаубицы, 14 – 10-фн и 4 – 3-фн пушки.

«Таганрог». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в

Новопавловске, спущен 14 марта 1770 г. Назван в честь занятия русскими войскам Таганрога в марте 1769 г. 18 августа 1770 г. перешел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море, в мае – декабре 1772 г. – в Керченском проливе, в мае – июне 1773 г., 1777 г. и 1778 г. – у берегов Крыма. В 1779 г. тимберован в Таганроге. В декабре 1781 г. корабль льдом вынесло из Таганрогской гавани на косу, он получил пробоину и затонул. В 1782 г. поднят и отремонтирован. 25 ноября 1782 г. затерт льдами в Азовском море и погиб.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек. После тимберовки в 1779 г.: 2 – 1-пуд. гаубицы, 4 – 12-фн пушки, 10 – 6-фн пушек и 4 – 3-фн фальконета.

«Морея». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в Новопавловске, спущен 26 марта 1770 г. 24 сентября 1770 г. пришел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море, с мая по октябрь 1772 г. – в Черном море. 4 июля 1773 г. перешел в Балаклаву, где был поставлен на ремонт. Разобран после 1774 г.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек.

«Новопавловск». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в Новопавловске, спущен 14 апреля 1770 г. 13 июля 1770 г. пришел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море, с мая по октябрь 1772 г. – в Черном море. 4 июля 1773 г. перешел в Балаклаву, где был поставлен на ремонт. Разобран после 1774 г.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек.

«Мадон». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на Икорецкой верфи, спущен 19 марта 1770 г. 13 июля 1770 г. пришел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море, с мая по декабрь 1772 г. – в Керченском проливе, в мае – июне 1773 г. – у южных берегов Крыма. В августе 1773 г. пришел в Таганрог на ремонт. В 1777 г. и 1778 г. крейсировал у южных берегов Крыма. В 1779 г. тимберован

в Таганроге. В декабре 1781 г. корабль льдом вынесло из Таганрогской гавани на косу, он получил пробоину и затонул. В 1782 г. поднят и отремонтирован. 25 ноября 1782 г. затерт льдами в Азовском море и погиб.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек.

«Корон». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в Новопавловске, спущен 20 апреля 1770 г. В 1770 г. пришел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море, с мая по декабрь 1772 г. – в Керченском проливе, с марта 1773 г. – у берегов Крыма. В 1777 г. и 1778 г. крейсировал в Азовском море и Керченском проливе. В 1779 г. тимберован в Таганроге. В декабре 1781 г. корабль льдом вынесло из Таганрогской гавани на косу, он получил пробоину и затонул. В 1782 г. поднят и отремонтирован. 25 ноября 1782 г. затерт льдами в Азовском море и погиб.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек. После тимберовки в 1779 г. добавили: 4 – 12-фн пушки, 10 – 6-фн пушек и 4 – 3-фн фальконета.

«Журжа». 16 пушек. Двухмачтовый. Длина 31,4 м. Ширина 8,5 м. Осадка 2,6 м. Команда 128 чел. Заложен в сентябре 1769 г. на верфи в Новопавловске, спущен 24 апреля 1770 г. 13 июля 1770 г. пришел в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море, с мая по октябрь 1772 г. – в Черном море. В 1777 г., 1778 г. и 1782 г. крейсировал у берегов Крыма. В 1779 г. тимберован в Таганроге. В 1783 г. и 1784 г. был брандвахтой в Керченском проливе. Разобран после 1784 г.

Вооружение первоначальное: 2 – 1-пуд. гаубицы и 14 – 12-фн пушек. После тимберовки в 1779 г. добавили: 4 – 12-фн пушки, 10 – 6-фн пушек и 4 – 3-фн фальконета.

«Бухарест». 14 пушек. Длина 26,2 м. Ширина 7,3 м. Осадка 2,4 м. Команда 57 чел. Заложен 26 мая 1769 г. на Икорецкой верфи, спущен 26 мая 1770 г. В мае 1771 г. прибыл в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае – июне 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина крейсировал в Азовском море и Керченском проливе. В 1780 г. обращен в киленбанк.

Вооружение первоначальное: 2 – 3-пуд. мортиры и 12 – 6-фн пушек.

«Яссы». 14 пушек. Длина 26,2 м. Ширина 7,3 м. Осадка 2,4 м. Команда 57 чел.

Заложен 26 мая 1769 г. на Икорецкой верфи, спущен 26 мая 1770 г. До 1778 г. использовался как бомбардирский корабль. Зимой 1778/1779 г. тимберован и обращен в транспорт. 24 мая 1785 г. на пути из Еникале в Таганрог затонул во время шторма.

Вооружение первоначальное: 2 – 3-пуд. мортиры и 12 – 6-фн пушек.

Линейные корабли

«Святая Екатерина». 60 пушек. Длина 47,24 м. Ширина 12,6 м. Осадка 4,6 м. Заложен 26 мая 1770 г. на верфи в Херсоне. Строитель В. Селянинов. В 1784 г. Потемкин приказал переделать его в 50-пушечный фрегат, но набор подлежал полной переборке, а стапель под ним сгнил. Разобран на стапеле к 10 марта 1785 г.

«Слава Екатерины» (с 3 марта 1778 г. «Преображение Господне»). Переименован орденом князя Потемкина в связи с «несоответствием имени и ранга корабля». 66 пушек. Длина 48,8 м. Ширина 13,5 м. Осадка 5,8 м. Заложен 7 июля 1780 г. на верфи в Херсоне, спущен 16 сентября 1783 г. Строитель С. Афанасьев. 14 сентября 1784 г. прибыл в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг., в т. ч. в сражении у о. Фидониси 3 июля 1788 г., в сражении у Керченского пролива 8 июля 1789 г., в сражении у о. Тендра 28 августа 1789 г., в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г.

Вооружение: на 1790 г.: нижний дек: 24 – 24-фн пушки и 2 – 1-пуд. единорога; верхний дек: 26 – 12-фн чугунных пушек и 2 – 1/2-пуд. медных единорога; на шканцах и баке: 14 – 6-фн пушек.

«Святой Павел». 66 пушек. Длина 48,8 м. Ширина 13,5 м. Осадка 5,8 м. Заложен 9 июля 1780 г. на верфи в Херсоне, спущен 12 октября 1784 г. Строитель С. Афанасьев. В 1785 г. прибыл в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг., в т. ч. в сражении у о. Фидониси 3 июля 1788 г., в сражении у Керченского пролива 8 июля 1789 г., в сражении у о. Тендра 28 августа 1789 г., в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г. Разобран после 1794 г.

Вооружение на 1790 г.: нижний дек: 13 – 30-фн, 11 – 24-фн пушек, 2 – 1-пуд. единорога; верхний дек: 24 – 12-фн пушки, 2 – $\frac{1}{2}$ -пуд. единорога; шканцы и бак: 16 – 6-фн пушек, 2 – 18-фн единорога.

«Мария Магдалина». 66 пушек. Длина 47,2 м. Ширина 13 м. Осадка 5,8 м. Заложен 28 июня 1781 г. на верфи в Херсоне, спущен 16 мая 1785 г. Строитель С. Афанасьев. 28 ноября 1785 г. прибыл в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя к Варне на поиск турецких судов. 8 сентября эскадра у м. Калиакрия попал в шторм, длившийся 5 суток. Корабль получил большие повреждения, и его штормом и течениями занесло в пролив Босфор. 13 сентября 1787 г. в Босфоре турки захватили корабль. В турецком флоте он стал называться «Худаверды».

«Святой Владимир». 66/70 пушек. Длина 48,8 м. Ширина 13,5 м. Осадка 5,8 м. Заложен 9 июля 1780 г. на верфи в Херсоне, спущен 15 мая 1787 г. Строитель С. Афанасьев. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 7 и 17 июня 1788 г. участвовал в боях с турецкой эскадрой, до 11 ноября 1788 г. участвовал в блокаде Очакова. Весной 1789 г. перешел из Лимана в Севастополь. Участвовал в сражении у Керченского пролива 8 июля 1789 г., в сражении у о. Тендра 28 августа 1789 г., в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г. 5 мая 1798 г. в составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя в крейсерство. 6 мая в тумане столкнулся с фрегатом «Александр Невский», сломал бушприт и вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил. Разобран после 1804 г.

Вооружение на 1790 г.: нижний дек: 24 – 30-фн, 2 – 1-пуд. медных единорога; верхний дек: 24 – 12-фн пушки, 2 – $\frac{1}{2}$ -пуд. медных единорога; шканцы и бак: 18 – 18-фн единорога.

«Александр». 66 пушек. Длина 48,8 м. Ширина 13,5 м. Осадка 5,8 м. Заложен 28 июня 1781 г. на верфи в Херсоне, спущен 16 мая 1786 г. Строитель С. Афанасьев. 24 сентября 1786 г. на переходе из Херсона в Севастополь у м. Тарханкут из-за ошибки в счислении выскочил на мель, волнами был выброшен на камни и разбился.

«Иосиф II» (с 15 марта 1790 г. «Рождество Христово»).

80 пушек. Длина 54,9 м. Ширина 15,1 м. Осадка 6,2 м. Заложен в

августе 1786 г. на верфи в Херсоне, спущен 15 мая 1787 г. Строитель С. Афанасьев. На спуске присутствовали Екатерина II и австрийский император Иосиф II, в честь которого и был назван корабль. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. В июне 1788 г. перешел из Херсона в Днепровский лиман, где присоединился к парусной эскадре Поля Джонса. 29 сентября 1789 г. прибыл в Севастополь. Участвовал в сражении у Керченского пролива 8 июля 1789 г., в сражении у о. Тендра 28 августа 1789 г., в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г. В июле – сентябре 1794 г. во главе эскадры под флагом вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова выходил в практическое плавание в Черное море. Больше в море не выходил. Разобран в 1800 г.

Вооружение к началу 1792 г.: нижний дек: 28 – 36-фн чугунных пушек, 2 – 1-пуд. медных единорога; верхний дек: 22 – 18-фн медные пушки, (все медные пушки больших калибров взяты из осадной артиллерии), 4 – 18-фн чугунные пушки, 4 – 1-пуд. медных единорога; на шканцах и баке: 15 – 12-фн медных пушек и 3 – 18-фн медных единорога.

«Мария Магдалина» (с 1799 г. – «Мария Магдалина первая»).

68/66 пушек. Длина 47,2 м. Ширина 13 м. Осадка 5,65 м. Заложен 13 июня 1786 г. на верфи в Херсоне, спущен 12 апреля 1789 г. Строитель С. Афанасьев. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 5 июня 1789 г. прибыл из Херсона к Очакову и присоединился к Лиманской эскадре, 29 сентября прибыл с ней в Севастополь. Участвовал в сражении у Керченского пролива 8 июля 1789 г., в сражении у о. Тендра 28 августа 1789 г., в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г. Участвовал в войне с Францией 1798–1800 гг. 13 августа 1798 г. в составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя в Константинополь для совместных действий с турецким флотом против Франции. 20 сентября объединенная русско-турецкая эскадра вышла из Дарданелл в Архипелаг. В феврале 1799 г. корабль участвовал во взятии крепости Корфу. 6 июля 1800 г. корабль в составе эскадры вышел в Россию и 26 октября 1800 г. прибыл в Севастополь. Разобран в 1803 г. в Севастополе. Вооружение на 1790 г.: нижний дек: 26 – 30-фн пушек, 2 – 1-пуд. медных единорога; верхний дек: 26 – 12-фн пушек, 2 – $\frac{1}{2}$ -пуд. медных единорога; шканцы и бак: 12 – 8-фн пушек.

«Мученик Леонтий» (в ряде документов **«Леонтий Мученик»**). 58 пушек. Длина 43 м. Ширина 13,5 м. Осадка 5 м. Захвачен 18 июня 1788 г.

у турок у Очакова. Отремонтирован в Херсоне. 22 октября 1788 г. ушел из Херсона. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. До сентября 1789 г. находился в Днепровском лимане в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича. 29 сентября прибыл с эскадрой в Севастополь. Участвовал в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г. Разобран после 1791 г.

Вооружение на 1792 г.: нижний дек: 4 – 30-фн чугунные пушки; верхний дек: 4 – 24-фн медные пушки, 20 – 18-фн чугунных пушек, 2 – 1-пуд. медных единорога; шканцы и бак: 22 – 6-фн чугунные пушки; 4–4,5-фн медные пушки, 2 – $1/2$ -пуд. медных единорога.

Фрегаты

«Первый». 32 пушки. Длина 39,7 м. Ширина 11 м. Осадка 3,5 м. Заложен 20 сентября 1770 г. на Новопехорской верфи, спущен 12 апреля 1771 г. Строитель И. Афанасьев. Летом 1771 г. переведен с верфи в Таганрог для достройки. После ввода в строй, в октябре 1771 г. пришел в Еникале. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. В апреле 1773 г. крейсировал в Черном море, в августе – сентябре 1773 г. крейсировал у абхазских берегов (Суджук-Кале). В апреле 1774 г. крейсировал у Керченского пролива. В 1775 г. ходил в Константинополь. 30 ноября 1775 г. на переходе из Босфора в Керчь попал в сильный шторм, получил серьезные повреждения, ветром был снесен к Суджук-Кале, где сел на мель и был разбит волнами.

«Второй». 32 пушки. Длина 39,7 м. Ширина 11 м. Осадка 3,5 м. Заложен 20 сентября 1770 г. на Новопехорской верфи, спущен 13 апреля 1771 г. Строитель И. Афанасьев. Летом 1771 г. переведен с верфи в Таганрог для достройки. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 9 мая 1773 г. вышел в крейсерство в Черное море, в августе – сентябре 1773 г. крейсировал у абхазских берегов (Суджук-Кале). В 1775–1779 гг. ежегодно крейсировал в Черном море. В октябре 1779 пришел в Херсон. Разобран в 1786 г. в Херсоне.

«Третий». 58 пушек. Длина 45,7 м. Ширина 9,3 м. Осадка 3 м. Заложен 1 мая 1772 г. на Новопехорской верфи, спущен 28 апреля 1773 г. Строитель О. Матвеев. Построен по чертежам адмирала Ч. Ноульса.

Осенью 1773 г. при проводке по Дону застрял у станицы Семикаракорская, там и остался на зимовку. Весной 1774 г. на камелях приведен в Таганрог. Осенью перешел в Керчь. В 1777 г. и 1778 г. крейсировал в Черном море. 23 марта 1779 г. во время стоянки в Керчи в крьюйт-камере возник пожар. Огонь перекинулся в констапельскую, где хранились 149 бочонков с порохом. В результате взрыва фрегат был разрушен.

«Четвертый». 58 пушек. Длина 45,7 м. Ширина 9,3 м. Осадка 3 м. Заложен 23 мая 1772 г. на Новопехорской верфи, спущен 29 апреля 1773 г. Строитель Никитин. Построен по чертежам адмирала Ч. Ноульса. В 1773 г. переведен из Новопехорска в Таганрог, а затем в Керчь. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 18 апреля 1774 г. вышел в крейсерство у входа в Керченский пролив. В 1778 г. ремонтировался в Керчи.

«Пятый». 42 пушки. Длина 34,8 м. Ширина 9,2 м. Осадка 3,4 м. Заложен 14 января 1774 г. на Новопехорской верфи, спущен 26 апреля 1774 г. Строитель И. Афанасьев. В апреле 1777 г. перешел с Дона в Таганрог. 7 августа 1777 г. пришел в Кафу, затем крейсировал у берегов Крыма. В 1778 г. крейсировал в Черном море. С 1779 г. ремонтировался. Разобран в 1785 г. в Херсоне.

«Шестой». 42 пушки. Длина 34,8 м. Ширина 9,2 м. Осадка 3,4 м. Заложен 16 января 1774 г. на Новопехорской верфи, спущен 3 мая 1774 г. Строитель И. Афанасьев. В апреле 1776 г. перешел с Дона в Таганрог. В 1777 г. крейсировал у берегов Крыма. В 1778 г. крейсировал в Черном море. Разобран в 1785 г. в Херсоне.

«Архипелаг». 30 пушек. Захвачен греческими корсарами в Архипелаге в 1770 г. Переоборудован во фрегат и вошел в состав Балтийского флота. Перечислен в Черноморский флот. 29 марта 1775 г. в составе отряда вышел из Аузы в Черное море и 18 мая прибыл в Керчь, доставив туда албанцев, желавших переселиться в Россию. В 1779 г. перешел из Керчи в Херсон. 15 октября 1782 г. сел на мель у о. Ада. 20 октября команда покинула наполненный водой фрегат.

«Почталион» (с 1788 г. «Никита Мученик»). 20 пушек. Длина 30 м. Ширина 7,6 м. Осадка 2,9 м. Спущен в 1767 г. Поступил в Черноморский флот в 1775 г. из Архипелагской эскадры. 8 октября 1777 г. пришел в Таганрог и встал на ремонт. В июне 1778 г. пришел в Керчь и до сентября

крейсировал в Керченском проливе. В 1780 г. был брандвахтой в Керчи. В 1782–1783 гг. тимберован в Таганроге. 24 сентября 1783 г. ушел из Таганрога в Севастополь. В 1784–1786 гг. был брандвахтой в Севастополе. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. В 1788 г. был переделан в «новоизобретенный» фрегат-батарею. В 1788–1791 гг. был брандвахтой на Севастопольском рейде. Разобран после 1791 г.

Вооружение: 2 – 18-фн и 18 – 12-фн пушек.

«Тино». (См. Приложение 1).

«Слава». Бывшее греческое корсарское судно. Прибыл в Керчь в 1775 г. из Архипелагской эскадры.

«Наталья». Бывшее греческое корсарское судно. Прибыл в Керчь в 1775 г. из Архипелагской эскадры.

«Седьмой» (с 1783 г. «Херсон», с 1788 г. «Василий Великий»). 42 пушки. Длина 34,8 м. Ширина 9,2 м. Осадка 3,4 м. Заложен 18 января 1774 г. на Новопехорской верфи, спущен 2 апреля 1777 г. Строитель И. Афанасьев. Весной 1777 г. перешел с Дона в Таганрог. 11 октября прибыл в Еникале. В ноябре 1777 г. крейсировал у берегов Крыма. В 1778 г. крейсировал в Черном море. В 1783 г. тимберован в Херсоне. 14 сентября 1784 г. прибыл из Херсона в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. В 1787 г. находился в Днепровском лимане. 20 июля 1788 г. пришел к Глубокой Пристани, где был переделан в «новоизобретенный» фрегат-батарею. В октябре 1788 г. пришел в Днепровский лиман и присоединился к стоявшей там эскадре. 21 ноября вмерз в лед, 30 дня дрейфующим льдом был сорван с якоря и вынесен на мель у Кинбурнской косы. Льдом был пробит борт, и фрегат затонул. В 1789 г. с фрегата были сняты орудия.

«Восьмой» (с 1783 г. «Осторожный»). 44 пушки. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 22 января 1772 г. на Новопехорской верфи, спущен 25 апреля 1778 г. Строитель И. Афанасьев. В 1779 г. перешел с Дона в Таганрог, а оттуда в Керчь. С 1786 г. стоял в Севастополе, поскольку считался негодным к плаванию. В августе 1787 г. поставлен у входа в Севастопольскую бухту в качестве батареи. Разобран после 1790 г.

Вооружение: 28 – 12-фн, 12 – 6-фн, 4 – 3-фн.

«Десятый» (с 1783 г. «Крым»). 44 пушки. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 29 сентября 1778 г. на Новопехорской верфи, спущен 14 апреля 1779 г. Строитель И. Афанасьев. Весной 1782 г. на камелях переведен через бар р. Дон и прибыл в Таганрог. 3 октября перешел в Еникале. 2 мая 1782 г. прибыл в Ахтиарскую бухту. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. 8 сентября у м. Калиакрия эскадра попала в сильный шторм. В ночь на 9 сентября фрегат пропал без вести.

«Девятый» (с 1783 г. «Поспешный»). 44 пушки. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 13 сентября 1778 г. на Новопехорской верфи, спущен 15 апреля 1779 г. Строитель И. Афанасьев. Весной 1782 г. на камелях переведен через бар р. Дон и прибыл в Таганрог. В сентябре 1782 г. перешел в Керчь. 2 мая 1782 г. прибыл в Ахтиарскую бухту. С 1786 г. стоял в Севастополе, поскольку считался негодным к плаванию. В августе 1787 г. поставлен у входа в Севастопольскую бухту в качестве батареи. Разобран после 1790 г.

«Одиннадцатый» (с 1783 г. «Храбрый»). 44 пушки. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 18 января 1778 г. на Гнилотонской верфи, спущен 19 апреля 1779 г. Строитель О. Матвеев. В 1782 г. крейсировал у берегов Крыма. 17 ноября пришел в Ахтиарскую бухту, где остался на зимовку. С 1784 г. стоял в Севастополе, поскольку считался негодным к плаванию. В сентябре 1787 г. с фрегата были сняты мачты для ремонта других судов. Разобран после 1788 г.

«Двенадцатый» (с 1783 г. «Стрела», с 1788 г. «Иоанн Воинственник»). 44/40 пушек. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 24 июля 1778 г. на Гнилотонской верфи, спущен 26 августа 1782 г. Строители О. Матвеев и Юхарин. Весной 1783 г. пришел с Дона в Таганрог. 13 июля прибыл в Ахтиарскую бухту. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. В шторм разлучился с эскадрой и 21 сентября вернулся в Севастополь. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. В 1788 г. переделан в «новоизобретенный» фрегат с увеличением калибра орудий до 18 фн. 16 мая 1790 г. в составе эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя к Синопу, 5 июня вернулся в Севастополь. 28 августа 1790 г.

участвовал в сражении у о. Тендра. 8 сентября вернулся в Севастополь. Использовался как транспорт, нес только 6 – 6-фн пушек. Весной 1791 г. отправлен в Херсон. Разобран после 1792 г.

«Тринадцатый» (с 1783 г. «Победа», с 1788 г. «Матвей Евангелист»). 44 пушки. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 24 июля 1778 г. на Гнилотонской верфи, спущен в 1782 г. Строители О. Матвеев и Юхарин. В 1782 г. пришел с Дона в Таганрог, а затем в Керчь. 13 июля прибыл в Ахтиарскую бухту. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контрадмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. В шторм разлучился с эскадрой и 21 сентября вернулся в Севастополь. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. В 1788 г. переделан в «новоизобретенный» фрегат с увеличением калибра орудий до 18 фн. В 1790 г. стоял в Севастополе. Разобран после 1791 г.

«Четырнадцатый» (с 1783 г. «Перун», с 1788 г. «Святой Амвросий Мерисланский»). 44/40 пушек. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен 26 февраля 1779 г. на Гнилотонской верфи, спущен 4 апреля 1783 г. Строители О. Матвеев и Юхарин. 11 мая 1783 г. пришел с Дона в Таганрог, 14 июля прибыл в Ахтиарскую бухту. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. В шторм разлучился с эскадрой и 21 сентября вернулся в Севастополь. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. В 1788 г. переделан в «новоизобретенный» фрегат с увеличением калибра орудий до 18 фн. 16 мая 1790 г. в составе эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя в Синоп, куда прибыл 21 мая. Обстреляв турецкие батареи и суда, 25 мая ушел от Синопа и 29 мая прибыл к Анапе, обстрелял крепость и 5 июня прибыл в Севастополь. 28 августа 1790 г. участвовал в сражении у о. Тендра. 8 сентября вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил, так как считался ветхим. В 1791 г. обращен под магазин.

«Пятнадцатый» (с 1783 г. «Легкий», с 1788 г. «Кирилл Белоозерский»). 40 пушек. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен на Гнилотонской верфи, спущен в 1783 г. Строитель О. Матвеев. Весной 1783 г. пришел с Дона в Таганрог, а затем в Керчь. 29 июля 1783 г. вышел из Керчи в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–

1791 г. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. В шторм разлучился с эскадрой и вернулся в Севастополь. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. В 1788 г. переделан в «новоизобретенный» фрегат с увеличением калибра орудий до 18 фн. 28 августа 1790 г. участвовал в сражении у о. Тендра. 8 сентября вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил, так как считался ветхим. В 1791 г. переделан в кран для установки мачт.

«Шестнадцатый» (с 1783 г. «Скорый», с 1788 г. «Федот Мученик»). 44/40 пушек. Длина 39 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен на Гнилотонской верфи, спущен 4 мая 1783 г. Строитель О. Матвеев. Летом 1783 г. перешел с Дона в Таганрог. 22 августа ушел из Таганрога в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 17 июня 1788 г. участвовал в сражении с турецким флотом у Очакова. 20 июля ушел к Глубокой Пристани для переоборудования в «новоизобретенный» фрегат с увеличением калибра орудий до 18 фн. 20 марта 1789 г. при движении льда в Днепровском лимане был вынесен на мель. 4 апреля фрегат удалось снять с мели и отправить на ремонт в Херсон. После ремонта в августе 1790 г. присоединился к эскадре контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова у о. Тендра.

«Григорий Богослов» (до 1788 г. «Бористен»). Заложен на верфи в Херсоне как торговое судно, спущен в 1781 г. В 1788 г. в Херсоне был переделан в «новоизобретенный» фрегат. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 7 и 17 июня 1788 г. в составе эскадры Поля Джонса участвовал в сражениях с турецким флотом у Очакова. Разобран после 1791 г.

«Иоанн Златоуст» (до 1788 г. «Таганрог»). В 1788 г. был переделан в «новоизобретенный» фрегат из торгового судна «Таганрог». Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 7 и 17 июня 1788 г. в составе эскадры Поля Джонса участвовал в сражениях с турецким флотом у Очакова. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. Осенью 1788 г. был затерт льдами в Днепровском лимане, получил пробоины и затонул.

«Григорий Великия Армении» (до 1788 г. «Пчела»). Построен в 1782 г. в Херсоне как торговое судно. В 1788 г. был переделан в «новоизобретенный» фрегат. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 17 июня 1788 г. в составе эскадры Поля Джонса участвовал в сражении с

турецким флотом у Очакова. 29 августа 1790 г. вышел из лимана и у Гаджибея присоединился к эскадре Ушакова, вместе с ней 8 сентября прибыл в Севастополь. В 1791 г. был брандвахтой на Севастопольском рейде.

«Антоний» (до 1788 г. пинк № 1). Длина 40 м. Ширина 9,9 м. Осадка 3,7 м. Заложен на Гнилотонской верфи как пинк, спущен в 1784 г. В 1788 г. был переделан в «новоизобретенный» фрегат. В 1788–1790 гг. находился в Севастополе. В октябре 1790 г. перешел в Днепровский лиман к Глубокой Пристани. 7 марта 1791 г. креновался у Глубокой Пристани. Во время обжига подводной части загорелось днище и фрегат сгорел.

«Феодосий» (до 1788 г. пинк № 2). Длина 40 м. Ширина 9,9 м. Осадка 3,7 м. Заложен на Гнилотонской верфи как пинк, спущен в 1784 г. В 1788 г. был переделан в «новоизобретенный» фрегат. В 1788 г. находился в Севастополе.

«Святой Георгий Победоносец». 50 пушек. Длина 46,7 м. Ширина 12,8 м. Осадка 4,3 м. Заложен 28 декабря 1784 г. на верфи в Херсоне, спущен 16 июня 1785 г. Строитель С. Афанасьев. С 1788 г. по 1793 г. числился кораблем. 4 октября 1787 г. пришел из Херсона в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. В шторм получил повреждения и 30 сентября вернулся в Севастополь. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. 16 мая 1790 г. в составе эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя в Синоп, куда прибыл 21 мая. Обстреляв турецкие батареи и суда, 25 мая ушел от Синопа и 29 мая прибыл к Анапе, участвовал в обстреле крепости. 5 июня вернулся в Севастополь. 28 августа 1790 г. участвовал в сражении у о. Тендра. 8 сентября вернулся в Севастополь. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил. Разобран после 1800 г.

Вооружение на 1792 г.: 24 – 24-фн чугунные пушки, 2 – 24-фн медные пушки, 2 – 1-пуд. медных единорога; на шканцах и баке: 20 – 6-фн чугунных пушек, 2 – 18-фн медных единорога.

«Апостол Андрей». 50 пушек. Длина 47 м. Ширина 13 м. Осадка 4,6 м. Заложен 1 марта 1785 г. на Херсонской верфи, спущен 13 апреля

1786 г. Строитель С. Афанасьев. В 1786 г. перешел из Херсона в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 31 августа 1787 г. в составе эскадры контр-адмирала М. И. Войновича вышел из Севастополя на поиск турецких судов. В шторм получил повреждения и 21 сентября вернулся в Севастополь. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. 28 августа 1790 г. участвовал в сражении у о. Тендра. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил. В 1800 г. переделан в кран для установки мачт.

Вооружение: на деке: 26 – 24-фн пушек, 2 – 1-пуд. медных единорога; на шканцах и баке: 20 – 6-фн пушек и 2 – 18-фн медных единорога.

«Покров Богородицы» (до 1788 г. «Кинбурн»). 40 пушек. Длина 40 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен на Гнилотонской верфи, спущен в 1786 г. В 1787 г. перешел с Дона в Таганрог, затем в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. 28 августа 1790 г. участвовал в сражении у о. Тендра. 8 сентября вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил. Признан ветхим и обращен в киленбанк.

«Лука Евангелист» (до 1788 г. «Берислав»). 40 пушек. Длина 40 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен на Гнилотонской верфи, спущен в 1786 г. В 1787 г. перешел с Дона в Таганрог, затем в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. С 1790 г. в море не выходил, стоял в Севастополе для защиты порта. В декабре 1790 г. разобран.

«Преподобный Нестор» (до 1788 г. «Фанагория»). 40 пушек. Длина 40 м. Ширина 10,2 м. Осадка 3,6 м. Заложен на Гнилотонской верфи, спущен в 1786 г. В 1787 г. перешел с Дона в Таганрог, затем в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 3 июля 1788 г. участвовал в сражении у Фидониси. В 1791 г. обращен в бомбардирское судно и перевооружен. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны.

20 августа вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил. Разобран после 1795 г.

Вооружение: на деке: 24 – 12-фн чугунные пушки; на шканцах и баке: 2 – 8-фн пушки, 10 – 6-фн чугунных пушек, 4 – 18-фн медных единорога. С 1791 г.: 2 – 5-пуд. мортиры, 4 – 24-фн пушки.

«Сергей Чудотворец» (до 1788 г. катер № 2). 20 пушек. Переделан в 1788 г. в «новоизобретенный» фрегат из катера № 2, построенного на Хоперской верфи. В 1789 г. перешел из Хопра в Таганрог. В 1790 г. находился в Таганроге.

«Александр Невский». 50 пушек. Длина 47 м. Ширина 13 м. Осадка 4,7 м. Заложен 1 августа 1785 г. на Херсонской верфи, спущен 15 мая 1787 г. Строитель С. Афанасьев. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 17 июня 1788 г. участвовал в сражении в Лимане, где находился до сентября 1789 г. 29 сентября 1789 г. прибыл в Севастополь. 16 мая 1790 г. в составе эскадры контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя в Синоп, куда прибыл 21 мая. Обстреляв турецкие батареи и суда, 25 мая ушел от Синопа и 29 мая прибыл к Анапе, участвовал в обстреле крепости. 5 июня вернулся в Севастополь. 28 августа 1790 г. участвовал в сражении у о. Тендра. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия. Участвовал в войне с Францией 1798–1800 гг. 7 сентября 1799 г. с войсками на борту вышел из Одессы в Средиземное море, 14 ноября прибыл в Корфу, высадил войска и ушел в Николаев.

Вооружение на 1790 г.: на деке: 22 – 24-фн чугунные пушки, 2 – 24-фн медные пушки, 4 – 1-пуд. медных единорога; на шканцах и баке: 2 – 18-фн медные пушки, 12 – 12-фн чугунных пушек, 2 – 12-фн медные пушки и 4 – 18-фн медных единорога. К апрелю 1798 г. вооружение дека оставалось без изменений, а на шканцах было только 18 – 6-фн чугунных пушек.

«Петр Апостол». 46 пушек. Длина 43,6 м. Ширина 13,1 м. Осадка 4 м. Заложен 23 декабря 1783 г. на верфи в Рогожских хуторах, спущен 10 августа 1788 г. Строитель И. Должников. В 1789 г. перешел из Таганрога в Керчь, а затем в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг., в т. ч. 28 августа 1790 г. в сражении у о. Тендра, 31 июля 1791 г. в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. Больше в море не выходил. Разобран после 1799 г.

Вооружение: на деке: 24 – 30-фн чугунные пушки; на шканцах и баке 22 – 12-фн чугунные пушки.

«Иоанн Богослов». 46 пушек. Длина 43,6 м. Ширина 13,1 м. Осадка 4 м. Заложен 23 декабря 1783 г. на верфи в Рогожских Хуторах, спущен 10 августа 1788 г. Строитель И. Должников. В 1789 г. перешел из Таганрога в Керчь, а затем в Севастополь. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг.,

в т. ч. 28 августа 1790 г. в сражении у о. Тендра, 31 июля 1791 г. в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. В 1792 г. и 1793 г. находился на Севастопольском рейде для обучения экипажа. Осенью 1794 г. пришел в Николаев для разборки. 11 ноября 1794 г. в кюйт-камере из-за неосторожного обращения с огнем загорелся порох, и фрегат сгорел.

Вооружение: на деке: 24 – 30-фн чугунные пушки; на шканцах и баке 19 – 12-фн чугунных пушек, 1 – 18-фн медная мушка, 3 – 18-фн единорога.

«Царь Константин». 46 пушек. Длина 43,6 м. Ширина 13,1 м. Осадка 4 м. Заложен 12 июля 1788 г. на верфи в Рогожских Хуторах, спущен 27 июня 1789 г. Строители И. Иванов и А. Катасанов. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 2 августа 1790 г. вышел из Таганрога, 15 августа прибыл в Еникале, а 1 октября пришел в Севастополь. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. В 1796 г. перевозил грузы из Евпатории в Одессу. В ноябре 1796 г. на пути в Севастополь попал в шторм, получил повреждения, ветром был отнесен к Босфору, зашел в Константинополь, где и зимовал. 27 марта 1797 г. вышел из Константинополя и 16 апреля прибыл в Севастополь. 24 сентября 1798 г. во главе резервной эскадры контр-адмирала И. Т. Овцына вышел из Севастополя в крейсерство у берегов Крыма. 11 октября у Балаклавы попал в сильный шторм, получил повреждения, 14 октября был отнесен к устью Дуная и там разбился.

Вооружение: на деке: 24 – 30-фн чугунные пушки; на шканцах и баке 22 – 12-фн чугунные пушки.

«Святой Марк». Длина 46,6 м. Ширина 9,75 м. Осадка 3,2 м. Бывшая турецкая галера «Макропля», взятая в Днепровском лимане 1 июля 1788 г. эскадрой Нассау-Зигена. Галера имела 50 пар весел и была вооружена 1 – 36-фн и 4 – 12-фн пушками. В конце 1789 г. – начале 1790 г. переделана в Херсоне во фрегат, получивший название «Св. Марк». В 1792–1800 гг. стояла в Севастопольском порту, в море не выходила.

Вооружение на 1790 г.: 10 – 18-фн пушек, 14 – 12-фн пушек, 8 – 4-фн пушек. К 1792 г.: на деке: 22 – 12-фн пушки, 2 – 1-пуд. единорога; на шканцах и баке: 12 – 4-фн пушек.

«Федор Стратилат». 46 пушек. Длина 43,6 м. Ширина 13,1 м. Осадка 4 м. Заложен в конце 1788 г. на верфи в Рогожских Хуторах, спущен 9 апреля 1790 г. Строители И. Иванов и А. Катасанов. Участвовал в войне с

Турцией 1787–1791 гг. 1 октября 1790 г. пришел из Таганрога в Севастополь. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. 24 сентября 1798 г. во главе резервной эскадры контр-адмирала И. Т. Овцына вышел из Севастополя в крейсерство у берегов Крыма. 11 октября у Балаклавы попал в сильный шторм, получил повреждения, 13 октября был отнесен к устью Дуная и там разбился.

«Навархия, Вознесение Господне». 46 пушек. Длина 43,3 м. Ширина 13 м. Осадка 4,4 м. Заложен 16 ноября 1789 г. на Херсонской верфи, спущен 23 апреля 1790 г. Строитель А. Катасанов. До 1793 г. числился кораблем. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг. 29 августа 1790 г. вышел из Херсона, у о. Тенда присоединился к эскадре контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова и вместе с эскадрой 8 сентября прибыл в Севастополь. 31 июля 1791 г. участвовал в сражении у м. Калиакрия, затем крейсировал у Варны. 20 августа вернулся в Севастополь. Участвовал в войне с Францией 1798–1800 гг. 13 августа 1798 г. в составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова вышел из Севастополя в Средиземное море, 24 августа прибыл в Буюк-дере. 25 апреля 1802 г. фрегат вернулся в Севастополь.

Вооружение: на деке: 20 – 24-фн пушек, 4 – 1-пуд. единорога; на шканцах и баке: 12 – 18-фн пушек, 4 – 12-фн пушки, 4 – 6-фн пушки. Все орудия фрегата на 1790–1798 гг. медные.

Бомбардирские суда

2 «новоизобретенных» корабля 3-го рода. 11 пушек. Длина 18 м. Ширина 5,2 м. Осадка 1,83 м. 1 мачта. Команда 60 чел. Вооружение: 1 – 2-пуд. мортира, 2 – 1-пуд. гаубицы, 8 – 12-фн пушек.

Первый. Заложен в сентябре 1769 г. на Икорецкой верфи, спущен 22 марта 1770 г. 22 июня прибыл в Таганрог. 18 мая 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина вышел из Таганрога и 25 мая прибыл к Петровской крепости. 29 мая во время сильного шторма затонул.

Второй. Заложен в сентябре 1769 г. на Новопавловской верфи, спущен 26 марта 1770 г. 26 июня прибыл в Таганрог. Участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. 18 мая 1771 г. в составе эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина вышел из Таганрога и 25 мая прибыл к Петровской

крепости. В 1772 г. находился с эскадрой в Керченском проливе, в июле – августе 1773 г. крейсировал в Черном море у Суджук-Кале. В 1775–1778 гг. был брандвахтой в Таганроге, Керчи и в устье Кубани.

«Страшный». 14 пушек. Длина 29 м. Ширина 8,2 м. Осадка 3,35 м. Заложен 4 октября 1778 г. на Хоперской верфи, спущен 13 апреля 1779 г. В 1784 г. перешел из Таганрога в Севастополь. В августе 1787 г. был поставлен у входа в Севастопольскую бухту как плавбатарей. Разобран после 1791 г.

Вооружение: 2 – 5-пуд. мортиры, 2 – 3-пуд. гаубицы, 10 – 8-фн пушек.

№ 1. 8 пушек. Длина 22,9 м. Ширина 5,8 м. Осадка 1,4 м. Обращен в бомбардирскую батарею (в некоторых документах – плавбатарей) в 1787 г. из транспортного судна, построенного на Днестре в 1785 г. для путешествия Екатерины II по Днестру. В 1788 г. в составе гребной флотилии контр-адмирала принца Нассау-Зигена участвовал в боевых действиях в Днестровском лимане.

№ 2. 7 пушек. Длина 21,3 м. Ширина 5,8 м. Осадка 1,4 м. Обращен в бомбардирскую батарею (в некоторых документах – плавбатарей) в 1787 г. из транспортного судна, построенного на Днестре в 1785 г. для путешествия Екатерины II по Днестру. В 1788 г. в составе гребной флотилии контр-адмирала принца Нассау-Зигена участвовал в боевых действиях в Днестровском лимане.

«Константин». 8 пушек. Длина 25,6 м. Ширина 7,3 м. Осадка 2,7 м. Заложен в Марселе, спущен в 1777 г. Куплен в 1788 г.

«Святой Петр» (до 1788 г. «Тарантул»). Длина 24,4 м. Ширина 7,3 м. Осадка 3,35 м. Заложен как галиот на Дону, спущен в 1780 г. Осенью 1788 г. у Глубокой Пристани переоборудован в бомбардирское судно.

«Алексей» (до 1788 г. «Верблюд»). Длина 24,4 м. Ширина 7,3 м. Осадка 3,35 м. Заложен как галиот на Дону, спущен в 1780 г. Осенью 1788 г. у Глубокой Пристани переоборудован в бомбардирское судно.

«Иона» (до 1788 г. «Темерик»). Длина 24,4 м. Ширина 7,3 м. Осадка 3,35 м. Заложен как галиот на Дону, спущен в 1780 г. Осенью 1788 г. у Глубокой Пристани переоборудован в бомбардирское судно.

«Филипп» (до 1788 г. «Цапля»). Длина 24,4 м. Ширина 7,3 м. Осадка 3,35 м. Заложен как галиот на Дону, спущен в 1780 г. Осенью 1788 г. у Глубокой Пристани переоборудован в бомбардирское судно.

«Никита Мученик» (до 1788 г. «Почталион»). 28 пушек. Длина 29 м. Ширина 8,2 м. Осадка 2,6 м. Заложен в Таганроге как фрегат «Почталион», спущен в 1871 г. В 1788 г. переоборудован в бомбардирское судно. В 1788–1791 гг. был брандвахтой в Севастополе. Разобран после 1791 г.

«Архангел Гавриил» (до 1788 г. «Вестник»). Длина 30,5 м. Ширина 8,7 м. Осадка 2,9 м. Заложен в Таганроге как фрегат «Вестник», спущен в 1781 г. В 1788 г. переоборудован в бомбардирское судно. В 1788–1791 гг. находился в Севастополе. Разобран после 1791 г.

«Святой Иероним» (до 1788 г. «Таганрог»). 34 пушки. Длина 39 м. Ширина 10,4 м. Осадка 3,35 м. Заложен в 1784 г. на Гнилотонской верфи, спущен 7 марта 1785 г. В 1788 г. обращен в бомбардирское судно. Первоначально числился фрегатом и имел вооружение: дек: 24 – 12-фн чугунные пушки, шканцы и бак: 2 – 8-фн чугунные пушки, 10 – 6-фн чугунных пушек, 4 – 18-фн медных единорога. С 1788 г.: 2 – 5-пуд. мортиры, 4 – 24-фн пушки, 4 – 18-фн пушки, 14 – 12-фн пушек, 12 – 6-фн пушек.

«Спиридон Тримикийский» (до 1788 г. «Битюг»). Длина 21,3 м. Ширина 5,8 м. Осадка 2,7 м. Заложен на Новопавловской верфи как бот, спущен в 1774 г. В 1788 г. обращен в бомбардирское судно. В 1789–1791 гг. находился в Днепровском лимане. Разобран после 1791 г.

Вооружение: 2 – 3-пуд. гаубицы, 4 – 18-фн пушки.

«Рождество Богородицы». 8 пушек. Длина 25,8 м. Ширина 6,9 м. Осадка 4 м. Куплен в 1788 г. как транспорт, обращен в бомбардирское судно. Участвовал в войне с Турцией 1787–1791 гг., в т. ч. в сражении у о. Тендра 28 и 29 августа 1790 г., в сражении у м. Калиакрия 31 июля 1791 г. В 1792–1797 гг. находился в Севастополе. В 1797 г. обращен в транспорт и разоружен.

«Никон». Длина 33,8 м. Ширина 12,4 м. Осадка 5,2 м. Заложен в 1788 г. на Хоперской верфи, спущен в 1789 г. В 1790 г. пришел в Таганрог, а

в июне 1791 г. – в Севастополь. После окончания войны с Турцией 1787–1791 гг. с судна сняли тяжелые орудия и использовали как транспорт.

«Сергий». Длина 35,1 м. Ширина 13,1 м. Осадка 3,4 м. Заложен в 1788 г. на Хоперской верфи, спущен в 1789 г. В 1790 г. пришел в Таганрог, а в июне 1791 г. – в Севастополь. После окончания войны с Турцией 1787–1791 гг. с судна сняли тяжелые орудия и использовали как транспорт.

«Новопавловск». 15 пушек. Длина 20,1 м. Ширина 5,6 м. Осадка 2,5 м. Заложен в 1788 г. на Новопавловской верфи, спущен в 1789 г. Строитель С. Афанасьев. В 1789 г. пришел в Таганрог. В 1790–1803 гг. ходил в плавания в Азовское море, был брандвахтой в Керчи и Таганроге. Разобран в Таганроге в 1804 г.

Шхуны

«Измаил». Длина 27,4 м. Ширина 7,7 м. Осадка 3,5 м. Заложена 6 июня 1772 г. на Дунае, спущена 14 марта 1773 г. Названа в память о взятии турецкой крепости Измаил русскими войсками 26 июля 1770 г. Участвовала в войне с Турцией 1768–1774 гг. Весной 1775 г. была брандвахтой в Днепровском лимане, препятствовала выходу в море запорожским казакам. Осенью пришла в Таганрог. В 1776 г. ходила в Константинополь. В 1781 г. тимберована в Таганроге. В 1783–1785 гг. была брандвахтой в Феодосии. В июле 1787 г. доставила в Константинополь действительного статского советника Я. И. Булгакова, на переходе получила повреждения и осталась для ремонта. После объявления войны была задержана турками, команда и командир посажены в тюрьму, где командир П. И. Борисов умер 5 июля 1789 г.

Вооружение: первоначальное: 12 – 6-фн пушек. На 1784 г.: 18 – 6-фн пушек.

«Вячеслав». Длина 27,4 м. Ширина 7,7 м. Осадка 3,5 м. Заложена 26 мая 1772 г. на Дунае, спущена 5 марта 1773 г. Участвовала в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае – июне 1773 г. выходила в крейсерство в Черное море. Тимберована в Таганроге в 1780 г. В 1787 г. была брандвахтой в Севастополе.

Вооружение: первоначальное: 12 – 6-фн пушек. На 1784 г.: 18 – 6-фн пушек.

«Победослав Дунайский». Длина 27,4 м. Ширина 7,7 м. Осадка 3,5 м. Заложена 26 мая 1772 г. на Дунае, спущена 2 декабря 1772 г. Участвовала в войне с Турцией 1768–1774 гг. В мае – июне 1773 г. выходила в крейсерство в Черное море. Тимберована в Таганроге в 1780 г. В 1784–1787 гг. была брандвахтой в Козлове. Участвовала в войне с Турцией 1787–1791 гг. В 1788 г. крейсировала в Черном море, 3 июля 1788 г. участвовала в сражении у Фидониси.

Вооружение первоначальное: 12 – 6-фн пушек, к 1784 г.: 18 – 6-фн пушек.

«Браилов». Заложена 6 июня 1772 г. на Дунае, спущена 14 апреля 1773 г. Названа в память о взятии турецкой крепости Браилов русскими войсками 10 ноября 1770 г. Участвовала в войне с Турцией 1768–1774 гг., в мае – июне 1773 г. крейсировала в Черном море. В ноябре 1774 г. в составе Дунайской флотилии бригадира графа Билана вышла из Измаила для перехода в Керчь, но из-за шторма пошла к Очакову. 19 января 1775 г. на Очаковском рейде ночью была сорвана льдами с якоря и унесена в море. 30 января шхуну прибило к устью Днестра у Аккермана и выбросило на мель, шхуна разбилась.

Вооружение: первоначальное: 12 – 6-фн пушек. На 1784 г.: 18 – 6-фн пушек.

Без названия. 8 пушек. Длина 21 м. Ширина 6,3 м. Осадка 2,3 м. Заложена на Дунае, спущена в 1788 г.

«Курьер». Заложена на Гнилотонской верфи, спущена в 1783 г. В 1784–1786 гг. находилась в Севастополе. В 1787 г. была брандвахтой в Козлове.

Вооружение: 12 – 3-фн орудий, 4 фальконета.

«Сокол». Заложена на Гнилотонской верфи, спущена в 1783 г. В 1786 г. была брандвахтой в Керчи. Участвовала в войне с Турцией 1787–1791 гг. В 1790 г. в составе отряда находилась в Севастополе для защиты порта и рейда во время выхода эскадры в море.

Вооружение: 12 – 3-фн орудий, 4 фальконета.

Крейсерские (корсарские) суда

«Абельгаж». 14 пушек. Длина 24,4 м. Ширина 7,45 м. Осадка 2,8 м. Куплено в 1787 г. В 1793–1800 гг. использовалось как транспортное судно.

«Святой Николай». Длина 21,8 м. Ширина 6,8 м. Осадка 2,7 м. Приведено из Средиземного моря греками. Куплено в 1787 г. В 1792–1798 гг. использовалось как транспортное судно.

«Принцесса Елена». 16 пушек. Длина 22,7 м. Ширина 8,4 м. Осадка 3,1 м. Куплено в 1787 г. 10 марта 1797 г. разбито штормом на Одесском рейде.

«Панагия Попанди». Длина 19,» м. Ширина 9,15 м. Осадка 2,7 м. Куплено в 1787 г. Разбилось в Одессе в 1797 г.

«Феникс». 12 пушек. Длина 24,4 м. Ширина 7,3 м. Осадка 2,9 м. Парусное вооружение бригантины. Куплено в 1787 г. 22 ноября 1798 г. прибыло на Корфу. Осенью 1799 г. отправлено на Черное море. Разобрано в Николаеве осенью 1803 г.

«Панагия ди Дусено». Длина 20,7 м. Ширина 6,4 м. Осадка 2,7 м. Приведено из Средиземного моря греками. Куплено в 1787 г. Вооружено в Севастополе в 1788 г.: 10 – 4-фн пушек, 4 – 3-фн фальконета. В 1798 г. было брандвахтой в Севастополе.

«Принц Александр». 14 пушек. Длина 21,9 м. Ширина 8,5 м. Осадка 3,8 м. Приведено из Средиземного моря греками. Куплено в 1787 г. Разобрано в Таганроге в 1804 г.

«Донай». 6 пушек. Длина 21,8 м. Ширина 7 м. Осадка 2,7 м. Куплено в 1787 г.

«Березань». 6 пушек. Длина 23,8 м. Ширина 7 м. Осадка 3 м. Куплено в 1787 г. 23 января 1798 г. разбилось о камни у Артиллерийской бухты в Севастополе.

«Симферополь». Куплено в 1787 г.

«Панагия Калигати». Куплено в 1787 г.

«Святая Параскева». Куплено в 1787 г.

«Святой Александр». Длина 22,7 м. Ширина 6,8 м. Осадка 2,3 м. Куплено в 1787 г.

«Богородица Псковская». Куплено в 1787 г.

«Панагия Турлени». Длина 22,1 м. Ширина 6,9 м. Осадка 3,2 м. Куплено в 1787 г.

«Александр». Длина 18,3 м. Ширина 7 м. Осадка 3 м. Куплено в 1787 г.

«Полоцк». Длина 23,2 м. Ширина 7,6 м. Осадка 3,4 м. В некоторых документах именовалось репетичным судном. Куплено в 1788 г. у греческих купцов. В декабре 1799 г. вышло из Николаева в Средиземное море с припасами для эскадры Ушакова, но в Босфор не вошло. Считается пропавшим без вести.

Вооружение: 14 – 6-фн чугунных пушек.

«Святая Анна»

«Пчела». Яхта.

«Климент папа Римский». Куплено в 1789 г. Парусное вооружение брига.

«Панагия Аптоменгане». 14 пушек. Иногда именовалось киргангичем. Участвовало в походе Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море в 1798–1799 гг.

«Князь Потемкин Таврический». Бывшее турецкое судно. Захвачено в 1787 г. Л. Качиони в Черном море. Казной не покупалось. К 1813 г. все еще было в строю.

«Рождество Богородицы». 4 – 4-фн чугунные пушки.

«Карло-Константин». Куплено в 1787 г.

«Кеко-Тавро». Куплено в 1787 г.

«Кондуктор». Куплено в 1787 г. 16 февраля 1790 г. взорвалось в Севастополе, подожженное матросом судна.

«Панагия Аптогрилии». Длина 18,1 м. Ширина 6,7 м. Осадка 2,4 м. Куплено в 1787 г.

«Панагия Аптокофора». Куплено в 1787 г.

«Святой Андрей». 4 пушки. Длина 22,9 м. Ширина 6,9 м. Осадка 2,3 м. Приведено греками из Средиземного моря. Куплено в 1787 г. Разобрано в Таганроге в 1804 г.

«Святой Николай» (малый). Длина 16,9 м. Ширина 7 м. Осадка 2,4 м. Приведено греками из Средиземного моря. Куплено в 1787 г. Разобрано в Николаеве в 1804 г.

«Святой Николай» (большой). Длина 21,8 м. Ширина 6,9 м. Осадка 2,7 м. Приведено греками из Средиземного моря. Куплено в 1787 г. В 1788 г. разбилось в шторм.

«Святая Татьяна». Куплено в 1787 г.

«Георгий Победоносец». Куплено в 1788 г.

«Красноселье». Длина 21,4 м. Ширина 6,6 м. Осадка 2,6 м. Куплено в 1788 г. 13 августа 1798 г. отправилось в Средиземное море с эскадрой Ф. Ф. Ушакова. Окончательно вернулось на Черное море в 1800 г. Разобрано в Николаеве в 1804 г.

«Магилети». 4 пушки. Длина 21,7 м. Ширина 6,7 м. Осадка 3,7 м. Парусное вооружение брига. Куплено в 1788 г. Плавало до 1805 г.

«Надежда Благополучия». Куплено в 1788 г.

«Святой Спиридон». Куплено в 1788 г. В 1793 г. было брандвахтой в Николаеве.

«Слава Святого Георгия». Куплено в 1788 г.

«Граф Северный». Куплено в 1789 г. Названо в честь цесаревича Павла.

«Лифартун». Длина 19,5 м. Ширина 6 м. Осадка 2,6 м. Куплено в 1789 г. 8 мая 1791 г. затонуло в Таганрогском порту из-за гнилости корпуса.

«Дмитрий Солукский». Длина 21,4 м. Ширина 7,6 м. Осадка 2,9 м. Куплено в 1789 г.

«Почталион». Куплено в 1789 г.

«Святой Василий». Длина 21,4 м. Ширина 6,1 м. Осадка 3,2 м. Куплено в 1789 г.

Полакры «Патмос». Длина 27,5 м. Ширина 6,6 м. Осадка 4,3 м. Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг. В 1775 г. перешла из порта Ауза в Таганрог. Тимберована в Таганроге в 1779 г. Весной 1783 г. в составе эскадры перешла из Керчи в Ахтиарскую бухту.

Вооружение: 20 – 4-фн пушек, 4 – 1-фн фальконета.

«Святая Екатерина». Длина 22,3 м. Ширина 6,6 м. Осадка 3 м. Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг. В 1775 г. перешла из порта Ауза в Таганрог. Тимберована в Таганроге в 1779 г. Весной 1783 г. в составе эскадры перешла из Керчи в Ахтиарскую бухту. В 1784–1786 гг. была брандвахтой в Таганроге.

Вооружение: 14 – 3-фн пушек, 4 – 1-фн фальконета.

«Модон». Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг.

«Ауза». Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг.

«Лютра». Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг.

«Святой Иоанн Богослов». Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг.

№ 53. Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг. В 1775 г. перешла из порта Ауза в Керчь. 22 октября 1776 г. на пути из Еникале в Петровскую крепость на восточном берегу Керченского пролива села на мель и была разбита волнами.

№ 55. Длина 22,6 м. Ширина 6,5 м. Осадка 3 м. Участвовала в боевых действиях в Архипелаге в 1771–1773 гг. В 1775 г. перешла из порта Ауза в Керчь. Тимберована в Таганроге в 1779 г.

Вооружение: 14 – 3-фн пушек, 4 – 1-фн фальконета.

Прамы

№ 3 «Лебедь». 44 пушки. Длина 32 м. Ширина 9,45 м. Команда 283 чел. Заложен в 1738 г. на Икорецкой верфи, спущен в апреле 1769 г. В 1769 г. перешел с верфи в Азов. Разобран после 1771 г.

Вооружение: 20 – 24-фн пушки, 22 – 8-фн пушки; 2-х ярусные батареи.

№ 4 «Елена». 44 пушки. Длина 32 м. Ширина 9,45 м. Команда 283 чел. Заложен в 1738 г. на Икорецкой верфи, спущен в апреле 1769 г. В 1769 г. перешел с верфи в Азов. Разобран после 1771 г.

Вооружение: 20 – 24-фн пушки, 22 – 8-фн пушки; 2-ярусные батареи.

№ 5 «Троил». 44 пушки. Длина 32 м. Ширина 9,45 м. Команда 283 чел. Заложен в 1738 г. на Икорецкой верфи, спущен в апреле 1769 г. В 1769 г. перешел с верфи в Азов. Разобран после 1771 г.

Вооружение: 20 – 24-фн пушки, 22 – 8-фн пушки; 2-ярусные батареи.

Плавбатареи

№ 1. В 1787 г. переоборудована из транспортного судна. 1 октября 1787 г. пришла к Кинбурну и вошла в состав эскадры контр-адмирала Н. С. Мордвинова. Утром 4 октября плавбатарея под командой капитана 2-го ранга А. Е. Веревкина оказалась окруженной турецкой эскадрой. Плавбатарея храбро отбивалась от неприятеля, но тут ее подвела собственная артиллерия. На левом борту одна за другой разорвались две пушки, убив и ранив около 30 чел. прислуги. Позже Веревкин с горечью

напишет о качестве своих орудий: «Что же принадлежит до артиллерии, то я удивляюсь, коим образом она принята с заводов, и кажется, что она без пробы принята, в рассуждении, что при разрыве пушки оказался чугун как с грязью дресва; что же принадлежит до единорогов, которыми я оборонялся... только стволы короткие, так что при каждом выстреле единорог опрокидывался через задние колеса...». Тем не менее плавбатарея прошла вдоль линии турецких кораблей и вышла из Лимана в Черное море. Два турецких фрегата и четыре галеры устремились в погоню за тихоходной и неповоротливой плавбатареей. После перестрелки плавбатарея была вынуждена выброситься на берег, где была захвачена турецкой конницей.

5 батарей (№ 1–5). 8/10 пушек. Длина 23,62 м. Ширина 6,4 м. Осадка 1,35 м. Заложены на Днепре, спущены в 1785 г. В 1787 г. обращены в батареи из транспортных судов, построенных для путешествия по Днепру Екатерины II. В составе гребной флотилии контр-адмирала принца Нассау-Загена участвовали в сражении с турецким флотом под Очаковым 17–18 июня 1788 г. В 1789 г. находились в Днепровском лимане. В 1790 г. перетимберованы в транспорты.

Список использованной литературы

Адмирал Ушаков. Том I / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военмориздат, 1951.

Андреев А. Р. История Крыма. М.: Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатонадзора России, 1997.

Байрон Джордж Гордон. Избранное. М.: Правда, 1985.

Балязин В. Самодержцы. Любовные истории царского дома. В 2 кн. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Балязин В. Семейная хроника. Сокровенные истории Дома Романовых. М.: АРМАДА, 1997.

Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М.: Культура, 1991.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х томах. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994.

Валишевский К. Царство женщин. М.: СП «ИКПА», 1989.

Васильева Н., Брагина Т. Хозяева и гости дворянских имений Крыма. М.: Глобус, 2002.

Век Екатерины II. Дела балканские / Под ред. В. Н. Виноградова. М.: Наука, 2000.

Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992.

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). М. – Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.

Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., в 18 томах. Петербург, 1911–1915.

Ганичев В. Н. Флотовождь. М.: Патриот, 1994.

Гельбиг Г. Русские избранники. Берлин, 1900.

Глебов П. Дунайская экспедиция. СПб., 1842.

Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955.

Гражуль В. С. Тайны галантного века (шпионаж при Петре I и Екатерине II). М.: ТОО «Гея», 1997.

Движения русских военных судов в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Димов В. А. Потемкин в жизни. М.: Издательский центр «Классика», 2002.

Доценко В. Д. Мифы и легенды Российского флота. М. – СПб.: ОЛМА-ПРЕСС – Издательский дом «Нева», 2000.

Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь, Бизнес-Информ, 1998.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Сост. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997.

Заичкин И., Почкаев И. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.

Золотарев В., Козлов И. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М.: Наука, 1988.

Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1997.

Изгнанный правды ради. Жизнь святителя Арсения (Мацеевича). М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

История военно-морского искусства / Под ред. С. Е. Захарова. М.: Воениздат, 1969.

История отечественного судостроения в пяти томах / Под ред. И. Д. Спасского. СПб.: Судостроение, 1994.

Калинин С. Е., Кожановский В. Ю. Скандинавские армии в наполеоновских войнах. М.: Рейтгарь, 2001.

Коковцев М. Г. Описание Архипелага. СПб., 1786.

Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992.

Кротков А. С. Военные действия русского флота в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Кротков А. С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1889.

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1 / Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988.

Лаврова Т. Черноморские проливы. Ростов-на-Дону, 1977.

Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993.

Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Кронпресс, 1999.

Маквардт К. Х. Рангоут, такелаж и паруса судов XVIII века. Л.: Судостроение, 1991.

Материалы для истории Русского флота. СПб. Ч. XII. 1888. Ч. XV. 1895.

Михайлов О. Суворов. М.: Молодая гвардия, 1973.

Морской атлас. Т. III. Описания к картам / Под ред. С. Г. Горшкова. М.: Издание Главного Штаба ВМФ, 1966.

Моруа А. Байрон. Минск: Вышэйшая школа, 1986.

Мыльников А. С. Легенда о русском принце. Л.: Наука, 1987.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Овчинников В. Д. Федор Ушаков. М.: Новатор, 1998.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2000.

Печникова Р. Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1990.

Под Андреевским флагом: Век XVIII / Сост. В. В. Шигин. М.: Патриот, 1994.

Полушкин Л. П. Братья Орловы. Легенда и быль. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: Международные отношения, 1995.

Пряхин Ю. Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2004.

Россия и черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / Под ред. Л. Н. Нежинского, А. В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

Ростунов И. Генералиссимус А. В. Суворов. М.: Воениздат, 1989.

Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В. Н. Алексеева. М.: Воениздат, 1976.

Русский библиографический словарь. СПб., 1910.

Скорилов Ю. А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат СПб., 1997.

Смирнов А. Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря. Стокгольм, 2002.

Снисаренко А. Б. Рыцари удачи. СПб.: Судостроение, 1991.

Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1994.

Советское военно-морское искусство / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военно-морское издательство ВМФ СССР, 1951.

Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль. Книга XIII, 1994. Книга XIV, 1994. Книга XV, 1995. Книга XVI, 1995.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М.: Международные отношения, 2002.

Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945.

Татищев С. С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.

Тунманн. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991.

Ушаков Ф. Ф. Документы. Том II / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военмориздат, 1952.

Фаддей Булгарин. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1968.

Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. М.: Наука, 2004.

Чернышев А. А. Российский парусный флот. Справочник в 2-х томах. М.: Воениздат, 1997.

Чичагов П. В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 2002.

Широкоград А. Б. Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Широкоград А. Б. Русско-турецкие войны. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000.

Широкоград А. Б. Русско-турецкие войны. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Широкоград А. Б. Северные войны России. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Широкоград А. Б. Тевтонский меч и русская броня (Русско-германское военное сотрудничество). М.: Вече, 2003.

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев – М.: Евролинц, 2003.

Юнга Е. С. Адмирал Спиридов. М.: Воениздат, 1957.

Яровицкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

Duron M., Rougerobn R. Encyclopedie des bateaux. Aire-sur-la-Lys: Edition de la Courtille, 1978.

Osmanli Bahriyesinin Mazisi. Istanbul, 1995.

Екатерина Великая

Г. Г. Орлов

Ф. Г. Орлов

А. Г. Орлов-Чесменский

Адмирал В. Я. Чичагов

Г. А. Потемкин-Таврический

Адмирал С. К. Грейг

Б. П. Шереметев. Неизвестный художник

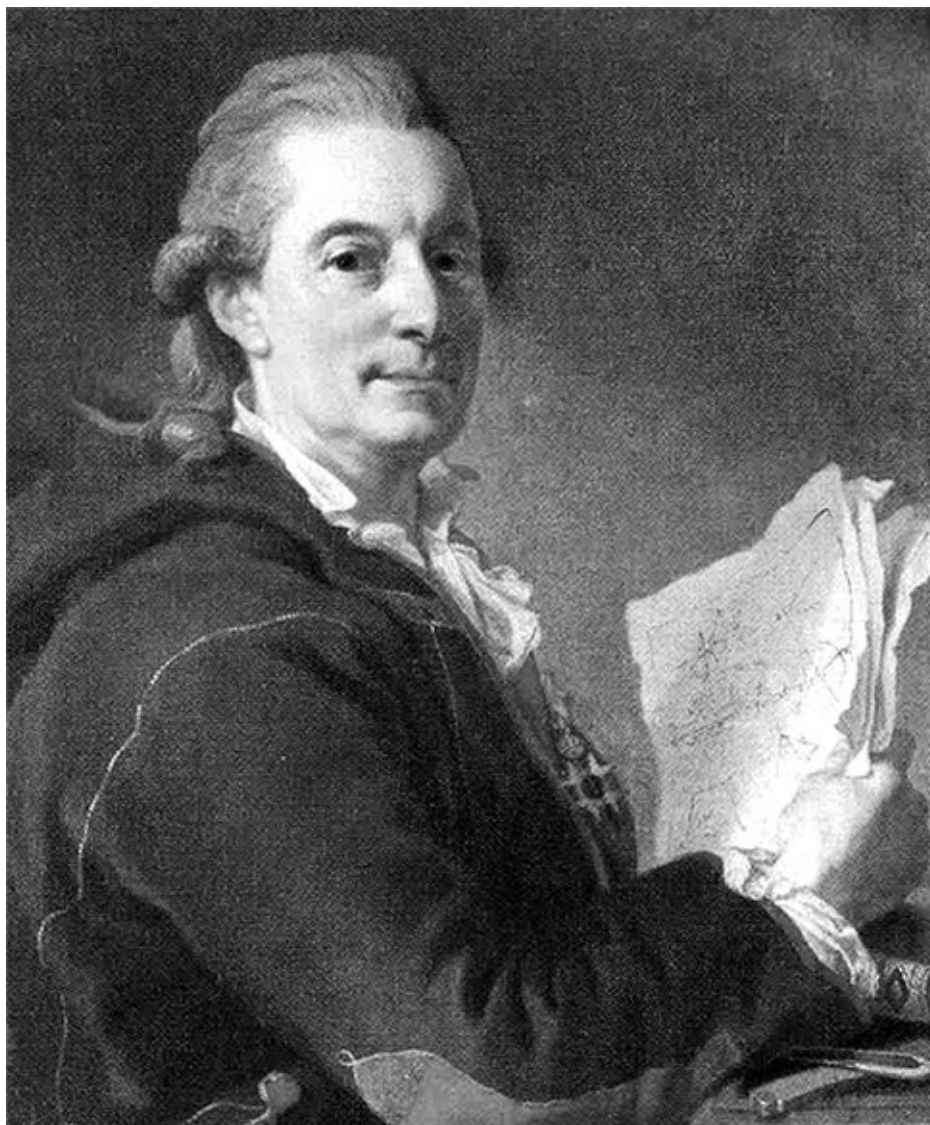
Капитан Поль Джонс

Король Густав III (Фуфлыга)

Ламбро Качиони

Шведский кораблестроитель Фредрик Хенрик Чапман

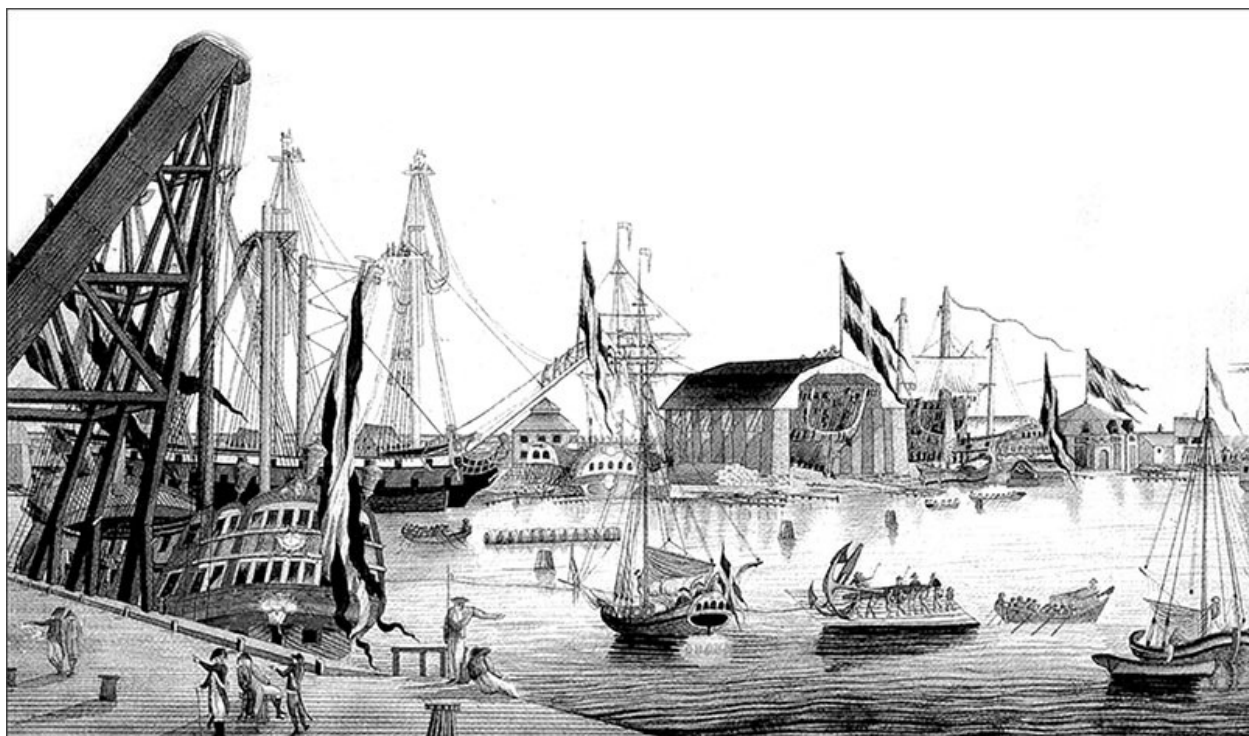
Капитан греческого корсарского судна

Кафа. Гравюра XVIII в.

Святой праведный воин Федор (адмирал Ф. Ф. Ушаков)

Верфь Карлскроны. Под краном слева стоит корабль «Хедвиг Элисабет Шарлотта»

Морской бой у о. Андрос. Музей Греческого исторического и этнологического общества в Афинах

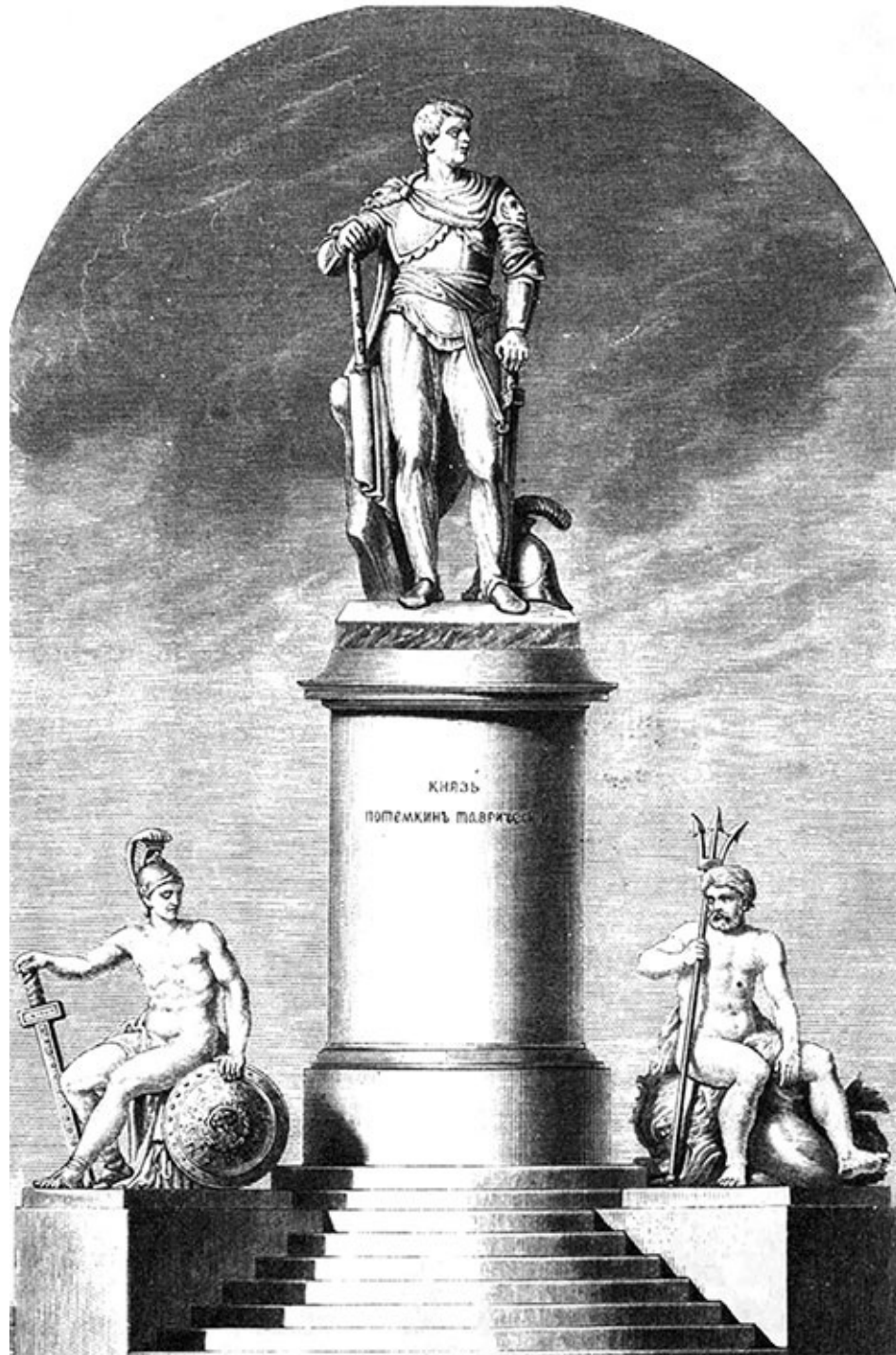
2-е Роченсальмское сражение. Изображение Юхана Д. Шульца – шведского участника битвы

Современный вид старой гавани на о. Парос, защищенной крепостью.

Подъем 32-фунтовой пушки с корабля «Хедвиг Элисабет Шарлотта»

Памятник Потемкину

notes

Примечания

1

Выдержка из «Всеподданнейшего мнения Коллегии иностранных дел от 3 февраля 1762 г.».

Подробнее см. *Широкопад А. Б. Северные войны России*. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Разумеется, братья и сестры императора стали принцами и принцессами императорской крови, но они не играли самостоятельной роли. В окружении же Наполеона не было ни одного корсиканца. Даже самого близкого друга Саличетти он отправил в Италию префектом полиции.

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 70.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 69.

Валишевский К. Роман императрицы. М.: Квадрат, 1994. С. 79.

Имелся в виду князь Адам Казимеж Чарторьский (1734–1823).

Конвокационный сейм определял процедуру избрания короля.

Карл (Кароль) Станислав Радзивилл (1735–1790), прозванный по его любимому присловью «Пане-Коханку». В 1768 г. примкнул к Барской конфедерации. После сдачи Несвижа эмигрировал за границу, но потом вернулся и был прощен Екатериной II.

Переяслав находился на территории Российской империи на левом берегу Днепра.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга XVI. 1995. С. 455–456.

Правда, часть денег ушла на замятие вопросов по Польше.

Рейс-эффенди – министр иностранных дел в Османской империи.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга XIV. С. 207.

Практически все пленные были не военнослужащими, а мирными жителями.

И эти пленные в подавляющем большинстве были мирными жителями.

Интересующихся я отправляю к моей книге «Тысячелетняя битва за Царьград».

Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг.
М. – Л-д: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 9.

Чичагов П. В. Записки. М.: Российский фонд культуры, студия «Тритэ»
Никиты Михалкова, «Российский архив», 2002. С. 138.

Фрегат – трехмачтовое парусное военное судно с полным парусным вооружением. Нес от 30 до 60 пушек на нижнем деке и верхней палубе. Принципиальной разницы между большими фрегатами и малыми кораблями не было. В ряде флотов мира, включая русский, встречались и гребные фрегаты. Основным двигателем их был парус, но при необходимости использовались и весла. Огневая мощь и мореходность гребных фрегатов были заметно хуже, чем у обычных фрегатов. Гребные фрегаты предназначались в основном для огневой поддержки гребных судов в прибрежных водах.

Торговый флаг – это современный государственный флаг Российской Федерации. В царствование Александра III его сделали государственным флагом России. Изображения же на обложках школьных учебников гренадеров 1812 г., идущих в бой под трехцветным флагом, являются фальшивкой продажных историков. Триколор в вооруженных силах впервые был использован в белой армии в 1919 г., а затем немцами во власовской армии.

Коковцев М. Г. Описание Архипелага. СПб., 1786.

Это ранг числа, фактически на нем могло стоять несколько меньше или несколько больше пушек.

Пинк – торговое судно, которое в Средиземном море часто называли барком. Пинк нес обычно 3 мачты с косыми, реже прямыми парусами. Характерное отличие – наклон крайних мачт в сторону носа (фок-мачта) и кормы (бизань-мачта).

Пакетбот – от английского «почтовое судно». Предназначено для посылной службы, перевозки почты и пассажиров. Для самообороны пакетботы имели до 16 пушек малого калибра.

Корабль – парусное военное судно, несло 3 мачты с прямыми парусами. Корабли с XVII до середины XIX в. являлись основной силой военно-морских флотов. Они вооружались от 50 до 100, а в XIX в. до 130 орудиями крупного и среднего калибра, которые располагались на одной-трех закрытых палубах (деках) и на открытой палубе. В русском флоте к началу царствования Екатерины II максимальный калибр был 36 фунтов (172 мм) для пушек и 1 пуд (196 мм) для единорогов. Минимальным калибром были 8- или 6-фунтовые пушки. Пушки меньших калибров и Кугорновы мортиры в счет не шли, их устанавливали в различных местах корабля по мере необходимости или переставляли шлюпки и барказы корабля. С середины XIX в. повелось кораблем называть любое крупное судно. А в начале XX в., после появления «Дредноута», броненосцы дредноутного типа и старые броненосцы были переклассифицированы в линейные корабли. К сожалению, наши малограмотные историки с середины XX в. стали применять термин «линейный корабль» к кораблям XVIII–XIX вв. Не пора ли нашим титулованным историкам начать уважать историю и русский язык! В русском языке есть частные и обобщающие понятия, включающие в себя совокупность частных. Так, дуб, сосна и береза обозначают конкретные породы деревьев, а их совокупность называется деревьями. А нашим историкам до лампочки разница между карронадой, пушкой и мортирой, и вместо того, чтобы применить к их совокупности общее понятие «орудие» или «артиллерийское орудие», они всех их записывают в пушки. Точно так же шебеки, бриги и галеры в XVIII в. – это не корабли, а их совокупность в русском языке обозначается четко и ясно – суда. В крайнем случае в книгах для младшего и среднего школьного возраста можно указывать это в примечаниях.

Он же в разных документах – Витило или Витула.

Галера – одно из древнейших гребных судов Средиземного моря. Главное назначение галеры – ведение боевых действий. Кроме того, галеры использовались в качестве посыльных судов и для перевозки начальства – венецианских дождей, Екатерины Великой и т. д. Длина средиземноморских галер в конце XVIII в. составляла от 50 до 60 м. Они несли 28–30 пар весел и 2 мачты с «латинскими» парусами. От 1 до 3 тяжелых пушек находилось на носу галеры. Кроме того, до 20 одно-трехфунтовых пушек и фальконетов могло размещаться в вертлюжных установках на носу, корме и по бортам. Полугалера – галера меньшего размера (менее 15 банок).

Полакра (полака) – особый средиземноморский тип трехмачтовых судов, использовались в основном как торговые суда, но при необходимости переоборудовались в боевые. Парусное вооружение их варьировало довольно широко, встречались и «латинские», и прямые паруса.

С. К. Грейг родился в 1736 г. в Шотландии. С разрешения британского правительства в 1764 г. лейтенант Грейг поступил на русскую службу и сразу получил чин капитана 1-го ранга, но с условием проплавать год на русских кораблях стажером.

Ганнибал Иван Абрамович, сын знаменитого «арапа Петра Великого», приходился двоюродным дедом А. С. Пушкину. В 1772 г. он был произведен в генерал-майоры. В 1778 г. послан на Днепр для строительства Херсона. Умер в 1801 г. в звании генерал-аншефа.

Шебека – парусно-гребное судно, обычно трехмачтовое, причем основным двигателем был парус. Число пар весел колебалось от 8 до 12. Использовалось как торговое и военное судно. Особо любили шебеки алжирские и египетские пираты. Причем пираты, если ветер был легкий и дул с кормовых направлений, то на фок- и грот-мачтах ставили реи со сравнительно широкими прямыми парусами. Если ветер начинал дуть сбоку и прямые паруса не были достаточно эффективны, то пираты быстро снимали прямые паруса и их реи, а вместо них поднимали косые «латинские» паруса. В отличие от галер шебеки несли артиллерию среднего калибра по бортам: 12–30 орудий. Орудийные порты располагались на одном уровне с отверстиями для весел. При стрельбе гребля была невозможна.

Полушкин Л. П. Братья Орловы. Легенда и быль. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. С. 207.

Ныне турецкий город Измир.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915.

Доценко В. Д. Мифы и легенды Российского флота. М. – СПб: ОЛМА-ПРЕСС – Издательский дом «Нева», 2000.

Современный греческий остров Наксос.

Варварийские пираты – пираты, суда которых базировались на Марокко, Алжир, Тунис и Триполитанию.

Бриг – небольшое судно с двумя мачтами: грот– и фок-мачтами, на котором на грота-рее не было грота, а нижняя часть грот-мачты вооружена как бизань-мачта. Бриги использовались как торговые и военные суда. На военных бригах имелись весла, которые придавали ему очень малый ход, но давали возможность уйти в штиль от неприятеля, как это сделал знаменитый бриг «Меркурий».

Чернышев А. А. Российский парусный флот. Справочник в 2 томах. М.: Воениздат, 1997. Т. 1. С. 274.

В различных источниках Алексиано называют по-разному: Панакотти, Понеотти, Папооти.

Фелюка (фелюга) – небольшое парусно-гребное судно. Обычно торговое, но встречались и вооруженные фелюки. Нос и корма фелюки были заострены, она не несла пушек и не имела характерного штевня галеры. На фелюке было 2 мачты: грот-мачта, стоящая вертикально посередине судна, и фок-мачта, смещенная очень близко к носу и наклоненная вперед. Бушприт короткий.

Под таким именем проходил он в официальных документах, подлинное имя его самого и его отца неизвестны.

В некоторых документах Мадзини.

Обычно императрица выражалась ясно и четко.

Юнга Е. С. Адмирал Спиридов. М.: Воениздат, 1957.

Румелийские берега – европейские берега Проливов.

Современное название – Тассос.

Всего под Андреевским флагом на май 1772 г. плавало 22 фрегата, включая корсарские: «Надежда Благополучия», «Надежда», «Африка», «Минерва», «Св. Николай», «Наксия», «Помощный», «Слава», «Парос», «Григорий», «Тино», «Архипелаг», «Делос», «Св. Павел», «Победа», «Констанция», «Запасный», «Андро», «Мило», «Микого», «Зея» и «Витория».

Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 г.). М. – Л-д: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. С. 101.

Чичагов П. В. Записки. С. 140.

Чичагов П. В. Записки. С. 146–147.

Чичагов П. В. Записки. С. 147.

Название эскадры происходит от названия черногорского порта Дульциньо (современное название Улцинь).

Иван Войнович сменил 5 октября 1771 г. грека Поникути, бывшего первым капитаном «Св. Николая».

Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В. Н. Алексеева. М.: Воениздат, 1976. С. 45.

Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг.
С. 87.

ЦГАВМФ, ф. Шканечные журналы, корабль «Граф Орлов», № 114, 1772.

61

Современное название Думьят, в 45 км северо-западнее современного Порт-Саида.

Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 129–130.

Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг.
С. 93.

Тартана – небольшое прибрежное судно, распространенное в Средиземном и Черном морях. Обычно длина около 20 м, но изредка встречались и большие тартаны. Одна мачта и короткий бушприт. Паруса чаще «латинские», но встречались и прямые. Тартана – торговое судно, но вооруженные тартаны имелись в турецком и неаполитанском флотах. Также тартаны широко использовались пиратами.

Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 132–133.

Вообще-то «Соломбала» – 22-пушечный пинк (длина 36,6 м, ширина 9,5 м, осадка 3,8 м), пришедший вместе с эскадрой Спиридова. Но в отчете о сражении, данном 15 августа 1773 г. Елмановым Спиридову, он числился фрегатом.

Андрей Васильевич Елманов на службе с 1738 г. В ходе Семилетней войны последовательно командовал кораблями «Шлиссельбург», «Полтава», «Рафаил». В 1764–1768 гг. был главным командиром Казанского Адмиралтейства. В 1769 г. произведен в контр-адмиралы. Шел вместе с эскадрой Спиридова, имея флаг на корабле «Северный Орел», но по случаю повреждения корабля вернулся в Портсмут. В феврале 1770 г. на корабле «Европа» вышел из Портсмута в Архипелаг. В Чесменском сражении не участвовал, т. к. находился в это время на фрегате «Надежда Благополучия» на о. Менорка, откуда вернулся только в январе 1771 г. В 1773 г. произведен в вице-адмиралы и вступил в командование всем архипелагским флотом вместо уволенного по болезни Спиридова. По возвращении в Россию награжден орденом Александра Невского и назначен командиром Ревельского порта. Умер в 1778 г.

Русские называли греков албанцами, поэтому в так называемых «албанских» войсках греков было куда больше, чем настоящих албанцев.

В настоящее время турецкий город Бодрум.

Брадскугели, карказы – зажигательные снаряды. Разница в том, что карказ состоял из холщового мешка, наполовину заполненного порохом, а наполовину – зажигательным веществом. Мешок вкладывался в железную чашку (поддон) и скреплялся крестообразными железными полосами. Брандскугель – сферическая чугунная бомба, снаряженная зажигательным составом.

«Истоки». № 1 (34). 1995.

Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

Здесь не указан четвертый погибший корабль – «Святослав» (А.Ш.).

Галиот – гребное судно, имевшее от 17 до 23 банок, одно-, двухмачтовое, от галеры отличается отсутствием возвышенного бака.

Иногда его называли Ат-Яр и Ак-Яр (в переводе с татарского «Белый утес»).

Век Екатерины II. Дела балканские / Под ред. В. Н. Виноградова. М.: Наука, 2000. С. 215.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. III, вып. 7. М., 1992. С. 100.

Канев тогда был еще польским городом, Днепр был формальной границей России и Польши.

Первоначально эти галеры назывались «для лошадей», но уже в 20-х гг. XVIII в. появился термин «конные галеры».

Куршейная пушка располагалась по диаметральной плоскости в носовой части. Она была самым крупным орудием на судне.

Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1997. С. 185.

Карл Зюдерманландский, младший брат короля Густава III, в годы войны имел чин генерал-адмирала и командовал корабельным флотом.

Из письма Екатерины II Г. А. Потемкину от 19 июня 1788 г.

Ластовые суда – малые грузовые суда.

Ранг судна / фактически орудий.

Не путать с его братом Виллимом.

Галс – курс судна относительно ветра. Правый галс – ветер дует с правой стороны.

Оверштаг – поворот парусного судна на другой галс носом против встречного ветра.

Фордевинд – поворот парусного судна носом по ветру или курс парусного судна, совпадающий с направлением ветра.

Смирнов А. Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря. Стокгольм, 2002. С. 161.

Цит. по *Чичагов П. В.* Записки. С. 200.

Цит. по *Чичагов П. В.* Записки. С. 200–201.

Цит. по *Чичагов П. В.* Записки. С. 201.

Цит. по *Чичагов П. В.* Записки. С. 202.

Название «Сисой Великий» этот корабль получил лишь после Гогландского сражения, а пока именовался корабль № 9.

С 1380 по 1841 г. Норвегия была частью Датского королевства.

Чичагов П. В. Записки. С. 223.

На батареях Гангута шведы установили 50 орудий, среди которых были и мортиры. Батареи располагались на островах Эльдшере и Лерхольме так, чтобы прикрывать проход шхерных судов от Або к Поркалауду, Свеаборгу и обратно.

Чичагов П. В. Записки. С. 247.

Данные Ф. Ф. Веселаго. По донесению же адмирала Чичагова у шведов было 20 кораблей и 11 фрегатов. Причем два фрегата были двухдечными. Кроме того, было шесть одно– и двухмачтовых катеров.

Чичагов П. В. Записки. С. 316, 317.

Чичагов П. В. Записки. С. 330.

Чичагов П. В. Записки. Там же. С. 348.

Чичагов П. В. Записки. Там же. С. 348.

Офицер британского флота Джеймс Треневен был принят на русскую службу в 1787 г. с чином капитан-лейтенант. К августу 1789 г. он дослужился до капитана 1-го ранга. В русских официальных бумагах именовался Яковом Ивановичем.

Джордж Тет (1749–1821) – офицер британского флота, принят на русскую службу в 1770 г., участвовал в Чесменском сражении. В 1790 г. командовал кораблем «Кир Иоанн». В 1793 г. получил чин контр-адмирала, а в 1798 г. – вице-адмирала.

Поставить на шпринт – поставить на якорях судно так, чтобы оно могло вести огонь бортом.

Чичагов П. В. Записки. С. 419.

Слизов Петр Борисович (1736–1796) во время Семилетней войны участвовал в десанте под Кольбергом. Во время Архипелажной экспедиции участвовал в сражении при Чесме (1770). Чин бригадира и орден Святого Георгия 4-го класса получил за 1-е Роченсальмское сражение.

Чичагов П. В. Записки. С. 437.

Деннисон Франц Иванович – английский моряк, принят на русскую службу 25 июня 1771 г. в чине мичмана и почти сразу произведен в лейтенанты. В 1772–1774 гг. служил в Черноморском флоте, с 1775 г. – в Балтийском флоте. 22 июня 1790 г. скончался от ран, полученных в Выборгском сражении.

В кильватерном строю корабли идут на некотором расстоянии один за другим в струе, оставляемой впереди идущим кораблем. В строю пеленга корабли идут одним курсом, удерживаясь от головного корабля на заданном пеленге (угле).

Чичагов П. В. Записки. С. 459–460.

Цит. по: *Чичагов П. В.* Записки. С. 487.

Русская эпиграмма / Сост. В. Васильева. М.: Художественная литература, 1990. С. 149.

Чичагов П. В. Записки. С. 503.

Чичагов П. В. Записки. С. 499.

В ряде документов, в том числе и в «Записках» Чичагова, эти полушебеки названы шхунами.

Чичагов П. В. Записки. С. 511, 512.

Чичагов П. В. Записки. С. 517–519.

Цит. по: *Смирнов А.* Рассказы затонувших кораблей. С. 167.

Фрегат «Скорый», до 18 мая 1783 г. № 16, с 1788 г. «Федот Мученик». Построен в 1782–1783 гг. на р. Дон на Гнилотакской верфи. Длина 45,8 м, ширина 12 м, осадка 3,3 м. 44 пушки (28 – 12-фн, 12 – 6-фн, 4 – 3-фн).

Бот «Битюг» построен в 1773 г. на р. Дон на Новопавловской верфи. Длина 20,1 м, ширина 5 м, осадка 2,3 м. 12 пушек. В 1778 г. переделан в Лимане в бомбардирский корабль «Спиридон Трилифийский» и вооружен двумя 3-пуд. гаубицами и четырьмя 18-фн пушками.

Галера «Десна» (№ 3) – одна из 7 галер, построенных в 1785–1786 гг. в Киеве специально для путешествия Екатерины II в Новороссию. Длина 27,5 м, ширина 5,3 м, осадка 1 м. 10 банок (т. е. 20 весел). В апреле – мае 1787 г. была столовой императрицы.

Канонерские лодки Черноморского флота – гребные суда, вооруженные 2 или 3 пушками большого калибра. Парусное вооружение состояло из 2 съемных мачт с прямоугольными люгерными парусами.

Англичанин Вениамин (Бенжамин) Тиздель был принят в русскую службу в 1771 г. лейтенантом. Воевал в Архипелаге. С 1785 г. капитан 1-го ранга. Умер в 1799 г.

Чичагов П. В. Записки. С. 270.

Дубель-шлюпка – в переводе с немецкого «двойная шлюпка». Небольшие военные парусно-гребные суда, предназначенные для действия в прибрежных водах. Впервые в русском флоте появились во время войны с Турцией 1735–1739 гг. Тогда они представляли собой большие баркасы. Во времена Екатерины Великой их размеры возросли до 23 м, появилась палуба, вооружение составляло 2 пушки или единорога крупного калибра и до 10 пушек и фальконетов малого калибра.

Карл-Генрих-Николай-Отто Остен-Сакен.

Размеры турецких галер обычно были гораздо больше, чем у дубель-шлюпки № 2, а скорость хода в основном зависела от качества и степени усталости гребцов. (Прим. А.Ш.).

Шлюп – парусное военное (реже торговое) судно, использовавшееся для посыльной и дозорной службы. Могло нести от одной до трех мачт. Паруса почти всегда прямые. В Атлантике встречались пиратские шлюпы.

По приказу Екатерины Запорожская Сечь 5 июня 1775 г. была разгромлена войсками генерала Текелли. Значительная часть казаков ушла к туркам. С началом новой войны с турками в официальных русских документах запорожцы, сражавшиеся на стороне турок, назвались «неверными», а на стороне русских – «верными».

Флейт – торговое двух-трехмачтовое парусное судно. В военных флотах флейты использовались как транспортные суда, предназначенные для перевозки военных грузов. Для самообороны вооружались 2—12 небольшими пушками.

Бригантина – торговое или военное парусно-гребное судно. Парусное вооружение близко к бригу. Некоторые западные авторы (например, К. Х. Марквардт) не видят разницы между бригом и бригантиной. Иногда бригантину называли шхуно-бригом (шкуно-бригом). Основной движитель – парус. Весла использовались редко. Тем не менее бригантины имели от 8 до 16 банок (пар весел). Заносить же бригантину в категорию гребных судов, как делают некие наши «мэтры», безграмотно. На вооружении бригантины имели до 20 пушек малого калибра.

Исаев Иван Иванович (1748–1810) – донской казак, походный атаман с чином армейского подполковника. Отличился в Кинбурнском сражении. Впоследствии генерал-майор.

Так в «Материалах...», должно быть «2 часа».

Адмирал Ушаков. Том I / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.:
Военмориздат, 1951. С. 67–68.

Адмирал Ушаков. Том I / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.:
Военмориздат, 1951. С. 61–62.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 123.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 69.

Помета Ушакова на этом письме Войновича адресована князю Потемкину, которому одновременно с письмом от 11 июля были представлены и письма Войновича, присланные им за время похода и встречи с турецким флотом.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 60.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 69.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 71.

Брикнер А. История Екатерины Второй. Ч. 3. СПб., 1885. С. 434.

Так в документах, но, по-моему, судно пришло где-то в конце апреля.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 93–95.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 84.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 85.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 85.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Сост. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997. С. 367.

Новый корабль, не путать с «Марией Магдалиной», захваченной турками.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 199.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 208.

Названия греческих каперских судов, участвовавших в сражении у Керчи: «Феник», «Абельтаж», «Панагия Дусено», «Карло Константин», «Принцесса Елена», «Климент папа Римский», «Панагия Апотомегано», «Св. Николай», «Св. Александр», «Слава», «Св. Георгий», «Красноселье», «Панагия Попанди», «Панагия Турляни».

Адмирал Ушаков. Том I. С. 220.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 254.

Овчинников В. Д. Федор Ушаков. М.: Новатор, 1998. С. 170.

В документе, видимо, опечатка, надо читать 17 августа.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 275.

Корабли: 80-пушечный «Рождество Христово», 66-пушечные «Мария Магдалена», «Владимир», «Св. Павел», «Преображение». Фрегаты: 50-пушечные «Георгий», «Александр», «Андрей»; 46-пушечные «Петр Апостол», «Иоанн Богослов»; 40-пушечные «Покров Борогодицы», «Иоанн Воинственник», «Иероним», «Нестор Преподобный», «Амвросий Медиоланский», «Кирилл Белозерский». Всего на 38 русских судах находилось 7696 «морских служителей».

Овчинников В. Д. Федор Ушаков. С. 174.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 336.

Адмирал Ушаков. Том I. С. 316.

АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 184.

Лансон – средиземноморское и черноморское одно-двухмачтовое парусно-гребное судно. Использовались в основном в коммерческих целях, в военных флотах применялись для перевозки грузов и войск. В редких случаях вооружались небольшими пушками для самообороны и совсем редко использовались в качестве бомбардирских судов, для чего на лансоне устанавливали одну-две мортиры.

Из документов неясно, были ли они русскими матросами или мобилизованными для этой цели мужиками, а может, даже пленными шведами, несколько сотен которых использовалось на Черном море на гребных судах.

В некоторых документах «Константин» числился бригантиной. Это бывший французский купеческий корабль, вооруженный в 1788 г. в Лимане. Вооружение: две 3-пудовые мортиры, две гаубицы и четыре пушки.

Данные по трофеям взяты из «Военной энциклопедии», т. X, с. 575.

170

Бомбарда – гребное судно, вооруженное мортирами.

Адмирал Ушаков. Т. I. С. 477.

Овчинников В. Д. Федор Ушаков. С. 190.

174

Приблизительно в 85 км южнее мыса Калиакрия.

АВПРИ. Ф. 70. Оп. 5. Д. 218.

Рапорт контр-адмирала Ушакова князю Потемкину, 5 августа 1791 г.
Материалы по истории Русского флота. СПб., 1895. Ч. XV. С. 403–404.

Ганичев В. Н. Флотовождь. М.: Патриот, 1994. С. 190.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков. С. 173.

Адмирал Ушаков. Т. I. С. 548.

Панагия – по-гречески Богородица.

Под этим именем он вошел в историю, но по-гречески его имя звучит Ламброс Кацонис (1752–1805).

Под турками я подразумеваю всех жителей Оттоманской империи.

Название установить не удалось.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Мелекса – небольшое грузовое судно.

Заведенный с кормы канат, прикрепленный к цепи якоря. С помощью шпринта корабль может оставаться обращенным в желаемую сторону.

По данным *Веникеева Е. В., Артеменко Л. Т.* Пенители Понта. Пиратство в Черном море. Симферополь: Таврия, 1992. С. 151.

Репетичное судно – судно, предназначенное для ретрансляции флажных или световых сигналов между судами эскадры. А вообще говоря, «Полоцк» был греческим корсарским судом, вооруженным четырнадцатью 6-фунтовыми пушками.

Надо сказать, 40-пушечные фрегаты до 1788 г. носили более произносимые и понятные названия: «Двенадцатый», «Перун», «Таганрог» и «Фанагория».

В своих донесениях Ушаков так и писал: корсары, корсарские суда и т. д.

Кирлангич – в переводе с турецкого «ласточка». Турецкое небольшое (длиной 20–25 м) парусно-гребное судно, несло одну-две мачты, паруса обычно косые.

Адмирал Ушаков. Том I / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.:
Военмориздат, 1951. С. 166.

Адмирал Ушаков. Том I / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.:
Военмориздат, 1951. С. 167.

Судя по всему, Федору Федоровичу корабли и фрегаты померещились, их там и быть не могло.

Овчинников В. Д. Федор Ушаков. С. 165.

Ливорно, как и Флоренция, были владениями герцога Тосканского, смотревшего сквозь пальцы на пребывание русских военных на своей территории.

РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 511.

Обратим внимание на знание политеса пиратом. На Черном море у него было крейсерское судно «Князь Потемкин Таврический», а на Средиземном – «Минерва Севера», названное в честь Екатерины Великой. Вообще-то Минерва – римская богиня мудрости. Французские философы льстиво называли Минервой Севера Екатерину, а она отвечала деньгами и роскошными шубами.

РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 70.

И, разумеется, ближайших к Дарданеллам портов.

201

С 1924 г. – Кировоград.

Одновременно Гибс был и генерал-майором.

Так в документе, вместо звания – национальность, прямо как у Жириновского: мама – русская, а папа – юрист.

РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 63.

Клефты – греческие разбойники (повстанцы), воевавшие против турок. Обычно они действовали в горах.

То есть греков, принявших российское подданство.

Сейчас греки называют мыс Матапан мысом Тенорон.

В русских документах греческие имена постоянно искажаются, и у меня сильное подозрение, что Джанетос Григоракис не кто иной, как уже знакомый нам Дмитрий Григораки, капитан русской армии!

Ушаков Ф. Ф. Документы / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военмориздат, 1952. Т. II. С. 489.

Моруа А. Байрон. Минск: Вышэйшая школа, 1986. С. 176.

Байрон Джордж Гордон. Избранное. М.: Правда, 1985. С. 315, 355.

Фаддей Булгарин. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 348.

Единственное исключение представляет Николай Николаевич Обручев (1830–1904), генерал от инфантерии и профессор Академии Генерального штаба. В секретной записке на Высочайшее имя Обручев писал: «Вел войны с гениальным сознанием Петр Великий, вела их с великим разумом и Екатерина II, – но зачем мы ходили в 1799 году с Суворовым в Шейцарию? Зачем дрались в 1805 году под Аустерлицем, а в 1806–1807 годах под Прейсиш-Эйлау и Фридландом; зачем, отбившись от Наполеона, ходили в 1813–1814 годах освобождать немцев под Лейпциг и Париж...» Замечу, это тот самый Обручев, который в январе 1878 г., грубо нарушив субординацию, умолял Александра II занять Босфор, за что был отстранен от командования великим князем Николаем Николаевичем.

Цит. по: *Димов В. А.* Потемкин в жизни. М.: Издательский центр «Классика», 2002. С. 35.

Автор, дабы не загружать излишней информацией читателя-неспециалиста, приводит лишь устоявшиеся названия эсминцев.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). С. 389–391, 394.